АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МУХАММЕД ЮСУФ МУНШИ

МУКИМ-ХАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с таджикского, предисловие,
примечания и указатели
профессора А. А. СЕМЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение Мухаммеда Юсуф мунши «Муким-ханская история» (Тарих-и Муким-хани), посвященное самостоятельному балхскому правителю Мухаммеду Муким-хану (1114/1702—1119/1707), излагает историю бухарских ханов из династии Аштарханидов (или Джанидов). Основное внимание уделяется событиям, происходившим в Балхе и его областях, поскольку наследники бухарских ханов обычно назначались в Балх наместниками или правителями и с этого поста потом принимали бразды правления Бухарой. Изложению истории Аштарханидов предшествует краткий очерк истории Средней Азии от завоеваний Чингиз-хана, чтобы показать преемственную и родственную связь Аштарханидов с монгольским завоевателем.

История эта, составленная, повидимому, в начале XVIII в. и хорошо известная в Средней Азии по многочисленным спискам, получила популярность, кажется, лишь с начала прошлого столетия. По крайней мере, все виденные мной и известные мне списки этого труда относятся к XIX в.[1] Можно полагать, что эта история по каким-то причинам стала известна гораздо позже, чем она была составлена.

---

[1] Рукопись, хранящаяся в библиотеке The Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland (Королевского Азиатского Общества Великобритании и Ирландии), датирована 1246/1830 г. (см. W. H. Morley, A Descriptive Catalogue of the Historical MSS. London, 1854, pp. 152—153). Список, находившийся в библиотеке Учебного отдела при Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел России, датирован 1227/1812 г. (См. V. Rosen, Les Manuscripts persans de l'Institute de la langues orientales, St. Petersb, 1886, p. 140, № 18)). Списки, находившиеся в Государственной публичной библиотеке УзССР, в ее старом фонде, датированы 1236/1820—1821 г. и 1249/1833—1834 гг. Все прочие списки ташкентских собраний (о них см. ниже) также относятся к XIX в.

К началу XIX в. относится и появление «Тарих-и Муким-хани» в Европе. Русский посол А. Ф. Негри, посетивший Бухару в 1820—1821 гг., получил в подарок от эмира рукопись «Муким-ханской истории» и привез ее в Петербург. Английский посол в Бухаре А. Бернс в 1832 г. привез в Англию список этого труда, поступивший затем в библиотеку «Королевского Азиатского Общества Великобритании и Ирландии».

Впервые «Муким-ханская история» стала известна европейским ученым на основании списка, полученного Негри. В 1824 г. известный ориенталист профессор Петербургского университета И. И. Сенковский опубликовал с учебными целями извлечение из этой истории (24 стр.) с обширным (132 стр.) введением на французском языке[1].

По словам В. В. Бартольда, это сочинение в публикации проф. Сенковского «долгое время оставалось для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства»[2].

Подробное изложение содержания «Тарих-и Муким-хани» дал Морли (Morley) в его вышеупомянутом описании рукописей Азиатского Общества. О ней говорится также в статье немецкого ориенталиста Ф. Тейфеля[3].

Венгерский ориенталист А. Вамбери, посетивший Среднюю Азию (под видом турецкого дервиша) в 60-х годах XIX в., широко использовал бернсовский список для своей «Истории Бухары или Трансоксании», вышедшей в 1872 г. на немецком языке, а в начале 1873 г. — на английском[4]. Отдельные места из этого труда были переведены на русский язык Н. Г. Маллицким и автором настоящего предисловия[5].

---

[1] Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols etc...par M. Senkowski, приложение к „Объявлению публичного преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском Университете на сей 1824 год", СПб, 1824. См. также Melanges Asiatique за 1824 г.

[2] Бартольд В., История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 255.

[3] F. Teufel, Quellenstudien zur neueren Geschichte Châna'e, Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, 2—3 Heft, 1884, SS. 235, 240. См. также Melanges Asiatique, III, pp. 259—260, 473.

[4] Перевод на русский язык А. И. Павловского, т. I, СПб., 1873, Рецензия (далеко, впрочем, не беспристрастная) проф. В. В. Григорьева, Журнал Министерства Народного просвещения, 1873, Отд. оттиск, стр. 105—137.

[5] Маллицкий Н. Г., Разгром Ташкента Имам-Кули-ханом бухарским в 1613 г. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии. Год 5, Ташкент, 1900, стр. 140—145; Семенов А., Происхождение Чингиз-хана и его завоевания, Туркестанские Ведомости, 1907, № 15—16.

Автор этого труда—Мухаммед Юсуф мунши б. Ходжа Бака, как видно из содержания его истории, был чиновником канцелярии при балхском наместнике (термин мунши, прилагаемый к его имени, обозначал секретаря, ведущего переписку потентата страны). Судя по упоминанию им того факта, что он посылался в качестве дипломатического чиновника в Индию, ко двору Великих Моголов (дата им не приводится), можно полагать, что он был человеком способным и умевшим держаться в придворных кругах. О начитанности и образованности его свидетельствует написанная им история. Трудно сказать, был ли он уроженцем Балха или пришлым туда человеком.

Автор написал настоящую историю в той льстивой и угодливой манере, которая характерна для всех придворных феодальных историографов.

Картины произвола и тирании ханов и их ставленников вместе с яркими характеристиками их порой приобретают у нашего автора зловещий характер, и становятся понятными расправы с угнетателями недовольных ими людей, хотя автор и осуждает такие «злодейства». Мы находим, например, у него указание на то, что последний Шейбанид, Абдул-Му'мин-хан (уб. в 1598 г.), восстанавливая стены Балха, замуровывал рабочих живыми в стенах, если ему казалось, что они ленились. «И теперь еще,—прибавляет автор,—видны в стенах человеческие скелеты». А балхский наместник Шах-бек кукельташ, ставленник бухарского Вали-Мухаммед-хана, за малейшие преступления подвергал своих подданных чудовищным по жестокости казням. По его приказанию у провинившихся отрывали головы, привязывая их к быкам, варили людей живыми в котле с кипящим маслом или клали на большую железную машину, вроде той, что употреблялась для чесания хлопка, и терзали их тела, пока они не умирали.

Зависть и недоброжелательство между членами правящей династии, переходившие часто в смертельную вражду, сопровождались всевозможными злодеяниями и аморальными поступками детей по отношению к отцам, отцов к детям и братьев к братьям, чего автор никак не может скрыть даже под завесой вычурных выражений и льстивой беспристрастности.

С другой стороны, у Мухаммед-Юсуфа мы находим ценные сведения о расселении узбекских племен и о степени насыщенности военно-административного аппарата Аштарханидов узбеками. Он точно отмечает, где

жили те или иные узбекские племена в XVII в., какие районы были ими заняты в виде своего рода ленов; при упоминании имен чиновных лиц он всегда дает название того узбекского рода или племени, к которому они принадлежали. Многое из этого могло бы послужить основными вехами для составления историко-этнографической карты Средней Азии XVII в., отражающей расселение и миграции узбекских племен.

Мухаммед-Юсуф упоминает о влиятельных ишанах, руководителях дервишских орденов, этих «некоронованных ханах», которые жили в XVII в. (столь мало изученном в этом отношении). Лишь у него мы находим интересные сведения о знаменитых каллиграфах и выдающихся поэтах того периода, что позволяет отнести написанный им труд к числу важных первоисточников по истории среднеазиатской литературы, эпиграфике архитектурных памятников и украшению художественных рукописей. Встречающиеся у него указания о том, какие общественные здания кем и где построены, отремонтированы или заново перестроены,— весьма ценны для археологов и историков искусства. Приводимые в разных местах книги сведения о политических, культурных и торговых взаимоотношениях с соседними государствами (Ираном, Индией Великих Моголов), отдельные картины тогдашней дворцовой жизни и прочие детали, подчас в немногих словах освещающие интересные моменты различных исторических, бытовых и социальных взаимоотношений того времени,—все это делает настоящий памятник, несмотря на присущие ему недостатки, исключительно важным документом по истории Средней Азии.

Чтобы представить себе при чтении этого труда его неразрывную связь с описываемой эпохой и той обстановкой, в которой он создавался, мы позволим себе кратко охарактеризовать основные черты Аштарханидского государства, исходя главным образом из данных труда Мухаммед-Юсуфа. Если его сведения в этом отношении будут схематичными и общими, их все же можно сгруппировать и представить по ним следующую картину состояния владений Аштарханидов.

В территориальном отношении они включали значительную часть бывшего государства Тимуридов; столицей государства была Бухара. Аштарханидам принадлежала на юго-западе обширная Балхская провинция с входившими в нее округами Кундуза, Джузгуна (Файзабада), Шибиргана и другими современными районами Северного Афганистана, составляющими ныне обширную афганскую провинцию Каттаган. Распо-

ложенный по соседству Бадахшан, повидимому, также находился в зависимости от Бухары, поскольку наш источник упоминает, что бадахшанскими копями (рубиновыми и ляпис-лазури) ведали бухарские чиновники, и на этой почве возникла распря между правителем Бадахшана и Бухарой. Округа Термеза, Куляба и Кабадиана, лежавшие по правую сторону Аму-Дарьи, также входили в состав Балхской провинции. Гиссар, видимо, считался особой областью; области, лежащие на восток от Гиссара и Бадахшана, т. е. современный Дарваз, припамирские области и Памир, повидимому, не принадлежали Аштарханидам. Фергана входила в состав их владений до города Узгенда включительно, потому что известна жалованная грамота (инаят-нама) Имам-кули-хана (1611—1642), с его печатью от 1047/1637—1638 гг., о закреплении за потомками сейида Бурхануддин-Клыча (чей мазар находится в Узгенде) ряда арыков с прилежащими к ним землями[1]. На севере владения Аштарханидов, повидимому, захватывали Сайрам с долиной Таласа и г. Туркестан, поскольку эти места в половине XVI в. были закреплены за узбеками, находившимися под властью Шейбанидов[2]. На запад от Бухары граница соприкасалась с владениями хивинских ханов, но как именно она проходила, в точности неизвестно. На юге прочно удерживалась Аштарханидами область Чахар-джуй (Чарджуй, современный Чарджоу)—до пределов Мервского района.

Во главе государства стоял хан; он был крупнейшим феодалом страны. Путем жесточайшей феодальной эксплуатации трудящихся масс крестьян и ремесленников ханы накапливали огромные богатства. По свидетельству источника, самый богатый из Аштарханидов, Надир-Мухаммед-хан, имел «под вьюками 600 катаров верблюдов (в среднем 30 тыс. голов.—*А. С.*); на его конюшне стояло 8000 прекрасных лошадей, не считая тех, что ходили в табунах; число его серых каракульских овец (самых ценных.— *А. С.*) достигало 80 000 голов, помимо разного другого скота. Известно также, что в (кладовых) его дворца имелось 400 сундуков, наполненных франкским оранжевым бархатом. По этому имуществу можно судить и о другом его богатстве». Этих богатств, оче-

---

[1] Эта грамота находится в деле поземельно-податного отдела Ферганского областного правления № 96/1870 г., по современной описи Центрального архивного управления Узбекистана—№ 161, л. 18.

[2] См. Сирадж ас-саликин (Светильник путников мистического пути), сост. Убайдулла Накшбанд-и Самарканди; принадлежащая мне рукопись, лл. 198—199б.

видно, было немало, потому что предшественник Надир-Мухаммеда, Имам-кули-хан, «из всякого рода добра, ценных вещей, денег и (дорогих) тканей, что преподносили ему,... наделял подарками каждого, кто уходил от него»,—говорит наш источник, подчеркивая в соответствующих местах богатство и щедрость Имам-кули-хана. Другой Аштарханид, Абдулазиз-хан, отправившийся в паломничество в Аравию с тридцатитысячным караваном, выразил готовность уплатить разбойникам-арабам за пропуск этого каравана 20 тысяч динаров червонного золота, т. е., примерно, 100 тысяч рублей,—сумма, огромная по тому времени. Вместе с тем, Аштарханиды, повидимому, не чуждались даже мелких, промыслового значения, операций в целях получения дополнительных доходов. Наш автор рассказывает, что у Имам-кули-хана на конюшне всегда «стояли две лошади и когда (кому-либо) требовалось для путешествия вьючное животное, то эмиры и сановники государства отдавали в наем этих лошадей и затем опять поручали их уполномоченным государя».

Вторым по значению городом в государстве (после Бухары) был Балх, один из древнейших городов Востока; здесь наместником бухарского хана обычно являлся его наследник, получавший титул хана. Зачастую наследник был слишком молод, и в этом случае к нему приставлялся в роли опекуна сановник, которому жаловали высшее в государстве звание (точнее—чин) аталыка, т. е. «стоящего вместо отца», «заступающего место отца». Нередко аталыки забирали всю власть в такой обширной провинции, как Балхская, и превращались в беспокойных феодалов, с которыми Бухаре приходилось серьезно считаться и идти на разные компромиссы и поблажки. В «Тарих-и Муким-хани» приводится целый ряд подобных примеров. Так как в административном отношении Балху подчинялись не только районы позднейшего Северного Афганистана, от пределов Гератской провинции до Бадахшана, но и округа по правому берегу Аму-Дарьи до Гиссара включительно, то Балху, как крупнейшему административному, военному и торговому центру, Аштарханиды уделяли особое внимание, тем более, что Балхский округ граничил на востоке с полунезависимым Бадахшаном, а на юге примыкал к государству Великих Моголов.

Пограничное положение Балха не допускало ни на минуту ослабления внимания и влияния центральной бухарской власти в этом округе. Поэтому в случае явного неповиновения балхских наместников и их

аталыков бухарские ханы вынуждены были либо «мирволить» им, либо начинать против них военные действия.

Прочие провинции Аштарханидов, от пределов Дешти-Кипчака до Балха, раздавались в удел аштарханидским султанам. Они владели предоставленными им округами на правах удельных князей, а те из них, которые получали в удел округа в Балхской провинции, были подчинены балхскому наместнику. С большой вероятностью можно предполагать, что все султаны должны были вносить в казну бухарского хана определенную сумму денег из поступавших с их округов податных сборов, за вычетом содержания двора султана и подчиненных ему чиновников округа. Мы говорим «с большой вероятностью»—потому, что во всех среднеазиатских ханствах до самого последнего времени существовал именно такой порядок. Государство жило без твердого бюджета, без годовых приходо-расходных росписей, так как казна хана была неотделима от государственной. Поскольку же не существовало определенных штатов гражданского и военного ведомств и каждый стремился «кормиться» возможно прибыльнее, то в дополнение к шариатским сборам присоединялись многочисленные виды других поборов в пользу местных феодалов. В сборе налогов имел место полный произвол, причем основной—поземельный («харадж») — налог взимался на основании очень шаткого учета—пробного умолота хлеба. Каждый амиль (сборщик податей) и его подручные заботились только о себе, стремились «не обидеть» себя. В то же время феодальные правители областей (хакимы), желая заслужить расположение хана, старались сдать за год больше податей, чем причиталось с них по дафтарным записям, всемерно подчеркивая этим свою распорядительность, служебное усердие и угодливость. Естественно, что при таких порядках трудящиеся массы находились в нищете и бесправии, а в руках правящей клики собирались баснословные богатства. В нашем источнике сообщается, например, о том, что овладевшие Балхом Великие Моголы Ауренг-зеб и Мурад-Бахш, захватив казну наместника, удивлялись тому, как могли быть собраны такие огромные богатства со столь небольшой области.

Областные правители (султаны) нередко находились во враждебных отношениях с бухарским ханом, хотя они были связаны с ним ближайшим родством. Наш источник дает в этом отношении такое количество фактов, что их перечисление заняло бы слишком много места. Для усмирения провинциальных правителей (включая и наследников престола)

аштарханидским ханам очень часто приходилось прибегать к вооруженной силе, отчего страдали не столько непокорные феодалы, сколько местное население. Так, упоминая о распре Абдулазиз-хана со своим братом Субхан-кули, наместником Балха, и о том, как Абдулазиз послал на смену ему другого своего брата, Мухаммед-султана, с войском, Мухаммед-Юсуф говорит, что последний, осаждая Балх в течение сорока дней, «так разграбил и опустошил его окрестности и районы, что не осталось и следов населенных мест». Рассказывая об усмирении наместником Балха, принцем Сиддик-Мухаммедом, мятежных феодалов Шибиргана, Мухаммед-Юсуф отмечает, что при взятии Шибиргана «жены, дети, имущество, вещи и (самые) души, все было предано на разграбление».

Едва ли не большее значение, чем султаны, в царстве Аштарханидов имели так называемые эмиры, принадлежавшие к знати различных узбекских племен. Они представляли собой своего рода военную аристократию, состоявшую на службе у ханов. Получая чины и разные пожалования, эмиры достигали в государстве высоких степеней и, при всем том, сохраняли прочные связи со своими родами и племенами. В трудные для себя минуты они, не задумываясь, бежали от хана или его наместников к своим родичам, поднимали их против господствующей власти и, по старому степному закону кочевников—«весь род за одного и один за весь род»,—племя ополчалось против правительства, разоряло и грабило города и селения, опустошая целые районы и области. Мухаммед-Юсуф, сообщая о мятежных эмирах и приводя всюду вместе с их чинами названия племен, к которым принадлежали эти чиновные мятежники, отмечает иногда любопытные факты беспомощности центральной власти перед мятежными эмирами, поддерживаемыми своими племенами. Так, например, при Субхан-кули-хане в течение семи лет бунтовал эмир Баят из племени алчин, носивший прозвание (соединенное с его чином) кара туксаба, т. е. черный туксаба. По словам нашего источника, «в течение семи лет непрерывно большие войска, предводимые великими эмирами», отправлялись для усмирения Баят-кара туксаба и каждый раз, потерпев поражение, возвращались обратно, «пока его не уничтожил балхский аталык Махмуд-бий, из племени катаган, истребивший все его племя». Неудачным был и поход Субхан-кули-хана против упомянутого аталыка Мах-

муд-бия, когда последний, опираясь на свои прочные родовые связи, вышел из повиновения хану.

Огромное влияние имели в стране ишаны—главы могущественных дервишских орденов. Они крепко держали в своих руках народные массы; их власть была сильнее власти ханов, султанов и эмиров. И когда наш автор то там, то здесь говорит в своей книге, что в то время престол иршада занимал такой-то шейх или ишан, то он совершенно точен и констатирует лишь всем известный факт.

Мистическое учение, известное под именем суфизма и в основе своей имевшее мало общего с исламом, ставило своей целью прежде всего слепое подчинение воли ученика или рядового последователя суфизма—мурида—воле его учителя, пира, или ишана[1]. Так как число последователей у многих пиров нередко доходило до десятков тысяч и все они представляли своеобразное братство, объединенное слепым подчинением единой воле своего наставника, то легко представить себе авторитет и влияние последнего.

Большие богатства ишанов, сосредоточенные в их руках в виде огромных земельных угодий, лавок, караван-сараев, торговых предприятий, зернового хлеба, наличных денег и т. п., составлялись в результате «доброхотных даяний» их многочисленных муридов. Времена классического суфизма, когда рубище своего духовного наставника получал лишь достойнейший из его учеников, становившийся в ордене преемником своего учителя, давно канули в вечность. Появились своего рода династии ишанов, в течение ряда десятилетий и даже столетий возглавлявшие многочисленные дервишские братства. В труде Мухаммед-Юсуфа неоднократно упоминаются такие родовитые пиры или ишаны с указанием их «родословного древа».

Становясь на сторону того или иного хана, султана или эмира, выступая против неугодных им представителей духовенства и знати, дервишские вожди вовлекали в эту борьбу послушную им паству. В таких случаях борьба даже главы государства со своими политическими противниками, поддержанными влиятельными ишанами, часто оказывалась проигранной.

---

[1] Ср. Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР, М., 1954, стр. 110.

Наш источник сообщает такой факт из истории борьбы Аштарханида Имам-кули со своим дядей, Вали-Мухаммед-ханом, за власть над Мавераннахром. В это время «трон иршада был украшен благословенной личностью» ишана Ходжи Хашими, внука Махдум-и а'зама (ум. в 949/1542 г.). Ишан Ходжа Хашими весьма энергично поддержал обратившегося к нему за помощью Имам-кули, и Вали-Мухаммед, потерпев поражение, был взят в плен и убит по распоряжению ишана. А сколько было примеров устранения тех или иных ханов и султанов, мешавших тому или другому властолюбивому и пользовавшемуся популярностью ишану!

Бывали примеры и того, что к представителям дервишей переходила целиком административная власть в том или ином округе. Так, наш источник сообщает о возведении на престол Балха «знатными лицами и попущением народа» Салих-ходжи, из рода известного бухарского шейха XIV—XV вв. Ходжи Мухаммед Парса. Неоднократно упоминаемый Мухаммед-Юсуфом правитель Бадахшана Яр-бек-хан принадлежал к самаркандским дервишам. В конце XVI в. светская власть над Ферганой перешла на некоторое время в руки чадакских ходжей.

Более скромную роль в общественно-политической жизни страны играло мусульманское духовенство (у л а м а[1]), в состав которого входили: шейх ал-исламы, казии (судьи), раисы (блюстители нравов, следившие также за правильностью мер веса и длины на базарах), мударрисы (профессора высших конфессиональных школ), муфтии (консультанты по правовым вопросам) и т. п. Эти духовные лица, призванные «оберегать ислам» от всяких новшеств, ересей и мало-мальски чуждой ему идеологии, в отдельных случаях выступали даже против хана, султана или крупного сановника, нарушавшего заповеди шариата. Эти выступления, впрочем, редко достигали цели и в большинстве не выходили из рамок личных ссор, вражды и опалы.

Однако и д ж м а, т. е. собор авторитетнейших представителей улама, единый в вопросах веры корпоративный взгляд казиев, как блюстителей шариатских норм, унификация наук, в определенном духе излагавшихся мударрисами, и прочие факторы создавали известную монолитность духовенства, фанатического и нетерпимого ко всему, что выходило

[1] Арабское множ. от а л и м—ученый.

за пределы «правоверного ислама». Глава государства, хан, по духу шариата являясь высшим блюстителем веры, был в юридических вопросах своего рода высшей судебной инстанцией; к нему обращались подданные со своими жалобами на несправедливые решения казиев. Хану приходилось поэтому поддерживать контакт с блюстителями шариата: верховным судьей, раисом, муфтиями и др., ибо лишь содействие этих лиц обеспечивало ему возможность надзора за отправлением правосудия в государстве. Небезинтересный сборник руководящих правил для разрешения разнообразных юридических вопросов был составлен, по распоряжению Субхан-кули-хана, одним кабадианским муфтием. Уникальный список этого объемистого труда, повидимому, современный автору, хранится в Фундаментальной библиотеке Среднеазиатского государственного университета[1]. Из арабского предисловия к этому труду видно, какое важное значение придавалось Субхан-кули-ханом надлежащему применению закона в разных частноправовых отношениях населения. Все это побуждало правящую верхушку Аштарханидского государства считаться с духовенством.

Пользуясь поддержкой светской власти, представители духовенства жестоко эксплуатировали народные массы ханства. Многочисленные рассказы о пристрастных судьях и муфтиях, о корыстных муллах и прочих представителях улама, рассказы иронические, едко-обличительные и подчас скабрезные, во вкусе средневековых fabliaux,—представляют собой ту подлинно народную литературу, создававшуюся неизвестными авторами, которая искони широко бытовала, распространялась, читалась и рассказывалась в чайных, на вечеринках и на разных интимных собраниях. В признании и культивировании этой литературы, столь ярко отражавшей классовые противоречия в тогдашних странах Средней Азии и давшей любопытнейшие картины нравов и состояния тогдашнего общества, народные массы выражали свой протест против правящих слоев и особенно против представителей духовенства. К сожалению, эта обширная и заслуживающая самого серьезного внимания народная литература не изучена и ждет еще своих переводчиков и исследователей.

Следующими, по своему положению, прослойками населения были купечество и ремесленники, упоминаемые Мухаммед-Юсуфом. Мы не

[1] См. Семенов А. А., Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, Ташкент, 1935, стр. 22—23, № 24.

знаем размеров тогдашних торговых операций, не знаем, чем именно и где больше всего торговали, каковы были цены на различные продукты и товары страны, велико ли было число торговцев. Несомненно одно, что наряду с местным купечеством существовали и представители иноземного торгового капитала, имевшие (по крайней мере в больших городах) свои кварталы. Это были индийские купцы, повидимому представленные в государстве Аштарханидов значительными колониями не только в Балхе и других городах, пограничных с владениями Великих Моголов, но и в столице ханства, г. Бухаре. В приводимом нашим автором рассказе о ночном похождении Имам-кули-хана весьма определенно говорится о таком квартале в г. Бухаре, где индийцы имели своего старшину. Помимо торговли, они, по всей вероятности, занимались (как и гораздо позже), ростовщичеством.

Ремесленники, как обычно, объединялись в цехи, носившие характер религиозных братств и некоторыми своими формами приближавшиеся к дервишским орденам. Здесь, в Средней Азии, они даже и обозначались арабским термином такия, который в Иране и в западномусульманском мире означал дервишский монастырь или общежитие.

Говоря о цехах Средней Азии, об их организации и уставах, исследователи этого вопроса часто недостаточно подчеркивают то обстоятельство, что, по существу, подобные организации объединяли и людей таких профессий, которые, с нашей точки зрения, ничего общего не имели с ремеслом, как, например, охотников, нищих, земледельцев и т. д. Иначе говоря, в Средней Азии термин такия, переводимый у нас словом цех, обозначал корпорации промыслово-ремесленного характера в самом широком смысле этого слова.

Основная масса населения состояла из оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. Первые обрабатывали поля, поддерживали и расширяли ирригационную сеть, несли все тяготы налогового бремени; положение их было крайне тяжелым.

Вторые в большинстве принадлежали к кочевникам-узбекам, занимавшим богатые пастбищные земли в направлении к Аму-Дарье. Вместе с ископи кочевавшими здесь племенами тюрко-монгольского происхождения, столь близкими им по укладу жизни, они, несомненно, вносили известные изменения в землевладение и водопользование оседлого населения, часто стесняя и нарушая его права. Введенная Шейбанидами и сохраненная у Аштарханидов система своеобразных уделов, закрепле-

ния известных областей за тем или иным узбекским племенем в качестве его юрта (местожительства), немало, видимо, способствовала столкновению интересов земледельцев и кочевников. К этому следует еще присоединить большую подвижность кочевых племен, следовавших в направлении передвижения своих стад и в конечном результате занимавших места вдали от своих юртов. Рядовые кочевники-скотоводы находились в зависимости от родо-племенной знати. Наш источник дает сведения о некоторых узбекских племенах, получивших разные области в качестве юртов; так, Кундуз был юртом племени катаган, Термез—племени кунграт, Лагман—племени алчин и т. п. Племя курама[1] наш источник упоминает сидевшим в Балхской области, тогда как позже, например в XIX в., основная часть этого племени жила в районе Ташкента и Пскента.

В очень тяжелом положении находились в государстве Аштарханидов рабы, которые не имели никаких прав и полностью зависели от своих хозяев. Ряды рабов пополнялись главным образом за счет пленных-персиан, которых в XVI в. фанатизм суннитского духовенства превратил в «отвратительных созданий (макрух), которыми можно было торговать». В нашем источнике имеется ряд сведений о беспощадной жестокости к кызылбашам (красноголовым), которую под видом религиозной нетерпимости проявляла экономически заинтересованная верхушка узбекских племен, опустошая пределы Ирана. Индийцы, взятые в плен узбеками, были такими же несчастными, как и подданные Сефевидов. Мухаммед-Юсуф свидетельствует о том, что разбитых в Балхской провинции индийцев узбеки «гнали перед собой, как овец. . . , и захватывали их, как добычу; большинство из них продавали (на рынках) в Самарканде и Ташкенте» в рабство. В исторической поэме «Субхан-кули-нама», написанной при жизни этого Аштарханида, упоминаются и русские «низкого происхождения», исполнявшие в Балхе обязанности палачей. Несомненно, в числе рабов было немало пленников из монгольско-тюркских племен Дешти-Кипчака и так называемого Моголистана, занимавшего юго-восточную часть современного Казахстана, территорию нынешней Киргизской ССР и Кашгара. Население этих стран в определенных кругах, повидимому, не считалось за «правоверных»; оно было,

[1] Термин этот имеет и нарицательное значение, в смысле — смесь, смешение небольших групп разноплеменного состава, потерявших в процессе кочевок связь со своим родом. [Ср. В. Решетов, К вопросу о термине «курама» и кураминцах. Бюллетень АН УзССР, 1945, № 5, стр. 18 и сл. (*Ред.*)].

по словам только что упомянутого источника, «свободно от разума и веры, презренно, праздно; банда монголов желтокожих, безобразных, как демоны пустынь»[1]. Имевшиеся в небольшом количестве рабы-негры и абиссинцы дополняли этнический состав несвободного сословия владений Аштарханидов. Не может быть сомнения в том, что в обширных владениях Аштарханидов, простиравшихся от Сыр-Дарьи до Гиндукуша, число рабов было весьма велико. Даже в эпоху глубокого упадка Бухарского ханства, ко времени взятия русскими Самарканда (1868 г.), в одном лишь Самаркандском округе насчитывалось до 10 000 рабов[2].

Наконец, совершенно особое положение в государстве Аштарханидов (как и вообще в среднеазиатских государствах) занимало сословие военных, так называемых сипах, сипахан (или, в просторечии, сипо, сипохо). Это была та реальная сила, которая обеспечивала государям Мавераннахра прочное положение на престоле и безопасность со стороны внешних врагов. Как видно из разных эпизодов исторической хроники нашего автора, регулярных войск при самом хане, в г. Бухаре с ее округом, было не так много. Поэтому в случае необходимости мобилизация войск происходила за счет отдельных провинций. Примеры этого мы находим в столкновении Аштарханида Надир-Мухаммед-хана с индийцами, когда ему на помощь пришел с войском его внук Касим-султан, правитель Мейменэ; в набегах хивинского Ануша-хана на Бухару при Субхан-кули-хане, когда последний приказывал наместникам Балха и Бадахшана выступать со своими войсками к нему на помощь. В свое время Ефремов характеризовал бухарские войска XVIII в. в таких выражениях: «по большой части войско у них разных народов. . .», «войско все конница, а пехоты нет»[3]. Эту характеристику следует целиком отнести и к государству Аштарханидов. В нашем источнике нередко говорится о военных походах с армиями, состоящими только из конницы, а в отношении племенного состава войска можно полагать, что Аш-

[1] Субхан-кули-нама, составитель Мухаммед Салах-и Балхи б. Мулла Абдулла катиб; цит. по принадлежащему мне автографу, писанному в 1065/1654—1655 гг., лл. 58а и 188б.

[2] См. Поспелов В. Ф., Освобождение рабов в Катта-Курганском отделе, Справочная книжка Самаркандской области, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 117—128.

[3] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне Коллежского Асессора десятилетнее странствие и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, писанное им самим, СПб, 1786, стр. 70—72.

тарханиды привлекали в состав своих армий все народности, которые жили на их территории. Мухаммед Юсуф отмечает, например, что двухсоттысячное войско Субхан-кули-хана, подступившего к Балху, когда там правителем оказался Салих-ходжа, включало также «казаков, каракалпаков и (прочие) чужие племена», а защищавший Балх от бухарцев Махмуд-бий аталык вербовал войска из племен белуджей и арабов, живших на территории балхского наместничества. Несомненно, однако, что основную, так сказать, опорную массу аштарханидской армии составляли узбеки; узбеками по происхождению было, очевидно, и большинство военачальников, или эмиров. Наш источник, за очень редкими исключениями, всюду выводит на сцену эмиров из узбекских племен. Если в XVIII в. бухарский временщик Рахим-бек «войско свое жаловал деньгами и ласкал»[1], чтобы укрепить свою власть; если в XIX в. столь «лютый» Насрулла-хан всячески ухаживал за военным сословием еще будучи наследником престола[2],—то в такой же мере и Аштарханиды старались привлечь к себе военное сословие (особенно старших и влиятельных эмиров), чему немало примеров мы находим в нашем источнике.

Описанная социальная структура Аштарханидского государства находила свое отражение и в официальной хронике аштарханидских ханов. Современник Аштарханида Надир-Мухаммед-хана, историк Махмуд б. Вели, написавший по поручению этого хана труд «Море тайн в отношении доблестей благородных»[3], оставил нам любопытное описание распорядка происходивших при дворе Аштарханидов пиров и собраний. Он отмечает, что слева от хана (левая сторона считалась самой почетной) находились места накибов—сейидов, ведавших снаряжением и расположением войск во время походов и военных операций; за ними следовали старейшины узбекских племен (столь часто встречающихся у Мухаммед-Юсуфа): дурмен, кушчи, найман, кунграт. Ниже их садился аталык-и бузург, великий аталык; за ним было место огланов, т. е., вероятно, царевичей (а может быть, и командующих правым и левым флангами

---

[1] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне Коллежского Асессора десятилетнее странствие и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, писанное им самим, СПб, 1786, стр. 105.

[2] См. Ханыков Н., Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 224.

[3] Арабское заглавие «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ах'яр». Подробно об этом труде см. Бартольд В. В., Отчет о командировке в Туркестан, Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества, т. XV, стр. 232—260.

армии); потом шла менее влиятельная знать тех же племен дурмен, кушчи, найман, а за ними непосредственно были расположены места для представителей карлуков[1]. Рядом помещались представители буйраков, а затем шли места других выдающихся по своим способностям и заслугам знатных людей каждого улуса (владения, народа) и уйм ка (племени).

Справа от хана первое место принадлежало шейх ал-исламу (но если бы при дворе хана оказался искавший приюта какой-либо иностранный государь, то он садился на месте шейх ал-ислама). За шейх ал-исламом занимал место кази-йи бузург (великий судья), каковой термин, очевидно соответствовал более позднему кази-йи калан (верховный судья), казий столицы — г. Бухары. Впрочем, на этом месте могли быть посажены и сейиды. За ними шли места ходжей дервишского ордена накшбендийя, а рядом с ними было место садра, т. е. лица, ведавшего доходами и расходами вакфов предместий г. Бухары (на расстоянии до 8 *км*). Ниже садра садился военный судья (кази-йи аскар), а за ним— а'лам (буквально ученейший)—старейший муфтий; рядом с ним занимал место раис, блюститель нравов, контролер за мерами веса и длины и т. п. Затем шли места представителей племени кара-кият, но хан, впрочем, мог предоставить это место и кому-либо другому; так, например, некоторые ханы предоставляли эти места представителям племени кенегес. Следующие места занимали в последовательном порядке люди среднего положения из вышеупомянутых племен: дурмен, кушчи и найман, а дальше следовали места «мужей искусства», руководителей мистического пути, воинов и представителей разных дарований. Напротив хана первое место занимали представители племени мангыт, располагавшиеся справа, против мест кара-киятов, второе место, слева, приходившееся против огланов, предназначалось для «четырех друзей»[2], племени дурмен, соединенных с левым крылом армии.

---

[1] Карлуки—одно из древнейших тюркских племен Средней Азии, обитавших здесь задолго до появления кочевников-узбеков.

[2] По мнению акад. В. В. Бартольда, выражение четыре друга, обозначая четырех первых сподвижников и преемников Мухаммеда (Абу Бекра, Омара, Османа и Али), здесь, «может быть, должно соответствовать тому месту, которое, по представлению среднеазиатских мусульман того времени, занимали будущие халифы в дни приемов у пророка» (См. труд В. В. Бартольда—Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., стр. 303, прим. 6).

Все эти места и степени существовали для тех, кто принадлежал к эмирам, к людям, достойным доверия и благонадежным во всех отношениях.

Далее в этом интересном описании церемониала перечисляются места позади хана, которые занимались чиновными лицами разных рангов, существовавших в Бухаре до последних дней эмирата. По самому положению мест этого служилого сословия видно, что оно стояло в Аштарханидском государстве далеко не на первом месте. Оно составляло тот аппарат дворцового ведомства, который осуществлял функции административно-полицейского характера. Его влияние, не подкрепленное прочными связями с эмирами и знатью племен, с дервишскими корпорациями и военной кликой, было ничтожно, тем более, что в этой чиновничьей среде не было того корпоративного духа, которым отличались многие родовые, религиозные и общественные группировки времени Аштарханидов[1].

Такова была социальная структура аштарханидского государства XVII—XVIII вв.

* * *

По замыслу автора, написанная им история должна была составить первый том его исторического повествования, причем второй том, повидимому, предполагалось посвятить последующим событиям, «украсив его начало» именем и эпитетами Муким-хана[2]. Но так как к 1707 г. прервалось правление Муким-хана в Балхе, то, можно думать, что новые события помешали Мухаммед-Юсуфу исполнить свое намерение.

Осуществив русский перевод этого сочинения, мы имели в виду положить им начало опубликованию памятников по истории Средней Азии

---

1 Мы привели здесь сведения о церемониале придворных приемов Аштарханидов в пересказе персидского текста Махмуда бен Вели, данного в статье В. В. Бартольда, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. (в Сборнике в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, Записки Императорского Российского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXXIV, стр. 293—308). Кое-что мы изменили в этом пересказе покойного акад. Бартольда и в сопровождающем его тексте, внеся в эти изменения свое понимание некоторых терминов и добавив попутно перевод названий некоторых должностных лиц.

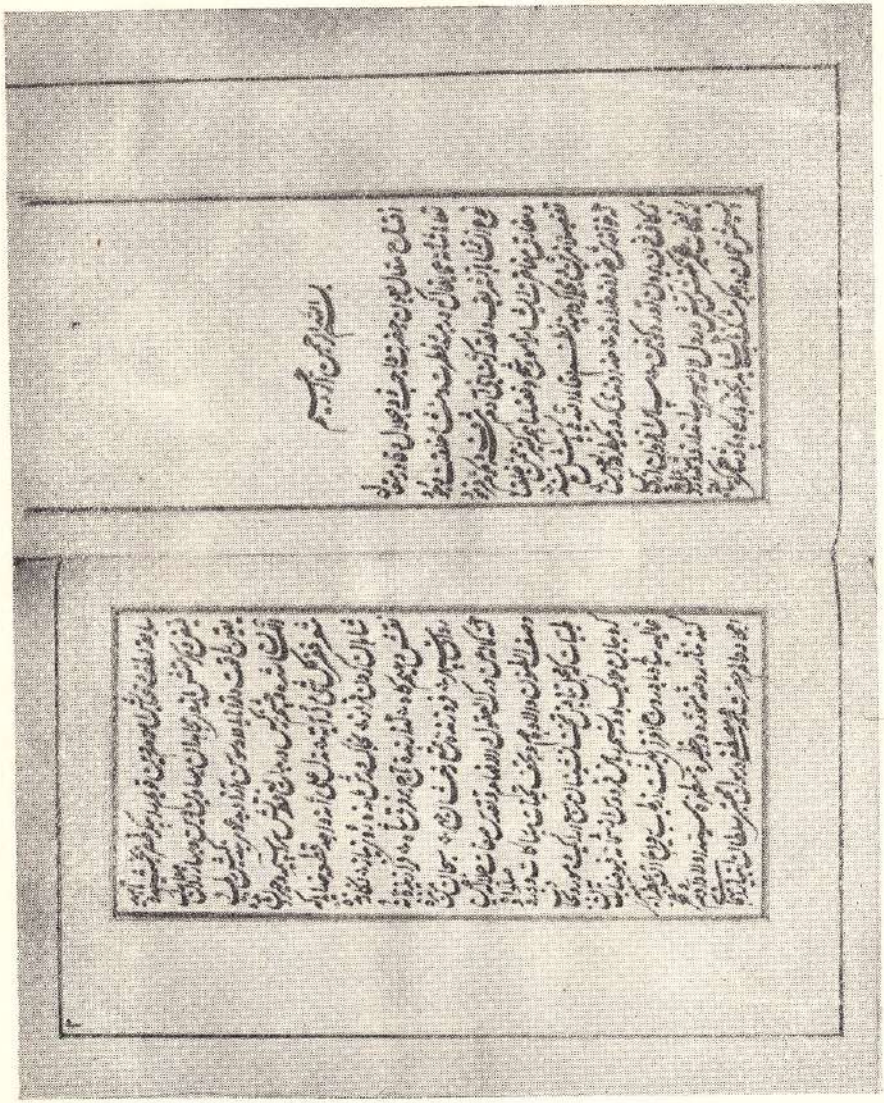
2 Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1, Ташкент, 1952, 73, №№ 175—184.

XVI—XVIII вв., которая в нашей исторической литературе представляется крайне слабо освещенной. Нам казалось, что ныне публикуемый труд Мухаммеда-Юсуфа мунши может быть своего рода отправной точкой для последующих публикаций исторических памятников, поскольку в нем имеется вышеупомянутая вводная часть, представляющая краткий исторический очерк Средней Азии от Чингиз-хана до Аштарханидов, или Джанидов, а затем, как уже сказано, излагается история Аштарханидов до начала XVIII в.

Естественным продолжением этого труда (для опубликования) мы считали бы второй первоисточник—Убайдулла-нама, Мир Мухаммеда Амин-и Бухари[1], — историю Бухары и Мавераннахра за период с 1113/1701 по 1123/1711гг. В ней имеется много ценных и важных сведений об исторических событиях в последующие годы, которых не коснулся Мухаммед-Юсуф. Дальнейшее развитие событий в истории Бухары и соседних ханств отражает третий первоисточник—труд Абдуррахмана Тали' Тарих-и Абу-л-Файз-хан (История Абу-л-Файз-хана[2]), посвященный периоду правления брата и преемника Убайдулла-хана, Абу-л-Файза (1711—1747); он имеется в единственной рукописи Института востоковедения АН УзССР за инв. № 11 и в русском переводе уже подготовлен к печати. Поскольку в названном сочинении приводятся данные о все возрастающем значении Мухаммед Рахим-бия аталыка, усилившего влияние узбекского племени мангыт на дела Мавераннахра, то нами приступлено к переводу четвертого исторического памятника, Тухфат ал-хани (ханский подарок), иначе Тарих-и Рахим-хани (Рахимханская история)[3]. Его автор, Мухаммед Вафа-йи Керминеги, излагает события в Мавераннахре, главным образом в Бухаре, в аспекте исторических событий, внутренних и внешних, происходивших на фоне борьбы Мангытов за свою гегемонию в период с 1747 г. до конца XVIII в. Пятым памятником в уже готовом русском переводе (Д. Г. Вороновского) предполагается издать очень редкое рукописное сочинение Мухаммед Я'куба, сына Мухаммед Даниял-бия, Гулшан ал-мулук (Розовый цветник царей)[4]; в нем особый интерес представляют последние главы, посвященные событиям конца XVIII и начала XIX вв.

---

[1] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952, 75, №№ 189—193.
[2] Там же, 76, № 194.
[3] Там же, 77, №№ 195—199.
[4] Там же, 83, №№ 208—210.



Тарих-и Мухим-хани. Рукопись из Собрания Академии Наук УзССР, № 2212. Начальные листы.

Наконец, шестым памятником намечено издание уже готового нашего перевода Тарих-и амир Хайдар (История эмира Хайдара)[1], весьма обширного труда двух авторов—Муллы Шарифа и Муллы Ибадуллы,—дошедшего до нас в сокращенной редакции неизвестного автора. Несмотря на имеющиеся в нем баснословия (особенно во вводной части), он дает наиболее полную и очень интересную историю эмира Хайдара (1800—1826 гг.) и его времени. Уникальная рукопись этого труда хранится в Институте востоковедения АН УзССР за инв. № 1836[2].

Таким образом, опубликование перечисленных памятников в первую очередь позволило бы нам иметь в доступном для широкого пользования виде основные первоисточники по истории узбекского народа за время с XVII по XIX вв., труды, связанные между собой в значительной степени хронологической последовательностью и, следовательно, преемственностью исторических процессов. Мы сознательно не перечисляем других памятников по истории Бухары, Ферганы и Хивы за этот период. Их приходится оставить для работ второй очереди, так как перевод и опубликование трудов подобного рода, по существу, должны быть делом коллектива квалифицированных ориенталистов, сведущих к тому же в истории и культуре Средней Азии.

Что касается предлагаемого русского перевода «Муким-ханской истории», то в основу его был положен полный и исправный список из рукописного фонда Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета за № 09/61, датированный 5 сафара 1225/12 марта 1810 г.[3]. Он обозначается в примечаниях как ркп. ФБ[4]. Другими рукописями этого же труда, привлеченными для проверки и наилучшего уяснения и пополнения основного текста, были пять следующих списков, ныне хранящихся в Институте востоковедения АН УзССР.

1. Датированный 1229/1813—1814 гг., хорошо переписанный рукой Мирзы Худайдада, сына Мирзы Хусейни ал-Балхи. Самый полный из

---

[1] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952, 86, № 216.

[2] Сюда, быть может, следовало бы отнести и «Тадж ат-Таварих» Мухаммед Наки; там же, 85, № 214 (*Ред.*).

[3] См. А. А. Семенов, Описание персидских, арабских и турецких рукописей фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, Ташкент, 1935, стр. 38.

[4] Ссылочная (по листам) пагинация в публикуемом переводе дана именно по этой рукописи (*Ред.*).

всех бывших в моем распоряжении списков, изобилующий дополнительными фразами и целыми тирадами, не встречающимися в других списках. Переплетен со списком «Тарих-и Сейид Раким», датированным 1239/1823 — 1824 гг., и содержит 131 лист. В примечаниях, при ссылках на него, обозначается как ркп. ГБ № 609/II[1].

2. Список, писанный убористым среднеазиатским насталиком, полный и исправный, но без конца (недостает, вероятно, двух-трех листов), судя по оттиску печати на переплете—«работы Муллы Исмаила, переплетчика, 1219», судя по бумаге и по внешнему виду вообще, относится, вероятно, к 20—30-м годам XIX в. Заключает 114 листов. При ссылках на него обозначается как ркп. ГБ № 789[2].

3. Список 1236/1820—1821 гг., переписанный неизвестным переписчиком посредственным насталиком с нередко встречающимися грамматическими ошибками, но полный; заключает 118 листов. При ссылках на него обозначается как ркп. ГБ № 1531[3].

4. Список без конца, обрывающийся на изложении борьбы эмира Махмуд-бий аталыка с мятежным Баят-кара туксаба и писанный старческой рукой среднеазиатским насталиком, не всегда исправный, местами встречаются пропуски и описки. Переплетен вместе со списком суфийского труда «Анис ал-кадырийя» (тоже не датированным и, повидимому, не оконченным). Вся рукопись должна быть отнесена к первой половине прошлого века. Заключает 95 листов. При ссылках на нее обозначается как ркп. ГБ № 1691/II[4].

5. Список без начала, весьма грамотный, переписанный очень разборчивым и недурным среднеазиатским насталиком в «прекрасном городе Бухаре» в 1252/1836—1837 гг. Имеет 93 листа, но, к сожалению, с утратой многих листов в конце между 87 и 88 (позднейшая пагинация) и с пропуском нескольких глав между той, что трактует о болезни Махмуд-бий аталыка, и последней, посвященной окончанию труда. При ссылках на него обозначается как ркп. ГБ № 1738[5].

---

[1] См. Каль Е., Персидские, арабские и турецкие рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки, Ташкент, 1889, стр. 26, № 40; Собрание восточных рукописей, т. 1, 73, № 175.

[2] Собрание восточных рукописей, т. 1, 74, № 179.

[3] Там же, 73, № 176.

[4] Там же, 73, № 177.

[5] Там же, № 178.

При переводе были использованы также две рукописи из нашего собрания:

1. Без даты, переписана в «пятничный день», рукой Эвез-Мухаммед б. Хаят-и Мухаммеди ямчи, повидимому, в начале XIX в. Заключает 92 листа и представляет сокращенную редакцию настоящего труда; оканчивается изложением событий эпохи Субхан-кули-хана; кое-что в ней опущено, сравнительно с другими списками (вроде письма турецкого султана Ахмеда к Субхан-кули-хану и некоторых других мест). При посредственном почерке (насталик) встречаются орфографические ошибки. Этот список в примечаниях обозначен как ркп. АС (1).

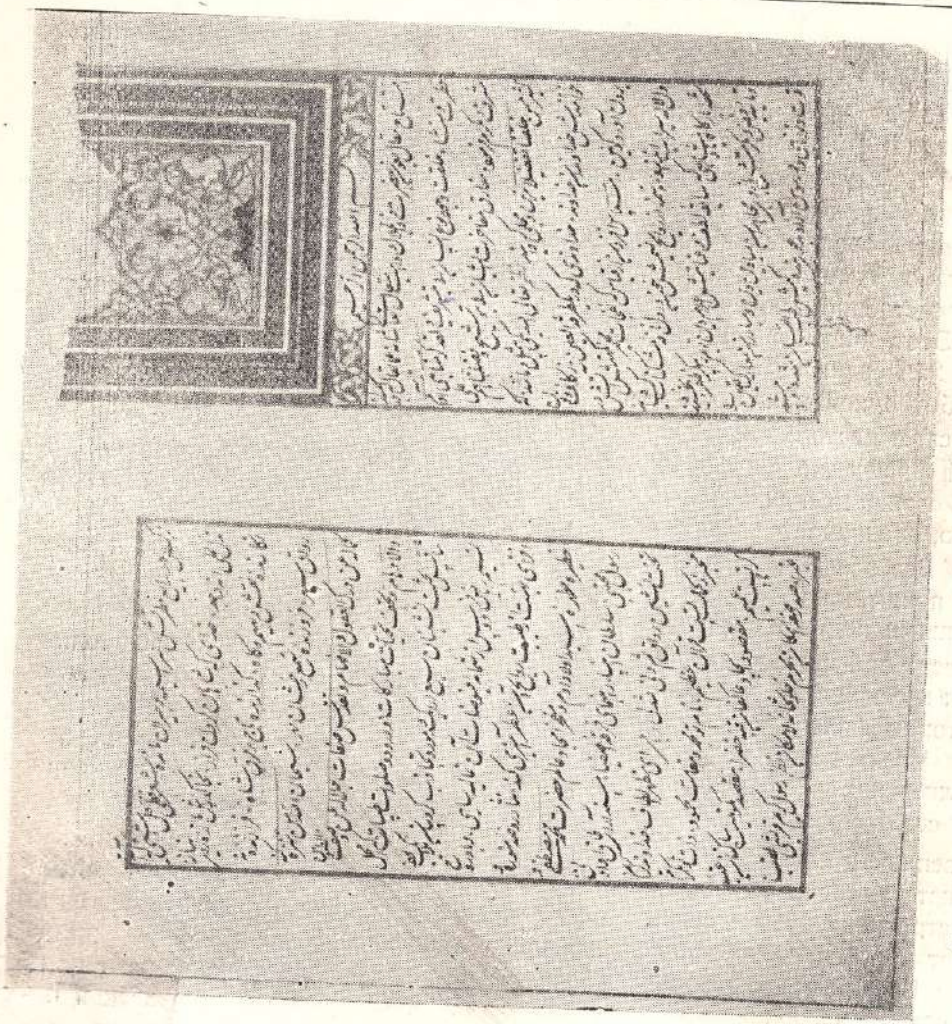
2. Переписанная в месяце джумади 1 1323/14 июля—2 августа 1905 г. рукой мирзы Абдулмумина Бухари в г. Ширабаде обычным бухарским насталиком. Заключает 132 листа. В общем полный и исправный список, но с некоторыми отступлениями и кое-какими сокращениями, особенно в эпистолярных частях. В примечаниях, при ссылках на него, обозначается как ркп. АС (2).

Все эти рукописи хорошо дополняют друг друга и помогают лучшему пониманию весьма красноречивого, местами затемненного нагромождениями подчиненных и соподчиненных предложений изложения автора; вместе они дают наиболее полный текст настоящего труда. Эти дополнения к основному списку (ркп. ФБ), а иногда и варианты излагаемых автором фактов оговариваются нами в примечаниях.

Что же касается перевода текста, то мы, по мере возможности, старались наиболее точно передать стиль «Тарих-и Муким-хани», несмотря на столь часто встречающиеся в этом труде вычурные фразы, не свойственные русской повествовательной речи. Для уяснения имеющихся в тексте арабских выражений, легендарных и исторических имен, административных и бытовых терминов и т. п. мы сочли нужным снабдить этот перевод соответствующими примечаниями.

В процессе настоящей работы мы пользовались ценными указаниями и советами покойного профессора П. П. Смирнова и дружеской помощью и консультацией при переводе арабских фраз покойного профессора А. Э. Шмидта, поэтому с благодарностью вспоминаем обоих и чтим их память.

А. Семенов



Тарих-и Муким-хани. Рукопись из Собрания Академии Наук УзССР, № 606 (Сигл ГБ № 609) Начальные листы.

МУКИМХАНСКАЯ ИСТОРИЯ
(ТАРИХ-И МУКИМ-ХАНИ)

ВСТУПЛЕНИЕ

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Начало речи с помощью владыки, подателя щедрот, господа величия и всевышнего дарителя, — да возвеличится его достоинство! О нем говорится, что в начале сотворения и при исходном моменте всего существующего он удостоил и осчастливил бытие рода человеческого почетом (и словами): «Мы прославляем сынов Адама»[1], и темя их горделивости он украсил украшением и соделал блестящим (в словах): «Мы даем им превосходство над многими из тех, кого мы сотворили»[2].

Стихи:

Всевышний бог—один без уподобления (кому-либо) и без сходства
(с кем-либо).*
Его называют господином господ. Господом,
Который в одно мгновение*
Одним словом—«будь!»—создал оба мира.

Исключительно безмерные похвалы ему за то, что веяние аромата его курильницы превращает (мятущееся) сердце в овлажненный тюльпан, а благоухание запахов его зефира развязывает, как мешочек с чистым мускусом, жестокое горе. Дар чертога того владыки, который есть (божественное) величие,—в том, что по бывшим примерам его милостей и покровительства он дарит реальное воплощение победы знаменам правой веры, а помощь его благости и щедрости ниспосылает силу и мощь мышцам бойцов за веру на поле брани и героев в войне за правое дело. Идеал чистейшей свободы (благодаря ему) стал (у человечества) объектом требования языка при одновременном выражении притязания

на подчинение ему[3]; подобный же нарциссу глаз остался пораженным и изумленным от чудес его творения.

Стихи:

Вследствие того, что во всякой вещи у него чудо,*
Это указывает на то, что он—единственный
Господь, который гордых царей*
Оставляет во прахе нуждающимися,
Рисует узоры на коронах и престолах,*
Возлагает венцы на головы государей,
Возводит девять сводов неба,*
Возжигает блестящее солнечное светило.

Хвала тому, который изъемлет сущность совершенства своего от постижения (ее) разумом и понятием и свойство величия своего делает недоступным для познания мыслью и воображением!

Дары приветствий благословенным деяниям, восхваления и славословия благим поступкам его, кто является средоточием похвал сидящих на семи престолах и стимулом к испытанию херувимов и ангелов, от благоухания милостей которого (веет) зефир райских садов, а от аромата благоуханий освежающий душу небесный ветер распространяет благовоние духов. (Хвала) светоносному саду, священному месту, обнесенному изгородью, князю рода человеческого, гордости славнейших мира, его святейшеству Мухаммеду мустафе, послу избранному, султану пророков, вождю партии чистейших, укреплению трона под куполом (божественного чертога) или еще ближе[4] (к тому), сидящему на престоле в перистиле (перед местопребыванием Аллаха, к которому он) затем приблизился и стал очень близким[5].

Стихи:

О проявление благостей всемилостивого господа!*
Вестником твоего совершенства является великий Коран,
Имя твое—Мухаммед, а достоинство твое—махмуд[6].*
Личность твоя превознесена, благородство твое совершенно.
(Ты) предмет устремления постоянно пребывающих в лазоревом куполе (неба),*
Целеустремление обитателей земной поверхности,
Председатель эстрады (всякой) возможности,*
Интимный друг уединенного места Вездесущего.

Стихи:

Благородный пророк прозванием (по племени) корейшит,*
Прибежище персов и царь арабов,
Сфера величия солнца и апогей истинной веры,*
Руководитель путей народа, которому подражают,
В теологической науке он стал таким знаменем,*
Что разрешил (все) трудности предопределения.
Так как его совершенство питалось извечным совершенством,*
То он не нуждался в знании грамоты[7].
Он познал от небес все живущее,*
Ибо множество было целью его создания.
Небо ли или земля, небесные ли сферы или этот дольний мир,—*
Его постоянным спутником было все сущее[8].

Благословение Аллаха, его приветствия и почет тому, кто получил свое пророчество от предвечного (с ним) соседства.

Стихи:

О прославляемый, в твоем существе—совокупность всех тварей!*
Любовь к тебе—ключ ко спасению.
Познай (читатель) его четырех друзей, которых он глава:*
Абу Бекра, Омара, Османа и Хайдара (Али).

После сего да будет ведомо всякому величию светозарного сердца мудрых людей, вникающих во все детали, и да будет ясно зеркалу именитого мышления высокородных особ, избранников царей, что (составление настоящего труда) произошло в то время, когда чистый и благословенный город Балх, купол Ислама,—да сохранит его всевышний Аллах от несчастий!—всецело стал местопребыванием власти и великолепия, резиденцией величия и пышности недосягаемо высокого, его величества, престолодостойного справедливейшего и величайшего хакана[9], храбрейшего и всемилостивейшего каана[10], квинтэссенции султанов мира, чистоты рода человеческого, обладателя отличительными признаками Александра (Великого), всевластного, как Соломон, повелителя.

Стихи:

Украшения престола страны идей,*
Дарящего свежесть царству жизни,
Царя царей, землю дворца которого издали*
Лобызают все цари от (турецкого) хакана до (китайского) богдыхана,—

государя, у которого высокомерные находятся в повиновении, чем они и гордятся; убежища мира, на прахе повиновения которому пребывают с выражением мольбы кокетливые и изящные красавицы и тем (его) ласкают,—то есть государя, стремительностью подобного Бахраму[11], достоинством превознесенного до небес, саном до Сатурна, счастьем до Юпитера, (государя) солнца, венчающего сферу престолов, (блистательной) звезды в сонме звезд (своей) свиты, ясного утра белого знамени, штандарта (небесного) владыки, дарителя царств, колесницы солнца, по предопределению несущего победы, покровительства потомства миродержцев, вереи дверей Чингиз-ханова семейства, света сада людей ученых и мудрых, сияния цветника садов тварей, хакана, сына хакана, внука хакана, Абу-л-музаффар сейид-Мухаммед Муким бахадур-хана, — да продлит всевышний Аллах его царство и власть! Это произошло в то время, когда его величие и достоинство были превознесены превыше обоих Фаркадов[12], а бросающий (царственную) тень Феникс[13] божественного царства (уже) взлетел до зенита и дарующая украшение корона великого покровительства успокоила августейшую главу (Мухаммед Муким-хана). Его величество, несмотря на расцвет юности, на наслаждение жизненными удовольствиями, на участие в делах государства и в покорении мира, значительную часть (своих) счастливых часов, оставшихся (у него) после выполнения религиозных обязанностей, после сосредоточения внимания на государственных интересах, на нуждах подданных и на отправлении справедливости и правосудия, тратил на чтение книг, (посвященных) знаменитым властителям, и исторических хроник, (касающихся) великих государей, и наставлений славных и благочестивых мудрецов.

(И вот) неожиданно священный, благосклонный взор (его величества) оказался устремленным на меня, несчастного, неспособного и несостоятельного раба, нижайшего из всех рабов, Мухаммед-Юсуфа мунши[14], сына Ходжи Бака, да помилует их обоих Аллах!—и я получил прямые указания изложить в краткой форме содержащиеся в (разных) исторических сочинениях описания событий и происшествий минувших дней, от эпохи правления Бузанджир-хана до времени покорителя мира, завоевателя царств, Чингиз-хана, и потомков (этого) высокославного государя, (затем) изъятие мира из обладания монгольских ханов, подчеркнув покорение султанами степей Мавераннахра мечом расправы и одоления, особенно государем, наместником всемилостивейшего (Аллаха), Шейбани-ханом, и его потомками до убиения Абдулму'мин-хана. Потом

я должен был описать возникновение могущества высокостепенного владыки Джани-Мухаммед-хана, который был первым из аштарханидских государей, до восхода светила справедливости и милости (Мухаммед Муким-хана) с приведением событий, имевших место в постоянно украшенные и всегда гармонирующие дни его августейшего правления. (Все для того,) чтобы по прошествии (долгих) лет, месяцев и дней это не изгладилось из людских речей и сердец и не исчезло бы из воспоминаний простых и привилегированных классов; да чтобы и занимающиеся исторической наукой, побуждаемые наблюдательностью и (своим) проницательным разумом, познакомившись с событиями из эпохи великих предков, постоянно и заботливо следовали правилам и обычаям их как на пирах, так и на войне, и подражали бы установленным ими распорядкам и навыкам.

Стихи:

Как хороша историческая наука и сообщаемые ею сведения:*
(Весь) мир озаряется ее светом.
В истории находят данные о мире.*
Именно, каковы были прежде мировые движения.
В истории о пророках и посланнике (Мухаммеде)*
Мысль получает сведения о частностях и о целом.
Из истории черпают сведения о Тайе,[15]*
(А равно) когда был Джамшид[16], когда—Кайкаус[17].

Согласно (вышеупомянутому) высочайшему повелению, я, ничтожная пылинка, как тростник, склонил голову перед царским приказом и, предав себя попечению божественной милости, опустился водолазом описания в море (исторических) известий. И, собрав по крохам ряд сведений, обнимающих выявление (поставленной мне) цели, я доставил их к берегам обнародования, разделив (свою книгу) на введение и три главы и назвав ее—Муким-ханская история. У Аллаха помощь!

Введение (излагает) о восхождении благородных предков великолепного государя к Бузанджир-хану, сыну Аланкувы, и в сокращенной форме—те события, которые вращение времени совершило по отношению тех высокоименитых властителей.

Глава первая (трактует) о появлении (на исторической сцене) государя, наместника всемилостивейшего (Аллаха), Мухаммед Шейбани-хана, и покорении им областей Мавераннахра (со включением событий) до эпохи хакана-мученика, Абдулму'мин-хана.

Глава вторая (говорит) о восшествии на бухарский престол великого государя, Джани Мухаммед-хана, и о его потомках, коих называют Аштарханидами, до кончины его величества, величайшего хакана, славы султанов среди арабов и персов, высокославного государя, сейида Субхан-кули бахадур-хана,—да озарит Аллах его гробницу и да увеличит он к нему в высших селениях рая милость свою!

Глава третья (излагает) восхождение блестящего светила правления, современного государя, убежища справедливости и охраны веры, (Мухаммед Муким-хана), и то, что случилось во время его со дня на день увеличивающегося господства.

ИСТОРИЯ АЛАНКУВЫ, ДОЧЕРИ ЧУБИНЭ ЮЛДУЗА, КОТОРАЯ БЫЛА ЛЮБИМИЦЕЙ ПЛЕМЕНИ КУРАЛАС[18]

Упомянутый Чубинэ через ряд предков (своим происхождением) восходит к Огуз-хану[19], сыну Кара-хана, сына Дибакуй-хана[20], сына Яфета, сына Нуха,—да будет ему мир! Яфета же с тех пор, как его святой и великий отец, деля после потопа страны (земли), дал ему восточные области, стали называть Ильчи-ханом.

История, которую мы хотим рассказать, принадлежит к числу чудесных и необыкновенных. Если кто-либо внимательно присматривался к (проявлению) всемогущества всевышнего, тот знает, что в мастерской его воли это всемогущество не кажется странным. И в некоторые эпохи и века проявление (его) могущества обнаруживает удивительные вещи и редкостные и поразительные случаи, которые заслуживают доверия и внимания людей проницательных. Одним из них является происхождение человека без участия отца и матери, вроде появления Адама,—да благословит его Аллах!—или создания, без участия мужчины, Иисуса,—да будет мир нашему пророку и ему! Как сказал Аллах благословенный и всевышний: «подлинно Иисус (перед Аллахом) подобен Адаму»[21]. Так как любое повеление возможно для его естества. Не менее того, в разных исторических книгах, на основании известий летописцев, рассказывается, что в отдаленных странах Востока есть остров, все население которого—женщины. Причиной их размножения служит следующее. Когда они почувствуют сильное плотское вожделение, то погружаются в воды (существующего у них) источника и совершают там омовение всего тела. В это время от чрезвычайного наслаждения и удовольствия (купанием) от всех их отделяется семя и в их утробах зарождается человеческое существо. А так как мужское семя к

этому не присоединяется, то все дети их бывают девочками. Подтверждением этого является и удивительное происшествие с Аланкува, — (впрочем) истина (сего) лежит на ответственности рассказчика,—которая без участия мужчины произвела трех детей. Так что говорили:

Стихи:

Если ты услышишь рассказ про Мариам (мать Иисуса),*
То таким же образом отнесешься и к Аланкува.

Картина жизненных обстоятельств последней была такова. Однажды ночью эта госпожа страны красоты и розовый куст сада прелестей спала в своей кибитке и увидела, что показался свет; пройдя через отверстие в крыше, он принял образ кочевого араба с синими глазами. Он очень осторожно приблизился к ней, (затем) тихонько повернулся и, превратившись в волка, вышел в дверь кибитки. Аланкува, пораженная происшедшим, сильно перепугалась, но не сочла нужным объявить об этом (кому-либо). Спустя несколько времени она почувствовала себя беременной от того света. Когда ее положение стало слишком очевидным, ее родные вытащили меч упреков из ножен притеснения и сказали: «Как могло случиться, что незамужняя женщина стала беременной?!» Аланкува рассказала бывшее с ней происшествие, но ей не поверили, пока сами, бодрствуя как-то ночью подле кибитки красавицы, не увидели собственными глазами (посещавший ее чудесный свет).

Подивившись божественному могуществу, родные замолчали.

В конце концов у Аланкувы родились три сына; первого назвали Бузкун-Кики, от него ведут (свое) происхождение племена: катаган и кият; второй назывался Бусалджи, от него происходит народность салжиут[22], третий был Бузанджир-каан, к которому восходит генеалогическое древо Чингиз-хана. (Словом же) бузанджир монголы называют волка.

Через некоторое время между племенами и родами возникли смуты и неурядицы; никто никому не подчинялся и не повиновался. (В конце концов) признали необходимым вручить власть одному человеку, чтобы он водворил порядок среди народа. Жребий пал на Бузанджира; значительная часть глав племен посадила его на престол царства и полновластья. У него было два сына; старшего звали Бука-хан; после (смерти) отца он утвердился на царском месте. У Бука-хана также был сын—

Туминэ-хан; у него было девять сыновей, восемь из них были убиты, и имена их неизвестны, девятого звали Кайду-хан. У него было три сына, первого звали Байсунгур-хан. У последнего был сын по имени Туминэ-хан, от которого родились два сына, одного из них звали Кабил-хан, а другого Качули-бахадур.

66

СОН КАЧУЛИ-БАХАДУРА И ИСТОЛКОВАНИЕ (ЕГО) ТУМИНЭ-ХАНОМ

Однажды ночью Качули-бахадуру приснился сон, что из пазухи его брата Кабил-хана взошла звезда и померкла, затем взошла другая и скрылась, появилась третья и закатилась, (наконец) появилась четвертая звезда, ослепительно яркая, свет которой распространился на несколько других светил и каждая из них была сброшена на определенную страну.

Когда это блестящее светило исчезло, мир продолжал оставаться освещенным. Качули проснулся, но (скоро) опять заснул и увидел (во сне), что из его пазухи взошла звезда и скрылась, взошла другая (и померкла).

И так было до семи раз; в восьмой появилось огромное блестящее светило, которое озарило (своим светом) весь мир; от него отделилось несколько других звезд и каждая осветила определенный участок.

Проснувшись, Качули пошел к отцу и рассказал ему виденный сон. Туминэ-хан обрадовался (слышанному), позвал другого сына, Кабил-хана, и заставил Качули рассказать свой сон брату. После этого Туминэ-хан истолковал его таким образом: «Из поколения Кабил-хана три человека утвердятся на ханском престоле; после этого еще другой из его потомства станет царем и подчинит себе большую часть мира. Из рода Качули произойдет семь человек и восьмой покорит весь мир». Истолкование сна (по отношению) Кабил-хана (оправдалось в том смысле, что из его рода) ведет господство государя-миродержца, покорителя вселенной, Чингиз-хана, а (в отношении) Качули-бахадура (оно означало) происхождение от него власти государя, обладателя счастья, султана земли и времени, повелителя круговорота (событий), царя царей, владыки вселенной, эмира Тимура гургана.

(После смерти Туминэ-хана) братья Кабил-хана присягнули (ему) в верности и препоручили ему ханство. Авторитет и доверие, которыми пользовался среди монгольских племен Кабил-хан, были весьма велики.

У Кабил-хана был один сын по имени Бартан-бахадур; он имел много детей, его старшего сына звали Есукай-бахадур. У этого от старшей жены, по имени Олун-Эке, появилось на (жизненную) арену дорогое дитя, подобного которому тысячеокий небесный свод, все время вращающийся вокруг вселенной, еще не видел ни в одну эпоху. Когда этот государь появился на свет из недр небытия, он имел в руке некоторое количество крови, похожее на кусочек печени. Это, по мнению мудрых, указывало на того, кто произведет расстройство на земле и будет проливать кровь[23]. (Действительно), его кровопролитие достигло таких пределов, что Марс-кровопийца упрочился (даже) в шатре Венеры.

Мальчику дали имя Темучин. После этого Есукай-бахадур переселился из (этого) тленного мира в страну вечности, и племена возвели Темучина на царство. Он был по виду атлет и силен и храбр был в такой степени, что барс и тигр казались ему лисицей. Был в то время один мудрец, достигший высшего познания, которого звали Теб-тенгри, т. е. «служитель того, кому поклоняются». Он долгое время жил в уединенных местах долин и в пещерах гор, пребывая в молитве и поклонении всевышнему богу. Тщетно искали (разные) султаны и ханы предшествующего времени возможности вступить с ним в сношения, это им не удавалось: отшельник все время гнушался общения с знатными людьми. Когда Темучин утвердился на царском престоле, этот великий человек преднамеренно (сам) явился к нему. Так как Темучин счел это (для себя) благоприятным признаком, то выступил к нему навстречу, слез с коня и пошел рядом с ним; ввел этого благочестивого человека в свою ставку, посадил на престол и, как послушный раб, стал ему прислуживать. И святой, открыв уста приветствия, произнес:

Стихи:

С этого времени ты себя не называй больше Темучином:*
Тебя уже (свыше) нарекли Чингиз-ханом,
Потому что значение (слов) чингиз-хан*
На языке шаманов есть хан над ханами[24].
Все его так и наименовали.

И этим именем его вновь приветствовали. После сего отшельник вернулся к себе и, избрав своим жилищем опять пещеры и уединение, больше уже не общался с людьми.

ИСТОРИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ ЗВЕЗДЫ ЧИНГИЗ-ХАНА, СЫНА ЕСУКАЙ-БАХАДУРА, СЫНА БАРТАН-БАХАДУРА, СЫНА КАБИЛ-ХАНА, СЫНА ТУМИНЭ-ХАНА, СЫНА БАЙСУНГУР-ХАНА, СЫНА КАЙДУ-ХАНА, СЫНА ТУМИНЭ-ХАНА, СЫНА БУКА-ХАНА, СЫНА БУЗАНДЖИР-ХАНА, СЫНА АЛАНКУВЫ

В 569 (1173—1174) г. Чингиз-хан воссел на миродержавный престол в восточных странах и, опоясавшись поясом отваги, окончательно сокрушил монгольских и туркестанских ханов, очистив мир от существования этого сословия. Он покорил Китайское государство, Мавераннахр, Хорасан, оба Ирака, Малую Азию и (вообще) большую часть стран Востока и Запада.

Однажды, созвав народное собрание, он выступил на нем с такой речью: «О мои эмиры, наместники и приближенные! У меня никогда не было мысли в отношении притязаний (на чужие земли) и завоеваний (других стран) и я довольствовался бы собственной страной. (Но) так как (многие) видели (вещие) сны, видел и я таковые, то я отказался от всего, (кроме одного): страсть владычествовать над всем миром овладела моим духом. И вот моя воля. Если вы объединитесь и утвердитесь (в намерении) убивать, умирать и разлучаться (со своими) женами и детьми и (всецело) подчинитесь моим приказаниям и повелениям, то, несомненно, (мое) желание к достижению (поставленной мною цели) осуществится. В противном случае каждый (из вас) волен идти, куда хочет!» Все собрание, (выслушав это), сразу закричало: «Мы всецело согласны убивать, умирать, покинуть жен и детей и предать потоку и разграблению государства и имущества. Мы не признаем ничего другого, кроме самопожертвования, и в этом полагаем наше счастье!».

Чингиз-хан понял, что эти слова свидетельствуют об (их слепой) покорности и преданности (ему), (его) сердце возликовало и он решился на завоевание мира.

Первый сон Чингизу снился такой: он (будто бы) распростер руки и в каждой руке у него было по мечу, одним он касается Востока, а другим—Запада.

Другой сон он видел такой: у него на голове находится корона, а он обвязывает голову черной чалмой (столь длинной), что совершенно нет у нее конца. А затем поверх этой чалмы оказалась белая чалма, и некоторые нити, одни черные, другие белые, свешиваются вниз.

Когда Чингиз-хан проснулся, он попросил истолкователей снов объяснить значение (виденного им). Каждый объяснил это по-своему. А в конце концов снотолкователи заявили, что в Хотане есть один известный истолкователь снов. Его доставили к Чингиз-хану и приказали объяснить значение виденных снов (хана). Тот человек был еврей. Он сказал: «Государь завоюет страны неверия и ислама и подчинит их себе. Черная чалма есть неверие, а белая—правоверие (ислам). Нити же, (что свешивались с чалмы), обозначают потомков (государя); белые нити указывают на то, что некоторые из них будут мусульманами, а черные—на тех потомков, которые останутся в своей вере». Чингиз-хану понравилось такое объяснение.

Когда стало общеизвестно в мире его счастье (в достижении) мировоевательных целей, султан Мухаммед-хорезм-шах, которому подчинялась большая часть обитаемой четверти земли, пожелал узнать положение Чингиз-хана и военных сил монголов. Он отправил к хану послом сейида Бахауддин-Гази, чтобы он соображениями разума и разведки выяснил численность его войска и народа. Чингиз-хан в это время был в китайском городе[25], потому что перед этим он завоевал Китай.

9б

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, [КОТОРЫЕ РАССКАЗЫВАЕТ] СЕЙИД БАХАУДДИН

Когда я приблизился к городу Тамгачу, показалось возвышение вроде (белой) горы; оно было примерно, десяти фарсангов (в окружности)[26]. Я спросил встречных: «Эта страна теплая, и я слышал, что здесь не бывает ни снега, ни льда; что же это за гора?».

Они засмеялись и сказали: «Это не снег, а кости тех, которых там убили, мясо съели дикие и домашние животные, а кости остались».

Проехав еще немного пути, я достиг территории, по которой ехал до (самой) ночи, приблизительно, пять фарсангов. Вся поверхность этой земли была черна, пропитана жиром и издавала зловоние. Я удивился этому, а мне сказали:

— «На этом пространстве происходила война, и весь народ здесь был перебит. Отсюда на десять фарсангов то же самое».

Зловоние же до того было сильно, что несколько человек (из нашего каравана) заболели и умерли. (Наконец) я достиг до города (Тамгача), на одной стороне которого (крепостной) ров был завален беспре-

дельным количеством костей. Мне (невольно) пришло в голову: «Откуда эти кости и почему их свалили в кучу, как обмолоченный и перевеянный на гумне хлеб?» Я спросил об этом местных людей; они ответили:

«С каждой стороны города устроили по башне такой же величины, как ты видишь (здесь). Во время взятия (города) со всех башен (защитники) сбросили своих дочерей, чтобы они не достались монголам; число девушек было двенадцать тысяч». И (все) остальное в таком роде. Я сказал: «Я хочу объехать эти городские укрепления». Мне ответили: «Это займет четыре дня».

10*а* ПРИБЫТИЕ ПОСЛА (ХОРЕЗМШАХА) К ЧИНГИЗ-ХАНУ

Когда сейид Бахауддин явился в ханское заседание, (Чингиз-)хан оказал ему почет и спросил о здоровье султана Мухаммеда. Через несколько дней он дал ему прощальную аудиенцию и сказал: «Передай высокодостойному падишаху следующее: ты повелитель Запада, а я повелитель Востока, ты—уже царствовавший монарх, а я глава молодого государства; пока от тебя не проистечет (в отношении меня худое), не сделается и от меня (тебе что-либо дурное)». Затем ответ послу заключил в следующих словах: «Договор (наш) таков: когда люди государства (т. е. Монголии) отправятся в то государство (т. е. во владения хорезмшаха), да будут они там (как бы) в колыбели покоя. И оттуда когда приедут в эти (мои) области (люди), пусть им будет лучше здесь, чем там (на родине). И да не противится сему никто!»

Чингиз-хан отправил (с послом) хорезмшаху (разные) подарки и подношения, в числе которых был кусок золота, украшенный драгоценными камнями, и по форме (своей) как шея верблюда, так что (вследствие тяжести) его повезли в повозке.

Когда посол прибыл к султану Мухаммеду и доложил (все происшедшее с ним), хорезмшах подумал, что он говорит это по слабости (духа).

10*б* УБИЕНИЕ (ЛЮДЕЙ) И РАЗГРАБЛЕНИЕ КАРАВАНА ЧИНГИЗ-ХАНА СУЛТАНОМ МУХАММЕД-ХОРЕЗМШАХОМ

Искусный в выборе выражений стилист так говорит: когда посол уехал, многие, что годами оставались в Монголии, проводя время вда-

ли от родины и в одиночестве, пожелали вернуться домой. Они отправились туда с спокойным сердцем, (но) прибытие (их на родину) было то же самое, что и переселение на тот свет. Короче говоря, так много людей осталось без голов и тел, без жен и детей, что из всего каравана сохранил жизнь лишь один сарбан[27], который принес живым весть о мертвых. Это известие стало для Чингиз-хана причиной огорчения и оскорбления. Он отправил (к хорезмшаху) посла со словами: «Подобного рода образ действий по нашей вере есть беззаконие, а вы, мусульмане, не пожалели (своих единоверцев) и поступили противно (своим) обещаниям. Во всяком случае верните имущество убитых их наследникам». Но так как несчастье уже простерло свою руку над султаном Мухаммедом и благополучие отвернуло лицо от его чертога, то он не совершил дела, которое приличествовало бы разуму и нужно было (его) государству.

Стихи:

Когда судьба становится неблагоприятной для человека,*
Все то он делает, что не следует».

В противовес (требованиям Чингиза) он послал ему грубый ответ. Чингиз-хан (вследствие этого) замыслил дать (хорезмшаху) отпор, подобрал поводья мести и противодействия (ему)[28].

11а

О ПОХОДЕ ЧИНГИЗ-ХАНА В СТОРОНУ МАВЕРАННАХРА В ОТМЩЕНИЕ ЗА УБИТЫХ И ПОКОРЕНИИ ЕГО

В 615/1218 г., вследствие жестокости султана Мухаммеда-хорезмшаха, который отправил в рай несколько купцов, бодрствовавших ночью на молитве, было сильно задето чувство достоинства Чингиз-хана[29]. Он потребовал инспектора войск и приказал ему произвести письменный подсчет армии. Всего оказалось восемьсот знамен и под каждым знаменем по тысяче человек, так что всего было восемьсот тысяч воинов. Эта армия, отмеченная признаками страшного суда, выступила в поход. Через три месяце пути монголы достигли (города) Отрара, который был владением[30] султана Мухаммеда; они его взяли и произвели убийства, не оставив никого в живых. Султан Мухаммед послал разведчика, чтобы

он принес сведения (о монголах). Через несколько дней он вернулся и сказал: «Я видел войско, которое на пирах плачет, а в битве смеется; все воины—как пальцы одной руки и, как руки, помощники друг другу. Приказанию (своего) государя они повинуются в сытости, довольствуются им в голоде, могучи в войне, терпеливы в несчастьях, удовольствия и покоя не знают, бегства и поражения не ведают. Оружие делают сами и сами о нем заботятся. В походе все одинаковы, друг с другом единодушны, одноязычны, не стесняются никакой пищей и одеждой; довольствуются молоком и сывороткой; едят мясо всех животных и ни к кому не имеют чувства жалости. У беременных женщин вспарывают животы и отделяют у младенцев головы от тела. Если доходят до большой реки, то не останавливаются, а сшивают кожи, кладут в них (как в мешки) платье, привязывают их к хвостам лошадей и, уцепившись за гривы последних, переплывают (на другой берег)».

Словом, лазутчик столько рассказал в таком роде, что сердце хорезмшаха сошло с места. Его объял страх и, не имея возможности сопротивляться (монголам), он, не задерживаясь, бежал от одного перехода до другого.

Чингиз-хан отправился на Бухару, взял ее и предал убийствам и грабежу, разрушению и опустошению. Султан Мухаммед был в Самарканде; не имея сил сопротивляться, он оставил (в городе) сто десять тысяч человек, а сам удалился. Чингиз-хан сам отправился туда, в три дня взял (город); пятьдесят тысяч мусульман были убиты, большинство мужчин и женщин сделались рабами; город был опустошен и разрушен; никто не получил пощады. После этого (Чингиз) послал сто тридцатитысячный отряд войска по следам султана Мухаммеда. Последний, не останавливаясь, бежал в Казвин, оттуда в Гилян, откуда, не задерживаясь, направился в Мазандеран. И на острове Абескун[31] умер от огорчения. И сколько ему ни говорили: «К чему это бегство? Ведь нигде (поблизости) нет ни следов, ни признаков монголов!»—султан Мухаммед возражал и, ругаясь, говорил в ответ: «То, что я вижу и слышу, вы не видите и не слышите!»

Короче говоря, от (расстройства) воображения и от страха он помешался и у него не осталось ни рассудка, ни самообладания, ни выдержки.

Монгольские отряды всюду, куда приходили, чинили убийства и грабежи и не оставляли признака того или иного населенного места. Во

всех областях Хорасана и Ширвана, в провинциях Ирана, Азербайджана и Хамадана население было перебито и никто не остался в живых.

12а УБИЙСТВА И ГРАБЕЖИ В ТЕРМЕЗЕ, БАЛХЕ, БАДАХШАНЕ И В ДРУГИХ ГОРОДАХ

Чингиз-хан направился к Термезу. (Взяв его) и предав мечу и разграблению, он пошел в Бадахшан на Балх. Пока Чингиз не взял его и не опустошил, он в то время был весьма населенным городом, так что имел тысячу двести соборных мечетей, тысячу двести бань и пятьдесят тысяч сейидов, ученых и уважаемых людей. Отсюда монголы направились на Мерв Шахиджахан, который и взяли одним приступом; население было перебито. По подсчету, убитых было миллион триста тысяч человек. Отсюда пошли на Нишапур, где в битве пал зять Чингиз-хана. Придя в ярость, Чингиз по взятии города приказал на семь дней затопить его водой, после чего на этом месте посеяли ячмень. Число убитых (в Нишапуре), кроме женщин и детей, доходило до одного миллиона семисот сорока семи тысяч человек[32]. Отсюда Чингиз-хан выступил на Герат. Тамошнее население усилило городские укрепления. (Монголы стали громить стены) и вдруг сразу обрушилось пятьдесят аршин стены. Через этот пролом монголы вошли, взяли город и не пощадили ни молодых, ни старых. Они приложили меч уничтожения и не оставили в живых ни одного обитателя, так что число убитых исчислялось в двадцать шесть тысяч человек. Хвала Аллаху, царю всемогущему![33] Все частные дома, правительственные и общественные здания были разрушены, в живых остался лишь один тамошний хатиб[34] с пятнадцатью людьми, которые спрятались в подземельях. Через несколько дней (когда монголы ушли) эти люди, выйдя из своих несчастных убежищ, смогли питаться только травой и укрываться под стенами развалин.

Одним словом, Чингиз-хан столько проявил (разрушительной) энергии и истребил людей, что настоящее краткое обозрение не может вместить исчисления всего им совершенного и потому о каждом событии было сказано лишь вкратце, в общей форме.

Когда приблизилось время смерти Чингиз-хана, он потребовал к себе своих сыновей: Угетай-каана, Джагатай-хана, Тули-хана—и детей Джучи-хана, что были его внуками, и сделал (им такое) завещание.

13г

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА И ЕГО СМЕРТЬ

Он сказал: «Дети мои, знайте, что сила молодости сменилась (у меня) слабостью и беспомощностью и (мне) приказывается отправиться в тот мир; таким образом неизбежное приблизилось. Хвала богу, что сильной мышцей своей я приобрел для вас обширные владения протяжением в один год пути. Я бросил в мир (свой) миродержавный лозунг и выражение (своего) могущества (так), что если (даже) сто неизвестных и ничем (особенно) не отличающихся монголов отправятся в отдаленные страны Запада, то результатом этого явится осуществление (моих завоевательных) намерений. Теперь моя последняя воля и мой вам совет таков: будьте в союзе друг с другом, если же будете в раздоре, то скоро потеряете царство. Если будете жить в согласии, то структура (вашего) государства будет крепкой и основательной и вы проведете долгую жизнь и будете безопасны от господства врагов. Все это при том условии, что вы не будете искать (предлогов) к нарушению моих положений. Я покажу это вам на одном примере». И Чингиз-хан приказал подать свой колчан, дал каждому (из присутствующих) по стреле и приказал, чтобы они (их) переломили. Они исполнили это. После того, собрав все стрелы вместе, Чингиз-хан сказал: «(теперь) переломите!». Сколько (его) дети и внуки не напрягали своих сил, (они) не смогли переломить (всего пука стрел). Этот случай имел место в 624 (1227) году.

Стихи:

Сказал это и смежил (свои) он очи,*
Ты сказал бы: Чингиз-хан и не родился.

Время всей его жизни было семьдесят три года, а время его царствования—двадцать пять лет. Его тело похоронили под одним деревом, как он сам распорядился.

От дней Каюмерса, первого человека[35], не было подобного ему завоевателя из Пишдадов, Каянидов, Сасанидов и Ашканидов[36]. Он овладел (всеми землями) от пределов Китая до отдаленных стран Запада.

После него сделался государем его сын Угетай-каан. Джагатай-хану он отдал западные страны, после Джагатая сыновей не осталось. (Сына) Тули-хана он послал в Малую Азию, в оба Ирака и Хорасан. Туда же пошли с Хулагу-ханом и другие потомки (Чингиз-хана) и больше уже не вернулись[37].

Детям Джучи-хана (Чингиз-хан) пожаловал Дешт-и Кипчак с прилегающими районами. Теперь калмыцкие султаны возводят свое происхождение к Угетай-каану. Если кто пожелает получить действительно точные сведения о детях, внуках и (дальнейших) родственниках Чингиз-хана, он найдет таковые в V томе «Сада чистоты»[38].

Так как теперь осталось подробно выявить происхождение его величества (Мухаммед-Муким-хана) от упомянутого Джучи-хана и исчислить детей последнего, то обратимся к (осуществлению) этой цели.

Да не будет скрыто от драгоценных мыслей и от все детально постигающих умов мудрых людей, что Джучи-хан умер раньше своего отца в (своей) ставке в Дешт-и Кипчаке[39] в возрасте двадцати лет; некоторые же историки говорят, что он переселился из этого тленного мира в мир вечности (в возрасте) между тридцатью и сорока годами, и это более близко к истине. У Джучи-хана было два сына: один Урус-хан, другой—Шейбан. Сын Шейбана—Кубугай-султан; у него был сын Хызр-хан, у последнего сын Бахадур казак. У этого был сын Наята Гул-султан; у него сын—Ходжа Буга-султан, сыном которого был Минг Тимур-султан, а сыном последнего—Улуг Пулат-султан; от него произошли Ибни-султан и его сын Давлат Шейх-султан, а от этого—завоеватель мира, Абу-л-Хайр-хан, которому (потом) подчинились государство Дешт-и Кипчака и пределы Туркестана и Сыгнака[40] (Сугнака). Еще в ранней молодости, когда ему не было и двадцати лет, он, силой (своего) счастья, могущества, величия и славы, освободив Хорезм из обладания старшего из детей покойного государя эмира Тимура гургана, Шахрох-мирзы,—да озарит Аллах их гробницы!—утвердился наверху ханского трона и хаканского престола[41]. Имея сильную склонность к общению с полюсом достигших воссоединения с истиной и с помощью стремящимся (к высшему познанию), Маулана Хусейн-и Хорезми[42], да будет священна память его! он (всегда) получал великодушную помощь из сокровенного «я» этой квинтэссенции людей познавших. Превосходство, счастье, величие и крайняя степень великолепия Абу-л-Хайр-хана достигли такого предела, что большинство государей мира обращались к нему за помощью в (осуществлении) своих домогательств; так, во время завоеваний, (предпринятых) потомками Кара-Юсуфа туркмена[43], старшие потомки эмира гургана султан Абу Са'ид-мирза, Менучехр-мирза, Мухаммед-Джуки-мирза и Султан Хусейн-мирза, прибыв к хану,

были у него как бы состоящими в его свите сановников, и такой помощью и покровительством его (Абу-л-Хайр-хана) они достигли цели своих стремлений и в апогее все возрастающего счастья получили корону прочного и спокойного правления[44].

Стихи:

Не осталось в реке капли и в степи пылинки,*
Которые не были бы участниками в милостях его благоволения.

Одним словом, около сорока лет он, в силу своего душевного равновесия, счастливо и безмятежно правил в Дешт-и Кипчаке, который является наиболее восхитительным из стран мира и который он подчинил своей власти от пределов России до границ Булгара вместе с областями Туркестана[45].

Стихи:

Он тот государь, который море*
(Милостей) изливал из своей руки.
Во время могущества (своего) звезду Канопус из (своей) десницы*
Посылал на поклон к звезде Алькор.
В битвах копытами (своих) огромных коней взметывал в воздух
(целые) горы.

Более ясным доказательством похвал личности Абу-л-Хайр-хана и мерой его (превосходных) качеств могут служить его потомки.

15*а* ## ИСЧИСЛЕНИЕ ВЫСОКОРОДНЫХ ДЕТЕЙ И ПОТОМКОВ АБУ-Л-ХАЙР-ХАНА

Да не останется скрытым, что у его величества было одиннадцать сыновей, но знак зрелости ума проявлялся на челе двух детей: Шах-Будак-султана и Кучкунджи-хана. У Будак-султана было двое счастливых сыновей: один—хакан, наместник всемилостивого (Аллаха)[46], Мухаммед-Шейбани-хан, другой—Махмуд-султан. У Шейбани-хана было три сына, (три) благословенных отпрыска: Тимур-хан, Хуррем-шах султан и Суюнч-Мухаммед-султан. У Махмуд-султана (брата Шейбани-хана) был один сын Абу-л-гази Убайдулла бахадур-хан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

15*а*

ПОЯВЛЕНИЕ ШЕЙБАНИ-ХАНА И ОТТОРЖЕНИЕ (ИМ) МАВЕРАННАХРА ИЗ-ПОД (ВЛАСТИ) ПОТОМКОВ СУЛТАНА АБУ САʼИД-МИРЗЫ

Поскольку повествование достигло до сего места, ароматное перо, начертывающее буквы, признало за благо представить в краткой форме благоуханную картину жизненных обстоятельств хана-мученика, Мухаммед Шейбани-хана, его славного брата Махмуд-султана и дорогого сына последнего Убайдуллы-хана. Да будет известно, кто был причиной и что было поводом к переходу Мавераннахра от Тимуридов к ханам Дешт-и Кипчака. Историки на страницах (своих) хроник так рассказывают (об этом).

Когда блаженной памяти хан, Шейбани-хан, родился в 855/1451 г. во время царствования своего великого деда, Абу-л-Хайр-хана, последний назвал его Мухаммед-Шейбани-ханом, прибавив к сему (имени) прозвище шахбахт[47]. В 858/1454 г. родился Махмуд-султан и дед дал ему это имя и прозвище бахадур.[48] Когда умер Абу-л-Хайр-хан, то племена и роды на некоторое время остались без главы и руководительства и оказались разобщенными и разъединенными, пока не достиг совершеннолетия султан (Шейбани-хан). Объединив племена и (своих) родственников и поставив ноги крепости на путь (честолюбивых) исканий, он предпринял покорение Мавераннахра. Так как чаша власти султанов—Тимуридов—переполнилась и луна их величия, достигнув полноты, пошла на ущерб, то божественная воля заключалась в том, чтобы изъять царства из (обладания) этой династии, именно страны Мавераннахра и Хорасана, и перенести из крепких городских стен тленного мира в степи вечности столько славных, как Джамшид, падишахов и столько

высокомогущественных султанов (все для того), чтобы внести в обладание захвата и во двор порядка (узбеков) области Мавераннахра и районы Туркестана от границ Кашгара и пределов Балха, Бадахшана и Хорасана до стран Азербайджана.

Стих:

Сотни тысяч жизней погибли,*
Пока Мухаммед в одну ночь совершил вознесение на небо.

(Действительно), это было событие, которым закончили (почти) в течение года свое существование преемники султана Абу Са'ид-мирзы,— да озарит Аллах его гробницу!—в течение долгого времени владевшие областями Мавераннахра. Пораженные (как бы) болезнями и недугами, они поспешили (уйти) в вечность из этого преходящего мира. И вся территория Мавераннахра и Туркестана со всеми областями Балха и Бадахшана ушла из их обладания и твердо закрепилась за его величеством Шейбани-ханом.

Правителем Балха в то время был Бади' аз-Заман-мирза, сын Султан Хусейн-мирзы. Чтобы освободить город (от этого Тимурида) Шейбани-хан, самолично перейдя Аму-Дарью, взял Балх[49] и вверил его своему среднему сыну Хуррем-шах-султану.

После того, как Султан Хусейн-мирза скончался в 911/1506 г., Шейбани-хан, ввиду отсутствия единения среди детей этого Тимурида, овладел Хорасаном со всеми его округами и районами и отдал его старшему сыну, Тимур-хану, сделав его своим (хорасанским) наместником.

16б

КОНЕЦ ЖИЗНИ ШЕЙБАНИ-ХАНА

Когда солнце его фортуны достигло апогея, в 916 (1510) году оно (неожиданно) закатилось на запад (его) мученичества.

Стих:

Да, да! За каждым совершенством следует упадок.

Изложение этого страшного несчастья вкратце таково. С того времени, как Шейбани-хан оперся на престол Хорасана, он часто посылал

посла к самому выдающемуся среди ложноверующих, шаху Исмаилу, извещая его в такой (приблизительно) форме: «Последуй одному из двух: или избери правила суннитского вероисповедания, коим следовали твои отцы и деды, или будь готов к войне (со мной) не на жизнь, а на смерть». Так как переписка обеих сторон закончилась повторением (одного и того же)[50], то шах Исмаил, собрав в Ираке, с целью кровопролития, злоумышляющее, с нравами собак, войско и армию неверия и заблуждения[51], направился против хана и настиг его в районе Мерва. Несмотря на то, что подле августейшего стремени в то время, кроме немногочисленного отряда, не было других сил, шах Исмаил, страстно желая прервать жизнь (своего соперника), устремился на блестящую благородную личность (последнего). А так как перо предопределения начертало на челе этого миродержавного государя знак мученичества, то люди заблуждения победили его и предали смерти со всеми его окружавшими[52]. Ученые хронограммой победы кызылбашей сделали (выражение): кулах-и сурх (красная шапка)[53].

Шах Исмаил после этой победы вошел в Мерв, подверг жителей всеобщему избиению и, разрушив башни и крепостные стены, вернулся в Герат.

17а ХАРАКТЕРИСТИКА ОТМЕЧЕННОГО БЛАГОЧЕСТИЕМ ПАДИШАХА, СУЛТАНА ЛЮДЕЙ ПОЗНАНИЯ, АБУ-Л-ГАЗИ УБАЙДУЛЛА БАХАДУР-ХАНА

Убайдулла-хан б. Махмуд-султан б. Шах-Будак-султан б. Абу-л-Хайр-хан был таким государем, который в обычаях (соблюдения) правосудия являлся единственным, а в способах войны с неверными чрезвычайно талантливым. Радея всегда о возвышении знамен веры мухаммедовой и о поднятии штандартов прославленного[54]—да благословит его Аллах и да приветствует!—он распространял науки согласно с божественным законом. Укрепляя постоянно общину избранника и[55] споспешествуя постановлениям пророческой сунны, он был идеален по (обнаруживаемой им) энергии и настойчивости в искоренении основ ереси и в уничтожении здания заблуждения. И всевышний бог не пожалел для него никакого превосходства и совершенства человеческого, (так что) при наличии храбрости и геройства его называют вместилищем

(всех) превосходств и совершенств и автором (многих) трактатов религиозного содержания.

В начале молодости и на первых порах увлечения могуществом и успехом в землю его сердца запали семена счастья (духовного) руководства. Имея склонность к общению с его святейшеством, полюсом полюсов, помощью сподвижников наставника мира, (т. е. Мухаммеда), с руководителем народов, маулана Ходжаги-йи Касани, известным (под именем) величайшего господина (Махдум-и а'зам)[58], да освятит Аллах его драгоценный дух!—он так старался об очищении своего внутреннего «я» (от всего мирского), что в ревности о выполнении религиозных обязанностей проводил (все) удобное время за пятикратной молитвой и оканчивал (ее) после (всех) руководствовавшихся его примером. Однажды он сказал имаму: «Какое великое счастье у других, что они только созерцают обращение (своего) сердца к великой кыбле и подражают (ей)[57]! А я в осуществлении этой цели (пока) тружусь и ожидаю, когда-то еще станет видно (мне) обиталище (истины)». Имам, поняв, что его величество хан знает все (это) в применении к собственному состоянию, ответил: «Государь, внешнее (это) то, когда меньше прилагается усилий и старания к очищению внутреннего «я»; каждый же скорее удостаивается этого счастья в зависимости от своих аскетических упражнений». После этого хан в очищении своего сердца постарался в такой степени, что великий наставник (Махдум-и а'зам) в одном из своих благословенных трактатов написал про нашего высокодостойного хана. Последний был одним из его полномочных халифа[58].

То, что изложено (здесь) в отношении совершенных качеств этого высокославного государя, (есть)

Стих:

Капля в море и брызга в реке.

Когда он родился, то полюс шейхов и знаменитых в мистическом познании людей, Насируддин-ходжа Убайдулла, известный под прозванием Ходжа-йи Ахрар[59], по просьбе отца ребенка, дал последнему имя Убайдулла, назвав его своим славным именем в знак чрезвычайного к нему благоволения.

Следствием этого было то, что в этом преходящем мире остались вечными памятники его (Убайдулла-хана) славной деятельности и замечательные достижения.

В то время, когда Шейбани-хан оказался осажденным в Мерве (кызылбашами)[60], Убайдулла-хан прежде всех перешел реку Джайхун и поспешил к нему на помощь. Не думая о численном превосходстве неприятелей, он направился к Мерву и в тот же день, во время второго намаза[61], когда Шейбани-хан принял мученичество, вошел в город, забрал там свою жену Могул-ханум и соизволил благополучно переправиться через Джайхун, (уйдя обратно в Мавераннахр).

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
18*а* УБАЙДУЛЛА-ХАНА ПРОТИВ БАБЕР-ПАДИШАХА[62], ПОРАЖЕНИЕ БАБЕРА И ВОСШЕСТВИЕ НА БУХАРСКИЙ ПРЕСТОЛ УБАЙДУЛЛА-ХАНА

После того, как шах Исмаил сделал мучеником его величество справедливого государя, Шейбани-хана, Бабер-падишах, убежавший от ярости армии хана-мученика в Кабул, (теперь, окрыленный) отважностью шаха Исмаила, опять вернулся и вступил в Мавераннахр, (но) не больше восьми месяцев был владыкой могущества. Великие и благородные люди Самарканда и Бухары, ввиду подчинения его еретическому народу, все отвернулись от него[63].

Убайдулла-хан с отрядом в 2800 человек, у большинства которых не было (даже) луков и стрел, а те, что имели это, представляли ощипанное войско,—двинулся на Бухару. Бабер-падишах выступил против Убайдулла-хана. Обе стороны извлекли из ножен распри кровь проливающие мечи и согрели поле битвы кровью храбрых[64]. Согласно коранскому стиху: сколько раз небольшие отряды побеждали многочисленные ополчения по соизволению Аллаха[65], Убайдулла-хан победил; Бабер бежал, и весь Мавераннахр перешел в обладание султанов—Шейбанидов. Они поделили между собой все его области, (причем) Убайдулла-хану досталась во владение Бухара, а Кермине и Мианкаль[66] с несколькими другими районами препоручились Джани-бек-султану; также и каждому из других султанов было назначено (во владение) по отдельной области[67].

18*б* О ДЖАНИ-БЕК-СУЛТАНЕ И ЕГО ПОТОМСТВЕ

Да будет известно, что у другого брата Шах-Будак-султана, по имени Ходжа-султан, были дети, из коих старший назывался Джани-

бек-султан. У него было двенадцать сыновей, но знаки истинного пути начертаны были на челе превратностей жизни (лишь) у трех из них: у первого—Кистен-кара-султана, у второго—Искандер-хана и у третьего—Пир-Мухаммед-хана. У Искандер-хана было четыре сына: первый, старший из них,—его величество в бозе почивающий Абу-л-гази Абдулла бахадур-хан, у которого был один сын, Абд-ул-Му'мин-хан.

19*а*

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДЖАНИ-БЕК-СУЛТАНА ИЗ ЭТОГО МИРА (В ДРУГОЙ) И СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ПОСЛЕ ЭТОГО

Когда шах Исмаил отвернул лицо от этого мира и поспешил в чертог возмездия, на его престол воссел его сын шах Тахмасп. Султаны Шейбаниды, будучи единодушны в отношении мести за хана-мученика, объявили священную войну тому главе развращенного народа. Оба войска сошлись в районе Бахарз-и Джама и[69] выстроились друг против друга. После сражений, схваток (всяческих) усилий и колебаний войска ислама, по предопределению всеведущего царя, потерпели поражение; все узбекские царевичи, рассеявшись, (с большими потерями) устремились в свое отечество, исключая Джани-бек-султана, который со всем (своим) отрядом невредимым и целым вернулся домой. Но неожиданно, по воле небесного произволения, его чистая особа подверглась недомоганию и страданию, которые закончились (серьезной) болезнью и больной стал безнадежен, так что в конце 935 (1528—1529) г. в чистом городе Кермине царственный сокол (его) духа, полного милости божьей, вылетел из клетки тела.

В это время ханское достоинство[70] среди всех (Шейбанидов), по праву наследства, утвердилось за Абдулазизом, сыном Убайдулла-хана. Названный хан поднял штандарт (верховной) власти в престольном городе Бухаре.

В его эпоху доказательством (выражения): «я единственный в (своей) эпохе» был уника времени, редкость века, столп каллиграфов мира, образец (всех) красивопишущих, Маулана Мир-Али. Он—ученик Зайнуддин-Махмуда, а этот учился у Маулана Султан Али-йи Мешхеди[71], а последний в отношении ученичества восходит к Азхару, который в каллиграфии был ярче солнца. Он же был учеником Мауланы

Джа'фара; упомянутый же Маулана был непосредственным учеником Ходжи Мир-Али-йи Тебризи[72]. Маулана Султан-Али в честь последнего составил нижеследующие стихи:

Если существует (почерк) насталик тонкий и четкий,*
То основоположник (его)—Ходжа Мир-Али.
С тех пор, как существует вселенная и человечество,*
Никогда в мире не было такого почерка.
Он создал (его) по своему утонченному таланту*
Из почерка насха и почерка талика.
Камыш его пера потому так сладостен,*
Что он происходит из чистой земли Тавриза.
Ты не отвергнешь его по невежеству,*
Чтобы, как ты знаешь, не быть без (его) покровительства.
Старые и молодые каллиграфы*
(Все) срывают колосья с его нивы[73].

Следующие стихи составлены упомянутым Маулана (Султан-Али) относительно того, как он сподобился получить радость овладения художественным творчеством:

В юности я чувствовал охоту к письму,
Любовь к нему прогоняла слезы с моих очей.*
Я мало гулял по улицам:
Пока мог, все писал.
Так что даже из пальцев я делал перо
И, представляя письмо, выводил (ими) буквы.*
Случайно однажды Ходжа Мир-Али
Пришел ко мне, как сострадательный человек,*
Отыскал перо, бумагу и чернильницу
(И) двадцать девять букв (алфавита), начиная с первой,*
Написал и сейчас же дал мне (как образец).
Я обрадовался его вниманию,*
Потому что он был благочестивый и отзывчивый человек.
И его состояние духа изменяло состояние душ других,*
По этой причине у меня еще больше увеличилась любовь к каллиграфии.
Мое сердце пленилось (этим) чистым человеком[74]*
Я вознамерился (обратиться) к гробнице Али

И поупражнялся в четком письме*
В том предположении, что дело (о моей способности) будет разрешено
(в положительном или отрицательном смысле)
(Этим) государем, который покажет мне во сне (свою) красоту*
Так что ночью я увидел его в видении.

Он посмотрел на мой почерк и подарил мне перо.*
Я сократил (изложение этого) сна,
(Так как) рассказ о нем очень длинен.*
Больше (же) этого я не осмеливаюсь сказать ни слова,
Потому что не имею возможности говорить (на эту тему).*
Я, Султан-Али,—раб Али,
Слава моего почерка связана с его именем.*

Пятью связующими звеньями (вышеназванный знаменитый бухарский каллиграф), Мулла Мир-Али, является учеником Ходжи Мир-Али. У Муллы Мир-Али было много учеников и каждый из них в искусстве каллиграфии был таков, что на него показывали пальцем. Старейший из них—Ходжа Махмуд-и Сиявушани. В большинстве памятников своего письма он подписывался (просто) Устад (Мастер) и, по мнению некоторых каллиграфов, в мелком почерке он (даже) был лучше, чем Мир-Али. Последний в отношении Ходжи Махмуда написал следующие стихи:

Ходжа Махмуд тот, который некоторое время
Был учеником у этого ничтожного раба.*
Ради его обучения я жестоко страдал,
Пока его почерк воспринял образ (действительно прекрасного) письма,*
В отношении его не найдено ни одного недостатка,

Но и сам он тоже не делал (никакого) упущения:*
Все, что он сам пишет о плохом и хорошем,
Все делает во имя (меня) бедняка.*

Относительно искусства (Муллы Мир-Али) известно следующее. Некто попросил его изобразить отдельные буквы. Мир-Али немедленно взял перо и написал азбуку в алфавитном порядке с двадцатью тремя упражнениями для обучающихся каллиграфии, и не успела еще высох-

нуть точка, поставленная им под буквой б, как все буквы были кончены и притом в таком виде, что

Стих:

Каждая буква (была) подобна завитку усов
красавца,*
Каждая же точка (была) как мушка (подле) губ прекрасной
рассказчицы.

Жизнь его (Муллы Мир-Али) продолжалась шестьдесят три года. Он покинул этот мир в 951 (1553—1554) году. Один из ученых людей сказал относительно его смерти следующее стихотворение-хронограмму:

Ту славу совершенства, главу владык искусства,*
Мы увидели во сне с похвальными действиями
И спросили: «что нам сказать о времени твоей смерти?»*
Он ответил: скажи: «Мир-Али скончался»[75].

Тело его похоронили подле светоносного мазара его святейшества, шейха Сайфуддина Бахарзи[76].

В эту эпоху область Балха была препоручена Кистень-Кара-султану, сыну Джани-бек-султана. Когда Абдулазиз-хан умер в 957/1550 году, то правивший в Ташкенте его брат, Мухаммед-Рахим-султан, услышав об этом, отправился в славную Бухару. (Однако) божественное предопределение расстроило (его замыслы): на середине пути он вручил отданную ему на сохранение жизнь сообразно с назначенным на это сроком. Его храбрый сын, Шах-Бурхан-султан, быстро достиг резиденции носителя верховной власти.

21а ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ШАХ-БУРХАН-ХАНА, СЫНА АБДУРРАХИМ-СУЛТАНА, СЫНА УБАЙДУЛЛА-ХАНА, УБИЕНИЕ ЕГО МИРЗОЙ-АКА И ПРАВЛЕНИЕ ИСКАНДЕР-ХАНА

Когда (упомянутый) царевич прибыл (в Бухару), то некоторые страстно желавшие, а большинство поневоле, возвели его на престол. Он же все время не отнимал губ от чаши с вином и постоянно пьянствовал, будучи беспечен относительно охранения государства и забот

о положении войска и подданных. Совершенно (никого) не боясь, он (открыто) совершал неодобрительные поступки, так что все сошлись на мысли о его устранении. В то время его величество, блаженной памяти Абдулла-хан, был в Кермине. Слыша про беспечность Бурхана и расстройство дел Турана, он собрал войско с целью покорения Мавераннахра и выступил в поход. В начале сего он сподобился близко познакомиться с его святейшеством, иршадом[77] добродетели, руководительством истинного пути (высокой) степени, с полюсом воссоединяющихся с истиной, помощником правоверных и советником чертога творца, с Ходжа Мухаммед-Ислам Джуйбари, так как он имел благожелательное отношение к семейству этого великого человека[78]. Вцепившись в чудодейственный подол его платья[79], Абдулла-хан попросил его оказать ему помощь своим благосклонным покровительством, и тот святейший ишан[80] опоясал Абдуллу-хана поясом и прочел над ним фатиху[81]. В ту же ночь Мирза-ака, один из уважаемых эмиров Шах-Бурхан-хана, замыслил против него (дурное) и, посадив в засаду несколько злых людей, хитростью заманил хана (к тому) месту, а сам, выпустив из-за угла кровожадного орла стрелы, окрасил кровью ханского тела его клюв. Тогда бывшие в засаде и (только) поджидавшие этого случая выхватили блестящие, как молния, шашки, сразу набросились на хана и быстро прикончили его.

Стих:

Человека, который утром (еще) имел на голове украшенную
драгоценными камнями корону,*
Я увидел вечером (уже) с кирпичом под головой.

Один из современных ученых в следующем четверостишии привел хронограмму этого события:

Стих:

Над Бурханом, которому правился путь жестокости,*
Высоко взвился штандарт несчастья в (этом) мире.
Он насильственно погиб, чтобы получилась дата его смерти:*
Меч смерти через насилие снес ему голову[82].

Когда Абдулла-хан услышал эту весть, его доверие к покровительству того великого шейха увеличилось. Он пригласил к себе из Керми-

не своего отца и посадил его на престоле Бухары; сам же отправился в поход с целью завоевания и покорения (разных) стран. Он подчинил своей власти всю территорию Мавераннахра, Туркестана, Кашгара, Дешт-и Кипчака, Хорезма, Балха и Бадахшана. (Затем) вознамерился освободить Хорасан (из-под власти кызылбашей). И эту область он отнял у шаха Аббаса, сына шаха Тахмаспа, до самого Ер-купрюка, который был крайним пунктом Хорасана. Он отдал Хорасан (в управление) Кульбаба кукельташу, одному из своих старейших слуг; последний в течение двенадцати лет, находясь в Герате, высоко держал знамя власти, так что один из поэтов написал в честь его похвальную оду, в которой (характерны) два следующих двойных стиха:

Ты украсил слуг своего величия цветами правосудия,*
Ты, наиболее блестящий, подарил из Герата сад владычества веры.
Если от молвы о твоем величии враги ушли в Ирак,*
То (потому, что) нет ни одного мужа с таким (как у тебя) количеством
военных хитростей, свойственных охотничьей птице.

Тот высокославный государь, выступив в Дешт-и Кипчак, овладел им до (зоны) Больших гор и Малых гор. И, взойдя на ту гору, на верху которой (когда-то) его величество, обладатель счастья, полюс мира и веры, эмир Тимур гурган, воздвиг из камня башню и вырезал на ней свое имя,—Абдулла-хан соизволил приказать, чтобы искусные мастера построили другую башню против той (тимуровской) и начертали на ней имя Абдуллы-хана. Государи всего мира заискивали перед ним и присылали к нему послов с большими деньгами и большим количеством разных тканей. Он проявлял безграничное старание в деле постройки доброполезных зданий вроде высших учебных заведений (медресе), мечетей, дервишских ханака[83], мостов на реках, укрепленных постоялых дворов на торговых путях (рабат) и (прочих) зданий. Говорят, что он во дни своего правления спросил однажды архитекторов и ответственных мастеров, какое количество построек ими возведено (по его распоряжению). Они после подсчета доложили, что, помимо всех прочих построек, ими сооружен тысяча один рабат и сардоба[84]. После сего обстоятельства Абдулла-хан еще четырнадцать лет был на престоле славы, так что количество сооружений еще больше было увеличено.

Посадив своего отца на престол, сам Абдулла-хан занялся священной войной (против кызылбашей). В короткий срок Искандер-хан от-

вратил лицо от этого мира и поспешил в царство вечности[85]. Пир-Мухаммед-хан, правитель Балха, узнав скорбное известие о (смерти) брата, с многочисленным войском направился на Бухару. Абдулла-хан в это время был в походе на Мазандеран. Знатные люди Мавераннахра, узнав о приближении Пир-Мухаммед-хана, в целях мира и предотвращения распри постановили, чтобы упомянутый хан оставался в Балхе и с его именем чеканилась бы монета и читалась пятничная молитва, а в Мавераннахре был бы Абдулла-хан. После сего так и решили и обе стороны украсили (своими именами) вершины минбаров (кафедр в мечетях) и аверсы монет[86].

Несмотря на то, что у Абдуллы-хана таковы были стремительность и могущество, что он (вполне) мог бы освободить Балх и Бадахшан (из-под власти Пир-Мухаммед-хана), но из уважения к его преклонным годам он в течение четырнадцати лет, пока был жив Пир-Мухаммед-хан, оставался спокойным. После смерти названного хана Абдулла-хан, сделав своего сына, Абдулму'мин-хана[87], наследником престола, послал его в Балх.

23а

О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ МАВЕРАННАХРА ВЫСОКОДОСТОЙНЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ АБДУЛЛА-ХАНА[88], ОТПРАВЛЕНИИ АБДУЛМУ'МИН-ХАНА В БАЛХСКУЮ ОБЛАСТЬ И ПОКОРЕНИИ ЕЕ

Стих:

Отправился к Балху хан, величием подобный Джамшиду,*
С отрядами войск, оставляющими впечатление страшного суда.
Поднял знамена счастливый государь*
Для взятия той крепости, центра царей.

Дин-Мухаммед-хан, сын Пир-Мухаммед-хана, услышав о походе Абдулму'мин-хана, весьма опечалился и испугался. Он отправил (к Абдулму'мин-хану) во главе посольства святейшего полюса мистиков, порядка церкви и веры, маулана Мухаммед-Захида, известного под именем Махдум-и базарча[89], чтобы в соответствии с (словами Аллаха): «примиряйте поэтому между собой ваших братьев»[90] помирить обе стороны. Тот великий человек, явившись к (Абдул-

му'мин- хану) и раскрыв уста красноречия, сказал: «Дин-Мухаммед-хан признает себя покорным вам и вами поставленным (правителем Балха). И из всех тех проступков, которые он, возможно, совершил (перед вами), он каждый из них признает равным тысяче. После сего он не уклонится с пути послушания».

Абдулму'мин-хан сказал: «Если слова его искренни, то пусть он посетит меня и никакое беспокойство не должно лежать на его сердце. Если он желает, я попрошу у своего отца Хорасан и, получив его, отправлюсь туда, а он спокойно останется в Балхе, если же он хочет сам туда пойти, то я постараюсь осуществить его намерение». Обласкав посольство, Абдулму'мин-хан щедро одарил святейшего шейха и послал Дин-Мухаммед-хану почетное платье. По возвращении посольства (и по докладе его о результатах) Дин-Мухаммед-хан счел это выпавшее на его долю счастье за проявление слабости со стороны Абдулму'мина. Он сразу приказал забить в большой ханский барабан, затрубить в трубы и заиграть на флейтах, объявить о выступлении из крепости многочисленного войска и напасть на армию Абдулму'мин-хана. Когда (эти) два моря войны всяческим образом предались убийствам, то большинство людей Дин-Мухаммед-хана оказалось исчезнувшим в пламени мечей расправы, а остаток войска, израненный и разбитый, с тысячью затруднений пробился в крепость и напряг усилия к удержанию последней.

В конечном итоге осада Балха затянулась на десять месяцев. Раздраженный Абдулму'мин, подвигнув себя к более решительным действиям, овладел городом. Дин-Мухаммед-хан, Клыч-Кара-султан и Джан-Кара-султан, дети Кистень-Кара-султана и другие султаны сделались добычей орла смерти. Области Балха и Бадахшана обрели спокойствие под властью Абдулму'мин-хана. Последний в течение двадцати шести лет[91] был в Балхе на правах почти самостоятельного наместника. И всякий раз, когда высокостепенный хакан, Абдулла-бахадур-хан намеревался выступить в поход, он назначал своего сына в авангард, так что он, выступив впереди отца, овладел областью Мешхеда в Хорасане, где произвел общее избиение еретиков-шиитов, выбросил из могилы кости шаха Тахмаспа, который был главой ложноверующих, бросил их в огонь ярости, а пепел развеял по ветру. И относительно этого написал письмо султану Мураду, кесарю Рума[92], следующего содержания.

КОПИЯ ПИСЬМА АБДУЛМУ'МИН-ХАНА К СУЛТАНУ МУРАДУ, КЕСАРЮ РУМА, ПОСЛЕ ПОКОРЕНИЯ ОБЛАСТИ МЕШХЕДА, СОЖЖЕНИЯ КОСТЕЙ ШАХА ТАХМАСПА, СЫНА ИСМАИЛА, И ПОГОЛОВНОГО ИЗБИЕНИЯ ВСЕХ ЛОЖНОВЕРУЮЩИХ

24а

«Да будут блестящими: вершина царской палатки господства и великолепие чертога величия и счастья от сияния разгоняющего мрак победного знамени, (ибо) Аллах наделяет своей милостью кого хочет[93], Аллах—владыка великих щедрот[94]; да зажжется огнем подобная Фаркаду[95] вершина неизменного халифского достоинства и макушка подобного небесному своду безмятежного государства от драгоценных камней радостной короны, (ибо) подлинно милость в руке Аллаха, он дает ее кому хочет[96], то есть свет, освещающий мир, власть, испепеляющая врагов, отражение солнца, подножие вечного владычества, орнамент из украшений дворца, основанием которого является небо, его величество, до небес превознесенный, лучший из государей, наделенный могуществом Сатурна, свирепостью Марса, величайший, достохвальный хакан, могущественный повелитель площади мира, свет, озаряющий вселенную, апогей (о котором сказано:) мы вознесли его на высокое место[97], полная луна высокого достоинства, (как говорится:) мы избрали его в этом мире[98], строитель зданий правоверия, разрушитель языческого неверия, убежище людей и духов, защитник земли на Востоке и на Западе, султан двух материков и обоих морей[99], служитель двух священных мест (Мекки и Медины),

Стихи:

Государь, власти которого подчиняется (само) время,*
Его великолепие из конца в конец охватило все страны света,
(Вознесшись) превыше света луны и солнца;*
Его достоинство проистекает из благостного купола неба.

Да прославит Аллах всевышний победой знамена его и да распространит он на земле приказания его! Истиной, неослабно надзирающей и любвеобильной, над главами постоянно занимающихся распростерты (своды) келий сочинений

и новых творений, а перед паломниками протянуты пути осуществления и достижения (их целей). Кроме того, драгоценности возносимых мною молитв, как запасы прежних (непочатых) сокровищ, да умножат то украшение драгоценными камнями (т. е. султана) избытком (у него) правил и постановлений, (свойственных) благородным людям. Остроумные (мои) выражения, исполненные скромности, как спрятанные сокровища рудников мудрости, сверкающими перлами и яхонтами увеличат то украшение. Обильно же ниспосылаемое небесное покровительство высоко вознесет (меня), молящегося о продолжительности бытия обширного государства (его величества) и о прочности его важных дел.

После (сего) написанного источник новостей таков: так как всегда поводом к намерению и причиной к мысли, домогающейся и прилагающей все старания к достижению правильных выводов, было то, чтобы удачными усилиями и счастливыми предприятиями удалить со сцены (бытия) народ кызылбашей, это расстройство эпохи и сопротивляющуюся банду злодеев, проклятое существование которых стало преградой для стремящихся к дому Аллаха и препятствием для паломников, совершающих обряд хождения вокруг Ка'бы, то (отныне) перед стремящимися идти этим путем и перед привратниками его (святого) чертога стали открыты врата (их) целеустремлений и желаний. Во время (существования) вечного государства (вашего величества) оба наши народа, которые суть редкостный клад святейшего творца, (теперь) могут в безмятежном и спокойном состоянии заняться (выполнением) тех необходимых потребностей (религии)[100]. Когда возникло искреннее намерение и осуществилось соответствующее мероприятие, то с помощью вышних войск и с поддержкой невидимых сил ангельского лика, в начале победоносного года мыши[101], рабы его величества, сопутствуя стремени могущественного государя, величием подобного Джамшиду, а по армии — Александру (великому), блестящего солнца, неба могущества, светлой луны в сфере халифского достоинства, коронодарителя, украшения мира, покорителя вражеских крепостей, счастливого обладателя поверхности мира, уничтожающего всякие следы неверия и обмана, моего родителя, сосредоточия всех моих упований,—да продлит всевышний Аллах на веки его царствование!—направились походом на Герат, который является столицей Хорасана. С божественной помощью небольшим усилием овладев той, подобной Сатурну, крепостью со всеми подвластны-

ми (ей) и прилегающими (к ней) районами и угодьями, победные знамена направились на Мешхед и его округа.

В это время, вкратце говоря, до высочайших ушей дошло (известие), что некоторые из (его) противников, лицемерные люди, подняв на границах Дешт-и Кипчака восстание, направились на Туркестанскую область. Мироукрасительная мысль его величества, обладателя счастья, тени божьей (на земле), остановилась на таком решении, что когда лучезарное солнце, сопутствуемое помощью и победой, обратится к той вероломной шайке, то звезда, подобрав поводья решительности, (примет такие действия, чтобы) несколько определенных (мятежников), тысячью хитростей и множеством средств возбудивших подобные Плеядам ожерелья народных масс, буреподобным ударом победоносных войск рассыпать и рассеять, как звезды в созвездии Девы. И в первое уже время он дал такой урок скопищу аралыков[102], предела и числа которого не могли бы определить (даже) счетоводы записей судьбы и предопределений, что он (этот урок) стал поучительным примером для всех мятежников и злонамеренных людей. В силу этого происшествия ханы и султаны Кашгара, непокорные киргизы, калмыки и мятежники Дешт-и Кипчака до Китайского Дербенда[103] и Улуг-тага очистили с зеркала сердец своих ржавчину злобы и лицемерия, все склонили лица покорности на тот (царственный) порог, который является средоточием всех верных. Выбросив из головы мысль о мятеже, они вложили шеи повиновения в ярмо приказания и продели в уши кольца рабства. Государь Индии также закрепил дружбу с этим высокославным домом: он прислал к сему чертогу убежища ислама Хэким-Хумама, одного из своих особо доверенных лиц[104], с дарами, подношениями и письмом, заключающим выражения дружбы и любви. Такое количество выражений расположения, полного единения и тесного сближения было проявлено (при этом), что больше того и представить невозможно!

Мы также, сопровождаемые счастьем и удачей, взяли направление на (вторую) столицу Хорасана и вступили в (район) Мешхеда. Множество народа из бродяг кызылбашей и банды злодеев, лишенных всего необходимого, открыв врата возмущения и сопротивления, вступили (с нами) в сражение. С моей стороны выступившие борцы за чистую веру и всегда вспомоществующие витязи, зажегши печи в своей груди огнем ярости против того неверного сборища, извлекли из ножен мечи мести

и вступили (с ними) в бой, так что пыль от копыт [лошадей помрачила солнце.

Стих:

От копыт коней на этом широком просторе*
Земля стала шестеркой, а небо восьмеркой[105].

Но так как все мысли и вся энергия (у нас) были направлены на то, чтобы стереть с поверхности дней пыль огорчения, (поднимаемую) этим бесчестным народом, (этой) скверной нацией, то в конце концов, сообразно (изречению): подлинно, действия согласуются с намерениями, с помощью господа величия мы нанесли поражение этому народу. Множество из него стало добычей жадного до крови меча Марса. В соответствии со смыслом стиха:

Уйти невредимыми с поля битвы*
Лучше, чем (проявить) геройство и быть голове под ногами,

неприятель обратился в бегство к крепости. Потому что (его) скакуну мысли было одно повеление: несмотря на потрясающие условия битвы, (достичь) района крепостного рва, подобного (шириной и многоводием) Оманскому морю. При крайней неудаче птицы мысли, при всем ее весьма высоком полете, было (одно) желание: усевшись на зубцы крепостных стен, по возможности, отсидеться в крепости. Неприятель, закрыв двери мира и прямоты, открыл врата возмущения и бунта. (Наши) бойцы за веру и витязи приложили чрезвычайные усилия и многочисленные старания к осаде названной крепости. И в течение четырех месяцев обе стороны непрерывно, не покладая рук, боролись (за обладание Мешхедом), пока внезапно доброжелательные борцы за веру и опытные воины не произвели общего штурма крепости. Они быстро бросились на эту твердыню, верхи которой хвастливо себя приравнивали к верхам неба, которая по своему величию считала земной шар земляным холмом и у своего подножия и гласис которой был подобен основанию мира, погруженного в океан[106]. А тот океан был обширен и глубок вроде степи воображения и мысли. Защитники же крепости были искренними друзьями кровожадного Марса, а рыба крепостного рва была интимным товарищем Быка земли[107]. Как орлы, распустив свои крылья, они, вспомощест-

вуемые десницей святейшего и всевышнего творца, взобрались на верх крепостной стены, (по высоте) подобной Сатурну[108], и водрузили на ней, как на высшей точке мира, знамя победы и торжества. Пораженные (этим) несчастием войска еретиков и мятежники, (засевшие) в цитадели, перед которой крепость небес при всей неприступности и высоте казалась пологостью и низменностью][109], а зелень глубины ее рва не была безопасна от вреда, наносимого ей Быком земли[110],—перенесли (всю) тяжесть унижения.

Стих:

Камень, выпущенный пращником,*
И после его жизни может раздробить самую высокую голову.

И в течение двадцати дней неприятель прилагал чрезвычайные усилия, чтобы отстоять цитадель. В конце концов (воины), преданные чистой вере и следующие благой мысли о превосходстве того мира, отвергнув (всю) выгоду этого мира, не щадя своих жизней, устремились вперед ногами мужества и отваги и, напрягши свои сильные мышцы, достигли окраины рва, который глубоким морем облегал (все) стороны (стены), представляя собой нечто непроходимое. Отсюда, направив судно усилия, перетащили платье остановки к подножию стен цитадели, для описания неприступности и крепости которой не находится слов. Уцепившись за крепкую веревку божественной милости, (войска) взобрались на верх стен и извергли мечами погибели множество заблудшего народа (и заняли цитадель). Некоторые из врагов, потомки главы посланников (Аллаха)[111], искали спасение у порога святейшего имама (Ризы)[112]. Сопутствуемые счастьем, зависящим от (высшей) помощи, и победой, соединенной с триумфом, мы направились к этому благословенному порогу и (листы) тетради жизни малолетних и взрослых того злого народа развеяли ветром смерти и очистили страницу (наших) дней от ржавчины злобы этой бесславной шайки.

После одержания этой славной победы мы услышали, что глав кызылбашей, в частности шаха Тахмаспа, похоронили подле святейшего имама (Ризы). (Считая), что это священное место не может быть осквернено присутствием подле него (праха) этого нечестивого еретика, мы вскрыли его поганую могилу и в тигле гнева сожгли его скверные кости на огне ревности (к вере). В течение нескольких (последующих) дней мы послали отряды борцов за веру и героев на Туршиз, Махал-

лят[113] и Тавриз, а сами, упоенные могуществом и счастьем, направились в Исфараин[114] и другие районы. И, хвала Аллаху! в короткое время все области оказались в обладании святых (нашего) победоносного государства.

В это время султан и наместники областей Хорезма пересекли (отделявшее их от нас) расстояние и с дороги искреннего расположения присоединились к нашим войскам. Бог даст, в начале весны, осуществив поход на Хорасан и сделав Герат (своей) столицей, мы с многочисленным войском выступим на Ирак, находясь у победоносного стремени великого хакана, главы турецких и персидских государей. Если его величество, в соответствии с (выражением) «соблюдайте верность в (ваших) обязательствах»[115], также приказали искоренить, уничтожить и истребить эту позорную партию сектантов, то на осуществление этого пусть приложат энергию высоких достижений, чтобы (вся) грязь этого нечистого народа сошла с чистой арены (правоверия). Во всяком случае (это) послужит увеличением могущества и славы обоих (наших) государств. Все прочие обстоятельства будут доложены рабом (высочайшего) порога, Мухаммед-кули ишик-ака-баши[116].

Да будет вечное государство превыше всего!»

Рассказывается, что среди шейбанидских государей никто не обладал такой смелостью, мужеством и упованием на волю Аллаха (как Абдулму'мин). Проявляя крайнюю энергию в завершении всех дел, он в течение шести месяцев восстановил до самого основания разрушенную крепость Балха и притом такими мерами, что если, (например), рабочий ленился, то его по ханскому приказу вместо глины и кирпича закладывали в стену. И теперь еще видны там (в стенах) следы человеческих скелетов. Большинство почитаемых зданий (города) было украшено изразцами, вроде портала и купола над полным благодати мазаром его святейшества, убежища святости, Ходжа Абу Наср Парса[117]. Путешественники, побывавшие во всех странах мира, признают, что ни в одном городе нет ни одного здания, так основательно и прекрасно построенного, (как в Балхе). Портал ворот балхской цитадели (арк), здание мазара Ходжи Акашэ[118], чарсу[119] Баба-Джанбаза, мазар святейшего государя мужей[120],—да осветит Аллах лицо его!—и прочие (сооружения) являются созданиями его энергичного строительства. Его рас-

поряжения в настоящее время стали руководящими, и все государи им следуют.

28а

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АБДУЛЛА-ХАНА В ЦАРСТВО ВЕЧНОСТИ, ВЫСТУПЛЕНИЕ (ИЗ БАЛХА) АБДУЛМУ'МИН-ХАНА, ВОСШЕСТВИЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛ В БУХАРЕ И ЕГО УБИЕНИЕ ПОСЛЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ (ПРАВЛЕНИЯ)

Если было бы возможно существование розы без шипов,*
То в мире всегда было бы и другое удовольствие (жить).
Этот старый постоялый двор—бренный мир*
Был бы прекрасен, если бы перед его воротами не было смерти!

Писатели, изобразители несчастья, так рассказывают. Когда Абдулла-хан после сорокалетнего правления стал вождем войска смерти в 1006 г.[121], так что дата сего (в выражении) каим шуд киамат[122], Абдулму'мин-хан, услышав об этом, быстро перешел через реку (Аму-Дарью) и направился в Бухару. Знатные люди этого государства знали его горячий характер и силу его гнева и (потому) посадили его на царский престол поневоле и неохотно. Правление его продолжалось шесть месяцев. Абдулму'мин узнал, что бухарское население привыкло к благотворительности и благочестию его отца и, недовольное его действиями, злоумышляет против него.

Он решил перебить наиболее знатных лиц. Последние, узнав об этом, собрались на тайное совещание, (где) каждый из бахадуров[123] заявил о своей готовности посягнуть (на совершение) этого большого дела[124]. В числе присутствующих был один старый казах, он сказал: «Так нельзя говорить!» И, встав с места, обнажил грудь каждого присутствовавшего на собрании и, положив (поочередно) на сердце каждого руку, узнал, что у всех сердца при представлении (выполнения затеянного) сильно трепещут, как рыбы. И (лишь) двум человекам старик сказал: «Ваши сердца я нашел на месте». И жребий совершить то дело выпал на этих двух людей. (Для приведения в исполнение задуманного заговорщики) увлекли хана под предлогом охоты в направлении Ура-Тюбе и Заамина. И (там) ночью запрудили воду (в одном) длинном и узком проходе, по которому предстояло проехать хану; по обеим же сторонам прохода сделали выемки, куда и поместили, справа и слева, тех двух злополуч-

ных убийц (своего) господина. И на заре, посадив хана на коня, (свита вместе с ним) доехала до этого прохода, и под предлогом, чтобы не забрызгать водой и грязью августейшую личность, (все) натянули поводья своих лошадей (и, отстав от хана), тихо ехали, пока там, где были выемки, смерть не повернула их обратно. Первый, Мухаммед-кули, ханоубийца, лук которого был (уже) натянут, поразил стрелой хана в бок навылет, а другой проклятый (убийца) также выпустил стрелу неверия.

Когда хан упал с коня, те неблагодарные сразу набросились на него и отрубили его благословенную голову, достойную короны царства.

Стихи:

Начало мира—небытие, а конец—тленность*
В отношении его постоянно (лишь) сомнение, а вечность ошибочна.
Не привязывайся к жизни, проводимой во сне нерадения,*
Тот человек, что опирается на подушки своего трона,
Труднее (переносит) превратности судьбы.*
День дает тебе две отсрочки (в смерти), а ты говоришь:
«Эта жизнь постоянна».
Посмотри, как плачет камень, и не говори, что это влага.*
Осведомься, как стонет гора, но не думай, что это эхо.
Вот небо, имя которому высокая сущность,*
Посмотри же, почему оно согнулось вдвое под тяжестью горя?[125]

После сего происшествия послали людей в разные области с поручением (найти) принца, (заместителя убитого) Абдулму'мин-хана. Однако (сколько ни искали такового), не нашли, потому что во дни Абдулла-хана большинство (Шейбанидов) погибло в походах на Иран, Кашгар и Дашт-и Кипчак, некоторые же из них проявили неповиновение (своему сюзерену) и он послал их путем небытия. Одним словом (оказалось), что, кроме Абдулму'мин-хана, другого не было, и когда это определенно выяснилось, троны Мавераннахра, Балха и Бадахшана оказались вакантными. Во (всем) государстве возникли неурядицы и анархия, никто не хотел подчиняться другому.

Стих:

Неожиданно зажгли мир,*
Эту двуханственную вселенную, вследствие смерти двух ханов[126].

Подробности (всех) этих событий изложены и объяснены (пространно) в (разных) исторических трудах, которые написали прежние авторы об этой эпохе. Так как настоящее сокращенное изложение не ставило целью перечислить (всех) правивших государей, то из тысячи (их) описан (лишь) один, а из событий (только) незначительная часть.

У Аллаха—покровительство и помощь!

ГЛАВА ВТОРАЯ

29б

О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ГОСУДАРЕЙ (ИЗ ДОМА) АШТАРХАНИДОВ, К КОТОРЫМ ПЕРЕШЛО ГОСУДАРСТВО МАВЕРАННАХРА ПОСЛЕ ШЕЙБАНИДОВ

Первого из них звали Джани-хан. Родословная его представляется в таком виде: Джани-хан, сын Яр-Мухаммед-хана, сына Багишлау-хана, сына Чувак-хана[127], сына Мухаммед-хана, сына Бахадур-хана, сына Кутлук-Тимур-хана, сына Кутлук-Буга-хана, сына Урус-хана[128], сына Джучи-хана, сына Чингиз-хана[129].

29б

СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ УРУС-ХАНА

Историки так рассказывают. Когда Тохтамыш-хан[130] потерпел поражение от Кутлук-Буга, сына Урус-хана, он нашел приют у эмира Тимура гургана. Последний назвал его своим сыном и предоставил ему (соответствующее его положению) помещение. (Затем), дав ему войско, послал его против Кутлук-Буга. (В последовавшем) сражении Кутлук-Буга был убит. Урус-хан, услышав об этом отравляющем жизнь известии, послал к эмиру Тимуру посла, требуя выдачи Тохтамыша за кровь своего сына. Обладатель счастья нашел это несовместимым с благородством. Урус-хан возмутился, дыша злобой, послал другого посла. Ответ последнему был дан (Тимуром) такой:

Стих:

«Иди и скажи от меня Урус-хану:*
«Не пугай дождем речную птицу!»

В конце концов дело дошло до вооруженного столкновения: обе стороны выстроили войска (и завязали бой), в этом сражении Урус-хан был убит. (Подвластные ему) племена (частью) были уничтожены,

(частью) рассеялись; его престол и корону[131] Тимур ввел в сферу своего обладания; уцелевшие его дети рассеялись по разным государствам. Кутлук-Тимур-хан прибыл в Астраханское ханство, что лежит на окраине России (Урус). (Там) он некоторое время провел в огорчениях, а потом, (когда его хорошо) узнали, предоставили ему тамошнее управление. Его потомки правили там до Яр-Мухаммед-хана. (Затем) среди братьев и племен возникла вражда, и Яр-Мухаммед-хан вместе со своим сыном Джани-бек-султаном не могли оставаться в Астрахани и, покинув родину, во время Искандер-хана[132] прибыли в Бухару. Яр-Мухаммед-хан, состарившись, уже не имел телесных сил и потому узбеки прозвали его «Старый Яр-Мухаммед». Искандер-хан оказал ему почет и выдал замуж за его сына, Джани-бек-султана, свою дочь Зухра-ханум. От этого брака произошли три сына: Дин-Мухаммед-хан, Баки-Мухаммед-хан и Вели-Мухаммед-хан. В бозе почивающий Абдулла-хан послал Дин-Мухаммед-хана править Несой и Бавердом[133], а его два брата состояли на службе при Абдулла-хане.

После убийства Абдулму'мин-хана бухарские эмиры посадили (было) на престол Джани-бек-султана, но он не согласился (быть ханом) и сказал: «Хотя я и Чингизид, но верховная власть над Мавераннахром должна принадлежать кому-нибудь из шейбанидских царевичей». В конце концов признали достойным такой власти Дин-Мухаммед-хана, который был племянником Абдуллы-хана; послав в область Несы и Баверда падишахские регалии, провозгласили пятничную хутбу в мечетях и выбили монету с именем Дин-Мухаммед-хана. В это время кызылбаши, услышав о смерти двух государей (Абдуллы-хана и Абдулму'мин-хана), сразу победоносно напали (на узбеков) и выхватили Хорасан из-под их власти. Дин-Мухаммед-хана с двумя братьями осадили в Баверде. В первый день (по осаде), приготовив войско к бою, Дин-Мухаммед-хан лично стоял под (боевым) знаменем, поручив командование войском (своему) брату Баки-Мухаммед-султану. Началось сражение . Тот храбрый царевич...

Стихи:

Был сокол, а (перед ним) стая воробьев:*
Он был лев, (а перед ним) степь, полная диких коз.

Несмотря на немногочисленность своего войска, Баки-Мухаммед-султан произвел такой жестокий бой, что позабылась (даже) история Рустема и Асфендиара[134]. Однако в этот день победа не была ни на чьей стороне. На другой день (хан) поручил ведение боя (другому своему брату), Вели-Мухаммед-султану. Последний тоже проявил в этом сражении мужество. На третий день боя (сам) Дин-Мухаммед-хан погнал коня (на поле битвы); в этот день полки кызылбашей были, как волны безграничного и безмерного моря. По воле судьбы хан получил ранение в глаз, и еретики одержали победу. Множество (людей) из исламского войска достигли степени мученичества. Дин-Мухаммед-хан с обоими братьями направился в Мавераннахр. Все (имевшиеся у него) государственные и правительственные фонды были переданы на поток и разграбление. Один из молочных братьев[135] Шухра-бану-бегим, которого звали Хаки есаул, проявил в это время истинное благородство и признательность за хлеб-соль: он посадил ту достойную женщину главенствующего дома на быстрого скакуна, а детей Дин-Мухаммед-хана, младенцев Имам-кули-султана и Надир-Мухаммед-султана, бросил в мешки переметной сумки[136] и, вывезши их из того опасного места, благополучно доставил в Мавераннахр. В то время (как они бежали из Баверда), издалека долетевшая пуля попала в ногу Надир-Мухаммед-султана, что и стало причиной его хромоты.

Короче говоря, кызылбаши, преследуя (разбитых узбеков), вели (с ними) по дороге бои и каждый (их отряд) рассеяли и разбросали. Дин-Мухаммед-хан в это время отделился от братьев и через несколько дней добрался до области Кундуза[137], там проживало племя хорасанских аймаков, которых называли также карайи[138]. Они увидели одинокого человека в царском платье, ехавшего на (богато убранном) коне и, прельстившись ханским добром, эти злосчастные люди застрелили его. После этого убийства они стали рассматривать (найденную у убитого) печать и узнали по ней, что убитый был Дин-Мухаммед-хан. Впав в раздумье о своем поступке, убийцы раскаялись.

31б ПРАВЛЕНИЕ БАКИ-МУХАММЕД-ХАНА В МАВЕРАННАХРЕ И ОТПРАВЛЕНИЕ (ИМ) СВОЕГО БРАТА ВЕЛИ-МУХАММЕД-ХАНА В БАЛХСКУЮ ОБЛАСТЬ

Историки так повествуют. Когда Баки-Мухаммед-хан и Вели-Мухаммед-хан после поражения их еретиками достигли Мавераннахра, до

эмиров Бухары дошло известие, что Дин-Мухаммед-хан убит в битве (с кызылбашами), а два его брата прибыли в Мавераннахр. Считая это за особый божественный дар, бухарские эмиры вышли навстречу царевичам и в тот же день возложили царскую корону на высокую главу Баки-Мухаммед-хана, а Вели-Мухаммед-хана сделали наследником и отправили в область Купола ислама, Балх, (правителем). Так как в это время в Балхе произошли большие неурядицы и нестроения, то тамошнее население по нужде (в целях водворения порядка) пригласило Ибрагим-хана[139] из Хорасана и вручило ему бразды правления. Он же с детских лет вырос среди тамошнего (т. е. хорасанского) населения и, восприняв религию, закон и обычаи этого заблудшего народа, скрывал их от балхского населения. (Однако) в короткое время, меньше чем в два месяца, (шиитские) нравы Ибрагим-хана сказались в том, что по ночам на улицах и на базарах мусульман убивали и каждый день находили убитых по дорогам; убийцы же оставались неизвестными. Для всех стало ясно, что все эти недостойные деяния совершает тот еретик (Ибрагим-хан) со своими махрамами[140].

Когда балхское население услышало о восходе счастливой звезды Вели-Мухаммед-хана, у него обновился весь организм, обнаружилась новая жизнь, и люди стали подобны жаждущим, страстно домогающимся воды жизни. И послав просьбы и извещения (о своем желании скорее видеть его), они обнаружили перед ним свою покорность и повиновение. Ибрагим-хану же (притворно) заявили: «Мы все покорны вам и, пока живы, не выйдем из подчинения (вашим) высоким приказам и соизволениям». И, вполне удовлетворив его (этими) лживыми словами, громко забили в большой военный барабан и под предлогом сражения с подходившим Вели-Мухаммед-ханом вывели хана в местность Сияхджирд, что лежит в двух фарсангах от г. Балха. Когда оба войска (Ибрагим-хана и Вели-Мухаммед-хана) выстроились друг против друга, (готовясь вступить в бой), то каждый (балхский) эмир и храбрец, который вышел драться с Вели-Мухаммед-ханом, повесил себе на шею меч и колчан и (все) бросились целовать стремя последнего. Ибрагим-хан, видя, что дело приняло совершенно иной оборот, попытался укрыться в городе.

Но (соединившиеся) оба войска сразу бросились за ним в погоню, схватили его, отрубили ему голову и бросили ее под ноги коня Вели-

Мухаммед-хана. И все, поздравляя последнего, ввели в город и опоясались поясами повиновения и служения (ему).

32б ИЗЛОЖЕНИЕ ТОГО, КАК УСЛЫШАЛ БАКИ-МУХАММЕД-ХАН ОБ УБИЕНИИ СВОЕГО БРАТА ДИН-МУХАММЕД-ХАНА ПЛЕМЕНЕМ КАРАЙИ В ОБЛАСТИ КУНДУЗА, ВЫСТУПЛЕНИЕ ЕГО В ПОХОД ВМЕСТЕ С ВЕЛИ-МУХАММЕД-ХАНОМ ПРОТИВ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ И ИЗБИЕНИЕ НАРОДА (КАРАЙИ)

В 1011 (1602—1603) году миродержавный государь Баки-Мухаммед-хан услышал, что Дин-Мухаммед-хан благополучно вышел из битвы (с кызылбашами) и, направившись в Кундуз, был убит (там) племенем карайи. Им овладел страшный гнев и он с многочисленным войском и с полками, (по численности) выходящими из предела разума, направился в область Балха. Перейдя реку Джейхун, он соединился с войсками Вели-Мухаммед-хана, и оба (брата), опоясавшись поясами мести к тому народу, направились (на Кундуз). Те злодеи (карайи), услышав о намерении ханов, избрали одного из своей среды (своим) главой и приложили чрезвычайные усилия к укреплению крепости и к собиранию народа (в войска). В первый же день, когда августейшие ханские войска достигли (кундузских) укреплений[141], неприятель, выйдя из крепости, мужественно и храбро вступил с ними в бой, но потом правительственные войска одержали над этим народом победу и одоление. Не имея возможности оказывать сопротивление (в открытом бою), неприятель за стенами крепости проявил такую рачительность (в защите ее), что вследствие боевого крепостного огня никто не был в состоянии близко подойти к ней. Баки-Мухаммед-хан распорядился, чтобы мастера подкопного дела (ночью) очистили от земли одну из крепостных башен и вместо земли насыпали бы (туда) пороху и затем, поджегши его, взорвали бы крепость.

Описывается, что через день камни и комья глины крепостной стены, вместе с горящими частями тел людей, взлетели на воздух. Войска вошли в крепость и произвели (там) такое избиение, что ни одна душа из старых и молодых не осталась в живых. После этого Баки-Мухаммед-хан, оставаясь в Балхской области, прилагал усилия к распространению правосудия.

Из памятников его культурной деятельности нужно отметить устройство большого сада в начале светозарного мазара святейшего льва Аллаха, победителя и владыки правоверных, Али бен Абу Талиба,—да будет им доволен Аллах![142] А у самой святейшей гробницы его с двух сторон была насажена аллея фруктовых и декоративных деревьев, распространяющих тень (в жаркие дни).

Когда весть об избиении еретического народа карайи достигла до правителя Ирана, шаха Аббаса[143], он самолично, с бесчисленным войском, пройдя через Мерв, Андхуд и Шибирган[144] и не обращая внимания на крепости и города этих округов, вступил в район Акча[145] и воздвиг (там) начало злобы и заблуждения. Вели-Мухаммед-хан сообщил об этом своему брату. Тот неустрашимый государь, не сосредоточив своего внимания на мобилизации войск Турана, приказал; «Каждый находящийся в составе (нашей) счастливой свиты пусть последует за нами!» И в тот же день с немногими людьми с необычайной быстротой направился к Куполу ислама (Балху). Достигнув через двое суток берегов Джайхуна, хан сказал: «Кызылбашский народ вошел в пределы мусульман и овладел ими. Если наша вера истинна, то мы благополучно переправимся через эту кровожадную реку, а если истина на стороне того народа, то мы станем добычей крокодила смерти». Сказав это, он без судна и без лодки бросился в воды реки.

Стих:

Крокодил тот, кто вступает в бой с рекой.*

Окружавший хана отряд, видя это и возложив упование на бога, (также) бросился в реку и по благословению пророческой веры[146] так (хорошо) переправился через эту опасную реку[147], что даже стремена ни у кого не оказались замоченными. Да, у кого найдется мощь слова, чтобы выразить все превосходство мухаммедовой веры?

В исторических книгах написано, что когда Бижан отправился в Туран для захвата Кейхосрова, он, захватив царевича, вернулся в Иран. Афрасиаб, услышав об этом, послал за Бижаном в погоню войско. Среди пути им встретились реки, (несмотря на это) они до самого Джайхуна выдержали семьдесят великих битв и без судна и лодки, бросившись в реку, благополучно переправились через нее. Баки-Мухаммед-хан сделал так же, другой же не осмелился бы так поступить и не осмелится. Словом,

он (вскоре) соединился со своим братом и оба подняли знамена войны против тех заблудших (еретиков). К этому времени последние подошли к мазару Баба-Абдала[148]. Там были деревья (такой крепости), что ни у одного человека не было настолько силы, чтобы отломить от них хоть одну ветвь. Те злополучные (кызылбаши), приготовив (себе) кушанье (на дровах из этих деревьев), съели его и по чудесному соизволению того великого (святого Баба-Абдала) в их кушанье обнаружилось свойство смертельного яда. Каждый, съевший (даже) небольшое количество пищи, страдал (сильными) желудочными болями и затем отправлялся в ад.

В это время подошли войска ханов и у тех проклятых не было уже ни силы, ни мощи, чтобы двинуться с места. И герои исламского войска, выхватив проливающие кровь шашки, всех их сделали кормом меча. Шах Аббас с некоторым количеством войска поспешно бежал, направляясь в Иран. После этой победы Баки-Мухаммед-хан направился (обратно) в Бухару. В его дни получило оживление применение государственных законов: были произведены реорганизация правительственного аппарата, устройство армии и (благосостояния) подданных, так что последующие государи за подобное управление называли Баки-Мухаммед-хана знаменитым (мушар аляйхи) и осью (мадар аляйхи). Время его правления продолжалось семь лет, а всей жизни его было пятьдесят один (лунный) год.

34б

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ БАКИ-МУХАММЕД-ХАНА ИЗ ЭТОГО ТЛЕННОГО МИРА В ЦАРСТВО ВЕЧНОСТИ

Согласно божественному предопределению у хана приключилась болезнь, которая продолжалась целый год. В это время на престоле иршада восседала степень сейидского достоинства, слава чудес, квинтэссенция людей Та-Ха, Я-Син[149], отборная часть потомков князя пророков; знающий науки внешнего и внутреннего значения, снимающий покрывала с образов и идей, господин мира, шейх эпохи, святейший Мир Му'мин Азизан,—милость ему и благословение (Аллаха)![150]. Изволением вечной премудрости, он, подняв штандарт отделения (от всего чувственного, мирского), показывал его в своих чудесах, которые известны. Когда болезнь (Баки-Мухаммед-хана) затянулась, со всех сторон государства поднялись (разные племена), вроде казахов, каракалпаков, и большин-

1605

ство лицемерных людей; они устремились, чтобы предать на поток и разграбление территорию государства.

Население тех районов, которые подвергались их нашествию, покинуло свои родные места и разбежалось в разные стороны. Государственные люди ввиду затянувшейся болезни хана пришли в ужас и запросили о ее происхождении святейшего шейха Азизана. Тот соизволил ответить так: «Это—болезнь опасная. Божественная мудрость такова, что когда (больного) коснется речной воздух и на него подует с реки ветерок, тогда произойдет выздоровление и уничтожение болезни. Кроме этого, ни в чем другом нельзя найти (средства для) устранения болезни». Эмиры доложили об этом хану в виде полезного рецепта (для его здоровья) и, поместив больного на паланкин, перенесли его на берег Джайхуна. Затем посадили его на судно и отправили вверх по реке, а сами, под предлогом получения в Балхе некоторых лекарств, переправились через реку и с большой поспешностью направились в Балх. В тот же день получилось известие, что факел жизни Баки-Мухаммед-хана опустился в речные воды.

35а ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ МАВЕРАННАХРА ВЕЛИ-МУХАММЕД-ХАНА И ОТПРАВЛЕНИЕ ИМ ИМАМ-КУЛИ-СУЛТАНА И НАДИР-МУХАММЕД-СУЛТАНА В ОБЛАСТЬ КУПОЛА ИСЛАМА, БАЛХ

Когда вышеупомянутый хан поспешил в рай вечности и в сад чернооких гурий, эмиры Бухары отправили посольство из сановников государства к Вели-Мухаммед-хану (с просьбой) разрешить произнесение пятничной хутбы и чеканку монет с его именем[151]. Пригласив его в Бухару, они возвели его на царский трон. И этот государь, будучи на подушке[152] славы и величия, приступил насаждать правосудие и защиту угнетаемых. (Однако) он большую часть времени проводил в питье вина и во хмелю , а также в занятиях другими неодобрительными делами, вроде утех с луноликими мужчинами и с ароматнокосыми женщинами. От таких действий хана народ впал в уныние и послал петиции к Имам-кули-султану, (племяннику Вели-Мухаммед-хана), обрадовав его (посулом) управления Бухарой.

В это время Вели-Мухаммед-хан сделал правителем Балха[153] Шах-Бек-кукельташа, происходившего из (узбекских) пуладчи[154]. Хан поручил

ему своих племянников (Имам-кули-султана и Надир-Мухаммед-султана); он же, не обращая никакого внимания на царевичей, отвернулся от всех своих многотрудных обязанностей и стал тираном.

Он выстроил каменную стену и в ней—отверстие, куда поместил пару быков для наказания преступников. Приговоренным к смертной казни отрывали головы (букв. шеи) силой этих быков. За небольшое преступление людей бросали в котел с кипящим маслом. Он сделал (также) железную машину, какую употребляют для чесания хлопка, заставляя класть на нее людей всеми членами от головы до ног и чесать (как хлопок. Словом), его тирания затмила дни (самого) Хаджжаджа[155]. Народ от таких поступков (своего правителя) совершенно потерял голову. Он постарался разжечь в царевичах огонь возмущения и устроил со своими эмирами совещание об устранении Шах-Бек-кукельташа. Эмиры, страшась расправы Вели-Мухаммед-хана, отказывались (последовать предложению населения), пока не было получено (вышеупомянутое) письмо от эмиров Бухары (к Имам-кули-султану) с жалобами (на самого Вели-Мухаммед-хана). Тогда и царевичи, и эмиры успокоились и сделали распоряжение схватить Шах-Бек-кукельташа и подвергнуть его казни.

Тот злополучный (однако) убежал и скрылся в медресе Абдуллы-хана, забаррикадировал ворота и стал осыпать народ стрелами и пулями. Самоотверженная молодежь, проведя в таком положении день, ночью разрушила часть стены медресе, (проникла туда), схватила правителя и привела (к народу).

По смыслу стиха:

Всякий, кто делает добро, добро и получает,*
А все, что делает злого, (от того) злое и получает,

было приказано оторвать ему голову быками; тело его пропустили через чесалку и затем бросили в котел с кипящим маслом.

После этого Имам-султан сказал своему брату: «Я поручаю тебя богу, а сам отправляюсь (в Бухару), чтобы божественной милостью и с помощью великих людей взять престол и корону у Вели-Мухаммед-хана. Надир-Мухаммед-султан также, собрав в короткое время войска Балха и Бадахшана, отправился во след (за братом). В то время Вели-Мухам-

мед-хан расположился охотиться в Карши и (там) узнал, что эмиры составили против него заговор. Не вступая в войну (с своими противниками), хан в полночь с двумя своими сыновьями бежал, направившись (через) Хорасан в Ирак к шаху Аббасу маленькому[156], который был правителем Ирана. Шах Аббас принял его с почетом, [соблюл все, что требовалось правилами гостеприимства][157] и по его просьбе послал с ним 80 000 кызылбашей против Имам-кули-хана.

36б

РАССКАЗ О ВОЙНЕ ВЕЛИ-МУХАММЕД-ХАНА С ИМАМ-КУЛИ-ХАНОМ, УБИЕНИИ ВЕЛИ-МУХАММЕД-ХАНА И ИЗБИЕНИИ КЫЗЫЛБАШЕЙ

Имам-кули-хан, услышав известие об этом, опечалился и растерялся. Он отправился к полюсу святых, к помощи чистейшим, к святейшему ишану, Ходже Хашими—да будет ему милость и благословение (Аллаха)! В то время трон иршада был украшен благословенной личностью этого великого (человека). Он был старшим сыном великого ходжи, называвшегося Ходжа Мухаммед-Амин, а этот был любимым сыном наставника мира,наследника царя святости и чудес в иршаде и в достоинстве святейшего Махдум-и а'зама[158]. Хан удостоился счастья облобызать руку того святого человека и доложил ему о приближении кызылбашей с Вели-Мухаммед-ханом и о малочисленности своего войска. Тот великий человек, выслушав это, впал в экстатическое состояние и вдохновенно, в форме благоприятного предзнаменования, приказал собраться своим ученикам. Посмотрев на одного из них, Маулана Саки, бывшего его халифа, он продекламировал:

Если горе охватит войско, кто прольет кровь любящих?
Я и виночерпий разом нападем и основу (их жизни) низвергнем![159]

И приказал: «Пусть нас никто не опередит в этой войне за веру».

Утром на следующий день войска обеих сторон выстроились в боевой порядок и (шейх), надев на свою благословенную хырка[160] колчан, впереди всех выступил в бой. (Как только) он выпустил одну из шестидесяти (своих) чудодейственных стрел в сторону еретиков, то по божественному могуществу, при помощи чистых духов предков и благодаря чудесам этого великого человека поднялся такой сильный ветер, что он

напоминал рассказ о (пророке) Худе и о народах ад и семуд[161]. Он понес тучи пыли на головы и глаза тех презренных (кызылбашей), так что помрачился мир. Шейх приказал, чтобы войско ислама атаковало неприятелей. Взяв в руки проливающие кровь мечи, (узбеки) произвели такое избиение (кызылбашей), что никто не остался в живых. Вели-Мухаммед-хан попал в плен и был приведен к Имам-кули-хану. Тот был так поражен этим, что не знал, что ему делать, но святейший шейх изволил заметить:

Стих:

Вредителя царства лучше всего (видеть) в унижении,*
Войско вероломное лучше всего разбитое.

(В результате) было приказано отрубить голову Вели-Мухаммед-хану. После этой великой победы Имам-кули-хан упрочил независимость (своего) государства и свое величие и достоинство. Утвердив Надир-Мухаммед-султана в ханском достоинстве, он послал его (правителем) в Балхскую область. С того же времени до настоящего (?—*А. С.*) сыновья Вели-Мухаммед-хана, Рустем-султан и Мухаммед-Рахим-султан, находятся в Иране, оставшись там (после неудачного похода своего отца на Мавераннахр). Шахи Ирана[162] подарили им в (управление) районы Убех и Шафелян[163].

Это событие (т. е. поражение кызылбашей и гибель Вели-Мухаммед-хана) произошли в 1017 (1608—1609) году[164].

37б

ВОСШЕСТВИЕ ИМАМ-КУЛИ-ХАНА НА ПРЕСТОЛ ТУРАНА С ПОМОЩЬЮ БЛАГОДЕТЕЛЬНОГО ЦАРЯ

Когда воля всеведущего царя коснулась того, чтобы привести в порядок расстроенное положение государства и приложить целительный бальзам правосудия на сердечные раны угнетенных, он воздвиг для утешения сердец правоверного народа такого счастливого владыку и правосудного государя, (как Имам-кули-хан). То, что было еретического (в государстве), он уничтожил; нуждающихся освободил от нужды; жалоб просителей никогда не отклонял; в его дни не осталось ни бедного, ни нищего.

Стихи:

Царственное достоинство сшило по его росту платье;*
Государственная власть вселилась в его сан;
Перед его по природе проницательным умом, украшающим царство*,
Разрешились трудности потустороннего мира и тайны небес.

Имам-кули-хан в течение тридцати восьми лет[165] твердо сидел на престоле власти и на троне величия. Из всякого рода добра, ценных вещей, денег и (дорогих) тканей, что преподносили ему, он наделял подарками каждого, кто уходит от него. Своим уполномоченным он ни на минуту не давал отдыха, (требуя исполнения своих распоряжений). На его специальной конюшне (всегда) стояли две лошади и когда (кому-либо) требовалось для путешествия вьючное животное[166], то эмиры и сановники государства отдавали в наем этих лошадей и затем опять поручали их уполномоченным государя. Он имел необыкновенное пристрастие к беседам с божьими людьми, с дервишами, учеными и поэтами и был счастлив, общаясь с ними. Он и сам, по природе своей, был настроен поэтически, и стихотворения его, как чистая свежая вода, приятны совершенным людям[167]. Особенно он любил общаться с величайшим, ученейшим из ученых, с уникой эпохи и единственным в свое время Мауланой Юсуф-и Карабаги[168]. Он был очень расположен к поэту Маулана Тураби, который был из числа красивейших людей своей эпохи и наиболее красноречивых людей века[169].

Точно так же и поэт Нахли[170] был из числа близких лиц к Имам-кули-хану. За панегирик, который этот поэт составил в честь хана, последний приказал его положить на весы и определить его вес в золоте. В этом панегирике есть (между прочим) такой стих:

Ой ты, чья рука создала гору щедрости*
(И), подобно солнцу, рассыпала на черную землю (блестящее) золото!

Имам-кули-хан имел необыкновенную любовь и влечение к розовощеким и луноликим юношам. Особенно он отмечал одного, которого звал Абдулваси' курчи[171]. В большинство ночей, по обычаю султана Махмуда Газневидского[172], хан менял свое платье на простое и в сопровождении Надир-диван-беги[173] и (упомянутого фаворита) Абдулваси' курчи ходил

по базарам и кварталам с целью узнать (действительное) положение простого народа и бедняков. Эти поступки хана получили в народе широкую огласку.

В то время (в Бухаре) появился необыкновенно красивый и изящный юноша, в которого безумно влюбился один из студентов. Видя его плач, волнение и стоны (по предмету своей страсти), соперники этого студента решили сыграть с ним злую шутку. Они научили красавца сказать своему обожателю следующее: «Скоро будет праздник и мне необходимо к нему иметь красивое платье; если ты так любишь меня, то подари мне такой халат, который вполне бы соответствовал празднику, в противном случае все твои проявления любви ко мне ложны». Под этим предлогом красавец хотел освободиться от своего поклонника, любовь которого должна была исчезнуть в связи с невыполнением поставленного ему условия. Но этот несчастный согласился достать своему кумиру платье и, вернувшись домой, впал в раздумье: «Если я отправлюсь куда-нибудь в другое место доставать халат, то я лишусь возможности видеть красоту своего обожаемого, а у меня нет сил перенести с ним разлуку, и здесь ничего с этим не выйдет». Этот влюбленный молодой ученый имел у себя двух вполне верных ему учеников, которым он и доверил свою тайну. Он стал с ними советоваться, что ему делать. Они ему сказали: «Пойдем сегодня ночью в квартал индийцев и там залезем к их старшине, потому что слышно, что у него есть сундучок с драгоценными камнями, доставшийся ему по наследству от отца. Мы его заберем согласно стиху: «Если воруешь, то воруй, по крайней мере, жемчуг».

В вечерний намаз, когда индус планеты Сатурн, спрятав драгоценности Плеяд в изумрудный сундучок неба, ставил (его) на верхнюю полку (небес), а вор предрассветной зари, забрав его, положил себе подмышку,—тот волнующийся влюбленный вместе с двумя своими учениками отправился в квартал индийцев. Дойдя до подножия стены двора своей жертвы, они, став на плечо одного из соучастников, перелезли через стену, а оттуда по крыше проникли в дом и подошли к той комнате, где были драгоценности. Они отодвинули засов и тихо-тихо вошли внутрь и, захватив сундучок и вознеся богу бесконечные хвалы, вышли наружу и опять через крышку и стену спустились на улицу. Вдруг индийцы услышали шум их (быстро удаляющихся) шагов (и бросились на улицу); улица же была узкая и длинная. Индийцы погнались за вора-

ми. Случайно в это время миршаб[174] с несколькими караульными совершал обход улиц с целью захвата воров и нарушителей общественного порядка. И когда он услышал крики индийцев: «держи, держи!»,— раздававшиеся по улице, то быстро бросился туда наперерез убегавшим трем друзьям и задержал их. Поднесли фонарь, чтобы рассмотреть, кто это такие, но тот горестный ученый, быстро схватив камень, бросил его в фонарь, так что тот разбился и потух.

«Великолепно, Надир-диван-беги! Ты (достойный) ученик ученого!» — воскликнул один из задержанных.

«О повелитель мира, это не я сделал, а Абдулваси' курчи», — ответил другой.

Миршаб, услышав эти слова, (с ужасом) произнес: «Аллах! Какое преступление я совершил: ведь это хан, диван-беги и курчи!» И, приказав патрулю отпустить задержанных, отошел в сторону. А эти три человека, освободившись, подобру-поздорову ушли с сундучком драгоценностей. На следующий день все индийцы с черными войлоками на шее и с разорванными воротниками явились во дворец Имам-кули-хана. Доложив хану все происшедшее в истекшую ночь, они просили его оказать правосудие. «Мы, рабы,—говорили индийцы,—уже догнали трех воров и готовы были схватить их, как впереди, на улице, показался миршаб. Погасив (свой) фонарь, он способствовал тому, что воры убежали». Хан, обратившись к (присутствовавшему при этом) миршабу, спросил:

— Почему ты так сделал?

Миршаб ничего не ответил. Имам-кули дважды с укоризной сказал ему:

— Говори же!

Тогда миршаб ответил:

— Я могу ответить только наедине.

Хан, потребовав его к себе в комнату, сказал:

— Ну, теперь говори!

— Владыка мира,—ответил миршаб,—от меня по неведению произошло (для вас) беспокойство и огорчение. Я надеюсь, что вы, государь, по своей милости не поставите мне в вину происшедшее!

Весьма удивленный (таким заявлением) хан спросил:

— Ты расскажи мне все толком!

И миршаб доложил следующее .

— Когда я дошел (с дозором) до индийского квартала и с фонарем побежал (на крики индийцев), брошенный камень попал в фонарь (и погасил его), а вы сказали: «Превосходно сделал ты, диван-беги!» Диван-беги ответил: «Это не я, а Абдулваси' курчи». Когда я услышал эти слова, (то) понял, что ваше величество вместе с теми двумя вышли (на обычную ночную) разведку. Поэтому я по необходимости вернулся обратно. Я чрезвычайно огорчен допущенной мною грубостью (по отношению к вашему величеству)!».

Хан сказал: «Это происшествие во всяком случае должно иметь определенное происхождение». И приказал кликнуть клич: «Кто бы ни поступил так, пусть явится к нам и не думает, что мы накажем его за преступление, (напротив) мы окажем ему милость в исполнении того, чего он хочет!» Джарчи[175] кликнули этот клич по улицам и базарам. Тот сжигаемый (любовью) горестный ученый, что украл (драгоценности) и предоставил на грабеж и расхищение своему возлюбленному драгоценности своего сердца и души, услышав этот клич, сказал себе: «Эти дорогие камни прошли через глаза горожан и продать их на нашем базаре не удастся. Если же я отправлюсь в другое место для этой цели, то это явится причиной моей разлуки с любимым. Слышал я, что Имам-кули-хан—государь, вкусивший всякого рода любовные утехи и знающий любовь; лучше пойду-ка я к нему, покажу ему этот сундучок и объясню ему свою любовь. И он отправился во дворец. Там, став в положение просителя и вынув сундучок (с драгоценностями) из-за пазухи, он изложил хану от начала до конца всю свою любовь к тому (красивому) юноше и то, чему научили последнего его соперники. Хан сжалился над его положением, подарил ему царский халат, а также полный праздничный костюм для юноши. Потребовав последнего к себе, он поручил его ученому на правах ученика и назначил обоим определенное жалование и рационы.

40б

ПОХОД ИМАМ-КУЛИ-ХАНА ПРОТИВ КАЗАХОВ И КАЛМЫКОВ И ПРИХОД ЕГО В АШПАРУ И КАРА-ТАУ

Так как племена казахов и калмыков в минувшее время привыкли к непокорности, то (и теперь), как и прежде, они сразу (всем скопом) напали на окраинные районы охраняемого государства (Мавераннахра.

Вследствие этого) из недр строгости и расправы последовал приказ владыки мира, (Имам-кули-хана), чтобы все победоносные войска собрались подле высочайшего стремени. В 1021 (1612—1613) году (его величество), подняв превыше апогея (свой) могущественный царский штандарт, выступил в поход. И от границ Туркестана до крайних пределов Ашпары[176] и Кара-Тау, избив врагов, казахов, каракалпаков и калмыков, и изранив, он их жестоко проучил. Он приложил чрезвычайные усилия к тому, чтобы от этих проклятых безбожников не осталось и следов. Уцелевшие от избиения бежали в (такие) горы и леса, куда до того не доходила человеческая нога. (Хан) вернулся с полной победой и одолением (над врагами) и вступил в (свою) резиденцию. После сего он отправил своего сына Искандер-хана управлять Ташкентом, но этот царевич не угодил (ташкентскому) населению. Эти отвратительные безбожники убили царевича. Когда эта ужасная весть дошла до слуха хана, он испустил тяжелый сердечный вздох и жар его ярости воспылал (сильным) огнем. Он написал об этом происшествии своему брату Надир-Мухаммед-хану, а сам, взяв многочисленное войско, направился в Ташкент. Надир-Мухаммед-хан же, взяв войска Балха и Бадахшана, поспешил на помощь к брату. Они соединились вместе и в течение месяца осаждали Ташкент. Имам-кули-хан произнес такую клятву: «(Клянусь, что) по взятии города я произведу такое избиение населения, что, пока кровь врагов не дойдет до моего стремени, я не прекращу их истребления!» В конце концов (его) герои, покорители врагов, берущие крепости, и испытанные в битвах неустрашимые витязи, получили приказание, как перстнем, припечатать крепость (Ташкента). Они, со всех сторон установив на валах тараны, применили (такую жестокую блокаду), что, даже завидев муравья, который полз внутрь крепости, пригвождали его стрелой, вызывающей кипение и растапливающей врагов, и копьем, несущим смерть. При таком положении население (города) оказалось в крайне тяжелом состоянии. Однажды на утренней заре осаждающие подожгли (одни из городских) ворот и те сгорели. Войска вошли через них в город и приложили (усилия) мечей к истреблению (всех) от старого до малого.

Получилось такое беззаконие, которого (само) время не помнило. (Вот) этот стих характеризует подобное положение:

Стих:

Больше всех изумится смерть,*
Прежде чем изумление коснется кого-либо.

В тот день до полуденной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с однолетним младенцем. Число убитых превосходило границы всего воображаемого и представляемого. Начальники войск, сжалившись над бедным и неповинным населением, обратились с просьбой (прекратить кровопролитие). Тот государь, по ярости подобный Марсу, ответил: «Я поклялся, что пока кровь ташкентцев не дойдет до моего стремени, я не прекращу убийство». Тогда эмиры обратились к законоведам; последние составили такой ривайат[177]: пусть его величество спустит своего коня в водоем, где бы вода доходила до его стремени; затем пусть смешают с водой кровь убитых и тогда последняя дойдет до победоносного стремени». Содержание этого ривайата доложили хану и тот так и поступил. И огонь царского гнева успокоили водой милосердия.

Возвращаясь отсюда, хан направился в Бухару[178]. (Оттуда) он послал к Джехангир-падишаху, сыну Акбар-падишаха, владетелю Индии[179], посла с дорогими подарками и подношениями, с выражением любви (и расположения). (Джехангир-) падишах, с почетом приняв ханского посла, оказал ему полное внимание и ласку и (между прочим) спросил о возлюбленных Имам-кули-хана. Посол ответил: «Наш хан свободен от привязанности к этому миру и никогда его мысль не занята чем-либо мирским». Джехангир улыбнулся и заметил: «Где же ваш хан видел мир, что уже больше не имеет к нему склонности?» Когда посол вернулся и доложил хану этот разговор, тот государь сохранил в своем сердце эти слова (Джехангира).

О ПРИБЫТИИ ХАКИМА ХАЗИКА, ПОСЛА ДЖЕХАНГИР-ПАДИШАХА, ИЗ ВЕЛИКОЙ ИНДИИ К ОТЦУ ПОБЕД ИМАМ-КУЛИ БАХАДУР-ХАНУ

42а

Спустя некоторое время Джехангир-падишах прислал Имам-кули-хану в качестве посла хакима Хазика; последний был известен, как человек ученый, ума острого и проницательного[180]. (Нижеследующие) четверостишие и двустишие являются продуктами перлов его талантливости.

Четверостишие:

Часов, что жалобно звучат, когда придет их время,*
Познал ли ты (глубокий) плача смысл?
Они рыдают, что уменьшилась жизнь твоя*
И посмотрел чтоб ты на наполненье меры жизни[181].

Двустишие:

Я скрылся в слове словно аромат в лепестках розы.*
Кто хочет иметь удовольствие видеть меня, увидит в слове меня.

(Джехангир) прислал (с послом) разного рода драгоценности: отделанные золотом и украшенные дорогими камнями вещи и всякого (рода) подарки и преподношения, (среди которых выделялся) особенно шатер, покрытый сукурлатом[182], вышитым золотом и драгоценными камнями, и рыбий зуб, украшенный яхонтами и алмазами, вместе с (богато) тканными золотом платьями. Видевшие (эти подарки) говорили, что, по их суждению и оценке, их стоимость равнялась одногодичному хараджу[183] со (всех) областей Индии.

В течение шести месяцев посол не был принят ханом; естественно, он стал выражать неудовольствие и обратился к эмирам.

Надир диван-беги тагай[184] доложил (хану), что вот уже шесть месяцев, как прибыл индийский посол и желает облобызать (царственный) порог. Ответ (Имам-кули-хана) последовал такой: «Если мы его примем, то нам нужно принять и подарки его государя; мы же не стремились к тому, чтобы испытать его милости. Пусть будет (это) вне правил (приличия), но лучше нам его не видеть и быть свободным (даже) от мысли об этом».

Диван-беги вторично доложил, что подобного прецедента не было в прошлом, что пусть посол (хотя бы) один раз был пожалован высочайшей аудиенцией, чтобы соблюсти ему правила посольства. Хан (тогда) приказал: «когда мы выедем на охоту, он среди пути может удостоиться августейшего лицезрения». Когда посол услышал про эти слова (хана), он стал дожидаться этого случая, пока в один из дней тот щедрый государь не выступил со всею пышностью на охоту. В этот день хаким Хазик среди дороги, (по которой должен был следовать хан), поставил вышеупомянутый шатер и в нем, на виду, разложил всякого рода вещи и драгоценные камни, что привез с собой; сделал он это так искусно, что

видевшие все это изумились. Вдруг показалось ханское сияние и хан, намеренно не смотря в ту сторону, (где был посол с подарками), отвернулся в другую сторону , разговаривая с одним (из своих) эмиров. Тогда посол закричал громким голосом: «О средоточие (взоров) обитателей мира!». Хан, едва поведя уголком глаз в его сторону, сказал Рахиму парваначи: «Это (все) тебе дарю». Тот немедленно вступил во владение всеми вещами. Пораженный посол прикусил палец удивления зубами размышления. Захватив одну особенно дорогую шахскую шашку, он спрятал ее. На другой день по просьбе эмиров хан потребовал посла на поклон.Посол, держа эту шашку, отправился во дворец. Когда он удостоился приблизиться к августейшему порогу, то после вручения письма (Джехангира) и соблюдения этикета посольства, сказал: «После в бозе почившего государя Акбар-падишаха остались две особенных шашки. Одну из них взял себе государь (Джехангир-падишах), а другую он посылает на память своему брату (Имам-кули-хану) со словами: «Пусть у нас будет сыновняя связь с покойным государем». Когда посол таким образом доложил хану, последний, взяв шашку, опоясал ее на себя[185] и хотел было вынуть клинок из ножен, но он очень туго поддавался этому и был с трудом извлечен оттуда. (Надобно заметить), что перед этим (в Бухаре) было получено известие, что Джехангир-падишах намеревается захватить Бадахшан. Имам-кули-хан, намекая на это, сказал послу: «Что-то ваши мечи не вынимаются из ножен!» Посол на это ответил: «Государь, эта шашка есть (выражение) мира, потому она такова, если бы это была шашка войны, то, (поверьте), она во всяком случае (сразу бы) была вытащена из ножен». После этого между ханом и послом завязалась беседа. (В результате) ее посол был допущен на многие специальные ханские собрания и за свои приятные речи весьма полюбился хану. Однажды (придворные поэты), Маулана Тураби и Нахли-поэт, продекламировали (перед ханом) свои стихи. Хан спросил хакима (Хазика): «Какой лучше из этих двух красноречивых, остроумных и очаровательных поэтов?»—и тот ответил: «Государь, пальма вырастает из земли»[168]. С того времени первенство осталось за Тураби.

Доверие хана к послу со дня на день все больше увеличивалось. Наконец посол получил разрешение возвратиться (в Индию). На следующий год получилось известие о смерти Джехангира. Шах-Джехан, его сын, утвердился на престоле государства. Вознамерившись покорить

области Балха и Бадахшана, он сам прибыл в Кабул. Надир-Мухаммед-хан, услышав эту весть, послал об этом донесение своему брату. Имам-кули-хан без свиты и войска направился в Балх. Когда он, переправившись через реку (Аму-Дарью), остановился в Ханабаде,[187] в Балх дошло сведение, что «убежище халифского достоинства» прибыл сюда. (Тогда) Надир-Мухаммед-хан со своими двенадцатью сыновьями и родственниками выступил навстречу (брату).

Догнав среди пути (направлявшегося в Балх) Имам-кули-хана, он (слез с коня) и пошел наравне с царевичами (подле коня своего брата). На протяжении половины фарсанга (по пути шествия хана) настлали разного рода дорогие разноцветные ткани, вроде парчи, кимхаба, таса, диба, бархата и хара[188], при взгляде на которые помрачался разум[189]. Сколько Имам-кули-хан говорил своему брату: «Вы—сейид и уважаемый человек, грешно мне видеть вас идущего пешком[190], сядьте поэтому на коня!»—Надир-Мухаммед-хан старался еще больше увеличить свое почтение и уважение (к брату). Из султанов, которые в тот день встречали наравне с другими (хана), были: Надир-Мухаммед-хан, Абдулазиз-султан, Хосров-султан, Бахрам-султан, Субхан-кули-султан, Кутлук-Мухаммед-султан, Абдуррахман-султан, Касим-Мухаммед-султан и Алла-кули-султан, сыновья Надир-Мухаммед-хана. Из родственников его (были): Мухаммед-Яр-султан, Баки-султан, Суфи-султан и Турсун-Мухаммед-султан. Из эмиров были: Ялангтуш-бий аталык[191], Ураз-бий, Абдуррахман диван-беги, Саки парваначи и Мансур Хаджи дадха[192]. (Были также) все великие, благородные, знатные, ученые, высшие военные чины и прочие из узбеков и таджиков разных классов; всего, приблизительно, в тот день принимало участие (во встрече) до ста тысяч человек. Все одинаково шли пешком, кроме Имам-кули-хана (бывшего на коне). Когда (хан достиг Балха) и остановился во дворце, Надир-Мухаммед-хан, соблюдая обычаи предков, заставил пропустить (перед ханом) девятками (предназначенные для него) разного рода (подарки)[193]: соколов, верблюдов и т. п. В числе всего подведя восемь человек рабов, научил есаулов[194] сказать хану по-узбекски: «Вот восемь рабов, а с Надир-Мухаммедом—девять».

В течение целого месяца шли празднества (в честь хана); всем войскам и махрамам дворца были розданы халаты и разные подарки. После того послали к Шах-Джехану в качестве посла Мансур-хаджи

дадху. Смысл этого посольства был тот, (чтобы передать Шах-Джехану следующее): «Издревле между нашими и вашими отцами и дедами установились добрососедские и мирные отношения и ни с той, ни с другой стороны (до сих пор) не было проявлено никакого вреда и беспокойства. Если же вы, считая прежние обязательства, как бы несуществующими, заменили бы добрые отношения враждебными, то мы, два брата, выступим (вам) навстречу и посмотрим, чье желание исполнит Удовлетворяющий желания. Послу же сказали: «Если Шах-Джехан вернется (из Кабула) обратно, то ты, сопроводив его на три остановки, возвращайся назад, в противном же случае немедленно посылай (к нам) нарочного».

Совершив путь, посол (прибыл в Кабул и) был принят шахом, которому вручил письмо и сообщил о цели своего посольства. Шах-Джехан, раскаявшись в своем намерении, объяснил (свое выступление из Индостана) предлогом посетить Кабул. Он сказал: «Мы пришли посмотреть свои владения и если это обстоятельство нарушало спокойствие братьев, то мы ведь отправимся (обратно) в свою столицу». И приказал, чтобы в тот же день все его силы со всем снаряжением выступили обратно в Индостан. Посол сопровождал (Шах-Джехана) на три станции и затем, получив разрешение вернуться, прибыл к ханам, которым доложил об извинениях (шаха).

Когда Имам-кули-хан успокоился в этом отношении, то вернулся в Бухару. И пока его ноги были в стременах государства, ни в какой стороне охраняемых им владений, ни в Балхе, ни в Бухаре, не было ни бунтов, ни беспорядков. Известно, что за последнее время мир дважды украсил себя, как новобрачный: один раз за время покойного, прощенного государя Султан Хосейн-мирзы, в Хорасане, а второй раз в эпоху Имам-кули-хана и Надир-Мухаммед-хана в областях Бухары и Балха. За время правления этих высокославных государей (здесь), кроме удовольствий, веселья, музыки и разных ласк, (ничего) другого не было[195].

Впоследствии у Имам-кули-хана приключилась болезнь глаз. Обратились за помощью к врачам, но сколько они ни лечили, болезнь прогрессировала и в конце концов хан ослеп. В государстве возникли волнения и нестроения. Тот государь потребовал своего брата (из Балха) и передал ему престол и корону. В пятничный день оба они отправились в

(соборную) мечеть, где собрались все сановники и знатные лица государства. Когда хатиб после восхваления Аллаха, прославления и возвеличения пророка и праведных халифов[196] дошел до похвалы царствующему государю и (только что) хотел упомянуть Имам-кули-хана, как последний приказал: «На имя брата моего, хана». И (едва) хатиб провозгласил: «Абу-л-гази сейид Надир-Мухаммед бахадур-хана»,—как сразу (среди присутствующих) поднялось сильное смятение и крики; все (как один) зарыдали. В конце концов стараниями Имам-кули-хана престол царского достоинства украсился счастливым бытием Надир-Мухаммед-хана.

45б ОТЪЕЗД ИМАМ-КУЛИ-ХАНА (НА ПОКЛОНЕНИЕ) ВЕЛИКОЙ КА'БЕ И ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ МАВЕРАННАХРА СЕЙИДА НАДИР-МУХАММЕД-ХАНА

Что касается Имам-кули-хана, то он, отказавшись от власти и богатства, решил отправиться совершить хождение вокруг великой Ка'бы[197], а равно в светоносную Медину пророческого святейшества,—да почиют над ним благословения и приветствия! Сподобившись счастья совершить хаджж[198], (Имам-кули-хан) остаток своей жизни проводил у того (священного), охраняемого ангелами порога, пока его ухо послушания не услышало голос: вернись к господу твоему, будучи удовлетворенной, угодной[199] и он отправился в пиршествующий чертог (по слову Корана): Аллах призывает в жилище мира[200].

Одним из памятников (его пребывания) в священной Медине является большой сад, подобный райскому цветнику, восхитительный и, как сад Эдема, успокаивающий дух. В один из дней, когда массы паломников удостоились счастья совершить хаджж к (горе) Арафат[201], тогда прочли над гробом Имам-кули-хана молитву и похоронили его на кладбище Баки (в Медине).

Стих:

Да будет его могила полна света от лампады роз вечности!*
Время его жизни было шестьдесят два года.

Когда с божественной помощью Надир-Мухаммед-хан утвердился на подушке государства, он раскрыл руку щедрости и подарками и ласко-

вым обхождением сделал довольными как низшие классы, так и благородных. Все, что было собрано им наличными деньгами и натурой за время (своего) правления Балхом, с добавлением тех средств, что были приобретены (потом) в Мавераннахре, все он истратил на подарки и (проявления) щедрости. Говорят, что из всех государей дома Шейбанидов и Аштарханидов не было равного ему по богатству и имущественному положению. У него было под вьюками шестьсот катаров верблюдов[202]; на его конюшне стояло восемь тысяч прекрасных лошадей, не считая тех, что ходили в табунах; число его одних лишь серых каракульских овец достигало восьмидесяти тысяч голов[203], помимо разного другого скота. Известно также, что в (кладовых) его дворца имелось четыреста сундуков, наполненных франкским оранжевым бархатом. По этому имуществу можно судить и о другом его богатстве. Из его построек воздвигнутое им в Балхе медресе таково, что с его изразцовым куполом столь совершенной красоты не может соперничать (даже) небесный свод.

Надир Мухаммед-хан пожелал сделать народ довольным собой путем задаривания его, и так как население привыкло к свободе и материальной обеспеченности при Имам-кули-хане, то оно в течение двух с половиной лет терпело его. А затем (был составлен заговор и) [под предлогом, что племя казаков покорило население районов Ходжента, (заговорщики) выдвинули старшего сына Надир-Мухаммед-хана, Абдулазиз-султана, (в качестве начальника над войсками, имеющими действовать против казаков). Предназначив на роль бунтовщика Баки-бий юза, заговорщики нашли одного из казахских принцев и послали его с Баки-бием в Ходжент, туда же тайно отправилась и большая их часть. Баки-бий юз, войдя в Ходжент, громко забил в большой барабан противодействия (правительству). Подошедшего Абдулазиз-султана впустили в город, убили того несчастного казахского принца и провозгласили ханом Абдулазиза][204]. Этот же царевич, принимая во внимание права отца по отношению к сыну, не соглашался (стать ханом). (Когда же) стало (ему) известно, что если он не послушается слов этого народа (т. е. заговорщиков), то ему угрожает гибель, тогда он по необходимости предоставил в их руки поводья своей воли.

В это время Надир-Мухаммед-хан был на территории Карши, которая является одной из приятнейших областей Мавераннахра, и там

однажды в полночь получил известие о происшедшем. Поняв, что дело его проиграно и он ничего не может сделать, Надир-Мухаммед-хан тотчас же, ни мало не медля, направился в Балх. Быстро переправившись через реку (Аму-Дарью), он (вскоре) вступил в Купол ислама (т. е. Балх). Население Балха больше прежнего вложило шеи покорности в ярмо повиновения ему, хан послал своих сыновей (в разные) области для управления и охранения их: Хосров-султана в область Гури, Бахрам-султана—в Куляб[205], Субхан-кули-султана—в Сал-у чехар-ек[206], Кутлук-султана—в Кундуз, Касим-султана, сына Хосров-султана—в Мейменэ и Андхуд[207], управление же другими областями поручил эмирам.

47*а* ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ МАВЕРАННАХРА ОТМЕЧЕННОГО ДОБРОДЕТЕЛЯМИ СЕЙИДА АБДУЛАЗИЗ БАХАДУР-ХАНА

Достойные доверия рассказчики известий так говорят, что когда Надир-Мухаммед-хан отправился в Балх, то Абдулазиз-хан, подняв превыше купола неба и вершин солнца и луны (свое) стирающее небеса знамя, направился (из Ходжента) в Бухару и (там) в 1057 (1647—1648) году воссел на победоносный царский трон. Он послал своему отцу доклад (о происшедшем) с просьбой простить его преступления. «То, что случилось»—(писал он),—«произошло помимо моей воли. И в этой, и в будущей жизни мне одинаково стыдно его величества, моего великого отца. Я надеюсь, что пыль моих проступков будет смыта чистой водой прощения». Написав в этом роде (еще) несколько извинений, (Абдулазиз-хан) просил (послать к нему) его брата, Кутлук-султана. «Выслушав (лично) мои заявления о покорности, пусть он отправится (к вам) и доложит (об этом)». (Надир-Мухаммед-хан), приняв извинения своего сына, послал (к нему) Кутлук-султана. Так как колючка оскорбления от Надир-Мухаммед-хана (глубоко) вонзилась в ногу сердца бухарцев, то они заявили (Абдулазиз-хану), что будет более соответствующим, если он назначит управлять всем Бадахшаном (Кутлук-)султана и пошлет его туда. (И поскольку этим самым) Кутлук-султан нарушает повиновение (своему) отцу, то Абдулазиз-хан пусть ему поклянется, что после этого он своей августейшей личностью гарантирует ему братское расположение и благополучие. В конце концов так и было поступлено, и

Кутлук-султан, также уклонившись от дороги повиновения (своему) отцу, сделал (своим) столичным городом Кундуз[208].

Надир-Мухаммед-хан, (узнав об этом), пришел в ярость. Утвердив за Субхан-кули-султаном титул хана[209], он послал его против Кутлук-султана. Когда победоносное войско подошло к Кундузу, то поскольку у Кутлук-султана еще не были готовы средства (поддерживающие его) величие и могущество, то он оказался осажденным в крепости. Сделав вылазку, он храбро вступил в бой. А так как вечное предопределение начертало свой приговор о его небытии, то войско Субхан-кули-хана, овладев крепостью, мечом жестокости отделило голову этого царевича от его тела.

Когда Надир-Мухаммед-хан узнал об этом, он испустил вздох сердечного раскаяния и сказал: «Я послал его (Субхан-кули-султана) с целью наказания Кутлук-Мухаммеда, а не для того, чтобы он проявил к собственному брату такую безжалостность». Субхан-кули-хан стал озабочен этим обстоятельством и написал своему племяннику, Касим-султану: «Завеса этого поступка препятствует мне увидеться с отцом и потому я решил отправиться служить к Абдулазиз-хану; сопутствуй и ты мне в этой поездке к нему, так как (я надеюсь, что) дела будут сообразны (с моими) целями, ибо отец уже стар и государство от него отвернулось». Касим-султан (по получении этого письма) приготовился (к поездке) и оба они, вместе переправившись через реку (Аму-Дарью), прибыли к Абдулазиз-хану.

Этот высокодостойный государь сделал племянника (своим) зятем и оказал ему всяческие милости и ласки, а Субхан-кули-хана обрадовал обещанием сделать его своим наследником. Так как это намерение замедлилось, то Субхан-кули, не уведомив брата, направился в Балх. Перейдя через Джайхун, он остановился в Сар-и пуле, одном из поселений (касаба) Балх (ской области). Когда Абдулазиз-хан узнал об этом, то послал к Субхан-кули-хану восемнадцать известных эмиров с несколькими тысячами вооруженных людей, чтобы они задержали его.

Названные эмиры с отрядом подошли к Сар-и пулу; (в это время) один из благожелателей Субхан-кули-хана, находившийся в числе высланных против него, тайно послал к нему извещение: «Эти люди пришли схватить вас. Берегитесь и не будьте беспечны!». Субхан-кули понял, что он не имеет возможности вступить в бой со столь сильным противником, немыслимо (для него) также и отсидеться в крепости, (так

как) в то время у Субхан-кули-хана не было при себе и двухсот человек. В тот же день он устроил совещание (со своими людьми) и на нем было решено пригласить (эмиров) в гости. Получилось распоряжение, чтобы эмиры пожаловали на угощение и показали имевшееся у них (ханское) письмо и свои полномочия. Те восемнадцать уважаемых эмиров, из коих каждый был начальником племени, повелевавшим многочисленным храбрым войском, спокойно отправились (на приглашение). После официального представления письма и своих полномочий Суюнч-бий диван-беги утарчи[210], бывший старшим из эмиров, встал и сказал (Субхан-кули-хану): «Его величество по чувству симпатии (к вам) сказал несколько слов по секрету, чтобы сообщить их вам на ухо». Произнося это, он направился к хану; (в это время) один из молодых людей столь сильно ударил его в бок ножом, что последний вышел наружу из другого бока. И тогда каждый (из окружавших Субхан-кули-хана лиц) бросился на намеченную им жертву и скоро ударами ножей и шашек все эмиры отправились по пути небытия. Когда (их) войско узнало, что предводители перебиты, то согласно стиху: «Тело без головы ничтожнее дорожной пыли», оно все рассеялось. И столько денег и имущества попало в руки тех людей, что все они стали богатыми.

48б ОТПРАВЛЕНИЕ ПИСЬМА НАДИР-МУХАММЕД-ХАНОМ К ШАХ-ДЖЕХАНУ, ГОСУДАРЮ ИНДИИ, С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ. ОБМАН (НАДИР-МУХАММЕДА) ШАХ-ДЖЕХАНОМ И ПОКОРЕНИЕ ИМ ОБЛАСТИ БАЛХА

Когда Надир-Мухаммед-хан увидел неповиновение детей и (то, что) узбекский народ (проявил в отношении его) вероломство и неблагодарность, что, лишившись престола в Бухаре, он явился (как бы изгнанником) в Балхскую область, он отправил письмо к Шах-Джехану. Излагая в нем жалобы на своих детей и на свою армию, он просил (у Шах-Джехана) помощи. Тот, считая этот случай весьма благоприятным и тая в своем сердце старую злобу к Надир-Мухаммед-хану за его набег на Кабул и увод пленных, внешне (однако) выказал к нему расположение и дружбу. Он отправил своих сыновей: Ауренг-зеба и Султан Мурад-бахша[211] с многочисленным войском (будто бы для помощи Надир-Мухаммед-хану).

Царевичи, перевалив через горные перевалы, достигли до Гури. Хосров-султан[212] выехал к ним навстречу. Они его задержали и отправили в Индию. Отсюда царевичи пошли в район Балха. Один из бывших с ними монгольских эмиров тайно уведомил хана, что этот народ имеет намерение покорить (Балхскую) область и захватить самого хана и что их помощь—ложная. (Надир-Мухаммед-)хан, получив эти сведения, отправил все необходимое для приема гостей в сад «Баг-и Мурад», который находится за воротами Ходжи Султан-Ахмеда, а сам, под предлогом встречи (индийских царевичей), расположился в том саду. Ночью же, разрушив стены сада, он с отрядом самоотверженных людей и знаменитых войнолюбивых мужей вышел оттуда и направился на Шибирган и Андхуд. Войско чагатайское последовало за ханом. На полпути произошло ожесточенное сражение. В это время Касим-султан, внук хана, был (правителем) в Мейменэ; он поспешил на помощь своему великому деду и своим приходом оказал ему поддержку. Одержав победу над врагами, Надир-Мухаммед-хан направился по дороге на Ирак[213].

Когда шах Аббас[214], правитель Ирака, услышал о прибытии хана, то во внимание к тому, что Надир-Мухаммед-хан был связан родством со святейшим имамом Али Муса Риза,—да будет им доволен Аллах!—выехал к нему навстречу за два фарсанга. Он распорядился, чтобы никто не смел его узнавать и, переменив свои одежды, следовал в числе простого народа подле хана. Один из кызылбашских эмиров, не вытерпев, сказал хану: «Ты еще не знаешь шаха. Какое сегодня счастье, что шах Ирана, как раб идет наравне с другими (около тебя)!» Хан, услышав эти слова, слез с лошади и оба (шах и хан) заключили друг друга в объятия и выказали разного рода (взаимные) любезности.

49б

О СЕЙИДСКОМ ДОСТОИНСТВЕ ВЫСОКОСЛАВНОГО НАДИР-МУХАММЕД-ХАНА И О ПОДТВЕРЖДЕНИИ (РОДСТВА) ЕГО С ДОМОМ СВЯТЕЙШЕГО ИМАМА АЛИ МУСА РИЗЫ,—ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ

В то время, когда счастливый государь-мученик, Абдул-му'мин-хан, отправившись (в поход) с целью вырвать (из обладания кызылбашей) области Хорасана, овладел путем военных действий Мешхедом и со-

изволил произвести (в нем) общее избиение населения, тогда убежище сейидского достоинства и благородства, потомок семейства пророка и пастырь дома (имама) Ризы, Мирза Абу Талиб, (среди ужасов всеобщей резни) схватил поводья коня Дин-Мухаммед-хана и сказал: «Молодой царевич, я имею дочь-девственницу и отдаю ее тебе. Охрани честь моего дома и сбереги жизнь моих детей!» Дин-Мухаммед-хан заехал в его дом и спас его от притеснения людей, грабежа и убийства, а ту честную девушку сейидовской семьи взял за себя по правилам святого закона. Ее звали Шахр-бану-бегим. От нее и родился Надир-Мухаммед-хан. По этой причине благородство сейидского происхождения утвердилось за детьми упомянутого (Дин-Мухаммед-)хана. Вследствие этого и был оказан шахом Аббасом высокославному хану такой почет, который никогда, во все времена (существования) персидских шахов, не был оказан ни одному из государей Турана. Прочие знаки внимания были аналогичны этому.

Шах Аббас хотел послать войско кызылбашей с Надир-Мухаммед-ханом против его врагов, (но) хан не согласился на это: он опасался тех результатов, что сопровождали поход Вели-Мухаммед-хана (с кызылбашами на Мавераннахр)—оскорбление мусульман (Заречья) и (печальный) конец этого хана. В течение двух с половиной лет он переносил пребывание на чужбине.

Когда чагатайские войска[215] убедились, что им ничего не грозит со стороны Надир-Мухаммед-хана, то (по овладении Балхом) захватили его казну и все имущество и (очень) удивились множеству денег и всяческих вещей и запасов: каким образом он собрал все эти суммы и запасы со столь небольшой области?[216] Овладев всеми районами и провинциями, (дети Шах-Джехана) поставили (в них своих) правителей, а Бахрам-султана из Куляба отправили в Индию. На покорение этим народом (Балхской области) один из тогдашних ученых составил такую хронограмму: «захватили вороны (заган) Балх и слово «коршун» (зэгэн) стало датой (сего события)[217]. С самого начала (водворения индийцев) узбекский народ, чрезвычайно страшась их власти и могущества, со всеми семьями переправился через реку (Аму-Дарью) и ушел в Мавераннахр.

50б

ПРИБЫТИЕ СЕЙИДА АБДУЛАЗИЗ-ХАНА С ВОЙСКАМИ ТУРАНА ДЛЯ ВОЙНЫ С ЦАРЕВИЧАМИ ИНДОСТАНА

Когда владычество индийцев (над областями Балха) достигло двух лет, высокостепенный государь Абдулазиз-хан, собрав войска Турана, перешел через (Аму-)Дарью и под вращающимся куполом (вселенной) громко забил в барабан войны, заиграл на флейтах битвы и повел в бой против того коварного народа (своих) героев, злобных львов, сокрушающих вражеские ряды, и храбрецов, (по лютости) подобных Марсу.

В течение четырех месяцев каждый день происходили битвы, разведки, убийства и стычки. Со всех сторон (узбеки) гнали перед собой, как овец, подобных волкам (индийских) гуламов[218] и захватывали их, как добычу. Большинство из них продавали (на рынках) в Самарканде, Туркестане и Ташкенте. Чагатайские военачальники все были истреблены. В Балхе сделался такой голод и такая дороговизна, что стоимость одного ослиного вьюка пшеницы дошла до тысячи рупий. (К тому же) в ту зиму холода и стужа были таковы, что индийские гуламы, чтобы хоть немного согреться, сжигали тела в печах. Ни у кого не было силы высунуть голову за ворота. (При таком положении) та шайка вошла с докладом к Шах-Джехану о (своем) бедственном состоянии. Ответ получился такой: потребовать из Ирака Надир-Мухаммед-хана, передать ему власть, а (самим) вернуться (обратно). Индийцы послали к хану гонца. Хан вернулся и, остановившись в Андхуде, послал (оттуда) Касим-султана (в Балх), чтобы его предоставили ему. Индийцы, вручив область названному принцу, направились обратно в Индостан. Среди пути узбекские герои, нападая на них, рассеивали их, как соколы стаю ворон; отбивая их имущество, большинство убивали, меньшую часть захватывали в плен и влекли на продажу (в качестве рабов); так продолжалось до перевала Ходжа Зайд. Когда индийцы поднялись на вершину (этого) перевала, то (там их) застиг такой холод, что горы и снега казались как расщипанная шерсть.[219]

И весь тот народ, не находя (спасения от стужи), стал жечь, (чтобы согреться), палатки, древки копий, стрелы, луки, паланкины и (вообще) все то, что могло гореть. А так как божественная воля предопределила уничтожение этих людей, то холод еще больше увеличился и факел

жизни их всех погас от урагана божественного гнева. Пишущий эту историю, проезжая в Индостан в качестве дипломатического чиновника, собственными глазами видел всюду груды костей (погибших индийцев).

Короче говоря, Надир-Мухаммед-хан после ухода чагатайских войск прибыл в Балхскую область. Абдулазиз-хан направился в Мавераннахр. Вызвав к себе Касим-султана, он взял его с собой, а Субхан-кули-хана послал из Бухары в Балх. Тот, придя (к городу), так обложил его укрепления со всех сторон, точно запечатал перстнем. Он осаждал (Балх) в течение двух месяцев. (В результате всего) получилась крайняя степень разрушения (благо)состояния области.

Население Балха, перед тем испытавшее в продолжение двух с половиной лет тиранию чагатаев, теперь оказалось в еще более бедственном положении. В большую часть ночей военные выходили из крепости, виделись с Субхан-кули-ханом и радовались известию о (скором наступлении его) власти.

51б О НАМЕРЕНИИ СЕЙИДА НАДИР-МУХАММЕД-ХАНА ОТПРАВИТЬСЯ К ВЕЛИКОЙ КА'БЕ, ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ БАЛХА СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ-ХАНА И МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ВЫСОКОИМЕНИТОГО ЦАРЕВИЧА КАСИМ-МУХАММЕД-ХАНА

В год 1061 (1650—1651) все сейиды, судьи (казии), благородные люди и победоносное войско, открыв (городские) ворота, впустили (в Балх) высокоименитого (Субхан-кули-) хана. Надир-Мухаммед-хан, узнав об этом, укрепил ворота внутреннего города (и засел там). Но через три дня, приняв определенное решение, он сказал: «Я уже стар и немощен телом, поэтому до каких пор из-за меня рабы божьи будут мучиться? У меня (теперь) одно желание: повидать свое дитя и отправиться к месту своего стремления».

Когда эти слова передали (Субхан-кули-) хану, он не пожелал увидеться с отцом. Отчаявшись и в этом, Надир-Мухаммед-хан умыл руки от власти и государства и направился по направлению великого средоточия вселенной и высокочтимого сада (т. е. в Мекку и Медину). Среди пути (туда) его настигла смерть, и в Семнане[220] он приложился

к дому божьего милосердия. В осуществлении благой цели (в совершении) великого хаджжа, этот государь, убежище веры, (во всяком случае) сподобился получить (известную) долю. Его благословенный труп отвезли в Медину пророка, — да будет ему мир! — и похоронили на кладбище Баки, рядом с Имам-кули-ханом.

Стихи:

Горе и несчастье, что погибли те государи!*
Мечом смерти стала рассеченной кровоточащая печень (их) груди.

Когда горестная весть (о смерти Надир-Мухаммед-хана) дошла до высокодостойных ханов, то они объявили траур в Балхе и Бухаре, и в память своего в бозе почивающего великого отца роздали милостыню простому народу и беднякам. В это время, вследствие (происков) зловредных интриганов, появилась пыль досады на зеркалах мыслей обоих ханов и (между ними) произошла распря. На этом основании Абдулазиз-хан, утвердив в ханском звании Мухаммед-султана, послал его в Балхскую область. Тот, явившись туда с многочисленным войском, в течение сорока дней осаждал (Балх) и так разграбил и опустошил его окрестности и районы, что не осталось и следов населенных мест. Однако сколько ни старался (этот царевич) овладеть городом, это ему не удалось. В силу необходимости он снял осаду и ушел в Гисар[221].

На следующий год он, предприняв тот же образ действий, прибыл в округ Хульм[222]. Эмиры, выступив с мирными предложениями, [сказали (Субхан-кули-хану): «Бухарское население всегда посылало петиции и извещения, что оно утвердит власть над Мавераннахром за Субхан-кули-ханом, и высокославный хан (Абдулазиз-хан) жалует вам престольный город Балх с тем условием, чтобы пыль недоразумения, поднявшаяся между нами обоими, улеглась и вражда сменилась бы дружбой[223]»]. От обеих стран последовали посольства, которые выработали условия и договор мира. Когда вполне определился образ мирных отношений и спокойствия, балхцы, под видом извинения (перед Касим-султаном), послали к нему некоторое количество людей. Те, явившись к царевичу, усыпили его подозрения обманными речами и под предлогом того, что хотят передать нечто секретное, остались с ним наедине и убили его[224]. У неба от горести наполнился кровью подол и звездная сфера проявила на щеке (своей) слезу сожаления.

Стих:

Да, да, за каждой весной следует осень!

Известно, что в ряду аштарханидских принцев не было другого, подобного Касим-султану по уму, по способностям, по поэтическому дарованию, по умению письменно излагать мысли, по храбрости и мужеству, так что когда во дни (своего) правления областью Мейменэ и Андхуда он отправился в набег на Хорасан, то в течение двадцати дней овладел тридцатью одной тамошней крепостью и произвел всеобщее избиение еретиков. Диван его стихотворений состоит из десяти тысяч стихов, большинство их является подражанием Саибу Исфаханскому[225]; каждое двустишие его имеет свой особый смысл. Это четверостишие есть следствие таланта рано угасшего покойного царевича.

Стихи:

Не будь товарищем Соловья и тем паче супругом Розы.*
Всюду, где загорелась свеча ее красоты, ты сделайся мотыльком, (порхающим вокруг нее)[226]
В наше время не годится быть правдивым.*
(Потому) будь, как прекрасная роза, двух цветов и, как гребень, с сотней языков (т. е. зубцов).

53*а*

О НАБЕГЕ НА МАВЕРАННАХР УРГЕНЧСКОГО АБУ-Л-ГАЗИ-ХАНА И ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ (ОБРАТНО)

В год 1076 (1665—1666) Абу-л-Гази-хан б. Асфендиар-хан б. Арабхан, правитель Ургенча[227], придя с многочисленным войском произвел грабеж и разорение районов Мавераннахра, распылив и рассеяв все население.

Абдулазиз-хан поспешил уведомить об этом своего брата и тот высокостепенный хан послал к нему на помощь войска Балха и Бадахшана. И те свирепые львы из чащи храбрости, сойдясь с войском Турана, обратили его в бегство и Плеяды его разбросали наподобие звезд Большой Медведицы.

(Но) то дьявольское войско, опять собравшись, второй раз совершило набег, нанесло поражение (войску Мавераннахра) и вернулось обратно. И так до восемнадцати раз, совершив набеги (на Бухару, хи-

винцы) довели бухарцев до крайней степени нужды и горя. Неожиданно (однако) стрела молитв несчастных попала в цель их принятия, и предопределенная смерть, вцепившись в воротник жизни Абу-л-Газихана, переменила ему трон на гроб.

После него его сын Ануша[228], (еще) больше, чем отец, совершая путь жестокости, несколько раз производил набеги на бухарские области и до такой степени (смелые), что, захватив (даже) Джуйбар, местожительство ходжей, предал его грабежу и разорению. В то время Субхан-кули-хан, вследствие неприязни к своему брату, побуждал Анушахана (к таким набегам). Абдулазиз-хан же в это время ушел в Кермине[229]. Когда его известили об этом (т. е. о захвате предместий г. Бухары хивинцами), то он, как неустрашимый лев, направился к Бухаре и в полночь, подойдя к столичному городу, увидел, что ургенчцы (уже) вошли в город и заперли ворота. Абдулазиз-хан с сорока своими людьми, разбив ворота, вошел в город. Неприятель, бывший подле ворот, выхватив шашки, напал (на хана и бывших с ним людей); эти отважные в битвах (воины) тоже обнажили свои мечи и устремились в бой (с ургенчцами). Самоотверженные молодые люди, (бывшие при хане), проявили такое мужество, что от страха перед их мечами и копьями (сам) кровожадный Марс спрятался (где-то) в углу небесной сферы. Словом, убивая и раня, (Абдулазиз-хан) добрался до арка[230], куда его (сейчас же и) впустили. Хан отдал приказ, чтобы всякий, кто в силах метнуть камень, не упустил бы случая убить (хотя бы) одного ургенчца. И в ту ночь узбеки, таджики, земледельцы и базарные торговцы—все ополчились на уничтожение врагов и, заперев ворота, обрушились на тот народ. И с того момента, как пронизанная стрелой блестящей звезды лазурная крепость неба порозовела от крови вечерней зари, до времени, когда солнце вынуло из ножен горизонта (свой) позолоченный меч, продолжалось избиение (ургенчцев). Были нагромождены целые горы трупов. Избежавшие смерти с тысячью разных уловок спустились с крепостных стен и присоединились к своему хану, и, не имея сил сопротивляться, подобно тому, как бегут от льва пугливые ослы[231], обратились в бегство по направлению Ургенча.

Когда это случилось и (стало ясно), что вражда к брату послужила причиной поражения государства и, кроме того, поскольку старость и телесная слабость подчинили его благословенную личность, Абдулазиз-

хан подумал: «Да не будет того, чтобы этот заблудшийся народ опять пришел с войной и чтобы мое государство перешло к чужому!» Решив отказаться от власти, он потребовал из Балха Субхан-кули-хана, чтобы передать ему корону и трон, а самому отправиться для совершения священного обхода Ка'бы высокочтимого (меккского) храма и (на поклонение) священной гробнице (пророка). Упомянутый хан, (выехав из Балха по вызову брата), остановился в Карши и (отсюда) сделал представление такого рода: «Пока его величество, убежище халифского достоинства, пребывает в столичном городе Бухаре, я не осмеливаюсь двинуться дальше. Лишь в том случае, когда высочайшая особа (его величества) направится к (поставленной ею) цели, я тогда пойду (в Бухару)». Для доставления этого извещения Субхан-кули-хан отправил Имам-кули аталыка келечи и Тенгри-Берды парваначи аралата[232].

Явившись к Абдулазиз-хану, послы передали ему письмо (брата) и то, что им было поручено сказать на словах. Знатные люди Бухары, принадлежавшие к военному сословию, и прочие, узнав об этом обстоятельстве, заявили (хану): «Хвала Аллаху, лучезарной особе (вашего величества) не приключилось никакой болезни и не постигли (вас) никакие бедствия. Имам-кули-хан, отправляясь на поклонение Ка'бе, был поражен слепотой, ехать же туда вашему величеству нет никаких оснований. Мы, рабы, пока живы, не выпустим из своих рук повод высочайшей власти. Если последует августейшее повеление выступить в военный поход против Субхан-кули-хана к Карши, то мы готовы с ним воевать».

И все, будучи единодушны на таком решении, удержали хана от (исполнения) его намерения. На следующий день (Абдулазиз-хан), потребовав балхских эмиров, сказал им: «Если бы Субхан-кули-хан не имел в (своем) сердце вражды (ко мне), то почему бы ему не явиться ко мне? Он хочет насильственным образом взять у меня власть. Я не поеду (сначала), как он хочет, ко святым местам, а он потом вступит (в Бухару), посмотрю, что он может сделать?!» Все, наложив печать молчания на свои уста, не смели ничего возразить (на эти слова). Тогда Тенгри-берды парваначи сказал: «Помню я, раб, один рассказ про великих людей, но я опасаюсь утомить царственное внимание (вашего величества). Если мне будет позволено, то я его доложу». «Говори!» — сказал хан.

И (Тенгри-берды) доложил следующее: «Слышал я, что когда влечение к божеству вырвало поводья терпения из рук Султана Ибрагим-Эдхема[233], который был государем Балха, то он, бросив корону и престол, решил совершить паломничество к святейшей Ка'бе. Когда он (в пути) достиг одной из остановок, где обитал шейх Фаридуддин Аттар[234], то этот великий человек с почетом встретил султана и пригласил его в гости к себе в обитель. Обратившись к небу, которое есть средоточие (всех) молитв, Аттар сказал: «Боже, Ибрагим сегодня стал (моим) гостем, обращаюсь с надеждой к тебе, что ты ниспошлешь от трапезы потустороннего мира накрытый стол (для его угощения)!» И вдруг появился стол, полный разного рода кушаний, и опустился перед теми двумя возлюбленными (рабами истины). Они вместе покушали и вознесли хвалу господу; а затем, после прочтения первой суры Корана и величания Аллаха, стол исчез. На другой день шейх отправился посетить султана (Ибрагима), тому также пришла мысль угостить шейха. Устремив лицо надежды к чертогу господа миров, султан молил о ниспослании (угощения) от потусторонней трапезы. И по божественной милости столько появилось различных кушаний, разного рода фруктов, что при виде всего этого изумлялось око разума. Шейх Аттар (и султан) покушали от этого стола. И у Аттара закрались в сердце зависть и ревность, (он подумал): «Я и Ибрагим, оба мы совершаем тот же самый путь в поисках его (т. е. божества), но почему же по моей молитве появился лишь один стол с блюдами сокровенного мира, а по его просьбе—столько (всевозможных кушаний), что терялось всякое представление об их количестве?» И божественное откровение ответило ему: «Фаридуддин, ты пришел искать меня, оставив лишь одну парфюмерную лавку, а Ибрагим ради меня покинул корону и престол Балха. Сообразно достоинству каждого я его и одаряю».

Стихи:

Помышления (твои) влекут тебя на купол величия,*
Ты ж эту кровлю не считай лучше лестницы (что ведет на кровлю).

О государь мира, султан Ибрагим обрел эту степень величия (как единение с высшей истиной), оставив государство (лишь) Балха, ваше же величество, покинув венец и престол областей (всего) Мавераннахра, направитесь по пути истины и той степени вдвойне достигнете!» Когда

хан выслушал этот рассказ, то растрогался, заплакал и сказал: «Так это и есть, как ты говоришь!»

Стихи:

Слышал я, что ты божественный муж,*
Ибо я видел в тысячу раз больше тебя.

И приказал, чтобы приготовили все необходимое для путешествия. В 1091 (1680—1681) году хан, продекламировав нижеследующие стихи, залился слезами.

Стихи:

Когда же будет, о боже, что я отправлюсь в Ясриб и Бэтха[235],*
Чтобы в Мекке остановиться и пожить в Медине,
Чтобы в глубине колодца Земзем[236] исторгнуть из сердца тихий стон*
И, проливая из очей кровавые слезы, превратить тот источник в море?!

И, подобрав рукой упования на Аллаха поводья намерения (совершить хаджж), он отправился в путь как душа и тело и как капля в море[237]. Число людей, сопровождавших хана в караване, было более тридцати тысяч человек, все они удостоились счастья совершить хаджж; об их нуждах и потребностях в пути хан (всегда) был осведомлен[238]. Как счастливы те, которые большую часть жизни проводят у власти, оказывая справедливость обиженным, а под конец жизни удостоиваются достижения таких степеней.

Похвальные качества того государя (т. е. Абдулазиз-хана) столь многочисленны, что не могут уместиться на поверхности листов (книги). Говоря кратко, он в меру возможности преуспевал в науках религиозного характера, лично изучал законоведение у величайшего ученого, вместилища (всех) превосходств и (высоких) качеств, ученейшего из ученых мира, у учителя (всех) последующих (законоведов), у Маулана Насируддин-и Бухари,—да будет над ним милость (Аллаха)! — и получил (от него) разрешение (давать) фетву[239]. В суфизме он был учеником его святейшества, божественного полюса, чистоты потомков князя святых (т. е. Мухаммеда), Ходжи Абдулгаффар б. Ходжа Салих б. Ходжа-йи Калан-ходжа б. хазрат-и Махдум-и а'зам,—да освятит Аллах их гробницы! Раскаявшись в совершении всех запрещенных действий, он

соблюл (все) условия (нравственной) чистоты; в отношении преступников и конфузящихся (своих поступков) он выказывал такое милосердие, что был совершенно далек от мысли, что они совершали что-либо дурное. Говорят, что Абдулазиз-хан был настолько тучен, что в то время никого из людей, подобных ему (по толщине), не было: в одном его сапоге мог поместиться четырехлетний ребенок.

Один из бесстрашных поэтов (того времени) составил на толщину хана дерзкое двустишие следующего содержания[240].

Господь дал Абдулазиз-хану тучное тело,*
Голову вроде гудунга и задницу, подобную табангу.[241]

Доносчики незамедлили передать хану его смысл. Поэта потребовали во дворец, и тот несчастный, прощаясь с жизнью, знал наверняка, что стихи из оды его жизни будут приведены к молчанию полустишием меча расправы. Трепеща и дрожа (за свою жизнь,) он явился (во дворец).

Хан сказал: «Мулла, слышали мы, что ты про нас составил невежливое стихотворение. Наш совет тебе таков: то, что ты сказал про нас, ты после этого не будешь говорить ни про кого другого». И приказал выдать ему десять тысяч динаров, почетный халат и (отвести) тысячу джерибов земли[242], годной для земледелия. Когда поэт увидел такую к себе милость и эти пожалования, он сказал: «Если бы сегодня хан разорвал меня на тысячу частей и с корнем бы истребил все мое потомство, (мне это было бы легче перенести), чем испытать тот стыд, который пробудили во мне его милости. Он сконфузил меня на всю мою жизнь, и поистине та расправа была бы для меня более легкой!» После этого он покинул родную Бухару и уехал в Индостан, больше его никто не видел. За всякое остроумное выражение, которое кто-либо произносил, хан щедро оделял того человека разными подарками. Однажды он подарил цырюльнику рыбий зуб, чтобы тот им полюбовался. Цырюльник воспользовавшись этим случаем, доложил, что уполномоченные по дворцовым расходам не платят ему жалованья; один из приближенных хана заметил: «Не горюй, мастер,

Стих:

Тот кто дает зуб, даст и хлеб».

И в тот же день хан три раза наполнил рот произнесшего жемчугом. Письма и грамоты, которые (Абдулазиз-хан) посылал правителям (разных) стран, не нравились ему в той редакции, в которой их составляли (его) секретари, и (потому) он сам стремился их составить и написать. Всех ученых и достойных людей он принимал у себя запросто. Следующее четверостишие, которое он написал и послал своему брату с дороги в Хиджаз, является результатом его приятного характера.

Стихи:

Блестящий меч рвения (к Аллаху) вырвал из меня раздражение.*
Волна этого спокойного моря (т. е предвечной истины) уничтожила во мне расстройство,
В моем опустошенном сердце (отныне) спокойны все уголки.*
Да будет проклятым время того человека, который взял у меня это опустошенное царство!

Из сооружений (Абдулазиз-хана примечательно) медресе в г. Бухаре[143] пртив медресе в бозе почивающего благочествого государя-мученика, Мирзы Улуг-бек гургана; внутренность его украшена цветными изразцами, а купол его в (своем) высоком совершенстве поднимается подобно хризолитовому куполу неба; надписи на нем и внутри него написал почерком сулс[244] Маулана Мухаммед-Амин, единственный в своем роде (художник), который, несмотря на слабость зрения, был опорой учителей каллиграфии и даже художников-каллиграфов века. Что касается писцов блестящего почерка, то в эпоху (оказываемого им) покровительства и доверия они шли по пути совершенствования.

Светилом писавших почерком насх-и та'лик (насталик) является Маулана Хаджи Ядгар, ученик Мир-Хусейна, «Золотого кашмирского пера»; он занимался в высочайшей библиотеке перепиской рукописей и исполнением кыт'а[245]. Его прозвали «вторым Мир-Али»[246]. Этой унике вселенной (хан) приказал (переписать) Диван[247] красноречивейшего из красноречивых и наиприятнейшего из поэтов, святейшего Шемсуддина Хафиза Ширази[248], и спросил (при этом): «Хаджи, сколько можно в день переписать из этого писания?».

И тот единственный в свое время ответил: «Если я постараюсь, то за день напишу десять двойных стихов»[249]. Хан (на это) продекламировал следующий стихотворный отрывок: «Слышал я, что в стране (Дальнего)

Востока делают в течение сорока лет одну китайскую чашку и сотню за один день делают в Багдаде. Какова их цена, ты, несомненно, представляешь!»—Мы, называя тебя каллиграфом, приказали тебе (переписать) эту книгу. Если будет за день переписано десять двойных стихов, то какое может быть изящество в этом почерке?! Если хватит терпения, пиши (только) два двойных стиха, а если нет—один!».

Подчиняясь этому указанию, (Хаджи Ядгар) закончил (переписки) ту книгу в семь лет. И когда (Абдулазиз-хан) свиделся в Иране с шахом Сулейманом[250] и послал ему подарки[251], состоящие из драгоценностей, различных тканей, быстрых, как ветер, коней, царственных соколов, кречатов и катаров верблюдов, и к этому присоединил эту самую книгу, то шах Ирана, не обратив никакого внимания (на все прочие подарки), взял книгу и сказал: «Сегодня хан подарил мне в сокровищнице этого переплета все дары земного шара!» Шах Сулеймаи оказал (Абдулазиз-хану) полный почет и уважение, какой (когда-то) соблюл шах Аббас (II) по отношению Надир-Мухаммед-хана.

Так как уже приближался сезон хаджжа, то (Абдулазиз-хан, приняв твердое намерение) попасть к этому времени в Мекку, с (наивозможной) быстротой направился (туда). Когда (паломники) достигли земли арабов, то последние, задержав караван, потребовали пошлину. Хан согласился уплатить 20 тысяч динаров червонного золота, арабы притесняли, пока хан не согласился на уплату 40 тысяч динаров, но арабы и на эту сумму все же не согласились. (Тогда) все военные из ханского каравана, которые были в бездействии после продолжительной привычки к войне, к убийствам и стычкам, заявили хану: «Честь и слава (сопровождают нас), так как в течение сорока лет (наша) жизнь прошла на службе государству, а теперь мы становимся побежденными этой бандой. Ведь большую часть этого народа и за суннитов нельзя считать, (поэтому) на сегодня—война за веру! Если мы будем убиты, то счастье принять венец мученичества будет соединена с воздаянием (за такое благочестивое дело, как) паломничество к святым местам». И в тот же день согрев огнем войны площадь сражения, они, вместо червонного золота, разлили (по ней) кровь врагов. И отправившись (дальше) подобру-поздорову, (все) удостоились облобызать охраняемый ангелами порог (меккского храма). Подчиняясь обещанному смертному часу, птица души того счастливого (монарха) разбила клетку тела и

взлетела, направляясь в сад рая. Время правления (Абдулазиз-хана) было сорок один год, а всей его жизни было семьдесят четыре года[252]. Он был похоронен рядом со своим отцом и дядей на кладбище Баки. Да озарит Аллах его гробницу и да соделает прохладным место его (вечного успокоения).

58а

ВОСШЕСТВИЕ НА СВЫКШИЙСЯ СО СЧАСТЬЕМ ПРЕСТОЛ ГОСУДАРСТВА МАВЕРАННАХРА ВЫСОКОСЛАВНОГО ГОСУДАРЯ СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ-БАХАДУР-ХАНА

Святейший владыка царств,—да будет превознесено его достоинство и да увеличится его доказательство!—лугу государства не даровал зелени без источников счастья веры, а источники веры он не даровал текущими без холодной воды меча расправы в ножнах правителей государства.

Четверостишие:

«Ветвью древа счастья в саду государства*
Не стремись алчно обладать без капель источников божественного закона,
Но холодная вода веры может ли когда течь*
Без помощи покровительства славных монархов?»

Достойного царского престола и славы и заслуживающего короны величия и счастья он (Аллах) сделал счастливым, ибо примером высшей энергии в положении (Субхан-кули-хана) было его покровительство истинной вере. Укрепление же сущности просвещенного сердца (хана) последованием (его) приказаниям князя пророков (т. е. Мухаммеда) доставило ему такое счастье, которое, подобно дереву, высилось среди цветника (его) царственного достоинства. И лучшим из плодов сего было хождение (Субхан-кули-хана) в путях, сообразных с действиями, одобряемыми (божественным законом), и отвержение им всего запрещенного. И когда ветвь (ханского) величия зазеленела от протока правосудия, то самым ранним плодом ее было доставление добра и пользы и искоренение зла и нечестия. Он обрел свое могущество в том, чтобы оказывать подданным покровительство. Он желал себе величия, чтобы помогать упавшим подняться на ноги. Деревце могущества он по-

садил в саду мощи для того, чтобы весною справедливости на нем распустились цветы великодушия. Розовый куст государства в саду справедливости он культивировал тем, что рукой милосердия вытаскивал шипы из ног угнетенных.

Стихи:

Он всему предпочитает*
Заботу о подданных и набожность.
(Своими) милостями он радует мысль народа.*
Благодаря его справедливости мир весь целиком стал благоустроенным.
В тот день, когда другом бывает рожденный под счастливой звездой,*
Удача проявляется во всем.
Наиболее предпочтительной датой века*,
Подобно царственному празднику в сезон весны,
Был тысяча девяносто первый год хиджры.*
(Тогда) судьба ему[253] сказала: «Вот тебе царство!»
Он опоясался царским великолепием*
(И) мир весь стал его рабом.
Когда воссел на престол государства тот государь,*
Взошло солнце с востока величия.
И после сего (этот) монарх, Джучид по происхождению,[254]*
Омолодил мир справедливостью и правосудием.
Добродетельным он прокладывал путь к добру,*
А злым противодействовал совершать злое.
Небо (так) возжгло факел его величия,*
(Что) Меркурий сжег (им) пояс созвездия Близнецов.
Когда мир стал ему престолом, Юпитер*
Научился у Венеры музыке[255].
Когда его дыханье стало жить под одной кровлей с Иисусом,[256]*
То перед ним свеча солнца стала мотыльком.
Враг, который был кровожадным и злосмеющимся над ним,*
Стал у него ступенью счастливого престола
В этом саду всякой ветви, что поднимала кверху (свою) верхушку,*
Он мечом отсекал ее и срезал до основания[257].

В первый день мухаррема года курицы, 1091 (2 февраля 1680 г.), убежище сейидского достоинства, слава благородства, (высшая) степень потомства семьи Та и Я-Син, непорочность детей князя пророков, особо выделенный из них милостью владыки-творца, Мухаммед Бакир-ходжа-йи Джуйбари, выступил из Бухары со всеми эмирами, благородными потомками пророка, с знатнейшими людьми (города) и с самыми

учеными; они украсили верха кафедр мечетей (произнесением с них) хутбы с именем этого высокославного государя, а поверхности монет—чеканом на его имя, и с большой помпой прибыли в Несеф на высочайший поклон. Принеся поздравления (Субхан-кули-хану со вступлением на престол Мавераннахра), они пропели перед ним следующие стихи:

Хвала господу, что личность его величества, (эта) благодать пробуждения,*
Стала у нас в Мавераннахре государем!
Во всех частях вселенной признательные за эту радостную весть*
Обитатели мира не нуждаются ни в каких (других) добрых вестях.
Победа снимает (для него) платье с небес,*
А яхонт похищает для него с головы солнца шапку[258].

Его величество по-царски заботливо расспрашивал каждого о здоровье и положении, огромными подарками выразил свою признательность (депутации). И в понедельник седьмого числа упомянутого месяца, в то время, когда фарраши[259] божественного могущества высоко подняли шатры облаков холодными столбами на открытом пространстве луга и ради государя роза бирюзовоцветного престола украсила (свой) куст триумфом,—высокая особа его величества, подобно солнцу на небесном своде, воссела на престол и под лазоревым куполом неба весело и громко зазвучал большой царский барабан.

Стихи:

Теперь гордится престол царства,*
Потому что на его вершину бросил тень победоносный государь.

Значительнейшая часть человеческих племен положила головы покорности на черту повиновения (ему) и препоясала чресла и развязала языки (себе) для его восхваления.

Стихи:

О достойный могущества, счастья и высокого положения*,
Тебя украшает закон, престол и венец!
Наши сердца, каждое в отдельности, в подчинении у тебя,*
Все души наши в союзе с тобой!

Редкость эпохи, уника времени, Баки-ходжа-йи Ахрари, который был единственным в мире, и по совокупности талантов являлся единичным в своем периоде времени, составил оду и поднес ее государю. В ней каждый стих (букв.—полустишие.—*А. С.*) заключал дату восшествия на престол того правосудного государя. Неизвестно предвосхитил ли до этого (кто-либо) из наших талантов столь прекрасное намерение (написать подобную оду). Если же я не ошибаюсь, она (во всяком случае) выходит из пределов возможного. Эта ода такова:

О сердце, пришла радостная весть о щедрой милости владыки
величия*
Следом за государем, любимцем моря щедрот.
Он—Соломон по высокому положению, Александр (Македонский)
по царственному основанию для (своих) приближенных,*
Диадема, распространяющая царственные суждения высоких примеров,
Владетель справедливый, «спокойствие аллахово в мире» пришел.*
Его красота, блистающая от света (его) чела—чудеса величия.
Защитник вечной веры, Субхан-кули-хан пришел:*
Население мира под покровом его державы обрело спокойствие.
Полнотой великого сана и блеска украшен (его) перстень государства.*
(Он)—распространяющий красоту применения божественного закона,
да будет вечен!
Для Мавераннахра он пришел, как вода в оросительном канале*.
По скромности (лишь) он не разливается, как океан.
Далеко идущие, его величие и слава есть тень (его покровительства)*.
Существа, исчезновения которого никто нигде не видит.
Об увеличении блеска (его) государства расспрашивают*.
Перед чертогом его могущества и достоинства (все) вопрошающие.
Блеск могущества неумирающего величия, подкрепляя (его своим)
благосклонным принятием,*
Одевает (его) государство великолепием правосудия его
(Субхан-кули-хана), красивого по виду.
Мир—в колыбели спокойствия (раз правосудие) во дворе
его справедливости.*
Вселенная безопасна и спокойна, благодаря (его) высоким деяниям,
О опора века, султан престола высокого достоинства и вера!*
О ты, лицо которого есть восход божественного неисчезающего света,*
(О) тень (предвечной) истины, высокомогущественный государь,
безопасность верующих!*
Да будет славно твое достоинство! Ах, что за достоинство, что за
величие совершенства!

У (меня) постоянное желание быть подковой копыта твоего скакуна,*
Она кажется золотой, как подкова на небе—вид молодого месяца
Творящий правосудие (государь). величием подобный Джемшиду,
по достоинству Сатурн высокого местопребывания,*
Тот, чье высокое положение изливает пригоршнями благодеяния на
обитателей этого мира,
Наместник милосердия (т. е. Аллаха), владыка вселенной, великолепие
справедливости которого*
Уничтожает темную ночь бедствия, как утро свиданья.
Облако весны, высоко радующее (своею) милостью;*
От тяжести (своего) величия и добрых нравов подобное горе
Это восшествие (его) на престол миродержавия вовлекло*
Мир из страха горя в объятия справедливости.
Пришел виновник безопасности и мира. Как прекрасна благость (его)
благосклонного принятия!*
Пришел защитник веры пророка. Как великолепна красота (его)
похвальных качеств!
Его правосудие, (осуществляемое) могуществом государства, подобно
талисману безопасности;*
Его царство, сильное справедливостью, безопасно от гибели.
О блистающий успехом (во всех) смыслах на каждом месте,*
Твое августейшее величие (есть) великолепие (многих) родов совершенства!
Когда исполнитель его правосудия приносит (его) славное повеление,*
То будет ли возможность у насилия и несправедливости судьбы не
подчиниться ему?
О образцовое правосудие, твоим преуспеванием как гордится (само)
великодушие!*
О справедливый (монарх)! Твоим блеском и достоинством сколь увеличивается
(самое твое) благодеяние!
Блеск страха пред его правосудием исторг корень насилия.*
Затруднения разума разрешаются его мнением.
Запутанный узел судьбы, благодаря ему, становится ясным.*
Трудности (в осуществлении) надежд его разум сотни раз разрешит.
Всюду, куда бы он ни пошел войною с (своим) знаменем,*
Все враги (его) уничтожаются его могуществом.
Его труба изнутри молитвенно звучит: «как прекрасны
твои дела!»*
Когда ты услышишь бой его большого царского барабана, все время (он тебе
будет говорить о его) величии.
Источник его гнева бьет превыше кипариса и источает кровь*.
В отношении врагов его государства он—апогей средств (для (их)
уничтожения.
Высокое государство, солнце, звезды связаны определенным законом*

С тех пор, как пришел (государь) правосудных, украшенный могуществом, равный Соломону
Удивляясь этому и восклицая «хвала господу!», все*
Небесные силы выстроились рядами в этой эмалеподобной высоте (т. е. в небе),
Великолепие государя—новогодний церемониал, а дни (его) восшествия на престол*
(Это) блеск весеннего освещения и прелесть освежающего ветерка.
Небо установило церемониал восшествия на престол (сего) набожного государя*
И от сего происшествия по гладкому шелку розы бежит чистая, здоровая вода.
(А) свет его величия на острие полумесяца (его) знамен (блестит) победой.*
Да будут у него в совершенном состоянии жизнь, судьба и семейство!
О миродержец небесного достоинства! Да будет счастливо (твое) государство!*
О всегдашний помощник религиозной общине, да будет блаженна твоя судьба!
Достигнет ли когда до места его восхваления (известное) количество печальных мыслей?*
Хвалиться разумом, описывая его совершенства,—есть грех!
Очарование способами постижения его природы порождает у меня (творческие) идеи.*
(И) чудесные выражения живописуют базар (его) милостей.
Кибла души есть (его) сердце. Когда зло найдет в нем убежище?*
Исходит ли из святилища храмины сердца злое очарование величия?
Сердце от потери привязанности (к хану) под этим высоким местом*
Остается подобным тюрьме (с) заключенными в ней тщетными предположениями и призраками.
До каких пор блеском этого материального тела*
Я буду связан по рукам и ногам в кельях надежд?!
О дверь его справедливости, посмотри на сложение каждого моего полустишия:*
От восшествия на престол его близости возникли: согласованный (с этим событием стих) и (выраженное им) количество лет.
Пока пребудет мир, основы государства с законами справедливости*
Да будет соединены у его величия с другом вечности![260]

61б ОТПРАВЛЕНИЕ ВЫСОКОСТЕПЕННОГО ЦАРЕВИЧА ИСКАНДЕР-БАХАДУР-ХАНА, КАК НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА, (ПРАВИТЕЛЕМ) В ОБЛАСТЬ КУПОЛА ИСЛАМА, БАЛХ

Когда спокойствие и устойчивость в государстве (окончательно) выяснились и у лучезарной мысли (его величества) во всех отношениях

получилось полное равновесие, то в разуме (его величества), подобном божественному престолу, блеснула (мысль) защитить жителей области Балха, послав туда одного из достойных (своих) сыновей, отмеченного знаками старшинства (по рождению) и справедливостью. И вот в средине месяца раби' ас-сани (Субхан-кули-хан) почтил отличием среди братьев благородного царевича, чудо божьего милосердия, честь чела веры и государства, отраду зрения государя и нации, жемчужину в венце великого халифского достоинства, причину связи великого правления, самое лучшее древо в саду (царского) величия, избранника счастья, плод древа пышности и великолепия, государя, отмеченного правосудием, Искандер-Мухаммед-хана, послав его, как наследника престола, (правителем) в область Купола ислама, Балх. Тот великий царевич, считая священной сущностью жемчужину послушания и повиновения своему великому отцу, представлял совершенство сыновней преданности и покорности. (Отец) дал этому царевичу в жены честную женщину под длинным покрывалом целомудрия, солнце сферы султана и государства, Марию эпохи, Балкис круговорота времени[261], Рахима-бану-ханум, дочь Касим-Мухаммед-хана.

Стихи:

С тех пор как любовь Адама коснулась Евы,*
Такой госпожи от их отрасли (еще) не родилось,
Жемчужины из избранного ханского моря,*
Ангела по природе, пери—по красоте (не рождалось)!

В благородном доме времени произошло соединение двух созвездий; всевышний Аллах оплодотворил желаемым плодом ложе их надежд и небосводу их упований даровал лучезарную звезду, подарив им в 1090 (1679—1680) году дорогого сына. Так что с тех пор как высокие отцы имеют в (своих), равных жемчужным раковинам, чреслах, капли, подобные дождям, такая жемчужина не была выброшена на берег. И с того времени, когда низкорослые матери качают в колыбели сада детей душистых трав и пестун-зефир и кормилица роса (их) воспитывают, такого рода желанный бутон (еще) не распускался на лугу времени.

Стихи:

Когда он отделился от любезной матери,*
Быстро побежали из-за этого к государю.

У миродержца уста полны стали смеха,*
Так что он стал солнцем, светящимся счастьем.
Ту бабку, что его принимала,*
С головы до ног осыпал драгоценностями.
На голову ему была надета повязка из шелковой ткани диба,[262]*
(А) под нею был (подложен) чистый мускус.

В то время трон иршада был украшен благословенной личностью, аргументом святых и благочестивых, убежищем руководительства в правой вере, осведомлением о (высших) истинах, ишаном Ходжой Насрулла б. Ходжа Абдулгаффар б. Ходжа Салих б. Ходжа-йи Калан б. Махдуми-а'зам[263], да будет священна их память!

Упомянутый хан отправил то дорогое дитя к этому великому (человеку). Ишан призвал божие благословение на царевича мира (с пожеланием ему) благополучия в жизни и счастья и прочел (над) ним благоуханную фатиху. Плюнув (на него) с божественными словами, он раскрыл (Коран) и, (сказав) «прибегаю к Аллаху за помощью против проклятого диавола!», прочитал следующий коранский стих: Господи, сделай меня постоянно совершающим молитву, а также и некоторых из моего потомства![264] И посему дал ему имя Мухаммед Муким-султан[265].

Когда прошли три года правления (в Балхе) Искандер-хана, Мавзун Сураи, бывший наперсником его брата, Абу-л-Мансур-хана, подмешал в пищу яд и дал ему. (Тем самым) этот неблагодарный злонравный (человек) довел его до степени мученичества. Подлинно мы (все—) от Аллаха и все к нему возвратимся[266]!. Величие похвальных качеств этого в бозе почившего (царевича, Искандер-Мухаммед-хана) состояло в том, что он всегда совершал (положенные) омовения, проявлял чрезвычайное рвение к совершению молитв, к бодрствованию по ночам (в целях богомыслия), к чтению нараспев Корана и к подражанию чистейшим (суфиям) и благочестивым людям. Почерком насх писал чрезвычайно хорошо. Особенного пристрастия к царственному блеску и украшению не имел, а если что и проявлял (в этом роде), то это бывало по необходимости. Время его жизни было двадцать восемь лет.

63а

О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ВЫСОКОДОСТОЙНОГО ЦАРЕВИЧА СЕЙИДА АБУЛ-МАНСУР-ХАНА В ОБЛАСТИ БАЛХА И УБИЕНИИ ЕГО ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

Когда по предопределению вечности и по воле непрекращающегося существования Искандер-Мухаммед-хан услышал слухом согласия голос, (взывающий): «Все, что на ней (на земле), исчезнет»[267], в то время царевичи, дети Субхан-кули-хана были в арке Балха. Известие об этом (происшествии) балхские эмиры сообщили, (с выражением покорности в Бухару)[268] его величеству, убежищу халифского достоинства (т. е. Субхан-кули-хану). Так как его величество знал грубость нрава и силу раздражительности Абу-л-Мансур-хана, то он захотел сделать наследником престола Ибадуллу-султана и назначить его правителем Балха.

Бесстыдные же и наглые люди, слыша (об энергии и смелости)[269] Абу-л-Мансур-хана, подобно терзаемым мучительной жаждой, страстно стремились получить свежую воду соединения (с ним). Услышав про Ибадуллу-султана, они стали действовать единодушно. Восстав за (назначение) Абу-л-Мансур-хана, они бросились к эмирам. (И простерли свою дерзость) до такой степени, что Имам-кули аталыка келечи и Абид диван-беги кунграта[270], как палачи, схватили перед лицом базара, обнажили острые шашки и, (потрясая) кровь проливающими копьями, [поставили их в затруднительное положение][271] и сказали (им): «Кроме Абу-л-Мансур-хана мы (никого) другого не желаем (видеть правителем Балха) и если (вы) его сегодня, выведя, не посадите на престол,—и б о о н ж е л а н н ы й, то мы немедленно прольем вашу кровь мечом жестокости». И сколько упомянутые эмиры не желали отложить (этот вопрос до получения) согласия местопребывания халифского достоинства, (зачинщики) на это ни в каком случае не соглашались и дошли до того, что схватили сыновей их (эмиров) и в оковах и цепях потащили в тюрьму. Тогда в силу необходимости эти два эмира отправились во дворец (правителя, за ними) устремилась (толпа). И в четверг девятого числа месяца джумади-ал-авваля 1094 года (6 мая 1683 г.) Абу-л-Мансур-хана вывели из арка и посадили на престол власти.

(Вскоре) установились такие порядки. Число личного конвоя и дворцового караула достигло до десяти тысяч человек, конница сопровождающая августейший экскорт, была доведена больше, чем до

тридцати тысяч человек. Пышность и необузданная вспыльчивость Абу-л-Мансур-хана в короткое время стали известны в Индостане, в Хорасане и в большинстве других стран, так что (по границам их) из страха перед его бешенством и (неожиданностью его) политики на всех (пограничных) путях и горных проходах назначили стоять великих эмиров с военными частями. Он приказал установить в городе (Балхе такое) правило, (чтобы) люди богатые и имущие из состоятельных купцов, ремесленников, базарных торговцев и искусных мастеров разного рода выставили бы напоказ разноцветные ткани, разного рода нарядные покрывала и (всякие) вещи разнообразного характера, вроде изделий Китая и Ференгистана, чтобы приятноголосые певцы и музыканты, играющие на кануне и чанге[272], принесли бы соловья музыкального вибратора из ветвистого сада пальцев в место гармонических стенаний[273]; (чтобы) хафизы с отличными голосами показали в местах веселия в увлекательном пении и в возбуждающих мелодиях подобную Давидовой музыку, в апогее совершенства достигающую ушей мистически восторженных и совершенных людей[274], (чтобы) пьяницы совместно с согбенными старцами и молодыми, держа в руках чашу (вина), сделали б (свои) лица из желтых красными; (чтобы) белотелые танцоры кокетливо выбивали дробь основных па с бросками в стороны, как пугливые газели.

И до десяти суток так и было. Древние старцы, многое видевшие, говорили: «Мы никогда не видели и не слышали, чтобы матерь городов Балх во времена прежних царей был бы украшен таким свадебным торжеством!» Близкие к хану лица доложили (ему): «Не дай бог, если Ибадулла-султан со своими приспешниками поднимет восстание (против вас)!» Отозвавшись на слова этих безумцев, (Абу-л-Мансур), [обманом вызвав вниз из арка][275] того невинного царевича, приказал его убить. И вот, когда кровь этого погибшего схватила его за горло,картина (последующего) события была такова. Злонравный, неблагодарный и проклятый Ходжа Кеш-Надир, мираб[276] туркмен, подружившись с братом (Абу-л-Мансур-хана), Сиддик-Мухаммед-султаном, объединили вокруг себя группу лиц и составили заговор об устранении того молодого (правителя). И однажды ночью, когда хан прибыл в (квартал) Чакыр-Ходжа Парса, в дом своей тетки Шамсия-бану-ханум, те проклятые собаки с сорока сбившимися с пути людьми, воспользовались этим случаем,

(напали на него и) убили. Доброжелательные рабы, узнав об этом происшествии, постарались оказать сопротивление злоумышленникам. До наступления дня в высь вращающегося неба неслись крики: «Держи! хватай!». Страшились, что все население города бросится на грабеж. Время жизни Абу-л- Мансур-хана было двадцать два года.

О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ПРАВЛЕНИЯ КУПОЛОМ
64б ИСЛАМА, БАЛХОМ, ВЫСОКОДОСТОЙНОГО ЦАРЕВИЧА СИДДИК-МУХАММЕД-ХАНА

На утренней заре, когда представители судьбы и предопределения вывели из потаенного покоя горизонта султана бирюзовоцветного престола, солнце, и сохранили город небес натиском его миродержавного меча от тирании тьмы, (когда) наглецы-звезды, которые мечом молодой луны наполнили до краев подол небесного свода кровью утренней зари и приготовились нарушить незыблемость и покой, померкли перед величием благоденствия мира, украшения пути убегающего и останавливающегося (т. е. перед солнцем),—(тогда) эмиры отправились в арк и, выведя оттуда высокодостойного царевича, принца высокого положения, конечный результат счастливого и достойного семейства, Сиддик-Мухаммед-султана, в год 1095 (1683—1684) посадили (его) на местопребывание власти и счастья и на подушку высокого положения и величия. Подарив (в лице нового правителя) новые порядки государству и безмерный блеск, они больше прежнего увеличили веселье и радость (народа).

Названный царевич по необходимости терпеливо переносил существующее положение в течение нескольких дней, пока в государстве не установились покой и стабильность, (а затем), взыскав милостью и хорошим отношением убийц Абу-л-Мансур-хана, он сделал (их) покоем для службы и залогом покорности. Когда же у него в отношении государственных дел получилось душевное спокойствие, то он отдал приказ об аресте убийц (своего брата). Та проклятая собака, Ходжа Кеш-Надир мираб, услыхав об этом, бежал с двумя братьями и сыном на (Амударьинское) побережье к своим соплеменникам. Из (других) злополучных схватили Хаджи Худай-бахши с двенадцатью человеками. С них было приказано содрать кожу и растащить (их тела) по суставам. Расправа и жестокость хана прочно засели в сердцах (населения Балха). Несколь-

ко военных, вроде Яр-Мухаммед туксабы[277] из племени минг и Бади' мирахура[278] из племени кунграт, которые были приближенными Абу-л-Мансур-хана, предполагая, что хану известна затаившаяся в их сердцах месть за смерть их господина и потому страшась за свою участь[279], бежали каждый к своему племени. (Так), Яр-Мухаммед прибыл в область Мейменэ, начал пропаганду неповиновения (Сиддик-Мухаммед-хану). Бади', направившись в область Термеза, взбунтовал свой народ.

Когда известие об этом достигло до (Сиддик-Мухаммед-)хана, он приказал арестовать брата Яр-Мухаммеда, Адина-Мухаммед диван-беги, и заключить его в оковы. А он в ту же ночь, разломав помещение (в котором содержался), убежал и присоединился к своему племени. Захватив с собой группу мятежников, он вступил (с ними) в крепость Шибирган, пригласил из Мейменэ Яр-Мухаммеда и, соединившись с ним, поднял восстание (против Сиддик-Мухаммед-хана), вовлекши в соучастие с собой все племя минг. Тот же царевич, уповая на Аллаха, подобрал рукой надежды (на божественную помощь) поводья намерения и, подняв (свои) победоносные царственного вида знамена, выступил на Шибирган. Когда он достиг до окрестностей крепости, то приказал своему победоносному войску взять ее. Те же, от которых отвернулось счастье, приложили всемерные усилия к защите (крепостных) башен и стен. Самоотверженные герои в три дня заняли высоты, господствующие над крепостью, и создали (для осажденных) такое положение, что никто не имел возможности двинуться вон из крепости. Когда на утренней заре сгорели подожженные крепостные ворота и войско вошло (через них) в крепость, то предались убийствам и грабежу. Те слепые сердцами, когда раскрыли свои глаза от сна неведения, то увидели на месте каждой ресницы по стреле. Короче говоря, та ночь божественным могуществом была наделена победоносным свойством. И столько было перебито неприятелей, что об их участи мечи убивающих плакали кровью, (струившейся) из очей джаухара[280]. Жены, дети, имущество, вещи и (самые) души, все было предано на поток и разграбление. Те безумцы, пробившись из крепости, обратились в бегство. Когда дьявольское войско скрылось бесследно из глаз, высокостепенный хан, обратив поводья возвращения в местопребывание (своего) господства, изволил остановиться на урочище Нику кунит (Делайте добро).

(В это время) получилось известие, что Бади' мирахур приказал племени кунграт причинить вред победоносному войску. Последовал

(ханский) приказ, чтобы герои, по поступкам—Рустемы, и отважные, как львы, витязи произвели атаку на тех заблудших с развращенными действиями. В тот же день храбрецы, совершив путь славы и чести, поставили смерть впереди жизни и ударами мечей, копий и ружейными выстрелами, истребили то племя, погубив множество (неприятелей). Избежавшие гибели, читая в отношении себя (арабское выражение), что — «бегство во-время — победа», с тысячью трудностей совершив путь бегства и остановки (на станциях) напастей, спасли свою жизнь.

После этого Баят-Кара туксаба алчин[281], который еще прежде, в эпоху великого хакана, проявил неблагодарность, соединился с одной шайкой и временами производил грабительские набеги на округа (Балхской) области, являясь причиной беспокойства подданных. Услышав о выступлении (хана) на Шибирган и о восстании (племен) минг и кунграт, Баят-кара туксаба бесстрашно совершил нападение на священный порог святейшего четвертого халифа, — да почтит Аллах лицо его![282] Известие об этом застало хана на охоте. Он распорядился, чтобы самоотверженная молодежь вышла в город, захватила свое оружие и (все боевое) снаряжение и явилась к нему, а сам остановился в местности Нау-бахар и пробыл здесь все то время, пока войско вооружилось и присоединилось к (его) победному стремени. Тогда, пришпорив пересекающего пустыню землепроходца-скакуна, хан соизволил выступить в поход. В тот (же) день победа и одоление были (одержаны) справа и слева; удача и счастье поторопились выступить навстречу (победоносному правителю). Так что каждый (из войска хана), сколь бы он ни был смирен, все же ниспроверг (хотя бы) одного из неприятелей. И от шашек и копий, исторгающих жизнь, в битве у противников обнаружились бреши спасения (своих) душ и жизней. И Баят-Кара с тысячью трудностей, решив последовать изречению посланника — «бежать от (всего) того, что является невыносимым делом», — бежал с немногими людьми. Все же другие заблудшиеся стали мишенью стрел и травой шашек, кроме тех, что были убиты в бою. Четыреста человек были захвачены живыми. Этих нечестивцев привели в город и поручили палачу уничтожения и расправы. Но до него не дошла очередь, ибо народ столько натерпелся от этих злосчастных, что побил их камнями и глыбами земли.

В это время пришел из Бухары приказ его величества, степени халифского достоинства, что «Ануша-хан, прийдя из Ургенча с многочисленным войском, напал на окрестности Бухары и Самарканда, перебил множество мусульман, жен и детей пленил и большую часть крепостей взял. (Поэтому) с получением (сего) приказа пусть (наместник Балха) соберет войска Балха и Бадахшана и явится с ними к нам на помощь». (Во исполнение этого повеления) тот царевич отдал приказ собрать войска. И впереди себя отправил в Бухару убежище сейидского достоинства и благородства, сферу влияния знатности и носящего звание вождя религиозной общины, Мухаммед-Са'ид-Ходжу накиба[283] вместе с Шукур парваначи мингом и с Абдушшукур дадхой келечи и с отрядом воинов-мечебойцев, свирепых как Марс; сам же, направившись в местность Келиф, которая лежит на берегу Джайхуна, остановился там и послал (отсюда) в качестве разведчиков несколько человек, чтобы они принесли известия об ургенчских войсках.

Через несколько дней разведчики вернулись и доложили, что Ануша-хан захватил Самарканд и все знатные и вельможные люди города постановили возглашать на хутбе его имя (как правящего хана) и чеканить монету с его именем, что большая часть эмиров Бухары, вроде Фазил диван-беги, юза, Тугма парваначи, ябу, Бек-Мухаммед-дадха, дурмена[284] и другие подобные им, оскорбленные его величеством, степенью халифского достоинства[285], отправились в Ходжент и Гисар и подняли (там) бунт и возмущение (против Субхан-кули-хана) и что самые близкие к последнему эмиры, будучи неблагонадежными и колеблющимися, настроены недоброжелательно (по отношению к хану). Сиддик-Мухаммед-хан, услышав эти вести и признавая свои усилия (помочь отцу) бесполезными, вернулся (в Балх). Когда высокодостойный хан услышал о возвращении царевича, он страшно огорчился этим и послал полное милости и снисхождения письмо к убежищу власти, к спокойствию области, к опоре современных эмиров, к вождю славных храбрецов, к обнаженному мечу в войне с врагами, к полированному копью, бросаемому опытной рукой, ко льву зарослей войны и мужества, к тигру арены силы и мудрости, к счастливому победителю в войне, к Марсу по свирепости, славному и знаменитому, к опоре великого государства, к доверию великой власти, к счастливому соучастнику божественной помощи, Махмуд-бий аталыку каттагану, которому было поручено управ-

ление всею областью Бадахшана. Субхан-кули-хан просил его (о помощи). И тот барс, вершина храбрости, с безграничным и неисчислимым войском, превосходившим всякое представление, выступил к стремени халифского достоинства.

Стихи:

Когда пришло то письмо к гиганту,*
Он выступил в поход с меченосным войском,
Подобно рычащему льву или опьяненному слону,*
(Или) крокодилу, (нырнувшему) под мерзкого дракона.

Удостоившись счастья облобызать августейший порог, (Махмуд-бий-аталык) в тот же день был отпущен. Он направился к крепости Гиждуван[286], где был ургенчский военный отряд. Приблизившись к неприятелю, он, как хищный лев пред сборищем лисиц или как сокол-захватчик перед стаей голубей, орлиными когтями схватил многих из них и Плеяды сборища их разбросал, как звезды Большой Медведицы. Ануша-хан, услышав об этом, устремился из Самаркандской области в бегство по направлению Ургенча, останавливаясь на станциях несчастья.

Стихи:

Если он — Рустам, то в войне у тебя (с ним) кто станет его противником?*
У лисы что за сила перед львом?

После сего, обратившись против (другого) неприятеля, он перебил племена (взбунтовавшихся): Фазил (диван-беги) юза, Тугма (парваначи) ябу и Бек Мухаммед (дадха) дурмана, которые орудовали на территории области (Ходжента и Гисара).

Стих:

Судьба сказала: «отлично!» Государь произнес: «браво!»

В один день изволением божественной милости удалось одержать тому победоносному две победы. Поэтому один из ученых (того) времени составил следующие стихи, заключающие дату этого события.

С тех пор, как Махмуд стал аталыком современного государя,*
Время стало благополучным, счастливым, удивительным и хорошим,

В один поход ему даровал бог две несомненных победы.*
Дата сего четверостишия в словах Махмуд-бек.

Когда (Махмуд-бий аталык) после того был принят в высочайшей аудиенции, то что́ я напишу, какими милостями он был осыпан в тот день. Потому что мысль слаба представить их, а разум недостаточен для их объяснения.[287] (Субхан-кули-хан), выказав по отношению к нему чисто сыновнее обращение, пожаловал ему большие суммы наличными деньгами, пояс, украшенный драгоценными камнями, дорогой кинжал, быстрых скакунов, катары верблюдов и (вообще) все, что имело значение и ценность.[288]

Вкратце биография его (Махмуд-бий аталыка) такова. Во время правления государя-паломника к обоим священным городам (Мекке и Медине), Абдулазиз-хана, когда ему не было и восемнадцати лет, он проявил мужество на поле войны с ургенчским ханом Абу-л-Гази, разя врагов направо и налево ударами (своего) блестящего меча. Но неожиданно его постиг дурной глаз: его лошадь поразила в живот навылет ружейная пуля, которая ранила его в ногу. Герой соскочил с коня и, не обращая внимания на раненую ногу, вступил в бой с врагами с кинжалом, и из средины стольких тысяч неприятелей так благополучно вышел живым, что это казалось непосильным для человеческой мощи. Абдулазиз-хан, в тот же день, явившись взглянуть (на храбреца), отдал приказ о возведении его в чин дадхи. [Он избрал эту унику времени (для заведывания) своими имуществами. Если он вступал в специальную (ханскую) конюшню, то дарил лошадей каждому человеку и этому не препятствовали. Отправляясь в высочайшее казнохранилище и гардеробную, он много брал наличными деньгами и вещами и хранители (всего этого) не ставили ему затруднений, и все это потому, что (хан), как отцу, выказывал ему свою любовь][289].

В конце концов, когда произошли эти победы над рабами тени божьей (т. е. Субхан-кули-хана), последний выразил свое раздражение (поведением) Сиддик-Мухаммед-хана, со своей стороны и эмиры, таившие в своих сердцах чувство огорчения некоторыми действиями этого царевича, объясняемыми его молодостью и неопытностью, воспользовались этим случаем и также заявили на него жалобы и доложили хану, что царевич, омраченный дьявольскою гордостью, свернул с большой дороги повиновения августейшему (отцу). Пока де высочайшая особа

(Субхан-кули-хана) не обратит поводья намерения в сторону столичного города Балха и не накажет его должным образом, Сиддик-Мухаммед-хан не выкажет надлежащего повиновения. Весть об этом достигла до слуха (названного) царевича и он распорядился предать на поток и разграбление (имущество) Хасан-ходжи, отца Мухаммед-Са'ид-ходжи накиба, как ответчика за действия своего сына, и затем выслать его в Индостан[290]. В тот же день он отдал приказ убить двух своих ни в чем неповинных братьев, Абдулгани-султана и Абдулкаюм-султана, в предположении, что они будут порочить его правление[291]. Он не подумал (о последствиях) беззаконного (пролития) крови этих несчастных и был схвачен за воротник своей жизни. Он стал подозревать каждого в злоумышлении (против себя) и приложил в этом направлении чрезвычайное старание. (Его) эмиры, которые были в Бухаре, услышав о разграблении имущества Хасан-ходжи и о высылке его в Индостан, о мерах, принимаемых (Сиддик-Мухаммедом) против народа (которого он подозревал в злых (умыслах), и о бедствиях, которые постигли их детей[292], пришли в смятенных чувствах и слезах к подножию престола халифата (т. е. к Субхан-кули-хану) и последний принял окончательное решение о походе на Балх.

69*а*

О ПОХОДЕ ВЫСОКОДОСТОЙНОГО ГОСУДАРЯ СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ БАХАДУР-ХАНА В БАЛХСКУЮ ОБЛАСТЬ, О НЕПОВИНОВЕНИИ СИДДИК-МУХАММЕД-ХАНА, О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ (БАЛХ) И ЕГО САМОГО

В 1091 (1680—1681) году, имея поводья небоукрасительного скакуна его величества обращенными в направлении Купола ислама, Балха, (Субхан-кули-хан) милостиво соизволил отправиться (туда походом). Когда переправились через Джайхун и остановились в Ханабаде, то Сиддик-Мухаммед-хан, услышав об этом, остановился на том, что же ему делать?

Стихи:

Если ветер приводит в движение пальму,*
То по достижении горы он оказывается бессильным

В силу необходимости (Сиддик-Мухаммед-хан) распорядился запереть (городские) ворота и открыть двери мятежа и бунта. С башен и

стен открыли по победоносному (ханскому) войску стрельбу стрелами и ружейными пулями. Высокостепенный хан, по чувству царственного сострадания (к своему детищу), отправил (к нему) милостивое письмо с убежищем сейидского достоинства, с заключительным выводом святых, Мухаммед-Юсуф-ходжа накшбенди[293]. Смысл его заключался в следующем: «У нас в мыслях, кроме милости и расположения, нет ничего дурного в отношении нашего дорогого сына. Он сам знает, что божественным предопределением другие сыновья (наши) перестали существовать и у нас, кроме него, не осталось радости очей. Мы прибыли повидать его»[294].

Царевич, поддавшись на этот обман, в пятничный день, в средине месяца мухаррама упомянутого года, вышел навстречу (к отцу) и в селении Сейидак, что лежит вне крепости, удостоился облобызать (высочайший) ковер. Его величество (хан), выказав ему родительские нежности, заключил его в объятия. И те подозрения и (мрачные) мысли, которые были на сердце царевича, полностью были рассеяны царственными ласками (его отца). В тот же день царевич и его, приближенные, успокоенные и веселые, вернулись в город. После остановки в резиденции власти (в городе Балхе)[295] из засады гнева и расправы монарха получился (такой) высочайший приказ: Сиддик-Мухаммед-хана арестовать и заключить в оковы, а его приближенных, которые удерживали его от повиновения своему великому отцу, способствуя проявлению его неблагодарности (и измене), в назидание людям, предать мучительной казни, вроде содрания (с них) кожи, четвертования, повешения за горло и т. п. Сообразно (этому) приказу все указанное в нем привели в исполнение. В течение трех месяцев его величество, пребывая в обиталище власти, (в городе) Балхе, высоко поднял зонт справедливости над куполами (своей) империи. За это время у находившегося в кандалах (и в заключении) царевича (Сиддик-Мухаммед-хана) приключилась тяжелая болезнь, которая воспрепятствовала состоянию его здоровья (надеть) украшение исцеления. И сколько ни старались врачи его лечить, пользы не было, наоборот, болезнь еще больше усилилась.

Стихи:

Вдруг мед прибавил желчь,*
Миндальное масло вызвало сухость (в организме)[296].

В середине месяца раби'ас-сани 1096 года (7 марта—4 апреля 1685 г.) он вручил отданную ему на хранение жизнь предопределенной смерти и взятое на подержание земельное владение обменял на страну вечности. Время жизни Сиддик-Мухаммед-хана было двадцать один год, а дней его правления было три года и шесть месяцев.

70а

О ВОЗВРАЩЕНИИ ХАНА, МЕСТОПРЕБЫВАНИЯ ХАЛИФСКОГО ДОСТОИНСТВА, СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ-МУХАММЕД-ХАНА ИЗ ОБЛАСТИ БАЛХА В ЦАРСТВЕННУЮ РЕЗИДЕНЦИЮ г. БУХАРУ, О ВЗЯТИИ (ИМ) С СОБОЙ ЦАРЕВИЧА МИРА, СЕЙИДА МУКИМ-МУХАММЕД-СУЛТАНА И О ПРИКАЗАНИИ (ЕМУ) ПРИОБРЕСТИ УЧЕНОСТЬ

На утренней заре, когда султан четырехподушечного трона вселенной завоевал (все) климаты мира мечом блеска и луком сияния и на объезжающем мир скакуне пустилась в галоп сфера небес, тот лучезарный государь, сопутствуемый победным знаменем и успехом, направился (из Балха) в Туран, взяв с собой счастливого царевича, высокого по происхождению, света зрения веры и государства, молодую луну на челе империи и нации, квинтэссенцию принцев (его) эпохи, Мухаммед-Муким-султана, вместе [с его матерью, положением равной Юпитеру, отмеченной знаками (прекрасной и мудрой царицы) Балкис, достоинством равной Зубейде[297], (с этой) жемчужиной моря и государства и с целомудрием звезды в знаке величия и женской чести][298] Рахима-бану-ханум.

Послав опять на прежних основаниях управлять областями всей территории Бадахшана опору эмиров, вождя великих людей, унику арены войны, верею, подпирающую величие (империи), порядок государства, того, кому (всегда) сопутствует счастье, Махмуд-бий аталыка,—хан повелел ему, чтобы он сверкающим, как огонь, мечом и пламевидным копьем стер с лица земли Баят-кара алчина, который в течение семи лет, скитаясь в степи заблуждения и бродя в пустыне невежества, временами причиняет вред населению, (сидящему) на территории государства, и тем самым бы очистил луг последнего от сухих листьев и древесных отбросов существования (Баят-кара алчина). Повинуясь высочайшему повелению, этот отважный герой арены мужества, получив разрешение отправиться

(в поход), выступил в таковой. Управление Балхской областью хан поручил Мухаммед-джан-хаджи аталыку юзу, а сам с безмерно большим войском, переправившись через Джайхун, прибыл в резиденцию халифского достоинства и миродержавия (в г. Бухару) и поднял знамена справедливости и величия царя царей превыше купола небес и зенита солнца. Все народы, направившись к целованию охраняющего государство порога, имели (его августейшую особу своим) покровителем.

Стихи:

Вселенная от блеска повелителя мира*
Походит на территорию земного рая и на сады райские.
Куда бы ты ни преклонил ухо, (всюду слышишь) радостную весть о победе.*.
В какой бы проход ты ни посмотрел, (всюду увидишь) сияние безопасности.
Всюду в безопасности и дикий зверь, и птица.*
В святилище взаимной дружбы обрели покой люди и духи.

Счастливый царевич (Сейид Муким-Мухаммед-султан) в то время был в четырехлетнем возрасте. Его величество, его великий дед, в целях приобретения учености и (великих) совершенств той жемчужиной моря государства и величия,—

Стихи:

В час, которым могли бы похвалиться в те дни,*
В благоприятное время, с которым находится в дружбе (астрологический) календарь,—

назначил (к царевичу) совершенных наставников и знаменитых учителей для обучения (его) религиозным наукам, точным знаниям, искусству письма, верховой езде, стрельбе из лука, военным потехам и другого рода сведениям, необходимым для управления государством, для (воспитания) благородства и разных руководящих начал энергии и храбрости. И царевич до своего совершеннолетия, которое является началом расцвета весны совершенства, проявил такой талант в постижении (всяких) знаний, усовершенствований (в них) и в играх, требующих мужества, что (даже) разум, знающий все до мельчайших подробностей, оказался

слабым в выражении ему похвал, а лицемерное перо было бы несостоятельно написать ему панегирик.

Стихи:

Он достиг такого совершенства в этимологии,*
Что изгладил со страниц веков имя Фаррана[299].
В синтаксисе он настолько преуспел, что перед ним*
(Сам) Сибавейх[300] казался козлом Ахфаша[301].

Когда он взял пальцами, этим морем промежутков (разных положений)[302] благоухающее амброй перо, то что изобразит мысль, как только подобнее (выражение): да будет абсолютная истина. (Или) подобное зрелищу, когда под действием соловьиного свиста певчей птицы павлины мыслей совершенных людей вступают в блеск ликования; (или) когда попугаи гнезда святости возносят сладость благодарения (Аллаху; или когда) водолаз одним кырком в море, черное, как смола, извлекает тысячу драгоценных блестящих жемчужин; (или когда) без посредства уха, слышат слова, возникающие в уме идей; (или когда) получается удачный ответ экспромтом, без длительного обдумывания, со стороны вспыльчивой, пахнущей мускусом (красавицы), которую сколько бы не попрекали, все же обнаруживает остроту своего языка. (Он, царевич Муким-султан), образом алеф, который подобно пике почерка, охотится за тысячью жизней, домогающихся (овладения письмом), посредством острия (своего) сверкающего копия[303]. (Он)—посредствующая связь династического порядка, которая со времени своего появления на свет окрепла и выросла в чаще львов[304]; он низвергает в мир силу звуков, проистекающую от его скрипа, как пера и от стрельбы. Одетый в висон, подобный хатибу мечети на трехножной кафедре пальцев, перебросив через плечо благоухающий тайласан[305], он на двух языках воспевает хвалу. Подобный уборщице невест к венцу, он кольца кудрей и черные мушки кладет на щеки красавиц мысленного значения.[306] (Он—вроде) врача, исцеляющего болезни, который временами чернила существа жизни концом пальца мудрости полагает на складку бумаги, а временами красное питье киновари дарит из длинногорлого кувшина чернильницы страдающим головной болью пьяницам духовного значения[307]. (Он) быстроногий скакун, который во мгновение ока, сверкнув, (пробегает) от областей Сирии до стран Рума.

Стихи:

Оно (перо) приспособило бегущие (по бумаге) и стонущие два тростниковых языка (пера),*
Желтые по виду, черные лицом, смело выводящие буквы, плачущие слезами (чернил).
Временами оно без ног танцует по серебристой степи (бумаги)*
Временами без рук ныряет в чрезмерно черное море,
От его капель всегда бывают в паре вера и неверие.*
От его плавного движения всегда бывают в дружбе ночь и день.

Того сладкозвучного соловья (царевича) выпустили полетать на арену луга каллиграфии и в короткое время талант к овладению этой тонкой наукой попал в руки его августейшей личности. Так что—

Стихи:

Изумленная изяществом его удивительного почерка*
Чернильница положила в рот палец (удивления).

Когда (Мухаммед-Муким-султан) освобождался от занятий каллиграфией, он занимался упражнением в стрельбе из лука. И тот красавец с тонко подведенными, как у куклы, бровями и длинными ресницами, острием стрел попадая через белизну вражеского глаза в точку его зрачка и пропуская через сребровидную кольчугу, подобно утреннему зефиру кольца, черных кудрей красавиц[308], до конца доводил свою отвагу. Тот быстролетный орел (из царственного) гнезда натягивал свой лук, который, раскрыв рот в жажде крови врага, страстно стремился к воде того источника, что в глазу врагов, и выпускал стрелу в цель. В действительности он—царственная птица Хумай с железными когтями, которая, распустив (все свои) шестьдесят крыльев, быстро устремляется с высоты воздуха на грудную клетку врага. Он—попугай с изумрудным клювом, который, решив отправиться из мира рвения в тростниковую заросль врагов, взлетал подобно молнии, в мгновенье ока сжигающей тысячи жатв человеческих жизней. Он—постоянно гремящий гром, при грохоте которого льются потоки крови из облакоподобных врагов. Он—палочка: посредством ее вводят в глаз сурьму (смертоносного) лука[309], которая уносит прах жизни из глаз вражеских сердец. Сверх того,

он—птичка, которая из гнезда пальцев подбирает зерна зрачков из глаз оплошавших людей.

Стихи:

Стрела шаха так проходит через гранит,*
Как иголка через шелк, когда делают оторочку платья.
Она уносит из глаз врагов наличие черноты[310]*
И черная ночь нисходит на неприятелей[311].

Нижеследующий стихотворный отрывок также составлен относительно ее достоинств.

Стихи:

Твоя стрела, о государь, есть миг птичьего полета.*
Она всегда летит на перьях коршунов[312]
Не ест она ничего, кроме сердца врага.*
Не охотится она ни за кем, кроме как за жизнью врага.
Захватив когтями трофей охоты*
И прикрепив победное знамя к клюву,
Она возвращается к крючку его обладателя.[313]*
Ее рот без языка, как у рыбы.
Есть рыба, но есть и беспокойство (причиняемое ей крючком)[314]*
Нёбу же стрелы не причиняет он страдания. Я не знаю, почему,
(но) знаю (одно),
Что (стрела) прекращает жизнь на суше и на море.*
Поневоле из страха перед ней
Ни птица, ни рыба не находят покоя.*

Иногда, взяв ровное копье, он (Муким-султан) приводил его во вращательное движение, а оно—прямое, как алеф, с природой ядовитой ехидны, от яда зубов которой становится для врагов горьким сладкий напиток их жизни, а от страха перед острием его рыба в глубинах вод надевает серебряный панцырь; он метал (его) сверкающим в (своих) воинских потехах. Эти стихи составлены применительно к этому положению.

Стихи:

От блеска копья твоего еще не родившийся враг*
Бежит, как ртуть, от пупка матери.

Если кто умрет от копья твоего,*
То из страха перед ним, он во второй раз, чего доброго,
не пойдет на равнину страшного суда.
Из страха перед твоим копьем тигр захочет*
Взлететь на крыльях (робкого) голубя.
Если кто не видел полета твоего копья,*
Пусть посмотрит на огонь и на резкий, пронзительный ветер.

Иногда он брал рукой храбрости тяжелую, под силу лишь Рустаму, палицу и учился ею рассыпать, как град на землю, мозги из вражеских голов.

Стихи:

Когда ты захватывал властной рукой палицу, *
То от этого приходила в содрогание гора Эльбурс[315].

Иногда он извлекал рукой блестящий меч, из страха пред которым, во время сбрасывания (вражеских) голов, закипает кровь в жилах свирепого льва и во время его сверкания (в бою) пред стремительностью его чоугана[316] головы врагов, как шар, катятся по полю (битвы). Он (меч)—яркий и пламеневидный на небесном теле своего блеска (имел) звезды дамаска, которые казались пузырями на поверхности воды (или) уподоблялись каплям ночной росы на изумрудном листе лилии (или) рассыпавшемуся на земле жемчужному ожерелью[317].

Стихи:

Временами он (меч) бывает, как вода в реке, временами, как
лист ивы*.
Иногда он становится (цветом), как изумруд, иногда, как язык змеи.
По своему красивому виду он подобен зелени на своем (естест-
венном) месте*.
Киноваревидным, подобным (по цвету) тюльпану, он бывает во
время боя.
Он жестокий, когда, подобно кокетливому подмигиванию бровей
красавиц, в одно мгновение проливает на землю кровь многих людей*
Он нежный по природе, когда, как прекрасный Иосиф, выходит из
колодца ножен,—он берет с собой человеческую жизнь за одну
жемчужину[318].

Стихи:

Если кто посмотрит на него очень быстро,*
То его (орган) зрения упадет к ногам искрошенным в куски.

Когда (Мухаммед-Муким-султан) освобождался от этих упражнений, его светозарное внимание обращалось к занятиям верховой ездой, охотой и ловлей зверей. (Тогда) он садился на (красивого), как луна, коня, быстрого, как молодой месяц, с подковами, (ступающими, как) солнце по свежей зелени небес, и слушал ухом величия следующее двустишие:

Пройди через двери ста тысяч веков вселенной
И не отыщешь подобного тебе всадника на арене времен!

Его гнедой скакун сильным ветром галопа учил прошедшее время, а по возвращении постигал будущее.

Стихи:

По красоте (конь), как фазан,*
По благоденствию, как царственная птица Хумай,
По руководительству подобный журавлю (летящему впереди стан)*
По горделивой осанке подобный орлу,
Он бо́льший ходок, чем месяц, идущий по небу,*
Он скорее летит, чем стрела, при полете.
Его два глаза подобны двум жемчужинам, обнаружившимся в одной раковине*.
Его два уха, как два кинжала, выходящих из одних ножен.—

Рукой счастья и удачи он (Муким-султан) брал быстролетного сокола с стальными когтями, (приготовлялся к охоте) подобно мужам войны, надевавшим бранные доспехи вражды, и отовсюду слышал голос, говоривший:

Двустишие:

Он—сокол твоего государства, который (высоко) летает,*
И под его крыльями государь, как журавль под небесами.

Быстрокрылой птицей он, как пламя, взвивался снизу в высь и в полете становился товарищем ястребу.

Стихи:

Когда твой сокол расправляет (для полета) свои перья и крылья,*
То в страх повергается солнце и настораживается месяц.
Завтра же гуляет под тенью райского древа*
Всякая дичь, которую твой сокол берет под свои крылья[319]. —

Во время охоты он (сокол) пачкал кровью куропаток и фазана (свои) когти и клюв и с апогея атмосферы ниспровергал на эту дольнюю землю быстролетных птиц.

Стихи:

Фазаны, (терзаемые) когтями сокола,*
Источали с высоты на землю кровь.

Словом, царевич мира (Мухаммед-Муким-хан) достиг полного совершенства в науках (практического значения) и таким образом он пребывал на месте (своего) высокого положения и славы (с устремлением) к развитию (своих) талантов.

73б О ВОЙНЕ УБЕЖИЩА НАЧАЛЬСТВОВАНИЯ И ОПОРЫ ЭМИРОВ, МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА, С БАЯТ-ҚАРА ТУҚСАБА И УБИЕНИИ ПОСЛЕДНЕГО РУКОЙ УПОМЯНУТОГО (МАХМУД-БИЙ АТАЛЫҚА).

Когда отважный эмир (Махмуд-бий аталык), собрав свои войска, двинулся против Баят-кара.

Стихи:

От множества движений несметного войска*
Земля пришла в бóльшее движение, чем небо.
От многочисленности войск на правом и левом фланге,*
С гор и склонов поднялись крики и вопли.
Войско, в котором образовался (столь) превосходный центр;*
Кто узнает его самого, каково (оно) и сколько (его)?
Можно счесть пески пустыни *

Но полков Махмуда невозможно исчислить.
Все (воины) единодушны, дух (каждого) полон мщения*
И над бровями лежит складка беспощадности.

Когда тот злополучный (Баят-кара туксаба) услышал эту весть (о выступлении против него Махмуд-бия), он вошел в крепость, которую называют Лагман[320], и засел в ней. Суровые храбрецы и ищущие войны витязи (Махмуд-бия) обложили эту крепость и отрезали все ходы и выходы для тех злонамеренных людей. В первый день (осады Баят-кара), выйдя из крепости с бандой мятежников, затеял сражение. С обеих сторон от пламени огнепышущих шашек стало гореть гумно жизни героев. В тот день войска опоры эмиров одержали победу и множество (неприятеля) низвергли с седел на землю. Потерпев поражение, мятежники с тысячью хитростей убрались в крепость. (Наконец), заключив (с Махмуд-бием) договор, Баят-кара дал такого рода обещание: «Через месяц я сам, повесив себе на шею шашку и саван[321], отправлюсь для целования порога его величества, местопребывания халифского достоинства». Когда это обещание стало известно, тот храбрый в боях воин (Махмуд-бий аталык) прекратил военные действия и вернулся обратно.

Когда истек обещанный (Баят-кара туксаба) срок, опора эмиров послал к нему письмо, заключающее (такую милость): пусть он будет во всех отношениях спокоен, ибо его прошлые поступки я прошу его величество, божественную тень, простить. А тот чернонутренний (человек), рассчитывая на твердость своей крепости, не исполнил своего обещания. Он разрушил сообщение с крепостью, осуществлявшееся деревянным мостом через крепостной ров, полный воды, и опять начал сопротивление[322]. Опора эмиров поручил героям овладеть крепостью[323]. Последняя же высилась подобно небесам, так что если бы согбенный старец небо выпрямил свой стан и посмотрел бы на высоту зубцов и стен, то покрышка с золотой подушки солнца упала бы на землю. В тот день, (когда начались против этой крепости военные действия), много молодых людей достигло степени мученичества. Баят-кара, два раза поклявшись, прислал сказать следующее: «Теперь мне в сердце вместо лютой, Марсу подобной, вражды положили путь страх и ужас. Когда вы, отступив, уйдете в свою уважаемую резиденцию, то я прекращу неповиновение и буду (вам) служить». Аталык сказал: «Это уже (имело место) в силу прежнего договора. Если он не соблюдет (и на этот раз) своего обещания и

условия, то дело опять примет тот же самый оборот». И, сказав это, (Махмуд-бий аталык) возвратился (в Балх). А тот злополучный Баят-кара туксаба) свел дружбу с Мир-Яр-беком, правителем Джузгуна[324], что был самой сильной крепостью Бадахшана, и захотел причинить вред районам убежища начальствования (Махмуд-бий аталыка).

Упомянутый Мир-Яр-бек послал в сторону Кундуза войско из гальчей Кухистана[325], чтобы оно сделало набег на Кишм[326]. Аталык, услышав про это обстоятельство, с энергией взялся проучить Баят-кара, выступив против названного отряда (букв. против них)[327], он многих (из него) убил, большинство взял живыми, а остальные, подобно комарам, исчезающим под натиском холодного ветра, обратились в бегство и с большим трудом дотащились до (своих) гор. Махмуд-бий аталык, зная, что эта дерзость Мир-Яр-бека произошла по подстрекательству Баят-кара, воспылал на него невероятным гневом и семь раз водил против него войска. В восьмой раз Мир-Яр-бек, лично став во главе войска с дьявольскими действиями, направился походом на Кундуз. Радетели битв, смутившись (таким поступком правителя Джузгуна), схватили его сына Гази-бека с несколькими военачальниками и доставили аталыку. Опора эмиров заковал (Гази-бека) в оковы и написал его отцу, что сегодня или завтра Баят-кара должен будет спасаться бегством, а эта распря остается (пока что только) между нами и им, поэтому пусть он (Мир-Яр-бек) хорошенько подумает об этом. В конце концов, достигнув мирного соглашения, аталык и Мир-Яр-бек свиделись в местности Версег[328]. [Заведя разговор на специальные темы, они вступили между собой в беседу][329]. Убежище начальствования, вспылив, выхватил нож, спрятанный за голенищем сапога, и занес его (над Мир-Яр-беком). Тот, будучи стариком, не имея силы сопротивления, заплакал и стал молить о пощаде. Аталык проявил образ действия, достойный мусульманина и благородного человека: он принял во внимание его сейидское происхождение и седины и пощадил его. (Освободив его сына), он отправил его вместе с отцом (в Джузгун?).

Успокоившись в отношении улаженного выступления Мир-Яр-бека, аталык повел войско против Баят-кара. В этот раз (последний) был постигнут смертельной болезнью. Выйдя, как безумный, из крепости, он декламировал:

Стихи:

Посмотрю я, до каких пор эта быстродвижущаяся сфера*
Будет вращаться с солнцем над этими царствами?
При забавах круговорота блестящей вселенной*
Кто станет победителем, когда настанет день?
Кто вернется со славой с поля сражения?*
Сердца (чьих) друзей станут печальными?

Оба войска, простившись с жизнью, вступили в бой и стали наносить друг другу шашками ненависти смертоносные удары. По воле судьбы искусные в победах герои (аталыка) одержали победу и, окружив Баят-кара туксаба, ударами шашки и копья повергли его на землю и отрубили ему голову. Аталык послал ее в Бухару к Субхан-кули-хану с донесением о происшедшем, написав следующее двустишие:

Голову, которая противилась твоим приказам, судьба*
Теперь, влача ее, приносит к твоему дворцу.

В течение семи лет непрерывно большие войска, предводимые великими эмирами, отправлялись для усмирения Баят-кара туксабы и в каждый поход, потерпев поражение, возвращались (ни с чем). Убив такого человека, (аталык) истребил все его племя.

Стихи:

Господь, который сотворил (все) высокое и низкое,*
Сотворил (также) и начальника над каждой страной и
над каждым убежищем.

76*a* О ПОСЫЛКЕ АУРЕНГ-ЗЕБОМ, ГОСУДАРЕМ ИНДОСТАНА, ЗЕБЕРДЕСТ-ХАНА В КАЧЕСТВЕ ПОСЛА К ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕНИ (СУБХАН-КУЛИ-ХАНУ) И ОТПРАВЛЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ВОЙСКА МАВЕРАННАХРА В ПОХОД НА ХОРАСАН

В начале 1096 (1685) года Ауренг-зеб, государь из большого города Индостана, прислал (к его величеству) одного из своих знаменитых эмиров, Зебердест-хана, с разного рода подарками и преподношениями,

(в числе коих были) и живые слоны, огромные, как горы, молниеобразные по быстроте, как Борак с громоподобными голосами, с головами, похожими на облака, способные приводить в содрогание неподвижную почву, (до того страшными), что индус Сатурна, связав цепью Млечного Пути Слона небесного свода, положил ему на голову (свой) кеджек[330]. Такие слоны еще не появлялись из недр мира на арене бытия. Во время нападения мошек (на такого слона), слону небесной сферы нужно было отгонять от себя хоботом обманчивого утра мошек звезд[331].

Стихи:

Цветом—(серое) облако, движением—зефир, силой—судьба,*
По внешнему виду—гора, по мягкости нрава—земля, по регулярности действия—время.
Подобно Моисею, сыну Имрана, (у них) раздражение против врага*,
Кажется чудовищной змеей хобот каждого.
Один наводит ужас страшного суда (своим) ревом,*
Другой (своими) бивнями показывает мучения геены.

Он (Ауренг-зеб) прислал его (Зебердест-хана) с посольской миссией к блистающему свету, его величеству, к великому хакану, квинтэссенции государей арабов и персов, благодетельной божественной тени, к чуду божьего милосердия и владыке земли и времени, к государю (всякого) места и сидящего (на нем), к средству безопасности и спокойствия и причине покоя людей, к прохладной сени всевышнего бога, к достойному наместнику несравненно правосудного (Аллаха), к наисовершенному проявлению господа-питателя, к наиболее распространенному милосердию творца, к строителю зданий всемирного зодчего, к высоковозносящему законы миродержавия, к тени Аллаха(на земле), к отмеченному знаком наместничества (пророка), к сейиду-Субхан-кули-бахадур-хану; и (этим Ауренг-зеб), обнаружив дружбу и полное единодушие, предложил союз в священной войне против проклятых еретиков (кызылбашей), [уведомляя, что он сам выступит (против них) со стороны Кандахара][332]. Его величество соизволил удостоить упомянутого посла разного рода царственным вниманием и подарками.

76б

КОПИЯ ПИСЬМА АУРЕНГ-ЗЕБ-ПАДИШАХА (К СУБХАН-КУЛИ-БАХАДУР-ХАНУ)

После (вознесения) благодарности бесподобному правосудному (Аллаху), ибо власть и богатство есть дары (его), всевышнего, (после)

беспредельных приветствий тому счастливому пророку, который в темной ночи заблуждения лучом света (своего) руководительства указал путь человечеству и провел его к желанной станции, который удостоил счастья рассеять дары полного всеобъемлющего милосердия всепрощающего господа, жезл величия которого, как землетрясение, потряс души людей и духов, (после похвал) совершенному семейству сего близкого к чертогу величия и красоты и славным сподвижникам того заступника за грешных старцев и молодых в день возмездия и отчета,— да будет известно (нижеследующее) светоносному сердцу сего высокостепенного, высокоталантливого, убежища величия и могущества, сферы пышности и великолепия, основательного усвоения храбрости и отваги, квинтэссенции дома славы и высокого положения, непорочности достойного и высокого семейства, проявления сияний известности, источнику достопамятностей счастья, отрасли розового цветника царственной власти и миродержавия, плодовому саду с оросительными каналами величия и монархии, куполу небес правления, центру круга величия, светилу источника атомов храбрости и перстню, припечатывающему государство, (Сейид Мухаммед-Субхан-кули-бахадур-хану).

Когда до слуха высокого достоинства и величия[333] достигло известие об утверждении на ханском престоле и на подушке власти той чистоты дома величия и высокого положения[334], мы хотели бы отправить посла с поздравительным письмом, благоухающим (нашей к вам) благосклонностью, но по той причине, что Мухаммед Сиддик по чрезмерному (своему) невежеству и кичливости молодости выступил из рамок своего положения и, переменив свои обязанности на неповиновение, вступил в пограничной полосе той земли[335] на путь возмущения и бунта, и пути в ту сторону[336] не были (поэтому) очищены от хвороста и валежника мятежа и волнения (его) банд, мысль об этом (т. е. о принесении поздравления) пришлось (временно) оставить и в этом деле произошла задержка. Теперь же, когда потухли искры мятежа и древо опасности на пути в те пределы с корнем вырвано бурей божественного предопределения, — мы послали (к вам) отмеченного храбростью, благородного происхождения Зебердест-хана, который является одним из доверенных лиц дворца убежища мира и знает тонкость этикета высокого порядка, соблюдаемого при небовидных палатах[337], чтобы он выразил (вам) поздравления с подня-

тием (вас) на седалище с подушкой ханского достоинства и с восхождением на ступени трона величия и счастья и явился бы оттуда (т. е. из Бухары) с подробным сообщением сведений о некоторых славных и величественных событиях и пышных и блистательных происшествиях, которые послужат причиной радости и благополучия того убежища великолепия и (той) сферы проявления могущества[338]. Благоухающее же амброй письмо (от вас) совершит широкий путь выявления тех (славных ваших обстоятельств) [339].

(О себе сообщаем следующее). В настоящее время, в намерении получить джизью[340] с Рана, одного из крупнейших феодалов обширного Индостана и одного из главнейших пограничных владетелей сего благостного государства, знамена завоевателя мира и штандарт украшения вселенной[341] были направлены в город благ, Аджмир[342], и в качестве начальника победоносных (наших) полков мы послали для истребления с корнем того злополучного Мухаммед-Акбара, который со всех сторон окружил названного кафира (неверного—*А. С.*). Последний же, по молодости лет и по неопытности, обманувшись обольщениями и очарованием людей, которые уже получили должное за свои поступки и увидели то, что увидели,—не пошел долиной дальновидности и вступил на пути неповиновения. А так как он (в должной мере) не знал своего положения и своей степени, то по этой причине, побежденный меченосными бойцами за веру и подобными по подвигам Марсу витязями, он в областях Индостана ни на одном месте, ни на одной остановке не остановился и по необходимости потащился в теснины гор на территорию Синга, сына Сивы, неверного, обреченного войне, где есть недоступные крепости, высоколежащие форты, полные деревьев чащи и трудно проходимые пути.

И после того, как упомянутый Рана упорствовал в уплате джизьи и считал ее позором для чести своих предков,—он уплатил ее добровольно. Так как в данное время всегдашние обращения за помощью против насилий вышеописанного Синга (со стороны) правителя Биджапура, который является вассалом[343], покорным (человеком) и соискателем милостей (нашего) небовидного государства, достигли до чертога убежища вселенной и о жестокости (Синга) над населением Декана как платящим подать, так и над неплатящим,—начались доклады перед портиком вечного правосудия и справедливости; поскольку ключи к воротам миродержавия и (все) виды средств верховной власти владыка

власти,—да возвеличится его достоинство!—вложил в руки нашего величия и могущества; поскольку бразды управления границами Индостана и проходами (в него), а равно и народными массами святейший владыка миров вложил в персты нашей славы и воли,—(у нас) ничего иного нет, как, имея в пределах защиты и в ограде охранения страны и округа (наших) обширных по территории владений, границы и города (наших) пространных областей, выступать на защиту (их безопасности) от обид злых людей и ослушников из нечестивого народа. (Поэтому) по обязанности мысль миродержца признала необходимым бросить на пространства Декана странствующий по вселенной и объезжающий мир кортеж и тень от высокого подножия (нашего) мироподобного и солнцевидного зонта, внести успокоение в его население, захватить также в (свои) руки врагов и заодно устранить со сцены (вышеназванного) неверного.

В этом положении (последний), видя перед собой таким тесным сад мира и расплавив в тигле стесненности балыш[344] раскаяния, зная, что его дела находятся в бедственном положении, а силы и мощи у него совсем не стало—присылает просьбы о прощении (его) низостей и преступлений. Пуская в ход (все) средства и (всех) ходатаев за себя, он просит (дозволения) поцеловать достойный неба порог дворца (нашего) вечного халифского достоинства. В эти один-два года (упомянутый) неверный (в своем) опасном положении чего только ни видел. Большая часть его страны оказалась растоптанной конями победоносных войск ислама, исключая пещер и ям, которые не являются местом (ратных) усилий войска и ареной (подвигов) храбрых витязей. Он (теперь) остался без ничего и вошел в обладание и покорение наместников (нашего) победоносного государства; и ему, проигравшему войну, осталось лишь разрушенное обиталище. (Теперь) он желает, отказавшись от того бесславного (для него) дела, придти (с повинной). Однако, ввиду того, что оставление этого мучителя народа на цветущей территории Декана не клонится ко благу,—воля завоевателя мира приняла твердое решение с корнем уничтожить этого побежденного (врага), чтобы он больше не появлялся на поверхности этой земли и чтобы его желание не осуществилось. Авось,—если будет угодно всевышнему Аллаху,—в самом скором времени близящиеся к концу дела завершатся достойным образом и с победой, одолением, счастьем и славой мы соизволим

направить быстрого коня завоевателя мира по направлению (нашего) престольного города. Соответственно смыслу (коранского изречения): но благость господа твоего им проявляй[345], облако есть одно из благ всевышнего бога. (Теперь) перо, излагающее хвалы бесконечным божественным благам, вкратце, свежим языком, сочным стилем и цветистым слогом, изложит описание некоторых (наших) последних побед.

Хвала Аллаху и благодарение, что в эти, до конца счастливые дни почти закончилась победой кампания по смежности с Кашгаром. Вследствие множества гор и возвышенностей было несбыточной мечтой покорение этой горной страны, и планы высокосчастливых государей о подчинении ее разбивались о ее неприступность.[346] Нам помогла продолжительная помощь святых (нашего) вечного государства. Калмыцкий народ, по численности больший, чем муравьи и саранча, более дерзкий и бесстрашный, чем лев и тигр, выступив против нас, понес наказание. От страха перед пожирающим кровь (нашим) мечом, крокодилы холодного моря и тигры зарослей войны просунули головы под занавес прятания.

Точно также область Джанда[347], которая известна в Декане своею обширностью и (большими) пространствами, пограничные правители которой гордились множеством войск и (своим) величием, также оказалась покоренной нами. И ее побежденный владетель под яростными ударами чистых (воинов нашего) миродержавного государства, несмотря на свои усилия и сопротивление, сел на прахе унижения. Вообразив долину побега своим спасительным убежищем, он предпочел (всему) позор бегства и испил чашу убийства от руки бойцов за веру исламского войска. И (его) обширная, как мир, территория украсилась обладанием рабов высочайшего нашего чертога. И потому я восхваляю Аллаха хвалами постоянными, многочисленными, непрерывно следующими друг за другом, за его (ко мне) благодеяния. Я прославляю его хвалой чистой, приятной и от сердца идущей за (оказанную мне) полноту его милостей![348]

Очевидно, что после прибытия упомянутого посла в Бухару и выполнения возложенной на него миссии, (высокая ханская особа), не согласившись на длительное пребывание (его в Бухаре), соизволит скоро отпустить его. Споспешествование справедливости и правосудия и обла-

дание достохвальными свойствами высокостепенных предков, коим суждена была счастливая кончина, да будет (вашим) уделом!»

Тем временем поступили (к хану) жалобы знатных людей области Балха на то, что управление этой областью Мухаммед-джан аталыка[349] не соответствует спокойствию и интересам народа, и его величеству, убежищу халифского достоинства, необходимо бросить тень (своего) покровительства и сострадания на головы населения Матери городов. (Вследствие этого) в весеннюю пору, когда султан растительности бросил на поводья (своего коня) войско зелени и направился в степь и равнину, производя сотрясение земли и воздуха звуками грома, (как своего) большого царского барабана, и залпами града,[350] его величество выступил по направлению к Куполу ислама, Балху, и, сопутствуемый счастьем и величием, вступил в город. Индийскому послу он соизволил дать разрешение на возвращение (в Индостан). Устранив от должности Мухаммед-джан аталыка, он (вместо него) назначил Джавим-бий аталыка, а сам счастливо изволил отправиться (обратно) в столичный город Бухару.

80*а* О РАСПРЕ ЭМИРОВ УРГЕНЧА С АНУША-ХАНОМ, О ЕГО ОСЛЕПЛЕНИИ, О ВОЗВЕДЕНИИ В ХАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО ЕГО СЫНА УЗБЕК-СУЛТАНА, О НАБЕГЕ ЕГО НА МАВЕРАННАХР, О ПОРАЖЕНИИ ЕГО, О ВОЗВРАЩЕНИИ (В УРГЕНЧ), ОБ ОТРАВЛЕНИИ (ЕГО) И ПРОВОЗГЛАШЕНИИ ХУТБЫ С СЛАВНЫМ ИМЕНЕМ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕНИ (СУБХАН-КУЛИ-ХАНА)

В то время, когда его величество, божественная тень, обратил свое правосудное покровительство на Балх, Ануша-хан, услышав, что великий хакан с войском и свитой направился к Матери городов, воспользовался, как тиран, удобным случаем и напал на районы Бухары. Большую часть крепостей и населенных мест он взял и разграбил, проявив (большую) жестокость, перед которой побледнели зверства Хаджжаджа[351]. Весть об этом дошла до августейшего внимания (Субхан-кули-хана)[352] и тот приказал Хашика-бий аталыку, Мухаммед-джан-хаджи и всем победоносным войскам выступить для отражения неприятеля и окрасить кровью врагов ртутевидные (блестящие) мечи.

В тот же день львы чащи храбрости и крокодилы реки войны и битвы, как разъяренные тигры, дышащие ненавистью, выступили против того проклятого народа. Сам же (хан), своей священной особой, направился в местопребывание своего царственного достоинства и миродержавия (г. Бухару; поблизости ее) он совершил обхождение вокруг чистого места погребения, благоуханной могилы святейшего Ходжи Баха ал-хакк ва-д-дина,—да освятит Аллах его драгоценный и счастливый дух![353] После выполнения поклонения (Субхан-кули) сделал дары и подношения благороднейшим потомкам этого святого и всем остальным, пребывающим подле небовидного порога (названной гробницы). Вступив оттуда в город, он воссиял в нем, как светозарное солнце, в выси (своего) трона на небесном своде! Те же (посланные им) герои, из коих каждый был

Стихи:

С палицей, (в порошок) растирающей железо, и с копьем;
низвергающим скалы,
Со стрелами, все пронизывающими, и с мечом, поражающим слонов, —

в полночь с криками со всех сторон, как неожиданно нагрянувшее несчастье, обрушились (на хивинцев). Та же злосчастная банда, пораженная внезапным нарушением сна, тотчас опоясалась поясом пробуждения и устремилась в бегство.

Стихи:

С обеих сторон пролили ненависть и злобу*
И во след со злобой пришпорили коней,
И со всех углов поднялись мечи,
Раскрылись (т. е. разлетелись) стрелы, как ресницы красавиц,
Поднялись ввысь копия, как стройные станом прелестницы,
И вонзились, как алеф в слово джан.[354]

Блестящие шашки (бухарцев) оросились кровью убиваемых, подобной рубинам хорошей воды. Пламевидные копья (их) от сердечной боли неприятеля восприняли окраску бадахшанских гранатов. В конце концов зефир победы подул из отдушин (небесного) покровительства и благоволения и повеяло утром торжества с горизонта (божьего) милосердия.

Победоносное войско, одержав победу, перебив хивинцев, изранив, ниспровергнув, связав (их), нанесло им полное поражение. И неприятель с места битвы и убийства, с поля войны и сражения, обратился в бегство по дороге в Хорезм. Самоотверженные же (бухарские) герои, подобно каплям и атомам, достигли до великого моря и солнца (его величества хана), удостоились его царственного внимания и были осчастливлены его ханскими милостями.

Спустя несколько дней, в высочайшем дворце были получены просительные заявления эмиров Ургенча (такого содержания): «Этот несчастный (т. е. Ануша-хан), неоднократно производя нападения на Мавераннахр, эту обитель ученых и святых мужей, потерпел поражение, и много народу по его злополучию испило чашу убиения. Несчастное население в силу его тирании подверглось несчастьям от истязания трудами и мучениями. Теперь мы порешили на том, чтобы устранить этого тирана и освободить народ от его притеснений». Его величество, божественная тень, послав эмирам милостивые письма, вполне их обнадежил (своей помощью). Спустя несколько дней было получено сведение, что ургенчские эмиры, ослепив того недальновидного (Ануша-хана), лишили его украшения зрением. Дело в том, что, когда Ануша-хан убежал, спасаясь от рук мечебойцев за веру и наносящих, как Марс, сокрушительные удары (воинов), он вторично, собрав дьявольское по поступкам войско, захотел напасть на Бухару; эмиры же вроде Бек-кули аталыка и Шараф аталыка, составив против него заговор, сказали ему, что народ калмыцкий и неверные вступили на территорию Хорезма и что если он не пошлет одного из своих сыновей против этих безбожников, то отразить их не удастся. А так как для Ануша-хана чаша власти уже переполнилась и солнце его величия склонилось к закату, то он поддался на этот обман и, представив эмирам своего сына Ирнак-султана, отпустил его. Эмиры, взяв царевича (и воспользовавшись тем, что) Ануша-хан выехал на охоту, в субботу 5 сафара сразу набросились на него, схватили его и ослепили на оба глаза. Нижеследующее четверостишие подтверждает положение Ануша-хана.

Стихи:

Некоторое время величие власти его влек слон,*
Некоторое время он водил войска до пределов Нила.

Когда же чаша его господства переполнилась,*
То померк и свет его очей.

Нижеследующее двустишие тоже соответствует данному случаю.

Стихи:

Тому, кому (так) светел мир и кто был зрячим,*
Вонзили в мир его глаз раскаленный железный стержень и ослепили его[355].

На ханский престол посадили Ирнак-султана[356]. И, устроив совет, (вельможи хорезмские) сказали хану: «То, что случилось с Ануша-ханом, явилось следствием его дурных поступков, (поэтому) берегись (так) делать! А вступив на широкий путь добродетели, имей сострадание к своим подчиненным. Проявление же тобой искренней дружбы к Субхан-кули-хану и (установление с ним союза) послужит причиной довольства, совершенства и счастья (государства)». Но тот несчастный, не послушав советов мудрых людей, рассердился на них и они (были вынуждены) покинуть отечество и бежать на чужбину. Бек-кули аталык, явившись к его величеству, божественной тени, удостоился благосклонного приема.

В это время высокодостойный государь, основываясь на договоре, заключенном с Зебердест-ханом, индийским послом, относительно похода против еретиков Хорасана, послал против последних Хашика-бий аталыка, из племени юз, с войском столь же отважным, как Бахрам, и столь же лютым, как Марс[357]. Те опытные воины, свирепые, как львы, направились против той неверующей банды, взяли крепость Бала-и Мургаб[358], которая считалась одной из сильных крепостей Хорасана, и сделали еретиков мишенью (своих) стрел и кормом (своих) шашек; имущество их разграбили, а детей пленили. Ирнак-хан, услышав, что армия Турана отправилась против еретиков Хорасана и предполагая, что логовище львов пусто, взял сборище хорезмийского сброда и направился на Мавераннахр.

Дерзостно подойдя к Кара-кульским воротам (г. Бухары),[359] каковые представляют один из проходов в столицу, поднял знамя величия. Его величество, божественная тень, в отношении отражения неприятеля растерялся, ибо он послал (на Хорасан) все победоносные войска и при августейшем стремени осталась только незначительная часть. Никому и

в голову не приходило, что Ирнак-хан столь поспешно совершит такую диверсию.

Короче говоря, тот день (неожиданного появления хивинцев) прошел в обдумывании (как быть). В наступившую ночь великий господин, вместилище разных талантов в мире религиозных наук и в сфере светских точных знаний, ахунд Маулана Шариф-и Бухари,—да будет над ним милость (Аллаха)! — увидел во сне, что появилась группа божьих людей: принесли трон и поставили; все присутствующие выстроились в ожидании кого-то. Вдруг раздался громкий крик и все бросились на него, затем с большим почетом ввели одного человека и посадили его на трон. Маулана спросил: «Кто этот человек?» И в ответ услышал: «Этот человек тот, которому всевышний Аллах предоставил победу над врагами и имя которого Махмуд». Проснувшись, Маулана поспешил в (ханский) дворец. После совершения положенных (при высочайшем приеме) правил вежливости он доложил виденный им сон. Немедленно был послан высочайший приказ с требованием (прибытия в Бухару) льва мировой чащи и тигра высей Бадахшана (Махмуд-бий аталыка).

Тем временем ургенчцы предались грабежам и насилиям (в окрестностях Бухары). В течение нескольких дней, пока пришло известие о (движении) этого свирепого льва и страшного дракона, бухарцы сражались (с неприятелем). Через десять дней опора эмиров (Махмуд-бий аталык), подобно разъяренному слону, со всеми подчиненными ему войсками достиг до священного порога (ханского дворца) и в тот же день был приведен в действие светоносный приказ явиться всем победоносным войскам на смотр названного храброго эмира. Глашатаи войск убежища ислама (Субхан-кули-хана) сделали (об этом) клич и в течение суток столько собралось мужей войны и опытных бойцов с кинжалами в руках и с надеждой на ту опору времени, (каким был Махмуд-бий аталык), что мысль бессильна была представить их численность.

Стихи:

В движение пришло войско полками,*
Как объятое движением море во время волнения,
Войско превыше числа и меры.*
Стеснилась от него (сама) территория мира.
Храбрецы, низвергающие героев, расстраивающие (вражеские ряды),
Все по лютости—львы, все—гиганты,

(У которых) сердце и душа полны злобы против ургенчцев,*
(У которых) в руке палица, шашка, стрелы и лук,—

эти герои, (дышащие) местью Марса, на своих знаменах несли страстную любовь к победе и одолению.

И для этих людей мрачные и светлые дни, суровая дисциплина и покорность завершились счастливым успехом.

Стихи:

Он выстроил войско так, что солнце и луна*
Не видели никогда такого поля битвы.
(Он выставил) множество солдат таких, что каждый во время сражения*
(Своим) мужеством мог разрушить (самое) небо.
Глава всего Махмуд, искусившийся в битвах,*
Богатырь по силе, Платон по разуму.

Построив в боевой порядок дышащее яростью войско, тот уникум времени устремил свое лицо к чертогу правящего небом (Аллаха) и по (своей) молитве о победе стал победителем. Выступив через Кара-кульские ворота, (Махмуд-бий) пошел на врагов.

Стихи:

Послышались звуки труб,*
Крики опытных в битвах храбрецов:
Два войска сошлись вместе.*
От (этих) возбуждающих боевых (звуков) мир возжаждал боя.

Когда войска обеих сторон вытянулись в боевые ряды и стали друг против друга на поле битвы, готовые вступить в бой, то отовсюду поднялись боевые крики, забили барабаны и задрожала земля (от движения масс).

На первых же порах, опора эмиров (Махмуд-бий аталык)—

Стихи:

С помощью божьей, как свирепый лев,*
Храбро выступил для избиения неприятеля.
Ты бы сказал, что длань его—облако, а шашка—молния.*

В потоках его гнева утопали враги.
И столько он убил мужей Хорезма,*
Что ты сказал бы: «(само) небо участвовало в их истреблении»[360].

С другой стороны Абдулла дадху, брата вышеупомянутого (Махмуд-бий аталыка), пот (боевого) пыла привел в (такое) движение, что этот степной крокодил войны погнал своего коня в пучину боя с намерением потопить корабль жизни неприятеля в водовороте смерти. Декламируя нижеследующие стихи, он бросился на центр неприятельского войска:

Стихи:

Я живой и врага государя на (свое) место
Прогоню-ка я, чтобы одобрил это господь.
И выступил он с действиями храброго льва,
(Как) крокодил в битву и дракон, (устремившийся) вниз.
И таким образом на полки ургенчцев
Напали свирепые львы,
И разорвали строй хорезмийского войска,
(Так что) никто из неприятеля и себя не увидел.

Войска Турана, Балха и Бадахшана, храбро двинувшись в бой, бросились на неприятеля. Победоносные войсковые соединения с быстротой бросились на врагов и запылали такие огни войны и кровопролития, перед которыми померкли рассказы о семи столах Рустама и Асфендиара[361].

Стихи:

Они убили столько хорезмийцев,*
Что от их крови вся земля стала красной розой;
Полно стало трупов все поле битвы.*
И черным стал мир пред глазами врагов.
Настолько разгорелся огонь битвы,*
Что (сама) судьба просила пощадить (человеческую) жизнь.
Звуки барабанов рвали уши*
И катились головы с плеч.
От криков войск цепенел слух;*
Помрачалось зрение, видя, как кружились кони.
Ты сказал бы, (видя это), что море пришло в волнение*
И крокодил бедствия испустил вопль.
От множества убитых в степь снизошла злоба,*
Земля стала горой, трупами (поднимавшейся) до небес.

От множества крови, которая лилась из убитых,*
Мир превратился в беспредельное море.
Одни войска продолжали сражение,*
Другие обратились в бегство.

В тот день облако несчастья проливало на головы неприятелей дождь смерти и судьба грохотом неба сеяла на их головы землю унижения[362]. Когда же зефир победы и одоления подул из отдушины помощи великого царя (т. е. Аллаха) на верхушки счастливых знамен и славный победой справа и слева аталык, вернувшийся с поля битвы, явился перед благосклонным взором его величества, тени бога-питателя, последовал высочайший приказ, чтобы охотившиеся на врагов войска преследовали беглецов. В тот день солнце было в шестом градусе созвездия Льва и зной был так силен, как:

Стихи:

В раковине, (находящейся) на глубине кипящего моря,*
(Когда) жемчужина в ней становилась красной, как гранатное зерно,—

(бухарские) герои гнались (за бежавшими хивинцами) в течение дневного перехода и большинство из них нашли мертвыми от зловония (разлагавшихся трупов) и от жажды.

Двустишие:

Всякий, кто спасая от блестящей стали вращающегося меча,*
Тот вручил (свою) драгоценную жизнь скорби и слезам.

Те же (бухарские) бойцы за веру с победой и славой, с огромной добычей вернулись к высочайшему порогу.

Двустишие:

Вот это счастливое совершенство,*
Отвага и (искусное) командование!

Некоторые из эмиров, вроде Уз-Тимура парваначи катагана, и другие, которые были вождями племен, огорчившись отношением к ним августейшей особы (Субхан-кули-хана), отправились каждый в (свою) сторону и подняли бунт. Аталык (Махмуд-бий), сам выступив (против них, заставил их) повесить (себе) на шеи по шашке и савану, привел

(их) ко дворцу убежища мира и попросил снисхождения к их винам. Некоторых, злодейства которых были особенно велики, (он) заставил предать смерти. Его величество (хан) выказал столько милостей и внимания тому мудрейшему в мире, что они превосходили всякую меру.

Тем временем пришло (в Бухару) известие, что когда разбитый (бухарцами) Ирнак-хан вернулся (в Хорезм), он опять вознегодовал на своих эмиров, а они вошли в соглашение с его махрамами и положили яд в его кушанье, заменив (тем самым) сладость его жизни горечью смерти. Вместе с тем поступили доклады ургенчского народа, что они провозгласили хутбу и выбили монету со славным именем и драгоценными титулами (Субхан-кули-хана)[363] и просят прислать одного из его рабов для управления (их) страной. Высокодостойный хан, назначив (к ним) правителем Нияз ишик-ака-баши катагана, послал его в Хорезм.

О СМЕРТИ ДЖАВИМ-БИЙ[364] АТАЛЫКА, О ВТОРИЧНОМ ПРИБЫТИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, УБЕЖИЩА ХАЛИФСКОГО ДОСТОИНСТВА, В КУПОЛ ИСЛАМА БАЛХ И О НАЗНАЧЕНИИ ПРАВИТЕЛЕМ ЭТОЙ ОБЛАСТИ ОПОРЫ ЭМИРОВ, МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА

В 1099 (1687—1688) году (правитель Балха) Джавим-бий аталык, услышав ухом покорности голос: «Все, что на ней (на земле), исчезнет»[365], отправился в дом вечности. Высокостепенный хан, в целях упорядочения положения населения Балха, счел необходимым вторично бросить на головы его украшенную правосудием тень (своего покровительства).

Седьмого числа почитаемого месяца шевваля упомянутого года (6 августа 1688 г.) он отправился в Матерь городов (Балх). По прибытии его туда население от мала до велика из-за признательности к приезду хана пело ему следующее двустишие:

Хвала Аллаху, что снова повелитель вселенной прибыл к нам,*
Подобно Моисею, прибыл пастырь-охранитель своих (овец).

И в тот же день, когда трон области Балхской украсился августейшей личностью, управление и власть над всеми районами Балха и Бадахшана было утверждено (его величеством) за опорой эмиров, Махмуд-

бий аталыком. С требованием явиться (в Балх) ему было послано славное письмо:

Стихи:

О капля, упади (в свое) море,*
Подобно атому, воссоединись с великим солнцем.

Упомянутый (аталык) удостоился прибыть к высочайшему ковру (и тогда же) последовало высокое повеление о доставлении ему приказа о присоединении к его чину аталыка звания правителя и владетеля вышеупомянутых областей (Балха и Бадахшана). В тот же день было устроено торжество и был дан блестящий пир, подобный оперению павлина и банкету Кейкауса, на который все взирало до (самого) вращающегося неба с неподвижными звездами и планетами и подобного которому (никто) не видел ни в один из веков. После сего (высокославный хан) направил поводья (своего) миродержавного кортежа к престольному городу Бухаре.

86а

О ПРИБЫТИИ МУСТАФА ЧАУША[366], ПОСЛА СУЛТАНА АХМЕДА (ВТОРОГО), КЕСАРЯ РУМА[367], К БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕНИ В ОБЛАСТЬ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА БУХАРЫ.

В 1102 (1691) году султан Ахмед, кесарь Рума, прислал одного из своих доверенных лиц, Мустафу чауша, с подношениями и подарками, состоящими из арабских коней, разного рода драгоценных камней, разноцветных тканей и (вообще) из всего того, что приличествует великим государям. (Прибытие турецкого посла) оказалось соединенным с прибытием посла из Крыма, который подвластен Китайскому государству[368]. Сообщения последнего посла заключались в том, что народности мусульманского вероисповедания и многобожники проживают в одной местности. Вследствие религиозного фанатизма между ними произошло (резкое) столкновение, и мусульмане, огорченные язычниками, провозгласили хутбу на славное имя его величества, божественной тени. Точно так же приехал для облобызания порога (высочайшего чертога) посол Мухаммед-Амина, кашгарского хана; он доложил, что племя неверных киргизов утвердило свое господство в Кашгаре. И Мухаммед-Амин-хан, прочтя хутбу и вычеканив монету с августейшим именем (Субхан-кули-хана),

просит (последнего) о помощи и поддержке. Упомянутые послы в один (и тот же) день удостоились быть допущенными к целованию священного (ханского порога, представив) привезенные ими письма на высочайшее лучезарное воззрение. Каждому (из них) было оказано внимание сообразно его положению. (Следует заметить, что) со времени выступления (в Мавераннахре в качестве самостоятельного государя) Шейбани-хана никогда, ни в какую эпоху, не бывало, чтобы из Истамбула, столицы Рума, и из Крыма, подвластного Китаю, в Мавераннахр приезжали послы. И все это произошло вследствие совершенства правления, преуспеяния, крайнего величия и могущества сего высокославного хана.

86б

КОПИЯ ПИСЬМА СУЛТАНА АХМЕДА, КЕСАРЯ РУМА, НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Наследнику престола власти и счастья, виновнику расстилания ковра спокойствия и безопасности, который, делая добро родителям[369], вспомоществуем (коранским стихом): мы вознесли его на высокое место[370], воссоединенному с божьей помощью, просящему ее от царя-помощника, укрепляющему государство, Субхан-кули-хану,— да не исчезнут знамена его победоносной державы и да будут унижены и порабощены его враги!—наши бесконечные приветствия, соединенные с (выражением) вечной любви и расположения, и беспредельные пожелания счастья, исполненные непреходящей любви и единения!

Представляя дары и подношения, (мы заявляем), что (настоящее) изложение (наших) светозарных, как солнце, мыслей явилось следствием того, что досточтимое, скрытое под мускусным покровом письмо и высокоуважаемое обращение, т. е. ваше желанное письмо, написанное в дружественных тонах, которое вы случайно послали (нам), было получено в наилучшее время и в самый счастливый час (по слову Корана): подлинно мне доставлено благородное письмо[371] вместе с радостной вестью: на место тех Аллах поставит людей, которых он возлюбит и которые его будут любить[372]. Когда его содержание из оболочки скрытности поступило на наше благовоззрение и из его полного красноречия содержания стало известно о здоровье и благополучии вашей благословенной особы, испол-

ненной искренних намерений и чистосердечных побуждений, нашему благосклонному вниманию ясны стали (так же) и прочие подробности и обстоятельства, (содержащиеся в названном письме, вследствие чего) увеличился повод к союзу (с вами).

Да будет известно вашему светоносному разуму и благостному сердцу, что мы со времен наших великих в бозе почивающих предков и высокорожденных, пребывающих в раю отцов до настоящих счастливых дней всегда шли по пути высокодостойных священных войн и признавали наилучшим служением Аллаху и важнейшим из труднейших дел очищение земной поверхности от нечистого присутствия (на ней) особенно франкских неверных и еретического сброда кизылбашей. Но, согласно с арабским выражением «дела зависят от их времени», этот путь вследствие некоторых препятствий пришлось замедлить.

Причина сего была та, что мы, покончив сначала с франкскими неверными, признали целесообразным выступить против нечестивых кызылбашей. Что касается наших войн с упомянутыми неверными (франками), то хотя поражение этого многочисленного народа было невозможным делом, (тем не менее), дав несколько раз сражения и битвы, мы в конце концов милостью и великодушием всевышнего Аллаха одержали (над ним) полную победу, захватили много (их) князей и военначальников, а оставшиеся рассеялись во все стороны, (так что теперь) в этой стране из этого многочисленного (франкского) народа никого не осталось. (Однако) после сего франкские могущественные государи, составив злой план и собрав огромное войско, проникли в область Ауджан[373] нашей богохранимой империи и предали грабежу имущества и достояние мусульман. Для оказания им противодействия мы поднялись на них и наши победоносные войска выступили в поход. Неверные же, не будучи в состоянии противостоять нашим бесчисленным войскам, рассеявшись, бежали. Возвратившись в свою страну, они прислали (оттуда) доверенных лиц, (через которых) обязались выразить свою (нам) покорность и отказаться от враждебных действий. А после этого, продев в уши кольца рабства, вступили на путь повиновения (нам), проявив (в этом отношении) много искренности.

Другое сонмище франков животной натуры пришло в богохранимый (наш) Рум в виде многолюдного сброда, кичась многочисленностью своих войск. По нашему слову для их отражения был от-

правлен отряд войск, но прежде чем наши победоносные воины дошли (до неприятеля), слуги наши, живущие в той стороне, выступили против неверных, дали им битву и одержали над ними победу, захватив в плен и низвергнув большинство командного состава, овладев знаменами, боевыми барабанами и (всем) воинским снаряжением неверных. Лишь их великие люди с несколькими военными могли в беспорядочном бегстве достичь своей страны. Посланное же нами войско, соединившись с этим (победоносным) войском, стало преследовать неверных, дойдя до их пределов и убежищ. Напав там на них, они уничтожили и остававшихся, захватив их имущество, и лишь несколько спасли свою жизнь. Множество неприступных мест и сокровищ, благодаря помощи и милости всевышнего бога, легко были покорены и захвачены (нами). Хвала Аллаху за множество его чудес и милостей, что наш лучезарный дух совершенно спокоен в отношении неверных, находящихся в этой стране, (и посему), с каждым днем осуществляются (по отношению к нам) безмерное счастье и победоносность.

Признавая необходимым и нужным всегда возносить искреннюю благодарность всевышнему Аллаху за эти благодеяния, (мы заявляем), что у нас отныне не осталось никаких препон и препятствий к тому, чтобы приняться за устранение (с лица земли) заблудшего народа кызылбашей. (Ввиду этого) мы предполагаем в ближайшее время послать наши многочисленные и победоносные войска на великую священную войну (с кызылбашами). Уповая на дарующего милость, — да возвеличится его достоинство! — и стараясь снискать благоволение святейшего Мухаммеда, после Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! — мы направимся на сокрушение этого народа. И как только достигнем до границ (его), пошлем вам письменное об этом сообщение. Так как вы являетесь государем Мавераннахра и страны эти называют «Знаменитой землей», где издревле было местожительство великих ученых, благочестивых мужей и шейхов то, кажется (нам), что и вам также надлежит обнажить меч веры и приложить полное усердие и крайнее старание к торжеству пророческого закона и общины мухаммедовой. Вы прикажите узбекским войскам вашей страны, чтобы они, будучи с (нашими) победоносными войсками как бы одним телом и одним сердцем, истребили этих врагов веры и очистили от колючек и валежника (прекрасные) равнины Ирака. Другого требования у нас нет

(к вам), как только то, чтобы в этом благом деле вы сподобились принять участие. (Этим и) заканчивается (настоящее) письмо; в этом только вся суть и больше ничего!

89а НЕПОВИНОВЕНИЕ МИР-ЯР-БЕКА, ПРАВИТЕЛЯ ДЖУЗГУНА, ОВЛАДЕНИЕ (ИМ) РУДНИКАМИ БАДАХШАНА, ПОХОД ПРОТИВ НЕГО МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА И ЕГО НАКАЗАНИЕ

Когда прошел один год правления опоры эмиров, Махмуд-бия, (все) население области Балха было в постели безопасности и спокойствия. Глубокий мир и дешевизна были таковы, что один харвар[374] пшеницы дошел до сорока тенег[375]; обилие разнообразных благ было таково, что у народа не было никакой нужды торговать ими. Все были удовлетворены садами и доходами с земель. В это время несколько человек из числа слуг высочайшего двора, отправившись с целью управления рудниками Бадахшана, вернулись ни с чем, выявив ослушание (центральной власти) Мир-Яр-бека. Опора эмиров, Махмуд-бий аталык, написал ему увещевательное письмо, запрещая подобные недостойные действия, (но) Мир-Яр-бек, полагаясь на неприступность своей крепости, еще больше постарался выказать вражду и неповиновение. Махмуд-бий, рассердившись, объявил мобилизацию войск; в короткое время столько собралось мечебойцев-витязей, отважных, как Марс, что мысль отказывалась представить их численность. В год 1103 (1691—1692), подняв доблестное знамя, (аталык) выступил в поход (против Мир-Яр-бека).

Стихи:

Бесчисленные герои и храбрецы[376]*
Пошли, ища войны.

Когда переправились через реку Кокча[377], Мир-Яр-бек выслал на сражение (с ними) отряд солдат, и эти безумцы с неправильным мышлением, выступив против (воинов аталыка), настроили большой барабан войны.

Стихи:

Стал враг, стараясь быть храбрецом,*
Уподобляясь замыслом лисице, (выступающей) против льва

В месте, где львы выпускают когти.*
(Но) что может сделать лиса, когда вступит (в столь неравный) бой?

Проявив бесполезные усилия, (неприятель) в конце концов потерпел поражение и, придя в расстройство и панику, бежал по направлению к (своей) крепости. Войнолюбивая молодежь (аталыка) бросилась преследовать бежавших и большинству из них сняла головы острыми и яростными кинжалами.

Стих:

Головы мятежников от злонравного тела*
Отрубили кинжалами и стали веселы.

Уцелевшие от гибели с тысячью усилий убежали пешими. В конце концов неприятель в течение десяти дней прилагал усилия к защите крепости (против аталыка), пока не пришел к заключению, что одержать ему победу невозможно. На десятый день (Мир-Яр-бек) послал (к аталыку) группу сейидов, дервишей, благочестивых людей и стариков (крепости Джузгуна), прося простить его проступки. Эмиры стали посредничать о примирении. Опора эмиров, приняв извинение (Мир-Яр-бека) потребовал от него за два года вперед доход от рудников. Выразив повиновение и покорность, (Мир-Яр-бек) опять утвердился на своем месте[378].

90*а* О НЕПОВИНОВЕНИИ ВЫШЕУПОМЯНУТОМУ АТАЛЫКУ КУРАМИНСКИХ ЭМИРОВ, ОБ ИХ ОТПРАВЛЕНИИ В БУХАРУ, О ВОЗВРАЩЕНИИ С ПУТИ АТАЛЫКА И ОБ ИЗБРАНИИ ПРАВИТЕЛЕМ (БАЛХА) САЛИХ-ХОДЖИ

Так как почет и благоденствие опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка, день ото дня прогрессировали, а расположение к нему его величества, убежища халифского достоинства, час от часу становилось все больше, то группа лиц из (его) завистников замыслила испортить его карьеру. По обычаю разбойников они разграбили некоторые местности; расхитив дома и местопребывания именитых людей, они пролили (их) кровь. Каждый день до слуха аталыка доходили жалобы на (их) притеснения и несправедливость. И сколько ни прилагал (аталык) усилий (погасить

этот мятеж), они еще больше старались (раздуть его); в силу необходимости он обратился с докладом (о положении дел) к подножию августейшего престола. «Этот народ, (писал Махмуд-бий), вследствие злобы и зависти ко мне устремился сокрушить меня, и если я стремлюсь водворить порядок среди этих людей, то мятеж проявляется еще больше; если я закрываю на это глаза, то они подвергают население и территорию этой области страданиям и бедствию. Моя просьба такова, чтобы вы прислали царевича мира, Мухаммед-Муким-султана, в целях водворения (здесь) порядка». Высокодостойный хан написал аталыку милостивое письмо. «Наше дорогое дитя, (сообщал Субхан-кули-хан), еще мало летами и мы оставили его, как ребенка, при себе, (дабы под нашим) покровительством он научился с уверенностью в себе воспитывать и наказывать вредных людей». (Махмуд-бий аталык) вторично доложил: «То, что ваше величество изволили повелеть, есть результат (вашей) любви (к внуку), но с этим народом нельзя справиться без того, если (здесь) не будет наследника престола»[379]. И так он писал несколько раз. В этом положении эмиры курамы[380], вступив в соглашение с Махмуд-бием, послали в Бухару людей с требованием (прислать в Балх) наследника престола.

Выйдя на одну неделю из города, они расположились в местности Намазгах. Так как ответ задерживался, то все (лично) решили отправиться в Бухару. Народ кураминский обнаружил нелепые замыслы, так что (это) получило огласку. Аталык направился дорогой на Давлатабад, а прочие—обычным путем. На берегу Джайхуна было решено съехаться (и продолжать дальнейший путь) вместе. Когда проехали одну остановку, аталык вернулся назад и вступил в город.

91*а*

БУНТ САЛИХ-ХОДЖИ В ОБЛАСТИ БАЛХА, ПРИХОД СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ-ХАНА С ВОЙСКОМ ТУРАНА, ОСАДА (ИМ БАЛХА) И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАТНО ПО ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ

Когда опора эмиров вошел в крепость (Балха), в тот же день, при помощи знатных лиц области и по допущению народа, посадили на престол власти, с предоставлением управления государственными делами, Салих-ходжу, сына осведомленного о (высших) истинах Ходжи Абдул-

вали Парсаи[381] и известного под именем Падшах-ходжи, из потомства первого наместника, друга посла Аллаха по пещере, владыки правоверных Абу Бекра правдивого[382],—да будет милостив к нему Аллах!,— рожденного от добродетельной женщины времени, Шамсия-бану-ханум, дочери Надир-Мухаммед-хана[383]. Тем временем эмиры курамы достигли до высочайшей резиденции (г. Бухары) и принесли жалобу на Махмуд-бия. Его величество написал ему собственноручно[384] следующее: «У нас к вам с самого начала до настоящего времени, кроме милостивого отношения и любви, (ничего другого) не было. Вы сами знаете, что Матерь городов мира (Балх) за это время стала местопребыванием счастливых принцев[385] и такое владение мы вручили вам, обращаясь к вам, как к сыну. Что же было причиной того, что за такие наши благодеяния вы проявили подобный поступок?» (Махмуд-бий аталык) в ответ на это написал: «Этот поступок произошел не вследствие забвения мной прав ваших, как благодетеля, на мою признательность. Я неоднократно докладывал, что народ кураминский находится (со мной) во враждебных отношениях и все его действия совершенно противоположны моим. И пока вы не пришлете управлять этой областью одного из царевичей, сохранение ее (в наших руках) будет неисполнимо. На доклады мои (о таком положении вещей) вы не соблаговолили ответить. Теперь же в случае, если вы пришлете (сюда) царевича, то я удалю от власти (Салих-) ходжу и вышлю его в Индостан».

В конце концов жалобы кураминских эмиров заставили изменить августейшее мнение относительно Махмуд-бия. Написали письмо бадахшанскому населению о враждебной позиции аталыка и убедили тот народ выступить (против аталыка). Горцы, получив помощь, внесли волнения и мятеж в область Кундуза, которая была юртом[386] опоры эмиров. Последний, услышав об этом, вытребовал из Мейменэ Яр-Мухаммед-бий минга, препоручил ему свою должность аталыка, сделал Надир-бий туркмена диван-беги и, предоставив этим двум лицам управление областью, сам отправился в Бадахшан.

Когда было доведено до высочайшего сведения, что Махмуд-бий занят трудным делом в Бадахшане и его прибытие отдалено, (его величество) через шесть месяцев, взяв все войска Мавераннахра, с двумя стами тысяч кавалерии перешел Аму-Дарью и на всех переправах и проходах поставили надежные заставы, чтобы Махмуд-бий не мог по-

дойти. Салих-ходжа отправил к опоре эмиров посла с письмом такого содержания: «Я был по своему рождению ходжой[387] и согласно отличительному признаку отцов своих проводил жизнь в богомыслии дервишского состояния и у меня никогда не было притязаний на подобное дело[388]. Так как я знал вашу отвагу, то и вступил на эту опасную стезю (правителя государства). Теперь передо мной разверзлась пропасть и честь моя обрушилась в нее. Устройте же так, чтобы поскорее прибыть сюда, ибо в противном случае время свидания (нашего) будет в день восстания из мертвых».

Когда (аталык) ознакомился с (этим) письмом, он без малейшего отлагательства, возложив упование на Аллаха, с семьюдесятью состоящими при нем лицами выехал (в Балх) и через три дня вступил в город. В то время горожане впали в раздумье: открыть ли им ворота своему старому господину (Субхан-Кули-хану или нет), потому что с ним пришли казахи, каракалпаки и (прочие) чужие племена; не дай бог, (если) после вступления (их в город) простым и благородным людям этого владения будет причинен вред? (Поэтому) балхцы обрадовались прибытию аталыка и почувствовали уверенность в себе; они изложили ему свои соображения. Аталык сказал: «Это вы хорошо приняли во внимание, у меня самого возникает подобная мысль. Пока имеете душу в теле, старайтесь защищать крепость!» В результате всего в течение двадцати одного дня прилагали старания к защите крепости (против осаждавших ее войск Субхан-кули-хана). За это время много произошло жестоких сражений и каждый живой, попадавший в руки бухарцев, предавался ими смерти; пощады не давали ни старому, ни молодому. Обстоятельство это послужило причиной большого страха населения. Опора эмиров приказал, чтобы племена белуджей и арабов ночью шли в войска и приводили (с собой) лошадей и верблюдов; от этого бухарцам пришло стеснение и они пошли на мир с тем условием, что после того, как они будут возвращаться в Бухару, аталык не допустит нападения на них балхцев, дабы они не причинили им вреда. Махмуд-бий принял на себя это обязательство и в течение трех суток не оставлял (Балха), пока хан со своими войсками благополучно не переправился через реку (Аму-Дарью).

Так как важные дела Бадахшана (еще) не были завершены, Махмуд-бий отправился в те пределы. Надир диван-беги туркмен, хотя и

превосходил равных себе в отношении (искусства) военного дела и командования войсками, но проявлял признаки бестолковости и глупости в некоторых делах и поступках. Так, юного царевича Абу-л-Мансур-хана он предал казни ни за что ни про что[389]; во время путешествия (аталыка в Бадахшан) он приказал шайке своих туркмен, (этих) зверей по поступкам, чинить оскорбления и насилия приближенным аталыка. И они (туркмены), произведя (среди них) грабеж, захватили их имущество и все ими заготовленное. Известие об этом поступке (Надир диван-беги) достигло до слуха той уники времени и он освежил то деяние его (в своем представлении) горестным происшествием с Абу-л Мансур-ханом. Через месяц, наказав и исправив бадахшанцев, (аталык) вернулся в Балх. Переговорив с Салих-ходжой, он приказал молодым воинам отправиться, (схватить) Надир туркмена и предать его смерти. Тот злополучный злодей, услышав об этом, в полном одиночестве обратился в бегство; его преследовали на протяжении одного фарсанга. Прежде всех его настиг Давлат-калта алчин, который отрубил его полную зла голову и привез (ее аталыку). Вывод (из сего) тот: что он сделал невинному царевичу, такое же точно возмездие получил и сам. Через три дня Ариф-дивана[390], его сын, упал в водоем (и утонул), что стало согласно со смыслом (коранского изречения): они были потоплены и ввергнуты в адский огонь[391]. Другой его сын, Юсуф, что ушел в Индостан, был убит; его брата Эвез-бия, по показаниям очевидцев, туркмены изрубили шашками в куски. (Все) остальные его дети и родственники, рассеявшись, разошлись в разные стороны. Злая судьба того проклятого поразила весть его род и племя и от них очистилась поверхность государства. Да, такова бывает участь того, кто злоумышляет против своего господина!

Совершенство упования на милость Аллаха и мужество Махмуд-бия (аталыка) были таковы, что он в одиночестве внутри города сопротивлялся всем девяносто двум узбекским племенам[392] и всех их победил, мужественно сражался в течение двадцати одного дня с армией Мавераннахра, которая состояла из более двухсот тысяч кавалерии, и отстоял от злобы этого войска укрепления Балха, которые по обширности славны во (всем) мире. Он не допустил балхский народ, жаждавший крови (отступавших) бухарцев, выйти из города и преследовать их, для чего на трое суток запер городские ворота[393]; он в одночасье

отделил голову от тела Надир диван-беги, начальника стольких тысяч мечебойцев, Салих-ходжу, который два с половиной года сидел на троне правления (Балхом), он отстранил и сделал его скитальцем в Индостане. Отправившись в Термез, бывший уделом племени кунграт, которое больше других проявляло враждебные отношения, он, требуя выдачи царевича людей[394], оставался там целый месяц, пока не извлек этого царевича, как жемчужину из пасти крокодила или как рубин из недр каменных пород. Он неоднократно с двумя-тремя сотнями людей бросался на центр (неприятельского) войска и не возвращался обратно без достижения (своего) желания. Неоднократно враги по чувству справедливости восторгались его отвагой и говорили: «Что за сердце, что за выдержка у этого храбреца! Как жаль, что с таким человеком нам приходится быть в распре!»[395]

Большую часть времени он проводил в беседах с учеными и с совершенными людьми[396] и с ними устраивал собрания[397]; от общения с этими людьми аталык получал полное удовлетворение. Он имел (также) очень большую склонность и влечение к суфиям и отшельникам. Он был последователем полюса идущих мистическим путем, помощника воссоединившихся с истиной, суфия Хаджи Али, который был в духовной связи с святейшим Мир-и Каланом, а этот последний—с святейшим Халифа Хальдаром, а этот — с святейшим Маулана Дуст-саххафом[398], а этот — с святейшим Махдум-и а'замом[399], — да будет священна их память! (Хаджи Али-) суфи во время Абу-л-Мансур-хана предрек: «Скоро поводья государства окажутся в могущественных руках Мухаммед-Мукимхана, а дела государственные возложатся на Махмуд-бия».

В заключение поскольку (Мухаммед-Муким-хан) воссел впоследствии на престол власти, то Аллах всевышний да сохранит прочно и непоколебимо на долгие годы и бесчисленные века на арене времени сего государя, тень Аллаха, убежище веры, да продлит надолго жизнь сего убежища власти (Махмуд-бий аталыка) с прочими благожелательными слугами (государства) под сенью августейшей державы, да уничтожит он врагов (ее) мечом расправы и да подаст покой и процветание странам (исламского) мира ради Мухаммеда и его благороднейшего потомства!

94а УСТРАНЕНИЕ САЛИХ-ХОДЖИ (ОТ ВЛАСТИ) И ВЫСЫЛКА ЕГО В ИНДОСТАН, ОТПРАВЛЕНИЕ МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА В ТЕРМЕЗ И ПОСЫЛКА В БУХАРУ АДИЛ-БИЙ МИНГА И ШАХ-НИЯЗ-БИЙ САРАЯ[400] С ПРОСЬБОЙ (ПРИСЛАТЬ) ЦАРЕВИЧА ЖИТЕЛЕЙ МИРА МУХАММЕД-МУКИМ-СУЛТАНА

Когда в положении области (Балха) произошла анархия и население перестало повиноваться Салих-ходже, а большинство мест и городов подверглось разграблению, опора эмиров по некоторому тайному основанию, которое имело место в прошлом, сам воздержался от поездки в Бухару, а послал туда, к блистающему огнем присутствию его величества (Субхан-кули-хана), Адил-бия и Шах-Нияз-бия просить (о посылке в Балх) его высочества, царевича (Мухаммед-Муким-султана). Сам же он с отрядом из молодежи, которая, как рыба, жаждала окунуться в свежую воду, перешел через реку (Аму-Дарью) и, направившись в Термез, стал ожидать (вестей из Бухары). Те два начальника достигли до (места) блистания солнцеподобных огней, до его величества государя-миродержца, и, доложив (ему) о положении благородных людей балхского владения, о настроении среди простого народа и (его) успокоении, превратились в водолазов, ищущих достойной царя жемчужины[401]. Высокодостойный хан, (выслушав их), сказал: «Если Махмуд-бий, оказавшись верен своему слову, вышлет Салих-ходжу в Индостан, то мы отпустим своего внука». Когда слова хана стали известны аталыку, он послал Муллу Мухаммед-Мурада китабдара[402], который был его доверенным лицом, чтобы он с полным почетом и уважением, с багажом и разными вьюками отправил (Салих-) ходжу в Индостан. Когда известие о его выезде поступило к высочайшему докладу, (то) хан в счастливый час и в благословенное время соизволил послать в Купол ислама, Балх, при счастливых предзнаменованиях счастливого царевича, друга удачи, отраду миродержавных очей, жемчужину царственного моря, Мухаммед-Муким-султана.

95а О ПРИБЫТИИ СЧАСТЛИВОГО ЦАРЕВИЧА В СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД БАЛХСКОЙ ОБЛАСТИ И О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ПОСЛЕ СЕГО

Когда его величество, тень Аллаха, убежище халифского достоинства, соответственно (арабскому) изречению: «государственные

люди—вдохновленные господом»,—признал, что постоянство со дня на день увеличивающегося (его) царства и длительность его августейшего счастья будут заключаться в участии в правлении (его) дорогого царевича и его вечного потомства, то, естественно, выбрав из своих детей и семейства названного царевича, препоручил ему, счастливцу, область Матери городов, Балха, и Бадахшан с подчинением и подвластием того, что произошло в средине четверти земного круга. Он пожаловал ему ярлык, которому повинуется мир, (на управление этими областями). При прощании (Субхан-кули-хан) заключил внука в объятия, поцеловав его в голову и лицо, и прослезился.

Стихи:

Разлука с ним была жестока для его сердца,*
Ибо он (царевич) был украшением (его) короны и престола.
Он потребовал (его) и прижал к своей груди,*
С сотней нежностей поцеловал он (его) глаза и голову.
После того (царевич) вышел от государя*
И, как свирепый лев, пустился в путь. Отправился царевич с войском.
В день войны каждый (его) солдат—рассекающий ряды врагов*
Эмиры Турана, отряд кавалерии
Сопутствовали ему два перехода.*
Когда простились с ним, вернулись назад.
Следовал величественный царевич,*
Победа его сопровождала, а помощь (божия) была ему путеводителем.
От пыли его войска воздух (был) подобен мускусу[403].*

Адил-бий и Шах-Нияз-бий, возведенные в чины, первый—аталыка, а второй—диван-беги, отправились (в Балх) другим путем. Когда счастливо и благополучно наметилась в Чахар-джуе[404] пышная остановка (царевича Мухаммед Муким-султана), тамошний правитель, Мухаммед Али-хаджи калмык[405], выехал навстречу и, соблюдя (необходимые) церемонии (в смысле) расстилания ковров и дорогих тканей на пути следования высокого гостя[406], подношения ему подарков и оказания гостеприимства,—проявил чувство искреннего расположения и рабской угодливости. После Чахар-джуя, совершая переход за переходом, (царевич) соизволил остановиться в области Андхуда.

Стихи:

На каждом местопребывании, на каждой станции, на каждой остановке,*
Куда доезжал тот славный государь,
Приготовлялись дары и подношения,*
Народ (же) веселился и благодарил бога.
Какое счастье для населения той страны,*
В которой бывает такой государь!
Какое блаженство для счастливого государства,*
Когда в мире стал вакфом[407] такой венец и престол!
Быстро пришло счастье (и) написало:*
Я не уйду с его порога[408].
Когда государство увидело лицо счастливого государя,*
Оно помолодело, так как царство достигло благоденствия.

Оттуда (из Андхуда царевич) простер тень правосудия на область Шибирган.

Стихи:

Он протянул руку для притеснения в правосудии,*
Он одну длань сжал, а другую раскрыл;
Тиранство волка он удалил от овцы,*
Он примирил сокола со своим голубем;
Он в начале бунта прекратил (его) ярость.*
Он ограничил насильственные действия.

(В Шибиргане) правитель области, великие люди и малые поспешили ко двору убежища мира с разного рода дарами.

Стихи:

Должностные лица для его войска*
Перед его дверью рассыпали сокровища;
Защитники крепости принесли (свою) казну *
(И) передали (ему) крепость с ключами.

Отсюда последовали счастливый переход и остановка в местности Файзабад[409], которая вмещает в себе милость божию. Сюда направились встречать (Муким-Мухаммед-султана балхские) сейиды, судьи, великие и благородные люди, эмиры, ученые, большинство народа из привилегированного класса и простонародия и обитатели Купола ислама (города

Балха). Они достигли (его) августейшего порога, удостоились счастья быть принятыми в высочайшей аудиенции и провели там день.

Стихи:

Крепкой связью дважды связала[410] судьба государство.*
Как обещала она (ему) могущество, так и выполнила (это обещание)
Небо посадило в саду молодое дерево,*
(А) судьба ниспослала ему прозябание и рост.
Всякую радость, которой нас лишило время,*
Судьба восстановила одной (его) приятной шуткой.
Чтобы сад областей и царства был свеж (и зелен),*
Судьба позаботилась дать ему действие облаков и милость (благодетельных) зефиров.
Государство нуждалось в таком украшении,*
И судьба в конце концов удовлетворила государство.

Оттуда (из Файзабада), сопутствуемый счастьем и преуспеянием, победой и (божьей) помощью, царевич (выступил) в пятницу, в первый день джумади ал-авваля, в год Барса, в 1109 году (15 ноября 1697 г.) и сделал (следующую) остановку в (местности) Баг-и Мурад, что за воротами Ходжа Султан-Ахмед, (ведущими в г. Балх). И как рубин в руднике, утвердившись на победоносном царственном престоле, поднял штандарт власти и правосудия. Народ (же), положив головы повиновения на черту августейшего повеления, открыл уста для молитв о длительной жизни и о вечной, навсегда согласной (с интересами населения) власти (своего царственного правителя).

Стихи:

О тень великого творца!*
Имя доброе твое Мухаммед-Муким;
Наши сердца все поодиночке покорны тебе,*
Все обстоятельства наши подчинены твоим условиям,
Мощью (твоей) справедливости сильна опора веры;*
Земля обязана тебе тем, что ее поверхность стала райским садом.
Для ангела заповедное место у твоих дверей является Киблой;
Для царей мира устремление к тебе является (их) убежищем.
Подобно мечу раскрывается у тебя язык в молитве;*
Он истолковывает (коранский стих) мы помогли тебе победить несомненной победой[411].
Из-под пера твоего (выходит) истолкование суры Нун и ал-Калам[412]*

В порядке связаны жемчужины
Сердце твое—море, а рука—дождевая туча.*
Длань твоя—рудник и осуществление разного рода тонких ювелирных изделий.
Для описания тебя нехватает букв при письме.*
По натиску в битве (ты) подобен Рустаму, а по (царственной) пышности—Джемшиду.
Я привел упоминание о Рустаме и Джемшиде,*
Но достоинство своего прославляемого я умалил,
Ибо он не нуждается в (таких) похвалах.*
Для нас молитвы за него стали обязательным к исполнению в мире религиозным предписанием.
О боже, от вреда (могущего коснуться) сущности (его) совершенства,*
Сохрани на веки этого государя!
Дай его личности изобилие побед и одолений.*
Его правосудием укрась всех без различия, как правых, так и виновных!
Да пребудет он повелевающим и счастливым*
Больше того, чем это мыслится!

О ВРАЖДЕБНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ АДИЛ-БИЯ И ШАХ-НИЯЗ-БИЯ ПРОТИВ ОПОРЫ ЭМИРОВ, МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА, ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ С НИМИ КУРАМЫ И О СМЕРТИ ШАХ-БИЯ

97а

Когда прошел год после прибытия (Мухаммед-Мукима в Балх), Махмуд-бий написал ему следующий доклад, заключавший его искреннюю преданность и благожелательство: «С самого начала до настоящего момента у меня все усилия были направлены ко (благу) августейшего существования; по этой причине его величество, божественная тень, обиделись на меня, раба, и тех, которые были посланы мной[413], приблизили к себе, а заслуги мои сочли словно не существующими, и стремления (к перемене сего отношения) не имеется». Так как у царевича первейшей обязанностью являлось повиновение своему великому деду и состоялся приказ повелителя мира об устранении (аталыка), то он написал (ему) в ответ, что он признает благожелательное отношение опоры государства и что направление благоухающей (ханской) мысли в отношении его подобно розе, (однако) эти (его) высказывания он доложил светоносному присутствию его величества в местопребывании

(его) халифского достоинства. И в случае, если последует разрешение о прибытии (в Бухару) сего убежища власти (т. е. аталыка), то не явится необходимости требовать (что-либо здесь). Получив этот ответ через одного вождя кураминцев, Махмуд-бий обратился к сбору войск. Собрав бесчисленную армию, он направился (с ней) на Балх. Народ кураминский, услышав об этом, тоже занялся мобилизацией войск. В это время пришла обещанная смерть к Шах-Ниязу диван-беги и тот переселился из сего преходящего мира в мир вечности. (Благополучному) окончанию дела курамы был нанесен (этим) вред, возникла (общая) растерянность и опора эмиров вернулся в Кундуз[414].

97б О ВРАЖДЕ НАРОДОВ ДУРМАН И КИПЧАК[415] К АДИЛ-БИЮ, О ВСТУПЛЕНИИ ЕГО В ГОРОД (БАЛХ), О ЗАКРЫТИИ ГОРОДСКИХ ВОРОТ И О НЕДОПУСКЕ ЕГО, О ВСТУПЛЕНИИ ЕГО ОБМАННЫМ ПУТЕМ (В ГОРОД), ОБ УБИЕНИИ ШАХРИАР-БИЙ ДУРМАНА И МУХАММЕД-ШАФИ' КИПЧАКА, О ВОССТАНИИ КИПЧАКСКОГО НАРОДА И О ЕГО МЯТЕЖЕ

Так как на основании согласия, которое было между Адил-бием и Шах-Нияз-бием, оба они в течение года скакали на коне власти на площади наместничества (в Балхе), то после смерти Шах-Нияз-бия светоч деятельности Адил-бия разбился и у всех проявилось желание уйти из-под его власти, которой он пользовался на арене наместничества. Составился заговор и главы заговорщиков, Шахриар-бий дурман и Мухаммед-Шафи кипчак, взяв с собой некоторое количество людей, проникли в город и послали сказать ему (Адил-бию), что власть его в области вышла из границ, что народ от его действий угнетен и обижен, нужно ему убираться (отсюда) в Бухару, в противном случае ему угрожает смерть. Адил-бий же, стакнувшись с племенем минг и со своими сторонниками, занялся приготовлением к войне и уже близко к тому, чтобы между обоими сторонами разгорелся огонь кровавой распри. (Но) Адил-бий был муж сладкоречивый; вступив со своими противниками в переговоры, он сделал их покорными себе (разными) мягкими фразами. На следующий день он вошел в город и расположился подле ворот арка. Ложно обвинив дворцового евнуха[416] в том, что тот действует заодно с мятежниками, он вызвал его сверху к себе[417] под предлогом

тайных с ним переговоров. Тот невинный несчастный, в простоте сердца не знавший о намерениях Адил-бия, едва сошел вниз, как его вытащили вон и в одно мгновение убили. Точно так же по ложному оговору убили Абдурраззака дастурханчи[418], сына Тарамтай мираба калмыка, По указанию его (Адил-бия) была послана группа людей, которая схватив Шахриар-бия и Мухаммед-Шафи'-бия, (тут же) послала их в путь небытия мечом жестокости.

В это время у царевича (Мухаммед-Муким-султана, балхского наместника), была тяжелая болезнь. Его благородная личность была в столь слабом состоянии, что, потеряв сознание, он никого не узнавал. (И только) через месяц святейший абсолютный врач ниспослал ему из аптеки (во исполнение слов Аллаха:) «и исцелит сердца людей верующих»[419] сладкий напиток исцеления. И состояние бессилия удалилось из его августейшего тела, которое снова вернулось в здоровое состояние. (Выздоровев, царевич) пожелал подвергнуть Адил-бия наказанию за его проступки. Но в это время кипчакский народ в районе Сал-у чахар-ек, дыша мятежом, простер руку насилия над населением, (обитающим на) территории области; в видах осторожности пришлось эту мысль, как противоречащую благоразумию, оставить. Было признано целесообразным, чтобы мингское племя со своими силами выступило для противодействия кипчакам. Тот народ, получив (на это) разрешение, выступил в поход. Между Дара-йи джуз и Сал-у чахар-еком произошла встреча двух (враждебных) отрядов и в тот же день огонь битвы так запылал, что близко уже было к тому, что он сожжет всех поголовно. В конце концов победа осталась на стороне кипчаков; около пятисот молодых людей из племени минг было убито. Все припасы и все приготовленное мингами (для войны) из (числа) коней, верблюдов, юрт, палаток и т. п.—все попало в руки того народа и подверглось разграблению. Ходжим-берды бакаула[420], брата Адил-бия, вместе с двенадцатью уважаемыми его родственниками, обезглавили. Все остальные, голые и пешие, с тысячью затруднений бежали и прибыли (в Балх).

Адил-бий побудил царевича (Мухаммед-Мукима) предпринять поход—для уничтожения кипчакского народа—дорогой на Шибирган, который был юртом племени минг. Когда достигли Сал-у чахар-ека, то было признано полезным вызвать правителя Мейменэ и Чиджекту (Чичекту) Яр-Мухаммед-бий аталыка[421] и сделать его участником в этом походе.

Отсюда послали ему милостивое письмо, наполненное беспредельным благорасположением, о его вызове. Тем временем стало известно, что Хаит бакаул калмык, несмотря на (свою) близость к высочайшему двору, будучи заодно с Адил-бием, является двигателем его безнравственных действий. Последовал августейший приказ о его казни; несколько человек из туркменского народа отрубили ему голову. Адил-бий, услышав (об этом, понял), что дело его проиграно. Не дожидаясь окончания своего дела, он направился в ставку царевича и доложил (следующее): «У меня в мыслях ничего (дурного) не было, все это произошло от подстрекательства его (Хаит бакаула). Теперь он наказан за свои поступки: надеюсь, что меня не признают соучастником его злодеяний». Царевич обрадовал (Адил-бия) ласковым обращением. На другой день Яр-Мухаммед-бий аталык, придя с бесчисленным войском, удостоился счастья быть принятым в высочайшей аудиенции. Все племя минг из Мейменэ и Чиджекту и его главы (также) явились для целования (августейшего) порога.

На первом же приеме убежище власти (Яр-Мухаммед-бий аталык), высказав упреки и порицание Адил-бию, выявил все то недостойное, которое проистекало от него в отношении государства и власти и уличил его (во всем); (в заключение) доложил царевичу, что признает неудобным, чтобы его высочество сам отправился против кипчаков. «Если угодно Аллаху, я пойду походом и, повесив на шею того народа меч и саван, приведу его к (вашему) счастливому стремени», (заявил аталык). В тот же день все военные заявили жалобы на Адил-бия и (еще более) отвратили от него Яр-Мухаммед-бия. На следующий день, получив разрешение (царевича), последний выступил против кипчаков в сообществе с Али-Са'идом диван-беги из племени аргун (аргын), мужем большого жизненного опыта[422]. После их выступления царевич направился в столичный город (Балх). Те два эмира, уговорив кипчакский народ, захватили его главарей и вернулись обратно. Когда царевич (по пути) прибыл в местность Ларек, Адил-бий, озабоченный (последствиями) свидания (с царевичем) Яр-Мухаммед-бия и раздражением (против него) народа, направился оттуда в Шибирган; об этом стало известно царевичу. Он немедленно послал человека к правителю Шибиргана Я'кубу мирахуру, из племени юз, чтобы он не пускал его в крепость, а тот злополучный сейчас же по прибытии Адил-бия передал ему крепость.

Тем временем Яр-Мухаммед-бий и Али Са'ид-бий, доставив главарей кипчаков к высочайшему двору, испросили прощение их вин и выразили (при этом) желание, чтобы Яр-Мухаммед-бий был утвержден в звании аталыка[423]. Но в это время получилось известие, что нечестивая банда кызылбашей со стороны Хорасана устремилась в пределы Мейменэ и Чиджекту. В силу необходимости вышеупомянутый (Яр-Мухаммед-бий), оставив в высочайшем распоряжении своего сына, Хошхал куш-беги[424], отправился (туда). Волей-неволей пришлось вызвать из области Гури[425] Ходжим-берды-бия келечи и почтить его возведением в упомянутое звание (аталыка). Пир-кули-бий минга сделали диван-беги. В это время поступили заявления от кипчакского народа, что при наличии льва из чащи храбрости, Махмуд-бия, отдавать звание аталыка другому кажется далеко не доброжелательным делом, потому что заслуги его многочисленны и без него не может быть хорошим состояние государства и власти. И (потому), если примут во внимание (настоящую) рабскую просьбу сего народа, то пусть его (Махмуд-бия) вызовут к высочайшему присутствию. В равной мере на этом же объединилась и большая часть войск, которые, тайно написав ему (Махмуд-бию) письма, побуждали его к прибытию (в Балх).

В это время Адил-бий, высунув голову из воротника мятежа, посылал в сторону Балха шайки для вооруженного нападения и производил грабеж и разбой среди окрестного населения. Махмуд-бий же, выступив в поход, однажды ночью появился у ворот Ходжи Аккаша. Когда пришел день, то узнали, что пришел опора эмиров. Собрание народа, будучи смущено своим положением, явилось во дворец (наместника) и доложило, что так как, с одной стороны, Адил-бий начал враждебные действия, с другой — начинают бунтовать кипчаки, а тут еще возвращается обманутый в своих надеждах Махмуд-бий, то в такое время от государства и от благополучия (населения) никаких следов не останется. (Поэтому) все признали за благо прибытие той уники времени. Последовало высочайшее разрешение, чтобы убежище власти (Махмуд-бий) явился (к царевичу-наместнику); в тот же день вышеупомянутый удостоился счастья быть (им) принятым.

Стихи:

Он пришел с качествами сильного;*
Как могучий Рустам к Кайкаусу —

и преподнес по обычаю подарки и приношения, (состоящие) из лошадей, охотничьих соколов, рубинов, золота и драгоценных камней. Царевич тоже обрадовал его милостями и вниманием, достойными его положения. В течение одного месяца (Махмуд-бий) находился при высочайшей особе (царевича). Отправившись в Кундуз по некоторым необходимым своим делам, он оставил за себя на августейшей службе своего брата Абдуллу дадха. В это время пришло известие, что его величество божественная тень, убежище халифского достоинства (Субхан-кули-хан), переменив резиденцию тленного мира на царство вечное, отправился в пиршественный чертог рая.

101*а*

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ИЗ ТЛЕННОГО МИРА В ЦАРСТВО ВЕЧНОСТИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ТЕНИ АЛЛАХА, УБЕЖИЩА ПРАВОСУДИЯ, СЕЙИДА СУБХАН-КУЛИ-БАХАДУР-ХАНА,— ДА ОСВЯТИТСЯ ЕГО ГРОБНИЦА И ДА БУДЕТ ОН ПРОЩЕН!

Стихи:

Увы, как внезапно завяло*
Древо жизни халифского достоинства!
Увы, как солнце в зените счастья,*
Подобно второму утру (после зари), было мало жизненно!
Увы, всадник, который, кроме как за сердцами,*
Не охотился на своем счастливом скакуне!
Увы, тот кипарис, с царственной шапкой,*
Увы, тот царственный рост и стан,—
Ушел он из мира, государь величия!*
Подобного ему не найдет судьба второго государя.
В этот сезон земля хотя (и) оделась зеленью,*
(Но теперь) приличествует ей облечься в платье небесного цвета[426].
Тебе не нужно, о роза, омыть (свое) лицо кровью[427],*
Если ты теперь раскрываешь губы от веселья.
Помни, что тот (т. е. мир) без постоянства с тех пор, как был, всегда*
Таким будет, да, он—дворец преходящий!

Чистым мыслям обладателей знания и видения и ясному разуму людей, осведомленных о мастерской творения, очевидно и ясно будет, что, согласно (коранскому) стиху, каждая вещь погибает,

кроме его естества[428], тленность всякого существа есть одно из непреложных предписаний религии, а постоянное бытие всякой возможности рассматривается религией как явление невозможное.

Двустишие:

Грамоту смерти дают и рабу, и свободному,*
Буквы же вечности на странице дня и ночи не существуют.

Степень человеческого достоинства и положения превыше того, чтобы обитель его покоя и удовольствия была дворцом бренности и миром материальным.

Двустишие:

Не склоняйся сердцем к этому мусорному ящику (т. е. этому миру), ибо другое место,*
(Другие) замки предназначили для твоего обиталища.

Если некоторые, видящие (лишь) внешность вещей, признают величайшим бедствием переход из (этого) бренного мира в царство вечности и называют смертью исчезновение элементарной формы, то выдающиеся философы, которые позаимствовали огни наук от лампады откровений пророков,—да почиют над ними благословения и приветствия Аллаха!—видят в смерти совершенство счастья для души.

Стих:

Разве ты не слышал, что всякий, кто умер, стал совершенным?—[429]

потому что птица души, находящаяся в клетке тела пленницей людского мира, в том случае, когда взлетит из этого дольнего мира в тот горний мир и, освободившись из сетей (этой временной) остановки, сделает (себе) гнездо на ветвистом дереве святости и начнет соловьиными трелями хвалить и прославлять (высшую) единственность, то согласно указанию (коранского стиха): скажи: рабы мои, вы, которые преступили границы должного в отношении самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха[430]—в надежде, что (Аллах) прощает все грехи[431], она удостои-

вается этого счастья (в силу того, что) он—всепрощающий, милосердный[432].

Целью сего рассуждения является кончина его величества, тени господа, строителя зданий миродержавия, охранителя писаний шариата и мусульманства (сейид Мухаммед-Субхан-кули бахадур-хана). Подробности этого события таковы: в первый день месяца раби'ас-сани 1114 года (25 августа 1702 г.) на возвышении царственного трона, в арке прекрасного города Бухары, состояние августейшего здоровья выступило из пределов равновесия и появился жгучий жар, и язык,—по смыслу выражения:

Двустишие:

На рассвете, когда я стал в интимном общении со дворцом веселия;*
Услышал я из уст гурий стих (Корана): Обратитесь
с покаянием к Аллаху—[433]

раскрывшись, с твердым решением и с чистым намерением возобновил покаяние во всех прегрешениях, согласно со смыслом выражения: он тот, который приемлет покаяние от рабов своих и изглаживает их дурные дела,[434] добавил к нему, что желал (вцепиться) и крепко вцепился пальцами надежды в полы просьбы о прощении. (Между тем) слабость все продолжала увеличиваться.

Стихи:

Так как непрестанно усиливалась болезнь государя,*
То испытывали бедствия солнце и луна.
Когда стенание сообщало весть о болезни шаха,*
У народа от горести на части разрывалась печень.
В тот момент, когда (больной) испускал болезненный вздох,*
У женщин и мужчин бывал смертельный страх.
От слабости тела ослабело (все) существо (государя),*
Не стало (у него) покоя, не стало терпенья и успокоения.
От августейшего тела шаха не отстранили болезнь:*
Ни власть, ни войско, ни богатство, ни сокровища.
От страданий болезни когда ослабело здоровье (хана),*
Не принесли ему облегчения ни трон, ни корона.

--И сколько ни старались пользовать его лекарствами искусные врачи, появившиеся (другие) разные болезни требовали в лечении все больше (новых средств).

Стих:

При смертельной слабости что может сделать (даже) чудодейственное дыхание Иисуса?.

Несмотря на такое состояние, (его величество) интересовался делами государства и его порядками и (много) думал о (своих) подданных и подчиненных. Когда же он (своим) правильным мышлением постиг, что болезнь (его) не поддается лечению, он приготовился к неизбежному и потребовал к себе эмиров и близких лиц. Будучи в состоянии бодрости, он сделал (им такое) завещание: «Я точно знаю, что птица (моей) души (скоро) вылетит из клетки тела и найдет убежище в божественном чертоге. Поручаю вас благости и милости Аллаха. Нужно вам довольствоваться судьбой и в этом происшествии не предаваться панике, потому что это бесполезно.

Стихи:

Не разрывайте платья (в знак горя) и не плачьте,*
Не вопите подобно сумасшедшим и влюбленным!
Мне от ваших воплей нет пользы,*
(Ибо) кто устранил смерть воплями?

Молите господа о прощении меня и обрадуйте мой дух произнесением фатихи и такбира[435]. В дни моей власти я так укрепил государство, что никто не имел возможности проявить своеволие или обидеть несчастного рукой насилия и дерзости. Во время (своего) правления я не допустил сильного торжествовать над слабым, разве только в тех случаях, когда об этом не доводили до моего сведения и я этого не знал. Я уповаю на благость господа, что он простит мои грехи. Хвала всевышнему Аллаху, что в моем сердце не осталось никаких мирских желаний. Мое завещание таково: я усмотрел на челе моего внука, Мухаммед-Мукима, сияние огней царствования и зрелость ума. Среди моих детей он благородный с той и другой стороны и потому я назначаю его своим преемником. Жаль, что я стеснен временем и больше сего не имею возможности рассуждать, а тот свет моих очей не может (здесь) присутствовать и (мое) свидание (с ним) откладывается до дня восстания из мертвых и вас предстоит мне увидеть тоже тогда». Эмиры и близкие (к хану) лица,

услышав эти слова, взволновались, заплакали и с окровавленными сердцами и горестными мыслями встали с мест, склонили к земле свои заплаканные лица и сказали: «Да будет наша жизнь, рабов (ваших), принесена в жертву за одно мгновение жизни вашего величества! О, если бы жизнь всех нас от начала до конца была принята в целях сохранения (хотя бы) одного дня августейшей жизни!

Стихи:

Если бы тебе была польза от нашей жизни,*
Мы бы (так) душой не страдали за тебя.
Но у сего времени нет никаких мероприятий,*
Потому что нет возможности изменить предопределение.

Хотя у нас, рабов, не будет никакого желания пользоваться жизнью без благородного существования (вашего величества), однако, пока (у нас) остается одно дыхание, мы, подчиняясь августейшим приказаниям и заветам, не уклонимся с пути повиновения (им)». Они говорили эти слова языком покорности и сверлили алмазами ресниц жемчужины кровавых слез.

Двустишие:

От горя из глаз пролилось море,*
Из души исчез покой, а из тела жизнь.

После сего болезнь усилилась, и когда настала ночь, и мир, в предвидении исчезновения государя мира, облекся в темное платье и набросил на шею печального вида палас[436], то в полночный час государь, произнеся несколько раз слова таухида[437], вручил свой чистый дух взывающему: О ты, успокоенная упованием душа! Возвратись к своему господу удовлетворенной, удовлетворившей[438]! Поистине мы от Аллаха и подлинно к нему возвратимся[439].

Стихи:

Увы, тот царь царей, завоеватель мира,*
Джемшид, раздающий короны, покоритель царств!
Увы, тот, другого которого не видело небо,*
Подобие его (отражалось) в зеркале луны и солнца!

Увы, тот государь диадемы и короны,*
Благодаря которому вполне соблюдались постановления веры!
Увы, тот миродержец чистой веры,*
Убежище благочестия для городов и рабов (т. е. подданных вообще)!

Это событие случилось 21 числа упомянутого месяца (раби'ас-сани[440]). Каждый из остроумцев эпохи выразил эту дату в разных поэтических фразах. Из них Хаит-Мухаммед, чухра-баши[441], один из старых слуг высокого дворца, (который) обладал поэтическим дарованием, сказал следующие стихи-хронограмму:

Стихи:

Где царь царей, страж ангелов?*
Где (подобный) пышностью Соломону, внешностью Иосифу?
Куда ушел хан, (лелея) область щедрости?*
Где тот по нравственному величию Феридун времени?[442]
Куда делся тот государь, защитник угнетенных?*
Где (этот) по справедливости Нуширван?[443]
Куда ушел покровитель законников?*
Где любитель и ценитель шейхов?
Куда ушел добрый к подданным шах?*
Где государь, милостивый к военным?
Среди всех тех царей Турана*
Где признак государя, обитателя рая?
По поводу даты его смерти твари*
Все сказали: где тот покоритель мира[444]?
Разум также молитвенно произнес:*
Где хан времени, сейид Субхан-кули[445]

—Одним словом, когда (хан) отдал данную ему во временное пользование жизнь по требованию предопределенной смерти,

Стихи:

(То) что мне сказать, как-то, что от страха перед этим событием*
Дрожит земля и сотрясается (само) время.
Удивительно, что род человеческий избежал опасности,*
Перенес это несчастье и не умер от горя!

Сейиды, судьи, эмиры, ученые, военные и все без исключения подданные как платящие налоги, так и не платящие, верхние одежды

терпения превратили в нижнее платье и разорвали воротники (своей) души; министры, посыпав головы прахом скорби, трепетали кровью сердца. И ту ночь (все) провели в плаче, в воплях, в горести и в волнении. И когда подлинное утро (тоже) разорвало воротник горести до самого подола,—совершили приготовление к похоронам и завернули (тело хана) в саван. Ради порядка в государстве, утвердив в ханском звании, несмотря на его малолетие, Убайдулла-султана, сына его величества, посадили его на престол. Благословенный ханский труп подняв с носилками на плечи благовоспитанности, принесли в обитель смерти (Файзабад), где находится светоносный мазар святейшего Маулана Пайандайи Ахсы[446], прочитали (над ним) заупокойную молитву и предали его (затем) земле в гробнице, которую он сам (при жизни) приказал построить поблизости священной могилы и благоуханного мавзолея святейшего полюса шествующих (путем тариката[447]), Ходжи Баха ал-хакк уа-д-дин-Мухаммед б. Мохаммеда, известного под именем Накшбенда, да освятит Аллах его драгоценную могилу!

Благочестивый возраст его величества, (когда он скончался), достиг семидесяти семи лет. В возрасте двадцати трех лет, в 1061 (1650—1651 году), он утвердился на престоле власти Балхской области, так что выражение (зилл-и Субхани) «божественная тень» (есть) в числовом отношении дата его восшествия на престол (Балха). В течение тридцати одного года он правил в этой области и затем двадцать три года на престоле халифского достоинства Мавераннахра он бросал тень правосудия на головы людей; так что всех лет его власти было пятьдесят четыре года. Из предшествующих государей, которые поднимали штандарт царственной власти, никто не прожил столь долгой жизни. В начале молодости и в расцвете счастья и благополучия, ставши спутником божественной помощи, он сделался последователем достоинства сейидского звания высокодобродетельного наставника стран света, наследника наук, принимаемых на веру и доказательного характера[448], в наследстве и правах полюса неба хакиката[449], центра круга суфийского пути, плода от дерева отрасли Та и Я-Син, из лугов несомненного божественного закона святейшего князя пророков, Мирзы Хашим-и Азизана,—да будет над ним милосердие и благословение (Аллаха)! и закаялся совершать все запрещенное. Что касается сего ишана, то в начале его суфийского пути он[450] испытал потребность (воссоединения с высшей

истиной) и, отправившись на поклонение высокочтимой Ка'бе, служил у семидесяти старцев, достигших (в суфизме) полного совершенства, и от каждого получил воспитание (в суфийском духе); наконец прилепился к святейшему Мир Калан-и Азизану[451]. А у сего последнего духовная преемственность восходит к святейшему Халифа Халдару, у него же—к святейшему Дусту-переплетчику (саххаф), а у последнего—к святейшему Маулана Ходжаги Ахмеду Касани, известному под именем Махдум-и а'зам (величайший господин)—да освятит Аллах их гробницы!—святейший Мирза (Хашим-и Азизан) достиг высокого совершенства в науках внешнего и внутреннего значения; в манере Шах-Касим-и Анвара[452] он во время экстатического опьянения и состояния вне себя начинал декламировать стихи, посвященные воссоединению с божеством. Муриды же записывали их, так что большая часть дивана его стихов и составилась на таких радениях. В числе его стихов есть такое двустишие:

Я тот пьяница, на голову которого если будет литься поток в течение даже сотни лет,*
Он не прольет чаши, что в моей руке, если даже мое тело разложится[453]

Тот высокодостойный (покойный) хан предпочел дервишество в такой вере, что всегда под верхним царским платьем носил нижнее в виде хырки аскетизма и рубища отшельничества. После совершения последнего, перед сном, намаза и произнесения призываний и имен Аллаха он соблюдал себя до времени ночной молитвы, каждое (свое) дыхание считал последним вздохом. В конце его жизни ему стало известно указание его вышеназванного наставника (Мирзы Хашим-и Азизана) и он в силу его взял руку желания у многих искателей истины[454] и по этой причине большая часть суфиев имеет духовную связь с этим высокостепенным ханом. Науки внешнего значения он изучал у знамени времени, у единственного среди людей ахунда Мауланы Хусама[455] и во всякой науке он стал совершенным ее знатоком; всегда на августейших собраниях он вел диспуты по (вопросам) толкования Корана, изречений пророка и по другим наукам. И в тех случаях, когда покрывало затруднений скрывало форму истинного смысла цитируемого, слова же (диспутантов) достигали до высокой степени (напряжения) и ум всех оказывался не состоятельным понять это, его величество рукой понятия и разума открывал (истинное) лицо (затруднительного выражения) и пока-

зывал (его) умам (присутствовавших) ученых мужей. В поэзии он также проявлял совершенство проницательности и чистоту (поэтического) дарования и писал стихи под псевдонимом Нишани. Однажды (при нем) было произнесено стихотворение Ходжи Камала[456] и хан немедленно, в подражание ему, продекламировал несколько двустиший. Стихи Ходжи Камала:

О ты, чья мушка, подрисовки и локоны являются украшением глаз!*
Эти очи много видели, но подобной тебе не зрели.
Я известен любовью к тебе, но лишен соединения с тобой, (подобно тому, как)*
Волк с испачканной в крови пастью не разорвал Иосифа[457].

Экспромт хана:

От горести разлуки с тобой мой стан сделался похожим на согнутый палец, но*
Нить соединения с тобой до моих пальцев не дошла:
О, если бы моим очам попался какой-нибудь признак розы ее лица,*
Хотя падение розы не вселит очей![458]

(Однажды) в праздничный день, когда приближенные явились (к нему) с поклоном и поздравлением в разноцветных и украшенных платьях, августейшая мысль воспроизвела следующее двустишие:

Двустишие:

Зрачок моего глаза украсился драгоценными камнями от крови сердца*
Эти новые платья на людях производят удивительно приятное впечатление[459]

В храбрости и отваге он был таков: в дни (его) правления Балхом (однажды) стравливали опьяненного слона с тигром и занялись созерцанием этого зрелища; неожиданно тигр одержал верх над слоном и ударом могучей лапы обратил его в бегство, а сам, яростный, повернувшись, устремился на зрителей. Все бросились бежать и прятаться по разным углам; кроме хана, никого не осталось (на месте). Тот неустрашимый государь продолжал сидеть на (своем) седалище невозмутимости, не обнаруживая никаких признаков страха и растерянности. Таковы совершенства смелости и крайний предел упования на волю Аллаха!

По лицу, по росту, по сложению и красоте никто из представителей рода человеческого не был столь хорош, как он. Его дары и милости распространялись на широкие народные массы. Вначале он по большей части общался с поэтами и приближенными, и одним из его панегиристов был Маулана Сейли; его диван полон касыд и газелей,[460] двустишных стихотворений и четверостиший, большая часть которых касается восхвалений сего высокодостойного хана. Этот Маулана Сейли, приняв во внимание (свой) преклонный возраст, произнес, сообразно своему состоянию, такое двустишие:

Двустишие:

Пока он не жалуется на наше праздношатание,*
Мы крепко схватили за горло свой посох.

Однажды Маулана Сейли, Мулла Беди и Мулла Муфид были на собрании в высочайшем присутствии. У Муллы Беди на голове был цветок нарцисса[461], хан заметил ему: «Скажи что-нибудь про этот цветок!»

Мулла Беди экспромтом (тут же) произнес двустишие:

Двустишие:

Нарцисса, который ты увидел, нет на нашей жалкой голове:*
Глаз ушел из нашей головы, чтобы посмотреть на тебя[462].

Затем последовало такое же указание Мулле Сейли и тот сказал следующее двустишие:

Убиты очи наши и из нашего праха (выросли и) расцвели нарциссы*
На нашей могиле, мы же, слепые, стали зрячими (через это).

В тот день хану пришла охота проехаться по цветущим лугам, он сел на (своего) скакуна Гуль-и бадам (Цветок миндаля), которого ему прислал в подарок государь Ирана, и, отправляясь на прогулку, сказал Мулле Муфиду: «Скажи что-нибудь относительно весны и этого скакуна!» Тот немедленно экспромтом ответил хану двустишием:

Для того, чтобы ты плавно въехал верхом в цветник (на прогулку),*
Весна делает скакуном Цветок миндаля.

В тот день хан настолько удовлетворил названных поэтов разными благами мира, что так не было поступлено с подобным им сословием ни в одну из эпох.

Из его (Субхан-кули-хана) построек в области Балха (следует упомянуть о) медресе, сооруженном против купольного мазара Ходжи Абу Наср Парса[463], воздвигнутого Абдулму'мин-ханом[464]. Все это медресе, до чрезвычайности обширное и высокое, снаружи украшено изразцами. Наверху арка (Балха) он построил здания, украшенные золотом и ляпис-лазурью, начав их снизу, доведя до верха арка на высоту шестидесяти гязов,[465] и теперь это здание уподобляется старинным (постройкам) по совершенству и грандиозности. Внизу (арка) была построена приемная с террасой и соборная мечеть, относительно основания которой разум умных людей оказывается несостоятельным. Около восточной стороны высокого арка был разбит большой сад, названный Аминабад[466]; посредине его построена крепость с глубоким рвом (вокруг) и с высокими зданиями (внутри); с одной стороны его устроили полянки (чаманы), украшенные разного рода цветниками и разнообразными плодовыми деревьями. Это было названо Баг-и заган[467]. По дороге к гробнице святейшего четвертого халифа,—да будет к нему милостив Аллах!—по обеим сторонам ее со времени Вели Мухаммед-хана существовала аллея, которая к тому времени пришла в запустение. Упомянутый хан возобновил ее, насадив плодоносящие деревья и деревья, дающие тень.

По вступлении на престол Бухары (Субхан-кули-хан) приказал построить в пределах (бухарского) Регистана[468] такой водоем, который бы напоминал о Земземе. И там же построил здание, которое предназначил для лечебницы (дар аш-шифа) с тем, чтобы там находились опытные врачи и лечили больных (врачебными) питиями и пищей[469]. Да освятит Аллах всевышний гробницу того высокославного государя всегдашними сияниями своих милостей ради Мухаммеда и его благороднейшего семейства!

107б О ПОЛУЧЕНИИ ЦАРЕВИЧЕМ ЛЮДЕЙ (МУХАММЕД-МУКИМ-ХАНОМ) ГОРЕСТНОГО ИЗВЕСТИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, СПРАВЕДЛИВОГО ГОСУДАРЯ, ИЗ ОБИТЕЛИ ТЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛЫ СВЯТОСТИ ВСЕВЫШНЕГО ГОСПОДА И ОПЛАКИВАНИИ ЕГО АВГУСТЕЙШИМ ВНУКОМ

В первый день месяца джумади ал-авваля упомянутого года (в Балх) пришло горестное известие, что произошло страшное и неизбежное событие—(смерть) его величества, божественной тени, и что чистая душа его величества, поднявшись из обителей земных, направилась к небесам. Ужас этого события, по впечатлению подобного страшному суду, вызвал из глаз людей потоки кровавых слез; страх же от сего великого происшествия высоко поднял из храма огня сердец людей каскады пламени; и старые, и малые, добрые и злые (все одинаково) вознесли свои стоны и вопли до (выси) вращающегося неба, ибо имели (в нем) защитника.

Стихи:

О небо! опустоши (эту) палатку, ибо государь исчез!*
Где трон? Сядь на прах, ибо (подобный) Соломону исчез!
В конце концов, о народ, рассыпь слезы, подобно звездам,*
Потому что сфера государственной власти, сияющая, как солнце, исчезла!
Владыка, не рассеивай звезд в небе наподобие дворцов и террас,*
Потому что величественная глава мира исчезла из дворца и террасы!
С купола неба—голубое платье, из науки—письменность,*
У государства—глава, у справедливости—жизнь—(все) исчезло!
Почернел шар месяца и сломилась палка с кривым концом у новолуния[470],*
Ибо славный наездник государства и церкви исчез с арены!
Тот, кто был честью веры и государства, перестал существовать!*
Тот, кто давал (надлежащий) порядок круговороту дел,—исчез!
Следует прийти в смущение любой Александровской стороне,*
Потому что в мраке земли (бывшая) «вода жизни» исчезла[471].
Солнце власти и веры сошло с монаршего апогея:*
Иосиф Египта величия исчез в колодце и темнице![472]
Если не остался тот государь на престоле истинного халифского достоинства,*
То да будет вечной власть царя Сейид Мукима!

В тот день имело место (такое событие), что быстро кружащаяся сфера небес от страха ослабела ногами; солнце и свет потеряли дорогу с Востока, чтобы вторично не появиться; рука неба в изнеможении разорвала воротник утра, подол вечера окрасился кровью зари и пролились вниз искры-слезы неподвижных и подвижных звезд[473]. Его величество, счастливый царевич, сановники государства, облекшись в траурные одежды, приказали чтецам божественного слова, чтобы они занялись чтением нараспев Корана (по покойнике). В память в бозе почивающего его величества сварили (разные) кушанья и пожаловали их народу и бедным. После плача и грусти все эмиры и сановники государства посадили царевича мира на счастливый престол ханского достоинства и на седалище власти и миродержавия и его величество воссоединился с неизменной властью и вечным счастьем.

Двустишие:

Мир (последовал) желанию сердца, а желание сердца сообразуется с предметом желания;*
Время подчинилось приказанию (его) и небо (стало ему) покорно.

Он (Муким-хан) украсил и убрал трон справедливости от щедрот изобилующего щедротами (Аллаха) и, раздав всем сейидам, судьям, эмирам и вельможам государства великолепные платья, вывел (их) из состояния оплакивания (покойного хана).

108б О СЧАСТЛИВОМ ВОСШЕСТВИИ ВЫСОКОДОСТОЙНОГО И ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО ПАДИШАХА, МИРОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРЯ, ПОКОРИТЕЛЯ ВСЕЛЕННОЙ, КВИНТЭССЕНЦИИ ДОМА ЧИНГИЗ-ХАНА, АБУ-Л-МУЗАФФАР СЕЙИД МУКИМ БАХАДУР-ХАНА,—ДА ПРОДЛИТ НА ВЕКИ АЛЛАХ ЕГО ЦАРСТВО И ВЛАСТЬ И ДА ИЗОЛЬЕТ ОН В ОБОИХ МИРАХ НА НЕГО СВОЮ ЛЮБОВЬ И МИЛОСТЬ! — НА ПРЕСТОЛ ХАНСКОГО ДОСТОИНСТВА И НА ТРОН ЦАРСТВОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУПОЛА ИСЛАМА, В БАЛХЕ

Хвала господу и благодарение богу, что (это) сломанное перо начертало благоуханные письмена, посвященные описаниям дома государей-чингизидов, изложило вкратце на скрижалях ясности и на арене повествования похвалы бывшим монархам и собрало вместе, в определенном порядке, жемчужины (их) правления, которые из моря возможностей были выброшены на берега осуществления.

Красноречивые ораторы хорошо знают, каким образом соловьи мысленных значений плавно движутся по ветвям слов. Эта духовная весна и всегдашнее ликование бывают вследствие милостей священной персоны сего познавшего господа фундамента правосудия (его величества хана).

Двустишие:

(Он) тот, который в отношении устройства государственных дел,*
С тех пор, как стал учеником неба, есть (непререкаемый) учитель,—

троноукрашение власти и преуспеяния, сидящий на престоле величия и славы, жемчужина в венце великого царствования, истинный потомок великого халифского достоинства, блеск царственного дома, лучезарный свет в познании дел, монарх—красноречивый волшебник, тонкого ума

царь царей, великолепное украшение престола и диадемы, уполномоченный повелением Аллаха, древнего владыки.

Стихи:

Счастливый, молодой, сияющий солнцем царь царей,*
Покоритель мира, беспредельно щедрый миродержец,
Писатель в истинном смысле и в переносном,*
Пребывающий на царстве и у власти хан-воитель за веру!
Господи, ты главу сего счастливого монарха,*
Который пришел и тень которого украсила трон,
Сохрани под сенью зонта (своего) могущества*
(И) искомое им в двух мирах осуществи!

Иначе у меня, безграмотного, хватило бы смелости блеснуть в закрытом фонаре лучом солнца или заключить море в тесноту раковины?!

Двустишие:

Кто я по сравнению с картиной величия?*
Куда сердцу до воображения!

Благодарение Аллаху, что (эти) разбросанные частицы (истории) силой августейшей власти собрались воедино и разрозненные листы (ее) оказались приведенными в порядок в переплете сохранности.

Стихи:

Восхваляя Аллаха, я первый эту историю*
Составил в увлекательной манере.
Питаю надежды на ведающего тайны (т. е. на бога),*
Что я еще (когда-нибудь) напишу трогающую сердце историю.
Когда я начертываю эти буквы мысленного значения,*
То из неба чернильницы и языка пера
Веселье нисходит к читателям.*
И удовольствие достигает знающих.
Да будут же через это сердца друзей озаренными,*
А упреки врагов да будут далеки от написанного мной!

(Мои) умеренные умственные способности пожелали, чтобы бич мысли запечатлел на Шебренге[474] пера блеск письмен и на арене страниц взвилась бы (пыль) от набега похвал сему счастливому и высокорожденному (монарху).

Приготовив двуязычное перо для выражения сего, (автор) приступил (к этому) и языком осуществил (свое) намерение в отношении этой тонкой мысли.

Стихи:

Не учи тучу проливать дождь!
Я скажу на ухо тайну умственным людям:*
«Не учите петь соловья!
Слову нет нужды в похвалах.*
Не учи море приходить в волнение!»

— И когда оказалась столь хорошо выраженной согласованность с тем плавнодвижущимся (т. е. пером) по большой дороге идей, (то), избрав путь смелости, было (мною) признано необходимым доставить на арену очевидности и на площадь обнаружения аромат результатов вступления на счастливый престол того равного по славе Александру (Македонскому), а по знанию—Аристотелю.

Стихи:

Неподобного по степени сейид Муким-хана, над которым,*
Возвышается отмеченное торжеством веры древо науки,
От его внушающего страх и уважение имени дрожит,*
Как тюльпан от ветра, чаша в длани (самого) Джемшида.
Полумесяц наверху его стяга, подобно вытянутым когтям,*
С шумом вырывает клок волос из головы солнца.

Да будет ясно сердцам ученых и умам дальновидных людей, что когда государь-миродержец по весне, во время равноденствия, утвердился на престоле (своих) великих отцов и высокородных дедов, в то время свежесть и чистота вод и воздуха достигли нормального состояния, улыбка же и ликование хмельного и буйно переплетающегося весеннего времени проявилась в чрезвычайной степени,—новогодний царский барабан загудел под вращающимся куполом (неба) звуками мироукрасительной и восхищающей вселенную торжественности. Освещающее мир солнце стало благодеющим для совокупности (всех) стихий и царств природы, движение (весеннего) зефира привело в волнение страсти спокойные души; свежесть воздуха способствовала оживлению сердец людей, любящих повеселиться; весенний ветер вдувал растительную ду-

щу[475] в формы мира вод и цветов; грозовые тучи, обмыв со всех сторон ноги свежевыросшей армии весны, доносили до ушей сознания щедрых приятелей голоса полных разнообразного значения журчащих вод. И (поскольку) у небожителей по отношению к земным обитателям были проявлены ряд новых милостей и знаки безмерной воспитанности, (весь) народ, от мала до велика, повторял беспрестанные хвалы (Аллаху).

Стихи:

Признательность господу за то, что по допущению судьбы*
Стало победоносным знамя великого хана!
Да будет длительна твоя жизнь и да будет мир для тебя счастлив!*
(Да будет) могущество при тебе безотлучно и благоденствие (твоим) близким другом!
(Да будут) всегда твои враги лишены (всяких) благ*
Или будут убиты, или обращены в бегство, или заключены в крепость!

И этот нижайший из рабов, составив несколько двустиший относительно качества (города) Балха и в похвалу августейшей личности (сейид Мухаммед-Муким-хана), доводит (их) до сведения (читателей).

Эти двустишия следующие (строки следует читать не столбцами, а подряд):

Стихи:

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!*
Увлекательная тонкая мысль для людей пера,
Лицо у метрической красавицы слова,*
(И) двумя языками, путем изящного изложения,*
Балха, который есть Матерь городов,*
В отношении описания укреплений сего бесподобного (города)*
(А) язык становится зубцом на городской стене*
Если старец неба в направлении ее высоты*
(Или) если когда-либо поспешит полюбоваться (ее величием),*
Корона с древним шифром,
Секретарь, одаренный красноречием, то есть перо,
Пусть сдернет покрывало с ланит действия,
Опишет таким образом наглядно событие.
Да не коснется землетрясение у его основания!
Укорачивается аркан мышления,
С тех пор, как она насмехается над высоким колесом времени,
Выпрямится, чтобы посмотреть на нее
С его макушки упадет голова солнца.

Посмотри—зелень по краям крепостного рва растет* Для пастьбы (на ней) Быка земли
Рука неба часть своего молодого месяца* Сбросила в виде кольца на крепостные ворота,
Гвозди звезд предназначены для их ремонта,* Млечный Путь есть завитки их цепей,
Возникла из изразцов своих, как из атомов,* В виду сего индигового купола цитадели.
Вода и воздух (Балха) в (его) цветниках и посевах* Есть вода жизни и воздух рая.
Ввиду многих благ его* Каждая его сторона украшена базаром.
Душа Эдема отмечена его клеймом.* (А) рай вечности влюблен в его сады.
Пальма его чинара, которая (столь) высоко поднялась,* Молитвенно обращена к небу своей вершиной.
Что касается его водоема с сребротелыми рыбами,* Подобными молодому месяцу во вращающейся сфере небес,
(То) волнение его холодной воды (исходит) из длани райского источника Сельсебиля;* Бьет он пятерней по лицу (самый) Нил[476].
Правление в нем (Балхе)—правое, благодаря милости предвечного* (Его) победоносный хан—Мухаммед Муким.
Победа и торжество спешно следуют за его повелением* Счастье и благополучие сопутствуют ему.
Государству приходит (от него) украшение и убранство* Оттого, что пришел он благородным с двух сторон:
По происхождению со стороны отца (он)—государь, отмеченный знаками (славы) Александра,* С другой (материнской) стороны (он)—раздаватель царственных достоинств
Пришли в мир его благородные отцы из (недр высокого положения)* С тех пор как существует род человеческий, все они были властителями и царями.
Умножающие (его) степень: отличие и штандарт* Озаряются блеском (его) меча и пера.
Наук[477] его летит во след врагу,* (А его) стрела есть падучая звезда, поражающая проклятого беса.
Что такое его копье? Для свирепого врага* Оно—бросок ехидны на ежа.
С тех пор, как стал (существовать) помогающий правосудием и милостью,* Стали единодушны и заодно воробей и сокол,
Волк от великой любви своими зубами* Расчесывает волосы на голове барашка.
При виде рассыпающей жемчуг длани счастливого государя,* В поту стыда садится облако.
При мысли о его щедрости прячутся* В глубинах моря и копей жемчужины и яхонты.

Надеюсь на милостивого господа,* Который благостен (своими) всеобъемлющими милостями,
(Что) дурной глаз будет далек от его величества,* (Что) его государство будет цветущим и культурным!

Также в отношении даты восшествия на престол его величества было выброшено (мною) на берега слова несколько черенков из моря мысли. Эта дата (хронограмма) такова:

Хвала Аллаху, что милостями божественной благости*
Ханский престол украсился особой справедливого государя!
Соломон по правосудию, Сейид Муким—тот щедрый государь,*
Который в мире победоносности является вторым Александром (Македонским)
От стыда источает капли апрельское облако,*
Когда видит его щедрую руку во время разбрасывания драгоценностей,
Каждую ночь небо с факелом в виде Млечного Пути*
Стоит на страже у его дворца с палкой в руке.
Тому государю в счастливый день воскресенья, в предполуденное время,*
Когда было двадцать шестое число месяца раджаба,[478] по божественному повелению
Было даровано в счастьи, благополучии, в украшении и помпе*
Утверждение на троне царства и на престоле миродержавия.
Вкушает оживление от его вступления (на царство) Купол ислама, Балх:*
Он помолодел, точно Зулейха в соединении со вторым Иосифом
Посему-то со всех сторон несутся поздравительные приветствия.*
Небо от солнца и луны преклоняет ухо к его восхвалениям.
С одной стороны—ученые в заветном месте его чертога,*
Из коих каждый по мудрости равен греческому (философу) Платону;
С другой стороны—храбрые эмиры и отважные витязи военных полей,*
Из коих каждый жертвовал жизнью за источник спокойствия (т. е. за хана),
Все они сложили, как бутон, руки в (крайней) вежливости, готовые к услугам,*
Открыли от изумления, как нарциссы, глаза разума.
Зефир его справедливости от того, что он возник в саду мира,*
Подарил вселенной свежесть, а миру—цветник.
Секретарь захотел еще изъяснить пером значения год его (вступления на престол),*
Чтобы он был (выражен) рабским способом и приказательным методом;
Он обратил лицо надежды к чертогу величия,*
Дабы снизошел голос познания из (источника) божественной милости.
Небо возложило на его голову корону и сказало*
Для даты его восшествия на престол (свое) царственное поздравление![479]

Маулана Абдуррахман Ельда[480], который был одним из старых панегиристов сего чертога, составил стихотворение в похвалу (августейшей) личности, отмеченной качествами Александра. Это стихотворение таково (читать строки следует не столбцами, а подряд.—*А. С.*):

Настал такой сезон, что лицо мира сияет;*
Зелень и цветы опять появляются из-под земли наружу*
Шлет (Зефир) во все стороны письма на лепестках весенних роз;*
Всякий, кто гуляет (в это время) по тюльпановым лугам с краснощекими красавицами,*
Роза восседает на престоле красоты, веселая и счастливая;*
Если красота появляется на свет из-за завесы ласки,*
То, что омрачет наши дни, есть источник неверия,*
У соловьев же этого цветника (на этот) счет есть другой мотив:*
В такой мере, что я хочу, чтобы до дня страшного суда (благопопечительное) око судьбы*
Любовь же нельзя скрыть в груди,*

Я стремлюсь к власти, ибо в каждую рань весны*
Я надеюсь, что каждый день ее будет праздничным днем,*
Хан, по достоинству равный небесной сфере, сейид Муким, в мире*
Если зефир пронесется в цветник от его местопребывания,*
Да будет радостен тот государь, на все время царствования которого судьба*
Под сенью его правосудия воробей свил (себе) гнездо на ветвях, (где ютится змей;*
Дождит камнями на темя своего низкорожденного врага*

Новогодний ветерок разносит по вселенной аромат мускуса;
(И) делают природу более красочной, чем цветник рая;
Народ исполнен желания пировать в розовых цветниках;

Затмевает собой блеск бадахшанского рубина.

Соловьи распевают любовные песни.
Я стремлюсь тогда, о человек, сохранить благочестие[481].
О зрачок глаза, который претендует на правоверие!
Каждый на своем языке прославляет тамошнюю зелень

Сохранило этот цветок от дурного глаза.
(Как) никто не может сохранить (втайне) огня.
Ее всеобъемлющее благо (даже) из колючек делает цветник.

Дабы лучи солнца сделали сияющим мир!
Садится на трон властвования и царствует,
То бутон на его пути от ночной росы рассыплет жемчуг.
Каждый вечер приносит в жертву большого барана неба!

В степи волк пасет овец;

Апрельское облако, всегда рассыпающее жемчуг.

Нет мести в эпоху героя любви!*
Роза разрывает свой воротник, а соловей
посыпает голову прахом*.
Первый стих (у меня) не выходит
сообразно с моим желанием:*
Когда его (хана) серый конь временами
развевает своей челкой,*
От его поступи улицы со всех сторон
превращаются в аллеи цветов.*
Красавицы от одного движения его бровей
делаются безумными.*
Да будет радостен этот августейший
(глава) государства!*

Да будет ярок факел сего (царственного)
дома во (все) времена*
Солнце его власти да будет в мире
сияющим*
Ах, при виде той розы хмурится соловей,
Как мой приятноголосый соловей сладко
поет!
Устранить (это) затруднение может
(только) второй стих.
То в мире любые заросли колючки (он)
превращает в цветник.
Становится вселенная полна роз, когда он
плавно выступает
(Его) глаз превращает в пустыню
газелевидные взгляды красавиц.
В отношении покровительства его власти
(даже) самая длительная зимняя ночь
воссылает (свои) похвалы:
До тех пор, пока небо не обратится к
разрушению (сего мира)!
До тех пор, пока будет существовать
мир,—да владычествует он над ним и да
управляет им!

Это стихотворение было удостоено царственных милостей.

113б

О ПОСЫЛКЕ УБЕЖИЩА СЕЙИДСКОГО ДОСТОИНСТВА, СФЕРЫ БЛАГОРОДСТВА, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ВЫВОДА СВЯТЫХ ЧИСТЫХ ПРАВИЛ, ХОДЖИ МУХАММЕД-АМИНА, СЫНА СВЯТЕЙШЕГО ИШАНА ХОДЖИ НАСРУЛЛЫ, С ВЫРАЖЕНИЕМ СОЧУВСТВИЯ (ПО ПОВОДУ СМЕРТИ СУБХАН-КУЛИ-ХАНА) К УБАЙДУЛЛА-ХАНУ (В БУХАРУ)

Когда престол царства и миродержавия украсился блеском счастливого восшествия на него его величества государя, нижеследующие стихи были прочитаны перед последним:

Государь, низвергающий Бежена,[482] хан, достоинством равный
Александру (Македонскому),
Рассекающий ряды (вражеского войска) Дарий, сердцем Бахман,[483]
мощью Рустам,
Небесное солнце—по влиянию, море—распространяющее облака
(милостей),
Лев крокодилов войны, шах, покоритель царства!

Эмиры и приближенные доложили, что было бы соответственно послать в Бухару письмо с выражением сочувствия (по случаю смерти

Субхан-кули-хана). Его величество, счастливый государь,—да длится вечно его царство!—соизволили сказать: «У государей дома Чингизова есть такое правило, что всякому, кто стал державным государем, нужно оказывать почет. По воле судьбы во время кончины его величества, нашего великого деда, мы были вдали; в силу необходимости на престол посадили его (Убайдулла-хана). Ему нужно было, соответственно с правилами благородных предков и в уважение к нашему высокому положению, послать нам письмо и проявить братские чувства. Поскольку он не соблюл этого древнего обычая, то нам нет необходимости посылать ему письмо». В течение пяти месяцев эмиры старались склонить (Муким-хана) к написанию письма. В конце концов, добившись единодушия, доложили, что отправление (в Бухару) посла будет иметь в виду прочтение молитвы за упокой души в бозе почившего монарха, а не почтение к Убайдулла-хану. На этом основании послали туда для поминовения усопшего и выражения сочувствия вышеназванный плод мужей, Ходжу Мухаммед-Амина. Нижайший из рабов (автор настоящих строк) написал то письмо, (которое он повез с собой). Оно такого содержания:

114*a*

ПИСЬМО В ПАМЯТЬ СОЖАЛЕНИЯ О ЕГО ВЕЛИЧЕСТВЕ, БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕНИ, (СУБХАН-КУЛИ-ХАНЕ) ДА ОЗАРИТСЯ СВЕТОМ ЕГО ГРОБНИЦА!

Таким же образом, как каждое утро поднимают на четвертый лазоревый небесный свод золотой штандарт освещающего вселенную яркого солнца, так возвышенное на поверхности вселенной и над ковром (счастливых) возможностей знамя, стирающее врагов отмеченного победоносностью государства, (так высок) мироукрасительный шатер, распространяющий дары справедливости высокостепенного, достохвального убежища государственной власти, сферы величия и пышности, основателя устоев правосудия и непреклонности, украшающего престол государства и благоденствия, дарующего красоту трону великолепия и величия, специально отмеченного милостями всемилостивейшего владыки и призираемого милостивыми взорами просимого с помощью (Аллаха),—дорогого (моего) брата Убайдулла-хана,—да пребудут защищены и хранимы от (всех) бедствий веков и времен ради пророка и его благородного семейства!

После высказывания разного рода по природе (своей) торжественной похвалы и после принесения приветов, исполненных дружественного и братского расположения, да будет ведомо, что до слуха сего печального, испытавшего горе (человека) дошла ужасная весть о неизбежном происшествии, (случившемся) со славным хаканом, с великим муршидом, с государем миродержавным, покорителем мира, с убежищем всех сословий эпохи, с центром, отмеченным циркулем халифского достоинства, с фокусом сферы величия, с упованием всех племен, со славой рода человеческого, с его величеством, с моей Киблой и с моей Ка'бой,—да соделает Аллах лучезарным его блеск и да озарит его могилу! Что мне остается сказать, что можно выразить, что написать?! Кто сможет изложить (это горе), когда язык во рту онемел от ужаса и перо в руке высохло? О, горе, горе! Солнце неба халифского достоинства стало отшельником заповедного места земли! Увы, луна сферы правосудия подверглась затмению, сокровища, достойного звания государя, нет больше в руках эпохи, единственная бесценная жемчужина величия исчезла из раковины мира! Самая мысль об этом происшествии заставляет нарушиться все основы уравновешенного настроения, чтобы можно было путем расспросов услышать (подробности сего); новость этого события, уничтожая в корне всякую радость, повергает в ужасное настроение, чтобы можно было многочисленными осведомлениями узнать о нем. Ввиду того, что строитель бытия людей и духов построил здание человеческого тела на проточной воде жизненного течения и шатер бытия человеческого рода укрепил веревками артерий и подпер его столбами костей, то всегда это возвышенное здание от (всяких) случайных дуновений, (всегда) этот гордо возвышающийся шатер от порывов случайного ветра приводится в расстройство. Да, вино этой винной корчаги смешано с кровью горести, фундамент человеческого сложения воздвигли на воде и глине небытия. Сладкий шербет этой общественной пирушки смешан с ядом и сахар с этих плантаций сахарного тростника содержит смертельный яд!

Стихи:

В отношении жизни частично известно,*
Что не следует сердце привязывать к ней.

И так как все желают поручиться за (сохранение) общего порядка и ни у кого нет в том свободного выбора, как нет у постороннего права

действий в нем, то по необходимости довольство собой уничтожается довольствованием тем, что сулит божество, и (естественно) совершается путь терпения, который есть неизбежный удел тварей. Безмолвствовать лучше, чем вопить, быть в спокойном состоянии целесообразнее, чем волноваться! Известно, что высокостепенный (покойник), также признавая терпение отличительным признаком действующего порядка и благодарность (за него) считая (необходимым) дополнением к своей жизни, вменил в обязанность себе (соблюдение) правил (своих) покойных предков и считал извечными основами (государства) справедливость и правосудие.

Стихи:

Если сада коснулась осень, то пусть остаются плоды!*
Если море прошло через реку, то пусть останется жемчуг!
Если исчезло утро, то пусть останется счастье (дня)!*
В зените величия пусть вечно пребудут солнце и луна!

Ныне, когда богохранимые области и пути двух юртов, по предопределению вечно живущего и по воле извечно могущественного остались у нас, двух избранников творца-питателя, в наших могущественных руках и в нашем (полном) распоряжении, на зеркале мыслей (всех) умных людей ясно отражается, что основное намерение и конечная цель (наша) в отношении государства, властительства, величия и завоевательных стремлений заключается в соблюдении правил пастырства (подданных) и в старании сохранения необходимых вещей, (но отнюдь) не в собирании богатств и имений сего тленного мира и не в желании чувственных наслаждений. Признав целесообразным сохранение братских отношений, которые являются наилучшим качеством (каждого) государя, мы (своим) согласием, единодушием, искренней дружбой и (братской) гармонией одарим невест областей наших предков украшениями справедливости и охранения (их интересов) и победим, и уничтожим острой шашкой защиты и мечом расправы (любого) волка-насильника, посягающего на территорию с овцами-народом, на всех (наших) подданных, чтобы все рабы господни, являющиеся вещью, отданной нам во временное пользование,—пребывали в спокойствии и мире, а мы бы заслужили на земной поверхности, пока существует вселенная, вечную признательность! Да, согласием (и единением) можно захватить (весь) мир!

В данное время убежище сейидского достоинства и благородства, компетентный в твердости и чистоте (религиозных убеждений) и конечный результат семейства великих людей, Ходжа Мухаммед Амин, отправлен (в Бухару) с выражением сочувствия и для поминовения (покойного государя) с тем, чтобы после совершения благоухающей фатихи в память в бозе почившего его величества, он вознес бы молитву о государстве обеих наших сторон. Надеемся, что, не согласившись на длительное пребывание (в Бухаре) вышеупомянутого, ему в скорости будет разрешено вернуться обратно. Да будете вы всегда в тени длительного счастья!»

(Эмиры) также доложили: поскольку сочувственное письмо послано, то признается необходимым послать письмо, содержащее поздравление (упомянутого хана) со вступлением на престол. Эта просьба эмиров была уважена и послом для его передачи был назначен Мухаммед-кули куш-беги сарай. Письмо это следующего содержания.

116б ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО СО ВСТУПЛЕНИЕМ НА ПРЕСТОЛ УБАЙДУЛЛА-ХАНА, СОСТАВЛЕННОЕ АВТОРОМ СЕГО (ТРУДА)

«Хвала господу, раздающему короны, который устройство дел в мире, порядок среди человечества, украшение престолов и венцов, спокойствие государства и стран, заступничество за несчастных угнетенных, оказание правосудия претерпевшим обиды труженикам, благоустройство населенных площадей и приведение в цветущий вид больших городов обосновал и укрепил при посредстве правосудных властителей и справедливых государей, который даровал свет миру после мрака ночи, черной как смола, и ниспослал цветы и благоухающие травы после осеннего оцепенения (природы)! Высокостепенную личность, отмеченную качествами справедливости, высокодаровитое убежище власти и могущества, сферу пышности и правосудия, исполненную величия, украшенную счастьем, подъемлющего знамена (царственного) достоинства и славы, воздвигающего штандарты блага и преуспеяния, солнце в небе высокого и прославленного положения, печать почета и возвышения, младой плод весны царского достоинства и монархии, свежий восход огорода справедливости и удачи, великого по сану, источник достоинства, многостепенно-

го, премного возвеличенного, взысканного милостями (небесного) царя, подателя благ, любезного (моего) брата, сейид Убайдулла-хана, да сохранит он (Аллах) всегда под покровом своих милостей и своей защиты в вечном благоденствии и беспредельном благополучии и да удовлетворит он его желания в этой и будущей жизни! А (его) вступление на незыблемо счастливый трон и утверждение (его) на победоносном престоле миродержавия да соделает благословенным, счастливым, благополучным и длительным!

После открытия дверей торжества и любви, (после) просачивания капель из огорода братского расположения и единения, (после) передачи разного рода непререкаемых похвал, от ароматов и благовоний которых становится благоухающим самое существо херувимов, этих почетных гостей на небесных собраниях, после отправления многочисленных молений, достойных быть выслушанными пророками, от света подвигов и степеней которых озаряются поверхности планет и звезд,— открыто будет для украшающего государство и правосудие разума нижеследующее[484]. Когда услышана стала (нами) весть об утверждении на миродержавном престоле справедливости того услаждения очей[485], то столько было доставлено нам удовольствия, наслаждения и радости, что феникс золотого пера, столь быстро движущий своими крыльями в своем полете, не может изложить их на просторе выявления и представления сего полета.

Признательность Аллаху за то, что в садах государства зацвела роза счастья, орошаемая ключевой водой милости владыки величия, и свеча благодеяний, при покровительстве всемогущего и всевышнего распределителя света, озаряет мироосвещающим лучом собрания справедливости.

Стихи:

От сей радостной вести, что пришла с той стороны,*
Государство, счастливое принести поздравления, вышло на улицу.
Нюхай розу, которая расцвела в саду всеобщего удовольствия,*
(И) продолжай пить воду, которая, протекая, пришла в (благодетельный) оросительный канал!

Всевышний бог по благости и милосердию своему да дарует длительное существование (вам) и да дарит (вам) непрестанно дары из

сокровищницы своих безмерных милостей! Этот уповающий на Аллаха (т. е. Муким-хан) со времени восшествия на престол царствования всегда пребывал на большой дороге искренности, и, водворив безопасность, проявлял попечение о спокойствии и мирном жительстве подданных, как не платящих податей, так и обложенных налогами. Благодарение Аллаху, что усилия разума и энергия мысленных устремлений в этом отношении дали благоприятные результаты! Авось Аллах благословенный и всевышний поспособствует тому, чтобы для обоих избранников божественной воли осуществилось столь полезное единение и взаимная помощь во многих государственных делах!

В настоящее время для поздравления (вас) с восшествием на царственный престол отправлен раб надежный и взысканный милостями, Мухаммед-кули куш-беги. То, что он доложит об узах (братского) единения, благосклонно выслушайте и благоволите разрешить ему вернуться обратно.

Да будет всегда длительна тень (вашего) счастья!»

Когда (упомянутые) Ходжа и куш-беги (прибыли в Бухару и) соблюли весь этикет посольства, Убайдулла-хан по молодости лет и по неопытности нехорошо с ними обошелся и в течение шести месяцев, препятствуя их возвращению, совершенно нарушил все правила и обычаи дружбы. Он отдал приказ о мобилизации войск Мавераннахра и, собрав бесчисленную рать, со всевозможной помпой двинулся на Балх. Остановившись в Карши, он отпустил послов. Те явились в высочайшее присутствие (Муким-хана) и доложили происшедшее. Его величество государь соизволил вызвать на совещание при высочайшем дворе эмиров и знатных людей государства. Все министры признали за благо, что ввиду опасности со стороны Убайдулла-хана, без командования войсками опоры эмиров и столпа государства, Махмуд-бий аталыка, порядка в делах не будет. Больше всех настаивал на этом Ходжим-берды-бий аталык. (Он говорил), что пока упомянутому лицу не будет возвращено звание аталыка и пока его не вызовут в высочайшее присутствие, ничего нельзя сделать. Его просьба была благосклонно принята. И (Махмуд-бию) послали именную грамоту (нишан) на аталычество вместе с особым халатом, шапку, украшенную драгоценными камнями, и иноходца. Ходжим-берды-бий был утвержден правителем Гури. В то же время из Карши к упомянутому убежищу власти (Махмуд-бию), вместе с почетным платьем, конем и драгоценным кинжалом, пришел фирман о

его вызове (к Убайдулла-хану). Посланцы обоих ханов в один и тот же день прибыли к Махмуд-бию. Опора эмиров, оказав величайшее внимание и повиновение, надел на себя высочайше пожалованный халат, дал место на темени искренности фирману с пожалованием ему звания аталыка[486], а почетное платье, присланное из Бухары (от Убайдулла-хана), подарил послам (Балха), драгоценный же кинжал передал хранителям светоносного мазара святейшего повелителя правоверных, четвертого халифа, (Али),—да будет к нему милостив Аллах!—чтобы они молились за жертвователя. Он сказал: «С самого начала я из-за этого государя какие перенес несчастья! Я за это время был лишен даже счастья находиться при нем вследствие разных причин! А теперь, хвала Аллаху!—жемчужина моей жизненной цели вновь обрелась и потому могу ли я склониться в сторону Бухары?» И с этими словами он отпустил бухарцев. (Потом) с победой и торжеством, с бесчисленным войском он направился в Балх.

Большая часть (балхских) эмиров и знатнейших людей государства выехали встретить его в Хульм, что находится (от Балха) в двух днях пути[487]. Они с великим почетом и невыразимой покорностью ввели его в Купол ислама. После высочайшей аудиенции (Махмуд-бий аталык) задумал заняться организацией военных сил и восстановлением чести и славы (государства). По требованию войска он назначил сазавулов[488] и в короткое время столько собралось многочисленных ратей из районов Балха и Бадахшана, что воображение оказывалось несостоятельным представить их количество.

Когда послы Убайдулла-хана, отчаявшись в поездке (к их повелителю) опоры эмиров, уехали (обратно) и доложили о всем происшедшем, бухарские эмиры сказали: «У нас была единственная крепкая надежда на приезд Махмуд (-бия), а теперь, когда он, чего доброго, уже поехал в Балх, дело приняло трудный оборот». Убайдулла-хан, возражая им, сказал: «Разве Махмуд—Рустам, что вы его так боитесь?» Они ответили: «В данное время он значит не меньше Рустама и его деяния превыше того, чтобы они могли уместиться в представлении о человеческом мужестве. Одно из них было во время Салих-ходжи, когда его величество божественная тень, (покойный Субхан-кули-хан), выступил против Балха с двумястами тысяч кавалерии, а он (Махмуд-бий), приехав из Кундуза с семьюдесятью своими приближенными и проникнув в крепость

Балха, в течение двадцати одного дня мужественно сражался (против ханских войск, осаждавших город). А после возвращения (в Бухару) августейшего государя он не допустил, чтобы балхцы причинили урон войскам Мавераннахра. Не дай бог, если бы он позволил преследовать их!! С одной стороны у них были бы воды Аму-Дарьи, а с другой—воды (балхских) шашек. Каково было бы положение бухарской армии при этих обстоятельствах?! Если теперь состоялось его назначение (главнокомандующим) и он двинет против нас армии Балха и Бадахшана, то мы наверняка станем кормом их мечей, а избежавшие из нас гибели сделаются в этой бурной реке добычей крокодила смерти».

Они высказали это и (все) возвратились в Бухару[489], приказав своим аламанщикам[490] устроить набег (на владения Мухаммед-Муким-хана) и причинить страдания населению окрестностей Балха.

119б О ПОЯВЛЕНИИ ШАЙКИ БУХАРСКОГО СБРОДА, ЯВИВШЕЙСЯ С ЦЕЛЬЮ РАЗБОЕВ В ХАНАБАД, И УБИЕНИИ АБДУЛЛА ДАДХИ ПО БОЖЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВОЛЕНИЮ

В понедельник 4 мухаррама 1115 года (20 мая 1703 г.) было получено известие, что шайка бухарцев, исполненная злодейских замыслов, явилась в селение Ханабад и стала грабить население. Правосудный государь приказал отправить против этих негодяев победоносное войско под начальством Махмуд-бий аталыка. В тот же день был отдан приказ, украшенный высочайшей печатью, о предоставлении управления Бадахшаном его брату Абдулле дадхе. Он же в это время просил разрешения послужить в походе (вместе с братом). Хан, удерживая его от этого трудного дела, сказал: «Тебе лучше отправиться в Бадахшан, потому что тамошние важные дела более необходимы, чем настоящее предприятие».Но он дважды настойчиво просил удовлетворить именно эту его просьбу. И поскольку вечное предопределение назначило ему мученическую смерть, его не удалось удержать. Получив разрешение, он с быстротой молнии и ветра отправился вперед всех и, как ночная бабочка, ударился о светильник (случайностей).

Группа злополучных кунгратов, не узнав этого молодого человека, предала его смерти. «Подлинно, мы принадлежим Аллаху и все к нему возвратимся[491]!». Следовавший за ним

опора эмиров (Махмуд-бий аталык) подоспел в то время, когда молодая поросль жизни его (брата) увяла под холодным ветром вражеского меча и розовый куст его дней под пронзительным дуновением неприятельской стрелы оказался переложенным в смоченную кровью землю. Это ужасное происшествие, повергнув в скорбь людские сердца, произвело потрясающее впечатление на чувства и волю (всех) низких и благородных. А тот мужественный лев (т. е. аталык), сделав из зарослей колючки горя заросли тростника для себя, потряс воплем горя и бессильной ярости небесный эфир. Все люди эпохи с очами, проливающими кровавые слезы, принесли труп убитого в мазар святейшего Маулана Дуст саххафа, что находится за воротами Ходжа Аккаша. И его величество, счастливый государь, прибыл туда сам, чтобы прочитать фатиху за упокой его души и выразить (свое) сочувствие.

Стихи:

У царя царей мира, вследствие смерти его, глаза наполнялись слезами.*
Александр пролил слезы горести, когда Платон покинул свет.

Милость и сострадание его величества в отношении убитого были проявлены с исключительной полнотой. Преданность и рабская покорность Абдуллы дадхи были таковы, что он пожертвовал своей жизнью за свою приверженность (его величеству). Этот нижайший из людей составил несколько двустиший с датой его смерти, они таковы:

Стихотворение-хронограмма:

Абдулла—тот эмир славного миродержца,*
(Который) тридцати восьми лет отчаялся в этом мире.
Все старые скорби, что таились в сердцах,*
В день его несчастья все проявились.
Души убитых в равнине Кербела[492]*
Появились перед ним во время агонии
И сказали его душе: «Из этой теснины тела*
Выходи вон, ибо твоим местопребыванием стал славный престол (Аллаха)»
И так как то горестное событие произошло четвертого числа,*
(То) хронограммой стало (выражение): он принял мученичество четвертого мухаррема[493].

Прочитав над телом этого в бозе почивающего заупокойную молитву, его предали земле. Через несколько времени кости его перенесли в

область Хазрат-и имам[494], где было местопогребение последнего и похоронили их там вблизи гробницы сего великого мужа.

120б

О ПОХОДЕ ОПОРЫ ЭМИРОВ, МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА, ПРОТИВ ПЛЕМЕНИ КУНГРАТ РАДИ МЕСТИ ЗА УБИЕНИЕ СВОЕГО БРАТА, О ЗАВОЕВАНИИ В ЭТОМ ПОХОДЕ КУБАДИАНА И ОБ ИЗБИЕНИИ КУНГРАТОВ

Когда по безжалостности неба, порождающей несчастье, и по коварству судьбы, множащей горе, произошло убийство того молодого человека и горечь этого бедствия сменила сладкий напиток жизни и наслаждение ею у того храбреца эпохи (Махмуд-бия) и даже у простых праведных и благочестивых людей, на кровавые слезы печени, пламя ярости поднялось из очага его сердца. Он решил, что пока он не пойдет в местопребывание народа кунграт, который продолжительное время живет на берегах Джайхуна и временами совершает набеги на население окрестностей Балха, проливает кровь мусульман и грабит их имущество, пока он не побьет и не пленит их, то невозможно будет освободиться от злобы этого племени. В первый день месяца раджаба, в год Мыши, (соответствующий) вышеназванному году, (аталык) доложил этот план хану, отмеченному признаками Александра (Македонского), получил разрешение на его осуществление и с многочисленным войском, по действиям подобным Марсу,

Стихи:

Выступил (в поход), сопутствуемый счастьем, победой и завоеваниями.*
Проводником ему были: триумф и (божественная) помощь.
В тот день шли до вечера,*
Все, исполненные желания чести и славы.*
Острые концы шашек сверкали в небе и при лунном свете,*
А копья орошали кровавыми слезами сад ненависти.
И сверкали их острия во мраке ночи
Вроде зубов негра, когда он смеется.

Через трое суток достигли окрестностей Кубадиана[495]. Тамошнее население принадлежало к (узбекскому) племени дурман и в то время вышло из повиновения высочайшей власти и, временами вступая в сообщество с племенем кунграт, обижало (балхское) население.

Когда (дурманы) услышали о походе убежища власти (аталыка), то их глава Алла-кули дурман понял, что сопротивляться этому неустрашимому витязю войны невозможно. Взяв с собой несколько человек, он выехал навстречу (аталыку) и, вручив ему ключи от крепости, сдал ее ему. Группа других лиц из дурманов, вроде Куки дурмана с товарищами, приняв во внимание совершенные ими преступления, в ту же ночь бежала, ища спасения в (разных) закоулках и в прибрежной полосе[496].

Стих:

Опора эмиров, не пуская в дело лука и копья,
А только вспомоществуемый счастьем его величества, государя,

—овладел такой крепостью, даже мысль о взятии которой представлялась нелепой. Оставив (в Кубадиане) одного из своих надежных людей, аталык отправился для наказания злых по природе кунгратов. Не задерживаясь, он переправился через реку и, совершив ряд переходов, достиг юртов и жилищ (кунгратов). Тот народ, услышав о его прибытии, задумал бежать. Собрав все свои грузы и перевозочные средства в одно место, они двинулись в путь. Но тот единственный, рассекающий ряды врагов (витязь), настиг их со своим победоносным войском. Ищущая войны молодежь и поседевшие в сечах герои внезапно напали (на кунгратов), как свирепые львы на стаю лисиц.

Стихи:

Что за день тот был, о боже! Если от ужаса боя*
Содрогалось небо и дрожала земля;
От сверкания мечей палящим стал воздух битвы,*
От жары сражения кипела земля войны.
Подлые (кунграты полны) страха смерти, а (наши) храбрецы жадны до славы.*
Те беглецы подобны муравьям, а те сражающиеся (герои) подобны змеям[497].

Те с злокозненными сердцами (кунграты) стали убиты горем и растерянными за безопасность своих детей, жен и имущества. И поскольку они были близки к пламени меча расправы, то, подобно мотылькам, сгорели на огне ярости. Те, что уцелели от избиения, бросив все, в не-

большом количестве бежали в горы, которые были в той местности. В тот день

Стихи:

От табунов коней и полков войска*
Перестали быть светлыми солнце и месяц.
Вопли труб поднялись до облаков*
И окрасились киноварью шашки.

И столько было перебито из этой заблудшейся банды, что и сосчитать невозможно. Жены, дети и имущество их попали в руки отважных мечебойцев за веру. Опора эмиров, руководимый гуманностью, женщин и их детей отпустил. (Однако) он не удовлетворился тем, чтобы нанести кунгратам поражение и захватить их семьи; всюду, где были кунгратские аулы, он им всем отплатил кровью за кровь. Остановившись в крепости Какайи[498], он послал оттуда во все стороны (свои) победоносные отряды. И они сделали то, что в той местности не осталось ни одного обитателя из племени (кунграт).

Успокоив свою душу от этих упорных врагов, (аталык) в благополучии и с победой вернулся (в Балх) и был принят в высочайшей аудиенции. Высокоблагородный государь устроил в честь опоры эмиров царский пир и каждого из героев, которые в этом походе рисковали своей жизнью, одарил особыми халатами и разными специальными подарками.

В это время группа лжецов и пустомелей, вроде банды из народа кызылбашей, прислала из Хорасана в Купол ислама, Балх, изложение своей ложной религии, заключающее лживые доводы и подкрепленные ничего не стоющими цитатами, прося ответить на это. Каждый из (балхских) ученых, все до тонкостей взвешивающих, приступил к составлению ответа. Эрудит эпохи, уника времени, знающий (все) тайны веры, срывающий покровы с достоверного, ахунд Маулана Омар в ответ (на обращение шиитов) написал послание и представил его на высочайшее воззрение. Оно было благосклонно принято, одобрено и отправлено тому ложно верующему народу. Так как религиозные речи послужат причиной украшения сего труда, то, признав посему необходимым их начертание (в нем), это послание приводится здесь текстуально.

122*а*

ПОСЛАНИЕ АХУНДА МУЛЛЫ ОМАРА В ОТВЕТ (НА ПИСЬМО) ХОРАСАНСКИХ ЕРЕТИКОВ

«Во имя Аллаха милостивого и милосердного, который осчастливил нас последованием известиям, переданным князем пророков, которые твердо восприняли отцы наши от знатоков преданий и правоверных имамов; (во имя Аллаха), который сохранил нас от исповедания еретических и ложных догматов в общине верующих и в (самой) вере! Молитвы и приветствия тому, кто есть печать пророков и кто является милостью Аллаха ко всему сущему, его семейству и его сподвижникам, которые пошли по путям истины с подтверждением (ее) и (по дорогам) непреложных доводов!

После сего да не будет скрыто перед зеркалами солнцеподобных мыслей (всех) искателей (правды), чьи мысленные очи не покрыты пылью софистических пререкательств и фальшью заблудших людей, что прежние имамы и (их) великие преемники,—да будет священна их память, ибо признательность за их труды лежит на обязанности всех (последователей) ислама! (потрудившись) над извлечением из слова господа-питателя, из изречений князя святых и из сентенций (его) великих сподвижников (руководящих) правил догматического и практического порядка, в целях установления положений истинной веры и продления (действия) незабываемого божественного закона, определили (и изложили) эти правила и постановления грамматическим порядком[499], для всех мусульман, как прежде живших, так и для современных, и ушли (из этого мира), так что не оставалось (больше) места никаким сомнениям и неясностям (в богословских вопросах). И несмотря на это, те неведающие, что не принимают во внимание положительно установленных основных положений и правил (веры), желают вновь утвердить ложные идеи, построить на них (новые) основные правила и, объявив новую религию и доктрину, хотят всех последователей князя пророков ввергнуть в заблуждение. Сохрани нас Аллах от этого! Это будет чистое заблуждение против постановлений имамов веры. (Теперь) появились новые заблудшие из среды еретиков, которые вследствие (своего) короткоумия и незнания, для видимости, ссылаются на коранские стихи и слова пророка, внешне принимают во внимание положения некоторых суннитских ученых, оперируют словами некоторых (своих) предшествен-

ников, и, не проверив их истинного значения, приходят к ошибочным выводам. Они изложили в письменной форме и обнародовали несколько софизмов, из которых каждый является выражением неверия, в целях дискуссии и возражений последователям сунны. Да будет известно, что доверие к ошибочным выводам этих заблудших людей и следование их ложным взглядам оказываются совершенно тщетными в силу святого стиха Корана: «запечатал Аллах сердца их, слух их и на очах их покрывало»[500]. А так как в эти счастливые дни царствования отрасли последователей ислама, непрочности властителей счастливого человечества, которая молодостью своих лет является наиболее благородной и славнейшей из всех бывших государей и которая своим до тонкости все постигшим разумом входит во все детали государства, чья правильная мысль есть оригинальное произведение, соответственное начертанному предопределением.

Стихи:

Юный, молодой, рассудительностью старец,*
Способствующий распространению незыблемого божественного закона и истинной веры,—

квинтэссенция хаканов эпохи, Абу-л-Музаффар Сейид Мухаммед-Муким бахадур-хан—да продлит Аллах тень его покровительства над главами мусульман до дня страшного суда!—ревнуя об интересах веры и церкви, соизволил приказать, чтобы ученые эпохи, основываясь на постановлениях людей совершенства, написали что-нибудь в опровержение и унижение ложных доводов этих заблудшихся людей, исходя из того, что они в этих неправильных доказательствах ссылаются на некоторые коранские стихи и изречения пророка и приводят речи и дела некоторых прежде живших (авторитетов) и, не зная истинного смысла сего, впали в заблуждение.

(И) теперь, хотя мы убеждены, что все понятое и высказанное этой группой людей, уклонившихся от истины, есть, разумеется, ложь, но мы хотим, чтобы руководящие идеи, установленные учеными из среды людей высшей истины, были подтверждены теми стихами Корана или словами пророка, на которые ссылаются эти сбившиеся с пути люди; чтобы ясны были цели, заключающиеся в словах людей сунны, ибо они являются отправной точкой (всех) ошибок этих злополучных людей, дабы ясно

стало всему человечеству все ложно и нечестиво понятое и высказанное этими еретиками. А после сего, уповая на помощь чистых душ четырех великих друзей (пророка)[501] и его высокодостойных сподвижников,—да будет ими всеми доволен Аллах!—авось будет сделано нападение с победоносными, храбрыми и руководствующимися шариатом войсками, с неустрашимыми храбрецами и с самоотверженными героями, ведомыми непорочностью благородного дома[502], на этот развращенный и неверный народ в целях его подчинения и сокрушения! Всевышний бог, сохраняя эту бесподобную царственную отрасль благополучной и счастливой от грехов и проступков, да подаст ей (возможность) вполне осуществить эту достохвальную цель во имя пророка и его благородного семейства! О боже мой, помоги тому, кто помогает (делу) веры, и оставь без помощи того, кто покидает веру!

Потом, во исполнение повеления принца человечества, которому необходимо повиноваться, нужно нечто написать (по существу дела), но таким образом, чтобы во-первых, были выдвинуты правила и руководящие принципы последователей ислама, которые нуждаются в них в отношении извлечения пользы (для своих) целей и желаний, и, во-вторых, чтобы возражения и унижения ошибочных мнений этих заблудших людей были сделаны в вежливых выражениях, принятых на дискуссиях враждебных партий, во исполнение коранского стиха — и веди с ними споры о том, что добро[503], у Аллаха же помощь!

Необходимо знать следующее: во-первых, откровение бывает двух родов: откровение, проявляемое внешним порядком, и откровение внутреннего порядка; во-вторых, откровение внешнего вида бывает трояко: первое то, которое пророк, — да будет ему мир! — слышал из говорящих уст, — несомненно, что Коран относится к этому роду откровения; второе то, когда было ясно для пророка указание (исходящее от) владыки (Аллаха и) выраженное не словами, как говорит сам пророк,— да будет ему мир! в хадисе: «Подлинно, святой дух есть дух в моем сердце и поистине этот дух не умрет, пока не воспользуется божественными дарами», и т. д. до конца хадиса; третье то, когда бывало нужно пророку сделать повеление, несомненно, (созданное) вдохновением всевышнего Аллаха. Изречения пророка принадлежат к последним видам (откровений высшего порядка).

У хадисов также имеются подразделения: некоторые из них служат основой непреложного знания, некоторые — сомнительного знания, а некоторые (вообще) не бывают причиной знания. Знатоки ходисов для каждого из них установили свое определение и требования и, собрав последние в целях практического применения некоторых разрядов (бесспорных хадисов), объяснили также и эти требования. Все роды таких (бесспорных хадисов) вместе с (предъявленными к ним) требованиями подробно приводятся в общеупотребительных (шариатских) книгах. Что касается внутреннего откровения, то, когда пророк,—да будет ему мир!—бывал предупрежден об ожидании ниспослания (ему) божественного откровения, то после прекращения срока ожидания, он, как будто, испытывая страх смерти, начинал соответственно этому состоянию высказывать (божественные) мысли и решения. Таков смысл внутреннего откровения. Однако в начале (своего) положения вид откровения допускает возможность ошибки,— хотя это не обусловливает постоянства подобных ошибок, в противоположность откровению внутреннего порядка, которое абсолютно исключает ошибки. Посему, когда бывало разрешено пророку (передать) слова и решения всевышнего Аллаха, то, несомненно, истинные мысли, исходящие (при таких обстоятельствах) из разума и взгляда (пророка), являются основными принципами божественного закона, получаемыми при наличии подобного откровения, а не обыкновенными эмоциональными переживаниями (человека). Отсюда же то, что если бы случилось людям высших богословских познаний и благородным господам (веры) оказаться в противоречии с возвещаемыми пророком велениями, то это не имело бы значения, что подтверждается самим пророком, да будет ему мир! Очевидность подобного положения в такой степени устанавливается некоторыми из сподвижников (пророка) через (соответствующие) коранские стихи и хадисы, что его невозможно опровергнуть. И священный стих (Корана) «он (Мухаммед) не говорит по своему желанию. Он (Коран) — откровение, ему открываемое[501] — обобщает все выводы (откровений). Впрочем, Аллаху лучше знать истину!

После подобного рода вступления приведем вкратце существо первой ошибки этих упорствующих (в своей ереси) людей таким образом, который принят у суннитских ученых, осудивших неверие шиитов. Про-

рок,—да будет ему мир!—неоднократно выражал языком откровения похвалы высокодостойным (своим) наместникам; всякое же слово пророка по точному смыслу (вышеприведенного) стиха Корана: «он (пророк) не говорит по своему желанию»—есть откровение свыше.

Шииты же, ересь коих осудили, отвергли эти слова пророка и (тем самым) отвергли откровение. Отрицание же откровения есть неверие. В своих возражениях людям сунны[505] в качестве довода (шииты) приводят следующее: «Указанное повеление касается существа того, кому вы следуете, т. е. второго халифа. По вашим религиозным воззрениям,—так, как это сказано у Амиди[506], одного из ваших уважаемых ученых, в его комментарии на книгу Мавакиф[507], которая также является одной из ваших авторитетных книг,—видно, что пророк, да будет ему мир!—находясь на смертном одре и чувствуя свою кончину, во внимание к тем распрям, которые (неизбежно) произойдут в мусульманской общине (после его смерти), соизволил сказать: «Принесите мне бумагу! Я напишу вам нечто, чтобы вы не заблудились после меня». Омар же, не понимая основного намерения пророка, сказал: «Поистине над мужем этим восторжествовала болезнь: он бредит. Нам достаточно Книги Аллаха!» Присутствующие при этом верующие, заспорив, подняли громкий крик. Пророк,—да будет ему мир!—в это время встревожился и сказал: «Уйдите от меня: неприлично пререкаться предо мною!» Несомненно, что человек, с намерением придавший словам пророка,—да будет ему мир!—значение бреда и воспрепятствовавший (исполнению) его приказания, тем самым отверг бы и откровение. Между тем всякое действие, всякое слово пророка есть результат внушения свыше, согласно точному смыслу упомянутого (коранского) стиха, отвержение же (этого внушения или) откровения есть неверие в соответствии с тем, что вы признали и на что указывает всевышнее слово: «Те, которые не принимают во внимание того, что ниспослал Аллах, суть неверующие»[508]. По сему каким образом человек при таком положении может быть достоин занять место преемника пророка?»

Точно так же, не понимая слов повелителя правоверных (Омара), шииты вкратце так неубедительно сформулировали свои ложные мнения: «Если не доверять словам пророка, сказанным на смертном одре под влиянием болезни, то ведь повеление пророка передать Абу Бекру

имамат[509] было сказано также на смертном одре, отсюда каким же образом можно обосновать наместничество (Абу Бекра)? Так что ваши указания на подтверждение его халифства таковы же, (как и на халифство Омара)».

Возражение этим заблудшим людям таково. Подобные ошибочные мнения их в высокой степени несостоятельны по разным причинам. (Из них) первая та, что суннитские ученые, осудившие неверие этого народа, выразили это столь категорическими и исчерпывающими аргументами, что ими наполнены (целые) книги и (создалось) определенное решение о неверии названного народа упомянутым образом. Эти же безумцы по незнанию предпосылок рассудочного порядка и правил, основанных на предании, не приняли во внимание, в каком смысле последователи сунны, осудившие вышеотмеченным образом их неверие, понимают (изложенное).

Сущность мышления этих возлюбленных[510] такова. Пророк, — да будет ему мир!—по внушению свыше изрекал похвалы и одобрения трем своим преемникам и не прекращал этого до своей кончины, так что это получило широкую огласку (и засвидетельствовано многими достойным образом). Всякое же слово пророка рассматривается как сказанное в стадии откровения (ему), согласно точному смыслу вышеупомянутого (коранского) стиха. И нет сомнения, что высказывание пророком (этих) похвал и восхвалений принадлежит к виду внешнего откровения, потому что при приступе к подобным похвалам нет места ожиданию божественного внушения, а после истечения срока этого ожидания—нет действия по (внушенным) мыслям и решениям, т. е. всего того, что свойственно откровению внутреннего порядка. И осуждение достопочтенных возлюбленных (т. е. суннитов) есть возврат к отрицанию внешнего откровения, что является чистейшим неверием. При решении же, что эти похвалы и восхваления (пророком своих ближайших преемников) по смыслу будут внутренним откровением, (как уже упоминалось) и что хотя внутреннее откровение в своем начальном состоянии и допускает возможность ошибки, но ему не свойственно утверждение ошибки (до конца). Дело в том, что три (первых) халифа (или преемника пророка), будучи восхвалены им, так и остались в этом почете и славе и скончали в нем свою жизнь. И отрицание упомянутым порядком внутреннего откровения тоже является неверием в силу того, что поддержание пророком своего (права быть) муджтахидом[511] абсолютно.

Другое возражение этим заблуждающимся невеждам, запачкавшим свои языки этим сквернословием и таким образом осуждением в неверии по отношению к Омару, таково. Они при всем том в упомянутое выражение предания внесли обман, увеличив это предание вставкой слов: «этот муж (вместо — пророк) бормочет в бреду», приписав таким образом владыке правоверных Омару, — да будет им доволен Аллах,— в отношении благородной личности пророка (непристойные слова) «бредовое бормотание». Это же является в высочайшей степени ложью, клеветой и злостным наветом. С другой стороны, они пренебрегли точными словами, имеющимися в упомянутом ими труде Амиди, которые опровергают их лживые притязания, потому что приведенное у Амиди предание в его авторитетном комментарии на «Мавакиф» читается (в арабском оригинале) таким образом:

«И сказал ал-Амиди, — да будет к нему милостив Аллах! — были мусульмане при смерти пророка, — да будет ему мир! — держащимися одной веры и одного пути. А потом только поднялись между ними разногласия сначала в вопросах иджтихада[512], с которыми не связаны ни вера, ни неверие. И было их намерением установление правил веры и продление твердого божественного закона. И это разногласие их подобно тому разногласию, которое произошло при смертельной болезни пророка,—да будет ему мир!—и вызвало его слова: «Принесите мне бумаги, я напишу для вас записку, чтобы вы не заблудились после меня!» Пока не сказал Омар,—да будет им доволен Аллах!—«Поистине болезнь победила пророка. Достаточно нам книги Аллаха!» И увеличилось произнесение слов в отношении этого, пока не сказал пророк: «Уйдите от меня, ибо не следует спорить предо мною!»

Ясно, что Амиди в существе своих слов точно выразил, что фраза владыки правоверных Омара: «подлинно болезнь победила пророка. Достаточно нам книги Аллаха!» была сказана на основании иджтихада, так как это приказание пророка,—да будет ему мир!—не вызываясь необходимостью, явилось следствием его сострадания к собравшимся своим сподвижникам (и увещевания) их. Повеления же пророка, связанные с отсутствием необходимости (в руководящих решениях), не делаются обязательными к исполнению таким образом, как это установлено (для других его слов). И владыка правоверных (Омар), можно думать, был осведомлен об отсутствии (в данных словах пророка) признака не-

обходимости (исполнить их). И это было согласно с мыслями его,—да будет им доволен Аллах!—ибо хотя иджма' сподвижников пророка[513], по точному значению его слов: «Не придет к соглашению моя церковь в отношении заблуждений» и по смыслу указаний книги Аллаха (т. е. Корана), является решающим доказательством и непреложным знанием, однако, в это трудное время лучше бы нам (самим) не сделаться причиной раскола! Пророк,—да будет ему мир!—насколько известно, поступил по мысли владыки правоверных (Омара) и второй раз не повторил своего приказания (принести ему бумаги), потому что если бы была необходимость довести это до сведения верующих через уполномоченного (пророка), то, разумеется, последний не оставил бы своего приказания не повторенным и не принял бы во внимание слов владыки правоверных (Омара).

Много раз случалось, что пророк, — да будет ему мир! — приказывал что-либо такое, что не соответствовало мнению его сподвижников, и после этого мнение его святейшества устанавливалось в соответствии с мыслями его сподвижников. (Так что) пророк, оставляя свое распоряжение, следовал их мыслям. После слов владыки правоверных (Омара) среди соратников пророка возникли противоречия таким образом, что одни были согласны со словами владыки правоверных, а другие, противореча, отвергли их, желая просить у пророка объяснить (свою волю). Они говорили: «Попросите пророка объяснить (это) затруднение и не отвергайте его повеления, ибо никто не принимает слов пророка, — да будет ему мир! — за бессмысленное бормотание!» И заспорившие между собой сподвижники пророка подняли громкий крик. А в это время его святейшество (пророк) изволил изречь: «Уйдите от меня: непристойно пререкаться предо мною!». Тем не менее благосклонное отношение святейшего пророка к словам владыки правоверных (Омара) попрежнему продолжало существовать без всякой на него обиды.

Следовательно, эта ересь шиитов происходит от незнания ими смысла откровения, а равно и от игнорирования в прошлом и последующем слов ученых (богословов) и детального изучения великих творений учителей (шариата). Отсюда, если эти злополучные невежды из-за слепого фанатизма подобно простым псам, возвысив голоса в (своих) речах и со-

беседованиях против блестящих и сверкающих перлами слов (истины), запачкали свои языки недостойным хулением чистых и высокоблагочестивых персон, то пострадало ли от этого совершенство последних?

Двустишие:

Луна разливает свет, а собака заливается лаем.*
Скажи же собаке: «Ну что может сделать твоя ярость лунному свету?»

Если же они (шииты) скажут: «Ваши слова основаны на убеждении, что они есть для вас самих непреложная истина, но ведь есть слова и против (таких ваших) убеждений». Первое возражение (против сего) то: «Так как объяснение высказанных вами ошибочных суждений против людей сунны было достаточно убедительно опровергнуто, то на этом основании и высказана в качестве возражения предпосылка о неоспоримой истине на стороне людей сунны». Второе возражение такое: «Суннитские ученые,—да помилует их Аллах!—неопровержимыми аргументами и ясными доказательствами подтвердили ничтожество ошибочных убеждений этого заблуждающегося народа, кои он высказывал против руководящих правил совершенных людей, и возвращение его современников к этому является возвращением к его (давно) опровергнутому старому наследственному неверию. А это с точки зрения благопристойности диспута неблагоразумно».

Что же касается необоснованности передачи имамата святейшему Абу Бекру,—да будет им доволен Аллах!—за что высказались шииты, то на это возражение таково. Особенное развитие смертельной болезни у князя святых и ее обострение получились во время его переселения в вечность, но этого не было за все время, пока он лежал на смертном одре; так что, по одному рассказу, за семь дней, а по другому—за три дня до того, как святейший пророк приложился к священной близости Владыки величия, он передал имамат владыке правоверных Абу Бекру, да будет им доволен Аллах!—и все сподвижники пророка последовали (ему). Если же шииты скажут: «А может быть, повеление пророка в отношении этого имамата было высказано, как иджтихад, сообразно тому, как вы верите? В таком случае каким образом повеление в (отношении передачи) имамата (Абу Бекру) обосновывает утверждение (его) и в звании наместника пророка (халифа)?». Ответ на это таков.

Великие руководители суннитской общины, сделав утверждение (пророком) халифатства того вождя мухаджиров и ансаров[514], истинного друга, святейшего Абу Бекра правдивого, одним из категорических доказательств (в пользу) Абу Бекра, сделали основой своего иджма' и поручение пророком ему имамата, хотя это и будет основанием домысла. Во-вторых, допустим, что они (суннитские авторитеты) отождествили бы утверждение (за Абу Бекром) халифата с поручением ему имамата, то все же повеление пророка, выявленное путем иджтихада, является домыслом только вначале, впоследствии же оно будет окончательным источником точного знания на основании того, что подтверждение повеления обязательно для того муджтахида, кто его выявил. Точно также подтверждено, что после поручения пророком имамата владыке правоверных (Абу Бекру) все сподвижники пророка последовали сему и это так и осталось. И повеление пророка, проявленное посредством иджтихада, является причиной (или источником) истинного знания, как это выше сказано.

В результате ошибочных суждений (шиитов) обвинение их в неверии по необходимости получилось таким образом, что люди сунны признали каждое слово и каждое действие пророка совершающимися на основании откровения (или внушения) свыше, а следовательно, и это. Посему на этом основании мы и говорим, что изгнание пророком,—да будет ему мир!—Мервана из Медины[515] и из среды мусульман явилось неизбежным последствием (такового) внушения; возвращение же его Османом во время своего господства в Медине и препоручение ему дел мусульман, будучи рассматриваемо с точки зрения отрицания (Османом упомянутого) внушения, явится чистейшим неверием на основании точного смысла упомянутого коранского стиха. Уничтожение ошибочных суждений этих невежд для коих выражение (оно всюду приведено с большими ошибками и искажениями, почему не поддается переводу.—*А. С.)* является вполне соответствующим их положению,—осуществилось таким образом. Стремление вождя ученых и познавших людей, святейшего владыки правоверных Османа,—да будет им доволен Аллах!—опять призвать Мервана произошло по его внутреннему убеждению (в целесообразности сего), так как повеление пророка,—да будет ему мир!—изгнать Мервана основывалось на коварстве и неповиновении (последнего), как это рассказывается и как это известно; и отсутствие дозволения про

рока,—да будет ему мир!—пребывать Мервану в Медине, несмотря на его раскаяние, будет на этом основании представляться целесообразным потому, что Мерван был из влиятельных лиц племени и из близких людей к владыке правоверных и поскольку им уже раз было проявлено вероломство, то невозможно, чтобы оно повторилось и еще в Медине, и он, начав смуту, причинил бы вред первому или второму преемнику пророка. Поэтому целесообразно, чтобы он не был в эпоху наместничества двух шейхов (Абу Бекра и Омара),—да будет ими обоими доволен Аллах!—в (их) государстве.

Когда же халифат перешел к владыке правоверных (Осману) и этим соображениям уже не оставалось места, он (Осман) рассудил так: «Мерван—человек дельный, приходится мне родственником. Ясно, что от него можно было бы ожидать помощи и содействия в управлении и упорядочении государства». И хотя это мнение и убеждение владыки правоверных, пожалуй, и соответствовало существу дела, но, чего доброго, с прибытием Мервана в среду мусульман получился бы вред для драгоценной личности халифа. Посему возвращение Мервана владыкой правоверных (Османом) было сделано не во изменение слова и действий пророка,—да будет ему мир!—но по ограничению решения (его) сокращением срока (высылки Мервана). Подобных этому случаев в отношении решений бывало весьма много.

Другой результат ошибочных выводов этих сбившихся с пути людей (т. е. шиитов) такой. Суннитские ученые сказали, что всевышний Аллах воочию соделал Абу Бекра вторым из двух и запечатлел его в своем божественном слове: «они были только вдвоем; вот они оба в пещере, вот он говорит своему спутнику: «Не печалься, потому что с нами Аллах[516]!» подобно тому, как он восхвалил Али, сына Абу Талиба,—да будет им доволен Аллах!—соделав его пятым из пятерицы[517]. Посему можно ли хулить человека, которого всевышняя истина назвала вторым по посланнике (своем) и собеседником его?—Ответ (шиитов) на эти слова людей сунны таков.

«Стать пятым в пятерке, подобно Али, сыну Абу Талиба и вторым из двух, вроде Абу Бекра,—да будет доволен Аллах ими обоими!—ни для кого не является отличием, потому что всевышняя истина назвала шестым пса спящих отроков, говоря (в Коране): «шестой—их пес[518]»: не менее того, нет и почета в том, чтобы стать собеседником (или ком-

паньоном кого-либо), ибо всевышняя истина упоминает неверного в качестве друга правоверного, говоря (в Коране): «друг его, вступив с ним в разговор, сказал: «Разве ты не веруешь в того» и т. д.[519]. Возражение этим заблудившимся людям следующее. Они, невежды, не подумали, что пес, будучи наилучшим из животных и последовав за праведниками, стал более достойным, чем люди, которые по невежеству и нужды ради оказались лишены возможности следовать по стопам высокодобродетельных святых людей.

Несомненно, слова Корана «шестой—их пес» в отношении собаки спящих отроков является безусловно выявлением ее превосходства, как это сказано в двустишии:

Пес спящих отроков в течение нескольких дней*
Следовал за праведниками и сопричислился к людям, —

потому что для всех понимающих людей ясно, в каком смысле сказаны эти слова, например, (есть налицо два щедрых человека) один—Зайд, другой Хатам, и вот в описании щедрости и великодушия после Хатама никто другой с Зайдом не может сравниться. И (с другой стороны) эти фанатики, основав на коранских стихах обобщение слов: друг (сахиб) и неверный (кафир), аргументировали этим. (Однако) их малоценная мысль в этой ссылке (на Коран) рассчитана на привлечение народной черни, потому что высказывается на основании Корана, а если бы не это, то никто не отрицал бы (распространение значения слова сахиб на неверного). В обычном же употреблении слово сахиб (как друг или сподвижник) в отношении пророка приурочивается только к правоверному, ибо в сподвижничестве правоверного с пророком,—да будет ему мир!—есть такие почет и слава (для правоверного), что после сподвижников пророка никто из ученых и благочестивых мусульман с ними не может сравниваться. Сопутствование же неверных и лицемеров (пророку, как утверждают шииты) по их ложной вере, есть сопутствование лишь Мухаммеду, сыну Абдуллаха, но не Мухаммеду, послу Аллаха[520].

Другое последствие ошибочных суждений этих заблудших людей такое. Малодушие и жалобы Абу Бекра в пещере, несмотря на указания пророка, да будет ему мир!—быть свободным от злости, свойственной неверным,—являются ясным и очевидным доказательством его слабости в вере и отсутствия у него доверия к словам пророка. Опровержение этих порочных ошибок их такое. Так как пророк, да будет ему мир!—

является обладателем откровений, то по прибытии в пещеру и размышляя о злодействах неверующих или о злобных виновниках его присутствия в этой пещере, он мог, в силу откровения, известного сему князю святых, считать себя безопасным от злобы этого развращенного племени и в его светоносных мыслях не оставалось места для печали и страха. Но это отсутствие у пророка опасений злодейств неверующих не было известно тому вождю мухаджиров и ансаров[521] и потому, опасаясь за лучезарную личность пророка, да будет ему мир!—он испугался и стал высказывать свои опасения и скорби. Пророк же, да будет ему мир!—поняв душевное состояние Абу Бекра, да будет им доволен Аллах!—оказав ему благоволение, соизволил сказать: «Не печалься, подлинно Аллах с нами!». И после того, помилуй бог, чтобы страх и печаль коснулись того главы (правоверных), напротив, у него явилось полное спокойствие и совершенно не осталось места страху и печали.

Еще ошибочное рассуждение этих сбившихся с пути людей такое. Суннитские ученые высказали, что три халифа, по смыслу выражения: Аллах доволен теми верующими, которые под деревом обещались быть тебе верными (и дальше как в стихе)[522],—удостоились благоволения царя щедрот, поэтому их суждение является неверием. Возражение против таких выводов людей сунны следующее.

Благоволение Аллаха, на которое указывает (приведенный) коранский стих, связано с тем свойственным специально им действием, которое есть последование (или повиновение пророку), и никто не отрицает у них похвальных действий (в этом отношении). Значение же слов относительно сего такое, что конец (или результаты их действий) оказались порицаемыми и непохвальными в такой же мере, как действия, создаваемые побитым камнями сатаной. Уничтожающее возражение против этих проклятых такое. Эти слова выявляют, что личность, заслужившая благоволение (Аллаха), обязана этим своим прекрасным и одобряемым делам, поступкам и качествам. И святейшая всевышняя истина названными словами ясно засвидетельствовала свое благорасположение к сим высокодостойным (особам) в силу их прекрасного действия, каковым является последование (пророку). И несомненно, что всевышний Аллах (уже) в предвечности знал о всех делах, что будут во все времена, как прошедшие, так и настоящие и будущие. Поэтому, если

конец и эпилог (жизни) этих святых мужей, возвеличенных благосклонностью (Аллаха), были бы запечатлены заблуждением и неверием как то выставляет ложное верование этих невежд, то понадобилось ли во время сообщения о положении этих мужей заявлять о благоволении к ним? Ведь всевышний Аллах, заявляя об этом, знал о том, как они будут вести себя в будущем, поэтому, зная о неприемлемости их в будущем, как бы сообщил о них (в высоколестных выражениях)? (Не менее того), если один прекрасный поступок этих высокодостойных мужей вызвал благоволение к ним Аллаха, почему же упрек (им) за последующее неверие объемлет и прекрасные деяния прошлого? Почему эти проклятые не понимают приведенных слов святейшего подателя щедрот, представляя собой сборище противоречащих людей. (Вообще) для опровержения каждого из ошибочных суждений этих заблудших существует много способов, но, боясь удлинить настоящее послание, оставим их.

Во-первых, да будет известно, что так как некоторые из еретических воззваний этих заблудившихся невежд подкрепляются ссылками на слова и действия благородных сподвижников пророка и выражениями высокочтимых ученых при демонстративном цитировании некоторых коранских стихов и пророческих хадисов и так как они, не понимая доводов суннитских ученых,—да помилует их Аллах!—стараются убедительным способом изложить свои ложные мысли перед великими уважаемыми мужами,—то (мне) нужно было бы, в мере своих дарований, написать несколько слов относительно определения целей и намерений тех чистых, доброй веры мужей в сопоставлении с теми стихами Корана и хадисами, на которые для вида ссылаются (шииты). Но поскольку они громко кричат о (своих) еретических ложных убеждениях, подкрепляя (свои) извращенные религиозные воззрения и нечестивые верования, исходя из слепого фанатизма, по упорству и заблуждению, фальшивыми предпосылками и коварными рассказами, и поскольку также в этих ложных убеждениях, как собаки, испачкали свои клыки, поношением, бесчестием и хулой сподвижников пророка,—то признается неудобным до конца излагать слова неверия этих злополучных людей, чтобы они коснулись слуха мудрых мужей ислама и чтобы стоило их опровергать; их просто следует игнорировать, несмотря на то, что суждение о неверии не будет неверием.

И как уже прежде упомянуто, суннитские имамы по милосердию и состраданию к народным массам церкви, определив основу укрепления

религии определенными правилами и канонами, ушли (из мира, когда уже) не осталось места противоречивым неясностям в тех (их) трудах (по укреплению и уяснению догматов веры). Точно так же и последующие (за ними) авторы,—да помилует их Аллах!—распространили и обнародовали общеупотребительные (теперь) книги и обширные сочинения с неопровержимыми доводами и ясными аргументами в отношении лживых и нечестивых слов этого народа, так что совершенно не осталось возможности для неясностей и сомнений. И подобные нам беспомощные и несостоятельные бедняки что могут сказать и написать в опровержение веры и церкви еретиков и в возражение словам, которые были ими высказаны и говорятся от воображения и невежества, раз уже существует многое из сказанного и написанного теми возлюбленными? О боже мой, даруй нам совершенство послушания князю посланников и праведным халифам и запечатлей нас увеличением любви к нему, его семейству и всем его сподвижникам. Вот то, что написал нижайший раб ученых и друг праведных, ничтожнейший человек Мухаммед Омар».

131б ПОХОД БУХАРСКОГО ВОЙСКА ПОД НАЧАЛЬСТВОМ РАХИМ-БИЙ АТАЛЫКА ЮЗА И МА'СУМ-БИЙ ДИВАН-БЕГИ САРАЯ ПРОТИВ ГИССАРСКОЙ ОБЛАСТИ, БЛОКАДА УТКАН ДАДХИ, ВЫСТУПЛЕНИЕ К НЕМУ НА ПОМОЩЬ ОПОРЫ ГОСУДАРСТВА И УБЕЖИЩА ВЛАСТИ, МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА И ПОРАЖЕНИЕ БУХАРЦЕВ С ПОМОЩЬЮ ЦАРЯ СЛАВЫ

Во время вечернего намаза[523], когда войско звезд, производя атаку на крепость темноголубого неба, высыпало на арене небосвода с мечом луны и с копьем блистающих планет и разведчики судьбы и предопределения донесли об этом величайшему светилу (солнцу), сидящему на престоле четвертой столицы[524],—пришло известие из Гиссара, что эмиры и военачальники Мавераннахра пришли со всеми войсками той стороны, напали на Уткан-бия дадху и обложили его со всех сторон кольцом.

Перед этим же прибыли надежные осведомители со стороны Рахим-бий аталыка и Ма'сум-бий диван-беги (с известием), что «племя кунграт, без согласия сего народа (т. е. бухарцев), отправившись (с целью набега)

на окрестности Балха и не узнавши Абдуллу дадху, убило его и увидело наказание за свой поступок. Теперь же, по (арабскому) выражению «что было, то было», признавая этот прискорбный случай происшедшим по воле божьей, (бухарцы говорят): пусть балхцы уничтожат пыль недоразумения и распри свежей водой дружбы и согласия. Мы отправляемся на стоянку в Термез и пусть балхцы прибудут туда и там на острове Арале, который представляет собою сушу среди вод Джайхуна и где находится светоносный мазар святого Зу-л-Кифля[525], мы свидимся и то, что служит ко благу обоих сторон, совместно обсудим».

Опора эмиров уже готовился отправиться туда, как известие об этом дошло до его величества, счастливого государя (Мухаммед-Муким-хана) и он соизволил приказать Махмуд-бий аталыку следующее: «Бухарцы строят козни: они хотят помириться с нами и, тем самым сделав беспечными наши войска (в отношении оберегания наших владений), поднять восстание. У этих вероломцев в голове (самая) коварная мысль; поэтому необходимо тебе двинуть в область Гиссара многочисленные войска, по подвигам равные Марсу, и огненосными мечами бросить искры на посевы жизни этих вероломных людей».

Восьмого числа месяца шавваля года обезьяны 1115 (14 февраля 1704 г.) упомянутый аталык, получив (у Муким-хана) прощальную аудиенцию, выступил в поход со свирепыми, как Марс, войсками, отважными львами в атаках, и с витязями неукротимыми, как Арей, и храбростью равными Рустаму, все на быстрых конях арабских кровей с насмерть разящими копьями и шашками. Так что ты (при взгляде на них) сказал бы, что из высоко поднявшегося пламени их рвения упал огонь в заросли тростника (и спалил его); множество шлемов, кольчуг и лат их казалось расплавившейся железной горой, превратившейся в реку, в которой сверкали (чешуей) несколько тысяч крокодилов, пожирателей всего сущего. Нижеследующие стихи соответствуют достоинству (полководца сего страшного воинства).

Стихи:

Есть дерево в огороде победы,*
От источника одоления которого проистекают все средства к жизни.
Когда в сезон враждебных действий наступает весна,*
Оно (дерево) начинает плодоносить головами врагов государства.

Луки же языком тетив и устами суфаров[526] со всех сторон напевали в уши витязей такое

Четверостишие:

Сами мы изогнуты, а из нас прямо летят прямые (стрелы),*
Когда серпы нашей победы пожинают посеянное вашей помощью,
То может ли что этому воспрепятствовать?*
Когда мы пригибаем (к земле) великих и малых,
Со всех сторон слышится тихое пенье тетив.

Аталык с большой стремительностью и невыразимой непреклонностью достиг окрестностей Гиссара. Бухарские эмиры, которые затемнили дымом и копотью очаг своего тщеславия и центральную часть башни своего мозга и сердца, услышав весть о приближении многочисленного войска, где

(Стихи:)

Все были опытными в боях стрельцами из лука,*
Витязями, растапливающими железо (своих копий) в кольчугах (неприятеля),
Все (были) низвергающими тела (врагов) в овраги погибели.*
Все предоставили (свои) сердца важным целям,—

наперебой стали говорить друг другу:

Стихи:

Страшись, хотя бы ты (был) львом из числа разящих львов!
Не храбрись перед низвергающими храбрецов!
Молодой олень хотя бы и был отважен,*
Но лучше ему обратиться в бегство перед львом.
Не гордись своими железными когтями,*
Потому что сила рока растапливает и железо!
Не кичись тем, что есть у тебя сила и мощь,*
Ибо много существует сил, что одерживают верх над сильными!

И не успели обе стороны встретиться, как (бухарцы) обратились в бегство и к совершению переходов несчастья. И от натиска победоносного (аталыка), они подобно мелким камням, что исторгаются стремительным потоком, рассеялись в разные стороны.

Уткан дадха с отрядом храбрецов последовал за отступающими бухарцами, захватил их имущество, снаряжение, запасных коней, шатры и палатки; большинство (неприятеля) взяли в плен. Уцелевшие от меча

пешие и голые направились в Бухару. Когда свершилась эта славная победа, аталык на несколько дней отправился в Кундуз для окончания некоторых важных дел, послав доклад на высочайшее имя о всем происшедшем. Его величество (под впечатлением сего известия) стал розой счастья, распустившейся на лугу ликования и упования.

133а О БОЛЕЗНИ ОПОРЫ ЭМИРОВ МАХМУД-БИЙ АТАЛЫКА, О НАБЕГЕ ОТРЯДА МЯТЕЖНИКОВ НА РАЙОНЫ ИШКАМЫША И ТАЛЕКАНА[527], О ВЫЗДОРОВЛЕНИИ УПОМЯНУТОГО (АТАЛЫКА) И О НАКАЗАНИИ ИМ ЗЛОДЕЕВ

В то время, вследствие нарушения равновесия погоды, с аталыком приключилась болезнь; лихорадочный жар растопил его существо в тигле страдания. В течение нескольких дней он никого не узнавал. Мятежные элементы, которые в окрестностях государства только этого случая и дожидались, под действием ложных мыслей и порочных представлений посягнули на имущество и достояние подданных (балхского владения), совершив набег на области Ишкамыша, Талекана и другие. Тем временем святейший без недостатков врач и не требующий признательности (небесный) исцелитель соизволил совершить чудо, (послав больному) быстрое исцеление из аптеки, о которой сказано: «когда сделаюсь больным, он исцеляет меня»[528], и из госпиталя, (про который говорится:) «в Коране мы ниспослали врачевание и милость верующим[529], и страдания болезни сменились избавлением от них и добрым здоровьем. Слабость, усевшаяся на подоле его природы, рассеялась. Все люди, благородные и простые, вознесли (по сему случаю) хвалу Аллаху, произнесли:

Стихи:

Тысяча благодарностей, что личность твоя получила полное выздоровление,*
Потому что враги (теперь) заплачут кровью, а завистники умрут (с досады).

В это время пришло известие, что шайка злодеев, совершив грабительский набег на районы областей Ишкамыша, Талекана и другие, повергла население их в страдание и мучения. Та опора храбрых (Мах-

муд-бий аталык) тотчас же решил, сев на коня, выступить в поход для наказания врагов. Врачи, воспрещая это, сказали: «Налицо имеется недомогание, неизбежно (в походе) при верховой езде произойдет усиление болезненного состояния».

Вследствие их настойчивых просьб аталык отказался ехать верхом и, сев в паланкин, выступил в направлении областей Ишкамыша и Талекана. Прибыв туда, он наказал и подверг мучениям мятежников, а все, что они награбили у населения, он (полностью), без (единой) недостачи, заставил у них отобрать и передать (все владельцам). Придав порядку в государстве новый блеск и оживление, аталык вернулся в Кундуз. Нет больше отваги и мужества, как при физической слабости и болезни, не думая о (таком) своем состоянии, променять свой покой на спокойствие народа Аллаха!

133*б*

О ХАНАКА СВЕТОНОСНОГО МАЗАРА СВЯТЕЙШЕГО ЛЬВА АЛЛАХА, ПОБЕДОНОСНОГО ВЛАДЫКИ ПРАВОВЕРНЫХ АЛИ, СЫНА АБУ ТАЛИБА,—ДА ПОЧТИТ АЛЛАХ ЛИЦО ЕГО!—КОТОРУЮ ПОСТРОИЛ В БОЗЕ ПОЧИВАЮЩИЙ СУЛТАН ХУСЕЙН-МИРЗА[530] И КОТОРАЯ ОБРУШИЛАСЬ ПРИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ, И КАК ПРИКАЗАЛ ВОССТАНОВИТЬ ЕЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, ВЫСОКОДОСТОЙНЫЙ ГОСУДАРЬ, СЕЙИД МУХАММЕД МУКИМ БАХАДУР-ХАН, А ТАКЖЕ О ПРОСЬБЕ ЕГО О ПОМОЩИ К ИСПОЛНЕННОМУ МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ ТОМУ ВОЖДЮ СВЯТЫХ (АЛИ)

В 1116 (1704—1705) году, на утренней заре, когда строители судьбы и предопределения облекли бирюзовый, украшенный изразцами купол неба в алебастр настоящего утра и в покрытые золотом кирпичи солнца, а архитекторы могущества и воли сделали его без кривизны и неровностей с помощью нитей блестящих звезд и формы молодой луны,—паломники и лобызатели порога светозарной и священной гробницы его святейшества, царя святых, доказательства праведных, присущего сокровищам (коранского выражения) «проходило ли[531]...» и точному смыслу (выражения) «нет героя[532]...»

Двустишие:

Солнце святых, жемчужины моря (выражения) нет героя*,
Слава семейства избранника, соответствующей точному смыслу слов проходило ли,—

владыки правоверных, имама благочестивых, победоносного льва Аллаха, Али, сына Абу Талиба, да почтит Аллах лицо его! (люди), кои удостоены обильной трапезы (в силу слов) «Из-за любви к нему питают пищей бедного, сироту и пленного[533]», кои украшены (по слову Аллаха) «Таково будет для вас воздаяние, и ваше усердие будет вознаграждено»,[534] которые напоятся свежей водой воссоединения (с божеством, согласно выражению): «Аллах будет поить их чистой водой»[535], которые удостоились почета и (пожалования) прекрасного платья (как сказано): «Ты, когда увидишь это, узришь тогда счастливую жизнь и великое царство[536]», кои соблюдают верность и о которых говорится: «Те, кои верно исполняют свои обеты и которые боятся дня, когда злоба распространится повсюду»[537], которые повинуются и покорны (по слову Аллаха): «Терпеливо жди повеления господа твоего и не подчиняйся никому из них, ибо каждый из них или беззаконник, или неверующий»[538].

Стихи:

О ты, которого господь приравнял к Аврааму за твою верность*
Коранский стих (о тех, что) «верно исполняют обеты свои», свидетельствует (об этих) моих словах
Ты был сотоварищем Иова по терпению и перенесению страданий.*
(Теперь) ты стал спутником (архангела) Гавриила на дороге страха и упования.
(Если) про Ноя, в похвалу ему, сказано что (он был), «рабом благодарным»[539],*
То сказано и для тебя: «усердие ваше будет вознаграждено[540] обещанием «проходило ли»...
И если Соломон получил великое царство,*
То коранский стих о великом царстве[541] есть твой стих, дарованный господом.

(Все) они (паломники и другие) явились в небовидный царский дворец, к порогу счастья, царственного стража, пропели следующее напевное четверостишие:

«О государь, каждый, кто поцеловал твой прах,*
Тот гордо ступает по крыше неба!
Перед лицом твоих суждений солнце не извлекает своего меча,*
Перед твоими повелениями останавливается (само) время!—

и доложили, что нынешней ночью от землетрясения обрушился купол ханаки (мазара) четвертого халифа,—да будет им доволен Аллах!

Его величество, высокодостойный государь, причина мира и спокойствия, виновник свидетельства о правосудии и благодеяниях, наследник царства Соломона, Александр ковра (территории) Кей-Хосрова[542], отмеченный знаком превосходного наездника на ристалище веры, сфера величия и господствования, солнце светозарных мыслей, Джемшид, украшающий государство, сопричастный к милостям владыки, которого просят о помощи, Абу-л-Музаффар сейид Мухаммед-Муким бахадур-хан,—да соделает вечным всевышний Аллах престол его царства через бытие сего государя и да излиет он на него в обоих мирах свою любовь и милость!—пожелал, чтобы с помощью преславного царя все его желания, относящиеся к тому миру, и (все) причины спасения его (души), стали готовы к осуществлению мирскими средствами (и чтобы) согласно с его желанием и в соответствии с его целями (все) просимое от того мира осуществилось с божественной помощью.

Разумеется, он крепче укрепил руку в тороках воздержания от греха (в силу коранского выражения)—«подлинно Аллах хочет только удалить мерзость от вас, от семейства сего, очистив вас совершенной чистотой»[543], и, сообразно сему стиху, решил осуществить свое намерение.

Двустишие:

Завтра, когда каждый будет искать заступника,*
Мы найдем прибежище у потомства избранника.

Последовал высочайший приказ, чтобы искусные архитекторы и славные ученые мастера-строители в счастливый час и в подобающее время приступили к восстановлению (обрушившегося купола), дабы ав-

густейшая личность (хана) по смыслу коранского стиха, «Мечети Аллаха посещают те, которые веруют в Аллаха и в последний день»[544], заслужила большое воздаяние и хорошее возмездие (в этой и будущей жизни). И забота, и присмотр в отношении этого (ремонта) были возложены на мудрого носителя визирского звания, Ходжу Факира диван-беги. Архитекторы и каменщики, приложив старания, в короткий срок так исполнили работу, что восстановленный карниз купола достиг до противолежавшего портика Сатурна, а роскошь прелестного двора мазара заставила забыть описание сада Эдема и насаждений рая.

Стихи:

О как прекрасно изящество постройки, которую созерцая,*
Не оторвешь глаз от ее стен!
Когда взойдет солнце, то ты скажешь про ее купол,*
Что среди фонаря летает муха[545]
Вид сего купола подобен розе на лугу,*
Которая имеет трон, окруженный зубцами шипов.
В то время, когда взор упадет на его солнцеобразие[546],*
То поклонник солнца лишается предмета своего обожания[547],
Когда раннее утро выносит в (своем) чреве яйцо солнца*
(И) если устроит логовище созвездие Льва перед стеной (сего мазара),
То с раннего утра начинается такое волнение, связанное с поклонением порогу (его),*
Что девять небес теряют свои чалмы под подошвами своей обуви.

Купол мазара возвышался столь высоко, что Лев сферы неба прошел бы чрез его верхушку и брюхо его разорвалось бы об острие его шпиля. Его высокое достоинство было таково, что если бы солнце Востока соединило нити своих светоносных лучей (с излучениями) ярких звезд и с серпом молодого месяца, то все же его блеск оказался бы недостаточным перед зубцами стены его величия. Если бы путешественник фантазии с помощью воображения встал бы на его шпиль, то его голова достала бы до свода Вездесущего.

Стихи:

Если ты ищешь признака золота на портале, куполе и максуре[548] сего мазара,*
(То) ничего нельзя сказать (иного), как сравнив (это) с небом, которое (всех) привлекает.

Его купол был бы единственным, если бы не было второго купола — небесного.*
Его портал был бы уникальным, если бы не существовало ему пары, в виде Млечного Пути на небе.

Всевышний Аллах даровал тому высокорожденному государю такую прекрасную репутацию за то, что он при первой улыбке весны проявил власть и обращение, достойное служения в бозе почивающему вождю святых и сыну дяди Избранника (Мухаммеда)—да благословит его Аллах и да приветствует!

Стих:

Теперь это дело (несет) счастье с тех пор, как оно посвящено многократно нападающему[549].

После выполнения сего служения (четвертому праведному халифу) хан, обратив свою главу моления и лицо устремления к высокочтимому святилищу, удостоился совершить поклонение его благоуханной гробнице, которая есть один из садов рая, и попросить помощи у (того) владыки святости. Чрез это он ощутил и восприял ароматы, запахи и состояние райского блаженства, донесшиеся по увлекательному воздуху и по беспечальной атмосфере, окружающей эту животворящую обитель.

Двустишие:

Нет сомнения в том, что принимается благосклонно*
Всякая молитва, которую совершают у этой гробницы со (всей) искренностью.

О ПРИБЫТИИ ОПОРЫ ЭМИРОВ, МАХМУД-БИЙ
135б АТАЛЫКА ИЗ ОБЛАСТИ КУНДУЗ К МИРОДЕРЖАВНОМУ ГОСУДАРЮ И О ПОКОРЕНИИ ОБЛАСТИ ГИСАРА С ПОМОЩЬЮ ГОСПОДА-ПИТАТЕЛЯ

Прежде уже упоминалось, что аталык для поправления здоровья и в целях развлечения на несколько дней остановился в Кундузе. (В это время) в административном управлении Гисара, которое возглавлял Уткан дадха, произошли раздоры в племени юз; большинство потянуло к Бухаре, так что из-за такого настроения сего народа Убайдулла-хан назначил управлять названной областью Аллаберды юза и Хали-бек мира-

хура, сына Хашика-бий аталыка. Они захватили власть в свои руки с помощью военной силы и овладели крепостью (Гисара). Уткан дадха находился в светоносном мазаре божественного полюса, святейшего господина, Я'куб-и Чархи[550]. Опора эмиров (узнав об этом), послал к божественной тени (Мухаммед Муким-хану) докладную записку, (в которой он отмечает), что Дервиш куш-беги, сын Фазила диван-беги, имеет искреннюю преданность и рабскую покорность к августейшей личности (хана) и если бы его величество, оказав милость, предоставил ему управление Гисаром, то, отправившись туда, он, возможно, отберет от неприятеля крепость. Его величество, убежище мира, поступив по совету своего благожелателя (аталыка), послал Дервишу куш-беги указ на управление Гисаром вместе с великолепным халатом и приличествующими подарками. Названный (Дервиш куш-беги), украсив ухо кольцом рабства[551], задумал покорение Гисара. 27 числа месяца ша'бана, в год Курицы, 1116 г. хиджры (25 декабря 1704 г.) опора эмиров, Махмуд-бий аталык, вернулся из Кундуза и удостоился быть принятым в высочайшей аудиенции. Его величество, божественная тень, будучи весьма обрадован прибытием сего храброго эмира, оказал ему безграничное внимание. Тем временем пришло известие, что в то время, когда настоящее утро, надев на голову золоченый шлем солнца, а на тело серебряную кольчугу звезд, вбежало с обнаженным сверкающим мечом и с блестящим колчаном в ворота горизонта и, овладев крепостью неба, обратило в бегство своим внушительным видом врага, негра ночи,—Дервиш куш-беги с отрядом самоотверженных молодых людей взял крепость (Гисар). Аллаберды-бий вместе с Хали-бек мирахуром, предоставив грабежу (победителей) свое имущество и достояние, обратились в бегство, направляясь в Бухару. От получения этого известия у его величества (хана) на лугу счастья расцвели розы (осуществления) надежд и он соизволил приказать громко забить в барабаны веселия под девятью сводами голубой эмали с куполом неба. Куш-беги и его соратникам были посланы (почетные) халаты, драгоценные пояса и кинжалы, быстрые, как ветер, кони и (прочие) бесчисленные подарки.

136б

ОКОНЧАНИЕ (НАСТОЯЩЕЙ) СЧАСТЛИВОЙ КНИГИ И МОЛИТВА О БЛАГОПОЛУЧИИ ХАКАНА, НЕОГРАНИЧЕННОГО МОНАРХА (МУХАММЕД-МУКИМ-ХАНА)

Да не будет скрыто от счастливых умов все до тонкости знающих, благородных людей века и от проницательных мыслей чутких мужей эпохи, кои (все) суть ювелиры рудников таланта и совершенства, банкиры на рынках знания и (умственного) превосходства, что у этого неспособного бедняка, у этого ничтожного, несостоятельного человека (автора настоящего труда) не было таланта ни для прозы, ни для поэзии, чтобы достойным образом заполнить (соответствующим) изложением увлекательную площадь этой книги, (надлежаще) скомпановать животворные части вступления к ней и красиво запечатлеть на страницах месяцев и дней истории, как Соломон, великолепных и правосудных государей. Так как я был поражен стрелой противодействия (подобного рода), то, ни к чему не способный, испытывал страх и трепет (написать эту историю), согласно смыслу (арабского выражения)—«кто составил книгу, тот стал мишенью (для стрел злословия»). Но в силу (арабского же) выражения «получивший приказание—заслуживает извинения», поскольку последовало (на это дело) указание от государя мира, повелителя сыновей и дочерей Адама, чуда божественной милости, оживителя даров мусульманства, восхода солнца справедливости и правосудия, защитника и пастыря городов и рабов, государя Востока и Запада, царя царей благородных людей обоих (этих) стран, уполномоченного повелением Аллаха, преславного царя, отца победителя, победоносного сейида Мухаммед-Муким бахадур-хана—то это разбитое перо, набравшись смелости, выступило на арену страниц (писательских) дерзаний. И в этой книге, которая представляет первый том, оно изложило (историю) от начала принадлежности власти высокодостойной династии (Аштарханидов) до завоевания некоторых областей, которое совершилось кровожадным мечом борцов за веру (сего) вечного государства.

Двустишие:

Хвала (Аллаху), что эта книга завершила начало*
Прежде, чем жизнь пришла к концу.

Если, благодаря царственному счастью и благополучию монаршей эпохи, пламя жизни (сего ничтожного раба) не погасит пронзительный ветер случайностей мира и резвого коня его дней не захлестнет потоп волн моря небытия, он приступит к (составлению) второго тома, украсив его начало теми титулами и эпитетами славного имени его величества государя, которые возглашаются на хутбе с вершины кафедры (мечетей) и оттискиваются на лицевой стороне монет, и таким же стилем и слогом он изложит летопись государства для всеобщего сведения. Авось, Аллах всевышний и благословенный сподобит его счастья и успеха в достижении этой благородной и соединенной с вечным счастьем цели! Уповаю на бесконечное божественное милосердие, что поскольку этот славный труд почтен именем государя областей ислама, то в случае, если он подвергнется просмотру и суждению людей пера, то они порадеют о его исправлении и (снисходительно) закроют очи благосклонности на его недостатки. Всемогущий владыка величия, солнце счастья и благополучия, звезда великолепия и пышности, да сохранит в безопасности и защите сего правосудного монарха от бесчестья падения и греха ради Мухаммеда и его благороднейшего потомства!

Стихи:

С тех пор, как каждую весну появляется сыплющее перлы апрельское облако,*
Розовый цветник природы[552] по божественной милости да будет
переполнен (этими перлами)!
С сердцем, полным (мистического) познания, возвысившийся до апогея правосудия,*
Да будет он, как Моисей, с грудью, полной божественных тайн!
Своего врага (низвергая) с высот его вожделений в колодцы (разбитых надежд),*
Да будет он возвышен, если ему случится (самому) выйти из колодца горести!
Пока вокруг центра мира вращается вселенная,*
Да будет исполнено удач вращение дней вокруг его славы![553]

. . . . . .
. . . . . .[554]

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сура XVII, ст. 72. Выделенные разрядкой строки здесь и далее в переводе означают арабские фразы в оригинале.

[2] Сура XVII, ст. 72.

[3] В рукописях ГБ №№ 1531, 786, 1691 и 609: «справедливость и лилия свободы сделались (среди человечества).. » и т. д.

[4] Сура LIII, ст. 9.

[5] Сура LIII, ст. 8. Вставленные в эту тираду стихи из Корана относятся по точному смыслу их к видению Мухаммеду архангела Гавриила, который якобы «явился ему, находясь на высоте небосклона, затем приблизился и стал очень близким; он был от него на расстоянии двух луков или еще ближе» (Сура LIII, стихи 6—9). Я перевел это место в соответствии со столь популярной историей о вознесении Мухаммеда на небо, в которой приведенные стихи Корана относятся не к Гавриилу, а к Мухаммеду. См., например, весьма почитавшийся в Средней Азии труд шейха Му'инуддин Мескина (XV в.) «Ма'аридж ан-нубувват» (Восходящие ступени пророческого призвания). Здесь, в третьей книге, от лица Мухаммеда излагается его восхождение до эмпирея божества. Оно пересыпано вышеприведенными стихами («Ма'аридж ан-нубувват», принадлежащая мне рукопись, повидимому, первой половины XIX в., лл. 269б—270).

[6] Слово «мухаммед», как причастие, в арабском языке означает—постоянно хвалимый, а «махмуд»—достойный хвалы.

[7] Мухаммед, по преданию, был неграмотным.

[8] Здесь, как и в нижеследующих стихах, автор имеет в виду широко распространенное среди мусульман философское воззрение, что первозданной субстанцией была так называемая (по арабской терминологии) «сущность Мухаммедова» (хакикат ал-Мухаммадийэ), или «свет Мухаммеда» (по-таджикски нур-и Мухаммед). Она считалась началом или источником всего реального, познаваемого и видимого, все разряды тварей произошли из нее, а сам Мухаммед является воплощением совершеннейшего разума и совершеннейшего духа со всей полнотой присущих им качеств; отсюда—Мухаммед есть комплекс или совокупность всего существующего.

[9] Хакан—титул царей Китая и Туркестана (в пределах Западного Китая и позднейшего Семиречья); впоследствии это слово приняло значение императора или монарха вообще.

[10] Каан (от монгольского «хаан»)—титул китайских императоров. Из монгольских правителей дома Чингиза принял этот титул (великий каан) Угедей, третий сын Чингиз-хана.

[11] Бахрам-Гур, персидский царь из династии Сасанидов (420—438 гг. н. э.), по мусульманским произведениям (особенно поэтическим)—отважный охотник, храбрый воин и великий дон-жуан.

[12] Два Фаркада—название двух ярких звезд в созвездии Малой Медведицы, которые расположены вблизи зенита (Полярной звезды).

[13] В оригинале Хумай—по общераспространенному на Востоке (таджикскому) поверью—райский Феникс, постоянно парящий в небесной сфере и никогда не опускающийся на землю; если его тень осенит чью-либо голову, тот станет царем. Отсюда эпитет монархов «хумаюн»—августейший (ср. старорусское «гамаюн, птица вещая»).

[14] Мунши—в прежнем среднеазиатском административном обиходе—секретарь владетельной особы, вполне способный самостоятельно, толково и литературно изложить ту или иную официальную бумагу или написать сочинение определенного (не слишком специального) характера.

[15] Хатам-и Тайи—имя одного араба, прославившегося чрезвычайной щедростью и ставшего героем многочисленных рассказов на арабском, таджикском и тюркском языках, а также главным действующим лицом очень популярной таджикской истории «Путешествие Хатам-и Тайя» (иначе Книга о Хатам-и Тайе, Хатам-и Тайи-намэ); существует также узбекская версия этого произведения.

[16] Джамшид—четвертый царь из мифической древней иранской династии Пишдадов, строитель городов, насадитель ремесел и искусств, земледелия и культуры хлопка, поделивший народ на сословия или классы.

[17] Кайкаус—второй царь из древней иранской династии Кайев, или Каянидов, известный по знаменитому эпосу «Шах-намэ» как патрон национального таджикского героя Рустама и как первый царь, положивший начало завоевательным стремлениям Ирана.

[18] Монгольское племя куралас, между прочим, упоминается в перечне узбекских племен, приведенных Н. В. Ханыковым в его «Описании Бухарского ханства» (СПб. 1843, стр. 61).

[19] Огуз-хан—мифический родоначальник всех тюрко-монгольских племен.

[20] Автор приводит здесь очень сокращенную генеалогию Огуз-хана. Абу-л-Гази (1053/1643—1074/1663) в своей «Книге генеалогического древа турков и монголов», например, между Кара-ханом и Дибакуй-ханом (которого он называет Бакудиб-хан) считает три поколения, равно как и между Дибакуй-ханом и Яфетом. Столь же расширена генеалогия Огуз-хана и у персидских историков, вроде Мирхонда, Хондемира и др.

[21] Сура III, ст. 52. В скобках—пропущенные в тексте коранические слова данного стиха. Смысл этого выражения в данном случае заключается в том, что Иисус подобен Адаму потому, что оба они чудом произведены на свет, непосредственно могуществом Аллаха.

[22] В большинстве рукописей отсутствует все, что говорится о двух первых сыновьях Аланкувы, не приводятся даже их имена. Племена катаган и кият имелись в составе узбекских племен Средней Азии и в более позднее время. Первое было разбросано почти по всему Бухарскому ханству и в Северном Афганистане, где была целая область того же наименования (Каттаган); главная же масса этого племени жила в долинах Центральной и Восточной Бухары. Племя кият, очень немногочисленное, обитает в Бухарском оазисе к северу и юго-востоку от Шахрисябзского оазиса; значительная же часть его живет в Хивинском оазисе (См. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Перев. под ред. А. Семенова, Ташкент, 1926, стр. 9—13; Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 194—195; ч. II, Ташкент, 1926, стр. 99). Между прочим, историк Джувейни (XIII в.) говорит о монгольском племени кият, что оно было первым среди всех монгольских племен по своему старшинству и благородству и что предки Чингиз-хана были предводителями этого племени (The Tarikh i- Jahan-gushay of Ala-ud-din Ata Malik-i Juwayni, part I, Leyd.—Lond. 1913, pp. 25—26).

[23] Сура II, ст. 28.

[24] В 90-х годах прошлого столетия акад. Бартольд писал, что о слове Чингиз у самих монголов было предание, слышанное еще предшественником Рашид-эд-дина, Джувейни, по которому Темучин получил такой титул от шамана Кокчу, носившего прозвание Теб-тенгри. Ввиду этого получает большое вероятие гипотеза Банзарова, согласно которой слово Чингиз было названием одного из духов, которым поклонялись шаманы; в одной монгольской рукописи Банзаров нашел название духа Ходжир-Чингиз-тенгри. Союз Чингиз-хана с Теб-тенгри, выразившийся в том, что мать Чингиза, Олун-Эке, вышла за отца Кокчу, несомненно был приятен аристократическим приверженцам Чингиз-хана. Фантастические рассказы, проникнутые суеверным поклонением этому шаману, Джувейни слышал именно от знатных монголов; по происхождению Кокчу, повидимому, тоже принадлежал к высшей аристократии (Бартольд В., Образование империи Чингиз-хана. Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества, т. X, 1896, стр. 116). Покойный ученый ссылался при этом на рукопись труда Джувейни, хранящуюся в Публичной библиотеке в Ленинграде. В настоящее время мы имеем критическое издание истории Джувейни, исполненное по старейшей рукописи, написанной через 8 лет после смерти Джувейни и через 30 лет после составления автором своего труда—в 1290 г. н. э.; к этому было привлечено еще 6 других списков.

В этом издании «Тарих-и джехан гуша» (Истории покорителя мира), как называется труд Джувейни (вышедший в 1913—1937 гг. в Лондоне в серии E. J. W. Gibb Memorial, XVI), „Фантастические рассказы" о вышеназванном шамане представляются буквально в следующем виде:

«В это время появился некий человек, о котором я слышал от многих уважаемых монголов, что в жестокие холода, которые бывают в тех пределах, он по нескольку дней скитался обнаженным по равнинам и горам и опять возвращался. Он говорил: со мной беседовал бог и он мне сказал: я отдал всю землю Темурчину (в этом издании везде вместо Темучин—Темурчин) и его детям. И назвал он его (Темучина) Чингиз-ханом и неоднократно говорил ему, чтобы он поступал справедливо. Того человека прозвали Бут-тенгри. Все, что он говорил, он (Чингиз-хан) от того не уклонялся, пока не укрепилось его положение».(The Tarikh i-Jahan Gusha, I, Leyden—London, 1913, pp. 28—29). Впоследствии за нахальство и навязчивость Бут-тенгри был убит Чингизом.

[25] Резиденция китайского императора, взятая монголами после длительной осады,—г. Пекин. Сведения о посольстве Бахауддина наш автор позаимствовал у Джузджани, историка XIII в., который лично слышал от упомянутого сейида рассказ о его посольстве к Чингиз-хану и путевых впечатлениях (см. Tabaqat i- Nasiri of ... al-Jawzjani. Ed. by N. Lees, Calcutta, 1864, pp. 335—337).

[26] Персидская мера длины, довольно неопределенная, примерно, 6—8 *км*. По словарному восточному определению, фарсанг равен 3 милям, каждая миля состоит из 4000 газов, так что фарсанг равен 12 тыс. газов, длина каждого газа равна 24 пальцам руки, положенным рядом, или 6 кулакам (См. Бурхан-и кати', сост. Мухаммед Хусейн-и Табризи, II, Лакнау, 1305/1888 г., стр. 18).

[27] Сарбан—каравановожатый, обычно следующий впереди каравана с первым верблюдом; он отвечал за правильность пути и за распорядок кормления и водопоя животных при остановках каравана.

[28] Из рассказа нашего автора можно вывести заключение, что причиной нашествия монголов на Среднюю Азию было избиение хорезмийцами возвратившихся из Монголии, если не эмигрантов-изгнанников, то во всяком случае давно проживавших в государстве Чингиз-хана среднеазиатских мусульман. Они, можно думать, возвращались на родину в силу договора между Чингизом и Мухаммед-хорезмшахом о беспрепятственном передвижении подданных хорезмшаха и Чингиз-хана из Средней Азии в Монголию и обратно. Такого именно случая история монгольского нашествия пока не знает. По обычной версии, поводом к походу Чингиз-хана на Мавераннахр послужило избиение в г. Отраре, во владениях хорезмшаха, мусульманских купцов, подданных Чингиза, пришедших с большим караваном, нагруженным дорогими товарами.

[29] Здесь автор, очевидно, намекает на Отрарскую трагедию, когда купцы погибли жертвой жадности наместника Отрара и подозрительности султана Мухаммеда, считавшего их шпионами Чингиза.

[30] В подлиннике везде—убежищем (ма'ман).

[31] По словам акад. Бартольда, «остров, где укрылся султан, был расположен близ приморского города Абескуна, находившегося в 3-х днях от города Гургана, т. е. недалеко от устья реки Гюргень: возможно, что имеется в виду остров Ашур-Адэ» (В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 459). Последняя догадка едва ли верна. Река Гюргень когда-то впадала

в Каспийское море к северу от ее теперешнего устья, близ Гюмюш-Тепе; другое устье Гюргеня было южнее острова Ашур-Адэ. Какое из этих старых русел было более древним и когда совершился поворот реки в нынешнее устье—неизвестно. Если во время монгольского нашествия р. Гюргень текла по одному из прежних русел, то едва ли верно мнение, что остров Абескун следует отождествить с Ашур-Адэ, который в то время был довольно далек от устья реки. Вероятнее всего, что остров Абескун теперь не существует. Уже автор XIV в., Хамдаллах Казвини, описывая Каспийское море, говорит про остров Абескун, что он теперь погрузился в море и объясняет это изменением течения р. Аму-Дарьи (The Geogr-Part of the Nuzhat al Qulub. Ed. by G. Lestrange, Leyd.—Lond., 1915, p. 239). Опускание восточного берега Каспийского моря подметил еще в 1781—1782 гг. автор «Исторического журнала» бывшей на этом море русской эскадры под командой капитана Войновича. Он указывал на три острова, оторвавшихся от Астрабадской косы в недавнее время, на увеличение за последние 18 лет глубины проливов между ними, на постепенное поглощение морем древнего города «Гюмышь-Тепе» и проч. (Исторический журнал в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры под командою фл. капитана второго ранга гр. Войновича, М., 1809, стр. 36—37 и 59—61).

[32] Цифры убитых монголами при взятии городов хорезмшаха в некоторых случаях, конечно, весьма преувеличены, в частности Нишапур никогда не имел такого населения. Столь же гиперболичны и вышеприведенные данные о численности армии Чингиз-хана. Наш автор в этом отношении только следовал своим источникам.

[33] Арабское выражение, означающее удивление. (Быть может, из коранического стиха—сура XXXIX, ст. 6—«Хвала ему! О Аллах единственный, всемогущий»).

[34] Хатиб—проповедник в мечети, читающий по пятницам и в праздничные дни в мечети так наз. хутба, своего рода ектинью—поучение, которое начинается провозглашением единства Аллаха и призывом благословения на пророка и его семейство; затем следует моление за царствующего повелителя правоверных и в заключение нравственное поучение с цитатами из Корана и изречений Мухаммеда.

[35] По верованиям иранцев,—первый царь из древнейшей династии Пишдадов, отождествляемый часто с Адамом или считающийся его сыном. Ему первому приписывают установление государства и строительство городов.

[36] Название древнейших династий Ирана.

[37] Здесь имеется в виду отправление из Монголии в 1256 г., при великом хане Менку (Мöнке), завоевателем и наместником всего Ирана и стран к западу от него Хулагу (сына Тули), положившего начало династии так называемых «персидских ильханов».

[38] Здесь подразумевается известная всеобщая история «Сад чистоты в отношении жизнеописаний пророков, царей и халифов», составленная на таджикском языке знаменитым историком Мухаммед б. Хавенд-шах б. Махмудом, более известным в литературном просторечии под именем Мирхонда. Он родился в конце 1433 г. или в начале 1434 г., умер (в Балхе) 23 июня 1498 г.

Мирхонд пользовался покровительством и вниманием тимуридского государя Султан Хусейн-мирза и его везиря, знаменитого Алишера Навои. «Сад чистоты»

пользовался на мусульманском Востоке величайшим авторитетом и популярностью. Заслуга Мирхонда заключается в том, что он в своем огромном труде дал в сводном виде прагматическое изложение истории мусульманского Востока от древнейших времен до своего времени. Однако слабость исторической критики, побуждавшая его буквально придерживаться имевшихся у него источников, не подвергая их никакой оценке, составляет существенный недостаток этого труда. Ныне, после издания многих источников, которыми пользовался Мирхонд, научное значение его труда невелико; лишь для эпохи Тимура и его преемников он сохраняет всю важность первоисточника. Вся история Мирхонда состоит из семи томов и географического приложения, причем 7-й том, охватывающий события XVI в., повидимому, закончен внуком историка, известным Хондемиром.

[39] Дешт-и Кипчак—«Кипчакская степь». Так называется у мусульманских средневековых авторов огромное степное пространство от Дона до западных отрогов Тянь-Шаня. Дешт-и Кипчак делился обычно на две части: Западный Кипчак, обнимавший районы, орошаемые Волгой и Доном, и простиравшийся с востока на запад от Урала до Днепра, а с юга на север—от Черного и Каспийского морей до Укека, и Восточный Кипчак, в состав которого входили низовья Сыр-Дарьи и горы Улу-Таг. Границами последнего (после монгольского завоевания) являлись; на западе—Синяя Орда Батыя, на севере—улус Шейбана, на востоке—Джагатайское ханство, на юге—степь Кызыл-Кум и Александровский хребет (Лен-Пуль, Мусульманские династии, Перев. В. Бартольда, СПб, 1899, стр. 186 и 188).

[40] Имеется в виду нынешний город Туркестан с его районом. Развалины г. Сыгнака лежат в районе нынешней Кзыл-Орды; они описаны В. Каллауром в статье Развалины древних крепостей..., Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка любителей археологии, год V, Ташкент, 1900, стр. 6—11.

[41] Абу-л-Хайр-хан правил с 832/1428—1429 по 873/1468—1469 гг. (Так у Zambaur. Manuel de Geneal. et de chronol. pour l'Histoire de l'Islam, хани" Hanovre, 1927, p. 270. По «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Абу-л-Хаир умер в 874/1469—1470 г., его современник Шахрох-мирза, сын Тимура, царствовал с 807/1404 по 850/1447 г. О взятии Хорезма Абу-л-Хайр-ханом при Шахрохе придворные историки Тимуридов, благожелательные к ним Мирхонд и Хондемир, ничего не говорят. Напротив, они отмечают (Мирхонд кратко, Хондемир подробно), что Шахрох отнял Хорезм у султанов Дешт-и Кипчака в 815/1412 г. и что вся эта страна с прилегающими районами до самой смерти его оставалась в его владении (Мирхонд, Раузат ас-сафа, т. VI, Лакнау, 1322/1904, стр. 213; Хондемир, Хабиб ас-сиар, т. III, ч. 3, Тегеран, 1271/1854, стр. 183—189). Однако в специальной истории Абу-л-Хайр-хана занятие им Хорезма и взятие его столицы Ургенча описывается подробно, причем автор этого труда передает события со слов Суюнч-хана, сына Абу-л-Хайр-хана (впоследствии Суюнч-ходжа-хан был правителем Ташкента). Правителем Хорезма в это время был один из сыновей Шах-Малика, эмира Шахроха, который брал Хорезм по распоряжению последнего в 815/1412 г. и которому Шахрох, в благодарность за успешную кампанию, отдал Хорезм в пожизненное ленное владение. Приближенные Абу-л-Хайр-хана не советовали ему идти походом против Хорезма, указывая на опасность

войны с таким могущественным государем, как Шахрох. Но Абу-л-Хайр пренебрег этим советом и двинулся в поход. Ургенч был осажден кочевниками, которые настолько успешно повели осаду, что улемы, сановники и другие влиятельные лица Ургенча стали просить правителя сдать город в предотвращение ужасов взятия его. Правитель, не доверяя горожанам, скрылся, а знатные лица города вышли к Абу-л-Хайр-хану с дарами и передали ему ключи столицы и государственную казну. Население было пощажено, а почетные лица обласканы и награждены. Вероятно, как компенсацию за непредание города грабежу своих воинов, Абу-л-Хайр-хан приказал открыть двери хорезмской казны, посадил подле них для контроля двух сановников и велел впускать туда по два человека от своей свиты, от знатных родовичей, от военачальников и от солдат, чтобы каждый брал себе столько золота и серебра, сколько он в состоянии унести. Возникшая в городе чума побудила вскоре Абу-л-Хайр-хана покинуть Ургенч и вернуться в Дешт-и Кипчак. Это было в 839/1435—1436 гг. (Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, сост. Ма'сум б. Осман-и Кухистани, ркп. из собрания В. Л. Вяткина в Институте Востоковедения АН УзССР, датированная 1318/1900 г., стр. 20—27. Подробное описание этого труда у Rieu, Catal. of the Persian MSS in the Brit. Museum, vol. I, London, 1879, pp. 102—104).

[42] Шейх Хусейн-и Хорезми происходил из потомства знаменитого хорезмского суфия, шейха Наджм-ад-Дина Кубра (или по современному хивинскому произношению «кубера»), убитого монголами при взятии г. Ургенча в 1221 г.; был учеником известного хорезмского шейха Ходжи Абу-л-Вафа и современником Шахроха; принадлежал к суфийскому ордену кубравия. Его перу принадлежит несколько сочинений суфийского характера. При занятии Абу-л-Хайром Ургенча хан просил шейха написать по-тюркски объяснение к одному (очевидно, таджикскому) стихотворению, которое некий из местных дервишей поднес Абу-л-Хайру. Шейх исполнил это и дал заглавие написанному им комментарию «Кашф-ал-Худа» (Раскрытие истинного пути). Алишер отмечает, что шейх Хусейн-и Хорезми был убит в Хорезме во время Узбек-суфи и похоронен в ногах своего учителя, Ходжи Абу-л-Вафа; все известные источники называют годом его смерти 839, когда Хорезм был взят Абу-л-Хайром. Однако очень сомнительно, чтобы он погиб в то время насильственной смертью при наличии того внимания, которое ему было оказано Абу-л-Хайром, о чем говорит дееписатель последнего. Между прочим, он называет его везде шейх Камал-ад-Дин Хусейн-и Хорезми, т. е. тем именем, которое носил известный, тоже хорезмийский, шейх XVI в., обширные выдержки из рукописной биографии которого (Мифтах ат-талибин) в свое время дал акад. Бартольд (Маджалис ан-нафаис Мир Алишера. Ташкент, 1330/1912, стр. 157—158. Хабиб ас-сиар, Хондемира. По вышеупомянутому изданию стр. 20. Тарих-и касира, Ташкент, 1332/1914, стр. 86—87. Тарих-и Абу-л Хайр- ани, вышеупомянутая ркп. 25—26. Бартольд В., Отчет о командировке в Туркестан, СПб., 1904. Отдельный оттиск из Записок Восточного Отделения Российского Археологического Общества, т. XV, стр. 205—212).

[43] Эмир Кара-Юсуф—первый глава «чернобаранных» (кара-коюнлу) туркмен (всего было исторических вождей этого племени четверо; они правили в течение 69 лунных лет). Кара-Юсуф был человеком, выдающимся по своей неустрашимости и

военным талантам. Он не боялся выступить против Тимура, но, не имея силы противостоять ему, бежал в Турцию. По смерти Тимура вернулся в Азербайджан и, начав с 500 всадниками военную авантюру, завершил ее завоеванием всего Азербайджана с сопредельными обширными районами. В это время Азербайджан, Ширван, Гилян и другие области Ирана были во владении сына Тимура, Миран-шаха, признанного сумасшедшим и бывшего игрушкой в руках своих двух сыновей. Один из них, Мирза Абу Бекр, имевший своей резиденцией г. Тавриз, выступил против Кара-Юсуфа, но был разбит. Тавриз был занят туркменами (в 809 г. х.). В том же году Мирза Абу Бекр еще раз попытался на берегах Аракса дать отпор Кара-Юсуфу, но был опять разбит, причем в битве этой погиб и Миран-шах. Грузия, Азербайджан, Персидский Ирак, районы Казвина, Савэ и Султании стали теперь бесспорными владениями Кара-Юсуфа, успехи которого сильно встревожили Шахроха. Последний в 823/1420 г. выступил против Кара-Юсуфа с 200-тысячной армией. Но дело не дошло до сражения: едва ли не накануне его Кара-Юсуф неожиданно умер после четырнадцатилетнего правления. Правление его сына Искандера прошло в борьбе с Шахрохом, причем подверглись страшному опустошению и разграблению Ширван, Муган и другие области, масса народа была перебита. Искандер б. Кара-Юсуф был убит собственным сыном, но преемником Искандера стал его брат Мирза Джехан-шах, который выразил покорность Шахроху, и тот отдал ему, как своему вассалу, Азербайджан с областями Ирака, Фарса и Кермана (в 840/1436—1437 гг.). По смерти Шахроха (в 850/1447 г.) распри и неурядицы между многочисленными тимуридскими принцами дали возможность Джехан-шаху предпринять в 862—863/1458—1459 гг. успешный поход даже на Герат, тогдашнюю столицу Хорасана и резиденцию старейшего из Тимуридов. Сын Джехан-шаха, Хусейн-Али, вовлек в борьбу с туркменским главарем Хасан-беком (убившим его отца) тимурида султана Абу Са'ид-мирзу (855/1452—873/1469), которому удалось объединить в своих руках области от Тянь-Шаня до Месопотамии и от Дешт-и Кипчака до Персидского залива и Инда. В этой борьбе Абу Са'ид-мирза погиб (Мирхонд, Раузат ас-сафа, VII, Тегеран, 1274/1858, стр. 67—68). Такова вкратце фактическая сторона внешних политических успехов туркмен кара-коюнлу, в значительной степени способствовавших разложению и крушению обширного наследия Тимура.

[44] Помощь, оказанная Абу-л-Хайр-ханом упоминаемым здесь «старшим потомкам» Тимура, представляется в таком виде.

Султан Абу Са'ид-мирза, упомянутый в предыдущем примечании, был правнуком Тимура (от его сына Миран-шаха) и жил в молодости в Самарканде, при дворе Улуг-бека (850/1447—853/1449). Незадолго до убийства последнего его сыном Абдуллатифом, Абу Са'ид поднял восстание против Улуг-бека, затем вел борьбу с Абдуллатифом, но был разбит. Когда Абдуллатиф был убит в 854/1450 г. и весь Мавераннахр со всеми странами к югу от Аму-Дарьи перешел в руки Абдулла-мирзы (правнука Тимура, от его сына Шахроха), то Абу Са'ид вступил с ним в борьбу, сделав объектом своих вожделений главным образом Самарканд, тогдашнюю столицу империи тимуридов. Разбитый Абдулла-мирзой Абу Са'ид отправился в г. Туркестан к Абу-л-Хайр-хану просить помощи, был очень ласково принят Абу-л-Хайр-ханом,

который охотно пришел к нему на помощь. Под Самаркандом в кровопролитном бою Абдулла-мирза был разбит и убит. В исходе 855/1451 г. Абу Са'ид вошел в Самарканд, хитростью не допустив туда своих союзников, производивших большие опустошения и убийства в самаркандском районе. Помощь Абу-л-Хайра дала Абу Са'иду возможность укрепить свое господство в Мавераннахре, а потом стать полновластным государем почти всех владений своего прадеда Тимура (Мирхонд, Раузат ас-сафа, т. VI, Лакнау, 1322/1904, стр. 266; Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, вышеупомянутая рукопись, стр. 43—58).

Абу-л-Хайр-хан оказывал также покровительство внуку Шахроха, Ала ад-Давла. Шахрох, отправившись в поход против своего непокорного вассала и внука, Мирза Султан-Мухаммеда, правителя Ирака и Фарса, оставил Ала ад-Давла своим заместителем в Герате. Когда Шахрох умер в этом походе, то Ала ад-Давла вступил на престол Хорасана, но через два года, разбитый сыном Шахроха Улуг-беком (с помощью узбеков), потерял престол, скитался некоторое время в разных местах потом нашел приют в Дешт-и Кипчаке у Абу-л-Хайр-хана, который оказывал ему помощь в распрях с другими Тимуридами. (Раузат ас-сафа, т. VI, Тегеран, 1274/1857, стр. 151—152. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, вышеупомянутая ркп., стр. 84—85).

Мухаммед-Джуки-мирза, сын Абдуллатифа, внук Улуг-бека, после гибели своего отца долго скитался по разным странам, пока не нашел радушный приют у Абу-л-Хайр-хана, чему не мало способствовало покровительство его тетки, дочери Улуг-бека, Раби'а-султан-бегим, бывшей замужем за Абу-л-Хайр-ханом. Когда Абу Са'ид мирза был занят подчинением Хорасана, Мазандерана и прочих южных областей, Мухаммед-Джуки решил овладеть Самаркандом, который он считал своим наследственным уделом. Абу-л-Хайр согласился помочь ему в этом предприятии. Выступили походом из Туркестана на Ташкент и Шахрохию. Наместник последнего, выступивший против Мухаммеда-Джуки, был разбит, бежал и укрылся за стенами Самарканда, успев послать известие Абу Са'иду о происшедшем. Тем временем войска Мухаммеда-Джуки, вместо осады, занялись грабежами и убийствами в районе столицы. Однако принц издал приказ, воспрещавший эмирам и солдатам под страхом смерти грабеж и убийства, чем население было очень довольно и расположилось в пользу Мухаммеда-Джуки. К нему стали отовсюду стекаться на помощь местные кочевники и оседлое население. Скоро весь Мавераннахр был объят восстанием против Абу Са'ид-мирзы, власть которого сохранилась лишь в Самарканде, Бухаре и некоторых сильно укрепленных пунктах. Когда Мухаммед-Джуки и его союзники, узбекские эмиры, услышали о приближении Абу Са'ида с его сильной армией, поспешившего из Хорасана в Мавераннахр, то на военном совете стали обсуждать, где дать сражение Абу Са'иду. Возникшие на этом совете разногласия повели к тому, что Мухаммед-Джуки решился отступить к Шахрохии и там на равнине дать Абу Са'иду сражение. Некоторые эмиры, недовольные нерешительностью принца и его отступлением, покинули его, часть из них, (те, что были джагатаями или монголами) примкнула к Абу Са'иду, а часть узбекских эмиров, пограбив население, с добычей вернулась в Дешт-и Кипчак. Тем временем Абу Са'ид беспрепятственно вступил в Самарканд, а оттуда с большими силами выступил против Мухаммеда-Джуки, но тот заперся в Шахрохии.

Несмотря на упорную защиту крепости и большой урон, наносимый войскам Абу Са'ида, положение осажденных стало очень тяжелым вследствие недостатка съестных припасов. Они решили прибегнуть к мирному посредничеству Ходжи Ахрара; тот прибыл из Самарканда и примирил противников. Шахрохия сдалась Абу Са'иду; последний чрезвычайно ласково обошелся с мятежным принцем, но впоследствии Мухаммед-Джуки был отправлен в Балх, где и умер в тюрьме. (Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, упомянутая ркп, стр. 68—79, Мирхонд, Раузат ас-сафа, т. VI, Лакнау, 1322/1904, стр. 288—290).

Владетельный Тимурид Султан Хусейн-мирза в бытность свою правителем Мазандерана неоднократно выступал против своего сюзерена, Абу Са'ид-мирзы, надеясь захватить Хорасан. Не раз битый, он удалялся то в районы дельты Аму-Дарьи, то к пределам Дешт-и Кипчака, и наконец решился обратиться за помощью к Абу-л-Хайр-хану. Последний принял Султан Хусейн-мирзу с исключительным вниманием и почетом. Тимурид прожил в ставке Абу-л-Хайр-хана некоторое время и хан обещал дать ему большое войско для захвата Хорасана, но во время приготовлений к этому походу Абу-л-Хайр-хан умер. Возникшие после этого смуты среди узбеков заставили Султан Хусейн-мирзу покинуть Дешт-и Кипчак и добиваться осуществления своей заветной цели собственными силами (Мирхонд, Раузат ас-сафа, т. VII, вышеупомянутое издание, стр. 12—13). Через много лет после этого, когда Султан Хусейн-мирза умер (в 911/1506 г.), завоеватель наследия Тимура, Шейбани-хан, напомнил его злополучным сыновьям через своего посла маулана Хитаи о всем том покровительстве, которое их отцам и дедам оказывалось со стороны дома Абу-л-Хайр-хана (Хондемир, Хабиб ас-сиар, вышеназванное издание, т. III, ч. 3, стр. 37).

[45] Все приведенные до сих пор данные об Абу-л-Хайр-хане автор заимствовал целиком из известного сборника исторических хронограмм «Тарих-и Сейид Раким» (по вышеупомянутой ташкентской литографии «Тарих-и касира», стр. 147—148).

[46] Эпитет халифат ар-рахман среднеазиатские историки часто прилагают к имени Шейбани-хана, очевидно, потому, что по занятии Герата Шейбани приказал поминать себя на пятничной молитве с титулом «халифат ар-рахман ва имам аз-заман», т. е. наместник всемилостивого и имам времени (Хондемир, Хабиб ас-сиар, т. III, ч. 3, стр. 311).

[47] Шахбахт—отмеченный царским счастьем, счастливейший. У персидских историков Шейбани-хан обычно называется Шахи-бек-хан (напр., у Искандера мунши).

[48] Бахадур (из монг.) — герой, храбрец. Кокандские и хивинские ханы и бухарские эмиры прибавляли к своим именам эпитет бахадур-хан.

[49] Осада и взятие Балха Шейбани-ханом имели место в 912/1506 г. Последний Тимурид Бади'аз-Заман-мирза бежал на запад и после долгих скитаний умер в Константинополе.

[50] Письмо Шейбани-хана к шаху Исмаилу, содержащее упреки за его шиитскую ересь и угрозы возмездия, см., например, в Тарих-и Сейид Раким или Тарих-и касира (вышеназванная ташкентская литогр., стр. 182—184). О взаимной переписке двух

этих соперников, полной грубых выражений и угроз, упоминает также историк шаха Аббаса I, Искандер мунши (Тарих-и аламара-и Аббаси, Тегеран, 1314, стр. 27—28).

[51] Последнее выражение—«и армию неверия и заблуждения» отсутствует в ркп. ГБ № 609.

[52] Шейбани-хан пал в битве после отчаянной борьбы с окружавшими его отряд кызылбашами. Его голова была отрублена и принесена к шаху Исмаилу; кожа с нее была содрана, набита соломой и послана сопернику шаха Исмаила, турецкому султану Баязиду II (886/1481—918/1512), а череп был оправлен в золото и служил шаху вместо кубка при питье вина на пирах (Тарих-и аламара-и Аббаси, стр. 23—29). Тело Шейбани-хана было перевезено в Самарканд и похоронено в заложенном им медресе, в особой суфе (т. е. возвышении), сложенной из серого камня и помещавшейся посреди двора медресе. При пробивке прямой улицы от Чар-су к воротам Оханин, в начале 70-х годов прошлого столетия, медресе Шейбани-хана было разрушено в своей восточной части, а суфа была перенесена ближе к западной части медресе. При этом наблюдалось, чтобы не произошло никаких изменений в положении суфы и намогильных камней на ней. По уверению старожилов, при извлечении из-под суфы скелетов похороненных здесь Шейбанидов один оказался без головы. Таким образом замалчиваемое местными историками того времени известие о своеобразном трофее шаха Исмаила подтверждается приведенным указанием (Абу-Тахир-ходжа, Самария, Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перев. В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области 1898 г., Самарканд, 1900, стр. 243—244, прим. 57).

[53] Тюркское слово кызылбаш (красноголовый) стало нарицательным для шиитов со времени шаха Исмаила, в войсках которого против его врагов на западе и востоке сражались тюрки, носившие красные шапки. Персидские слова кулах-и сурх (красная шапка) в числовом отношении дают цифру 916, т. е. тот год хиджры, когда Шейбани-хан был разбит под Мервом и погиб под шашками «красноголовых».

[54] Эпитет «прославленный» (ахмед) прилагается к Мухаммеду.

[55] Другой эпитет Мухаммеда—«избранный» (мустафа).

[56] Собственное имя его было Ходжаги Ахмед б. Сейид Джалалуддин; родился в г. Касане, в Фергане (откуда его прозвище Касани); был одним из виднейших столпов среднеазиатского суфизма, имел множество учеников во всей Средней Азии.

Вместе с тем Махдум-и а'зам принимал участие и в политической жизни страны, выступая посредником и примирителем между беспокойными войнолюбивыми шейбанидскими ханами, стремившимися к полноте власти после смерти Убайдулла-хана (946/1539 г.). В суфизме Махдум-и а'зам принадлежал к ордену ходжагон и оставил ряд трактатов по суфизму на таджикском языке. Умер в с. Дахбид (подле Самарканда) в 956/1549 г. в возрасте 80 лунных лет (78 лет).

Подробности о происхождении и жизни Махдум-и а'зама изложены в Джами'ал-макамат, труде, написанном в 1028/1619 г. внуком шейха, Абу-л-Бака б. Ходжа Бахауддин б. Махдум-и а'зам. Труд этот, весьма важный для изучения истории Средней Азии, существует только в рукописях.

[57] Кибла—сторона, к которой мусульмане обращаются при молитве. В переносном смысле означает—сосредоточение всех надежд, всех устремлений. В суфийском смысле (как здесь) «великая кибла» означает высшую истину, абсолют, к познанию и созерцанию которого стремится суфий. Достигается же это «путем очищения сердца от всего греховного и чуждого высшей истине через длинный ряд мистических подвигов или искусов», проходимых под руководством авторитетного наставника.

[58] Халифа — преемник, заместитель. У суфийских шейхов (по среднеазиатской терминологии—ишанов) такими халифа бывали их наиболее доверенные ученики, которые замещали или представляли своих наставников в тех или иных местах.

[59] Ходжа-йи Ахрар (в просторечии—Ходжа Ахрар) «господин свободных» (от всего плотского, чувственного, свободных от соблазнов мира и его страстей), т. е. господин, или князь, суфиев. Ходжа Ахрар, один из известнейших среднеазиатских реакционных ишанов—эксплуататоров народных масс, родился в рамазане 806 г. (март—апрель 1404 г.), в сел. Багистан, в окрестностях Ташкента. Пользовался в эпоху Тимуридов колоссальным влиянием и на правителей, и на народные массы, принимая деятельное участие в политической жизни Мавераннахра. Как ишан, имел огромное множество учеников по всей стране и во всех классах общества, владел огромными земельными имуществами, а «стадам и рабам его не было счета». По его собственным словам, он только со своих самаркандских имений вносил в казну поземельного сбора ежегодно 80 тысяч батманов зерна (самаркандский батман—8 пудов), что составляло 1/10 часть урожая.

В одном лишь Каршинском районе у него было около 1300 имений. Торговые караваны Ходжи Ахрара доходили до Китая. Умер он 89 с лишком (лунных) лет в сел. Камангарон, в 40 *км* от Самарканда, 29 раби' 1 895/20 февраля 1490 г. и похоронен в Самарканде (Ас-Сафи, Рашахат-и Айн-ал-хаят, Лакнау, 1323/1905, стр. 220—363; В. В., Из биографии Ходжи Ахрара, «Туркестанские Ведомости, 1904, № 147; Бартольд В. В., Улугбек и его время, Пг., 1918, стр. 137—146.

Ходжа Ахрар оставил несколько суфийских трактатов; сборник их (вместе с его поучениями) имеется, между прочим, в Фундаментальной библиотеке САГУ в прекрасном списке первой половины XVI в., писанном одним из учеников Ходжи Ахрара (инв. № 09/934).

[60] Шах Исмаил сначала осадил своими силами Мерв, где заперся Шейбани-хан, а затем притворным отступлением выманил Шейбани-хана из города и нанес ему страшное поражение.

[61] Намаз-и дигар (по среднеазиатскому произношению) — дословно «второй намаз». По существу же, это третья в течение дня молитва, совершаемая, примерно, в 2 часа пополудни.

[62] Хотя и считается доказанным—на основании тюркских стихов самого основателя империи «Великих Моголов», —что Бабер произносил свое прозвание, как Бабур, я, однако, пишу Бабер, следуя персидскому произношению, вероятно, бывшему в употреблении в южных владениях Тимуридов. На портале мечети в Анау, под Ашхабадом, имя родственника и соименника родоначальника Великих Моголов, Тимурида Абу-л-Касима Бабера, читается в последнем слове с кесрой, а туркмены до

сих пор произносят Бабир. Возобновленная «Великим моголом» Шах-Джеханом в 1056 г. х. гробница его предка, находящаяся в Кабуле, к сожалению, имеет мемориальную плиту без огласовки. (Самойлович А., Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I, Птгр., 1917, стр. 12—13, с примеч. Биль Т. В.; Мифтах ат-таварих, Инд. литография б. д., стр. 14—149. Bogdanov L., The Tomb of the Emperor Babur, Epigraphica Indo-moslemica, Calcutta, 1923—1924, pp. 1—91). [Довольно трудно согласиться с доводами проф. А. А. Семенова о произношении и огласовке лакаба (прозвания) Захируддин-Мухаммеда в виде Бабер, по аналогии с начертанием (притом чисто персидским) имени Абу-л-Касима Бабера (850/1446—861/1456). Следующие, повидимому, и местным индийским источникам д-р Н. К. Синха и д-р А. Ч. Бенерджи — пишут в своем труде лакаб основателя империи Великих Моголов в общепринятой форме Бабур (История Индии. Перевод с английского, М., 1954, стр. 211 и след.). Прим. редакции].

[63] Имеется в виду, очевидно, не столько заключение формального союза Бабера с шахом Исмаилом, сколько принятие им шиизма и подражание иранцам в обычаях и одежде.

[64] Фраза «и согрели поле» и т. д. — в ркп. ГБ за №№ 609, 788, 789, 1531 и 1691 и в ркп АС(2). В ркп. АС(1): «обе стороны извлекли из ножен распри кровь проливающие мечи и согрели (их) кровью храбрых».

[65] Сура II, ст. 250.

[66] Мианкалем называется территория между рукавами Зеравшана—Кара-Дарьей и Ак-Дарьей; в XVIII в. она составляла Афаринкентский тюмень Самаркандской области. В просторечии Мианкалем обозначается долина Зеравшана между городами Самаркандом и Хатырчи, что, в сущности, не расходится с первым определением, так как оба рукава Зеравшана, Кара-Дарья и Ак-Дарья, разойдясь у Самарканда, соединяются подле города Хатырчи (Хорошхин А. П., Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб, 1876, стр. 157; В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб, 1914, стр. 113).

[67] Говоря о таком, обычном у тюрко-монгольских кочевников, разделения на уделы покоренной страны между членами господствующего рода или семейства, автор, в целях сокращенного изложения этой вводной части, не упоминает, что после гибели Шейбани-хана и кратковременного правления Мавераннахром Суюнч-Ходжи-хана узбекские султаны выбрали ханом сына Абу-л-Хайр-хана, престарелого Кучкунджи-султана, не отличавшегося, повидимому, никакими особыми талантами (правил с 916/1510 по 936/1530 г.); таков же был и его сын и преемник Абу Са'ид-султан (936/1530—940/1533). Фактически, однако, власть и инициатива «внешних дерзаний» военного характера были в руках энергичного и честолюбивого Убайдулла-хана, правившего Бухарой (столицей Шейбанидов был Самарканд). Объясняется это в известной степени тем обстоятельством, что весь строй шейбанидского государства был таков, что отношения к верховному хану всех прочих удельных узбекских султанов (особенно если этот хан был слаб) напоминали, в известной степени, отношение новгородцев к московскому князю в XV в. «Кланяемся тебе, господине, по государем не зовем», писали новгородцы Иоанну III (Н. М. Карамзин, История государ-

ства Российского, т. VI, СПб, 1842, стр. 68; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 5, СПб, б. д., стр. 1371), т. е. «мы признаем тебя за старшего, оказываем тебе почет и уважение, но не можем подчиниться тебе, как носителю верховной над собой власти». Отсюда происходили и все эти бесконечные междоусобицы честолюбивых шейбанидских принцев и возмущения их против хана Мавераннахра, нередко лишь номинально числившегося таковым. Наш автор в последующие за смертью Шейбани-хана годы на первом плане выставляет Убайдулла-хана именно как личность действенную, за которой шли все другие. Это обстоятельство нашло свое отражение и в хрониках враждебных Шейбанидам Сефевидов. Придворный историк шаха Аббаса I, Искандер мунши, описывая опустошительные походы узбеков на Хорасан во время правления Кучкунджи-хана и Абу Са'ида, всюду говорит об Убайдулла-хане как падишахе всех узбеков, хотя фактически он сделался таковым только в 940/1533 г.

[68] Это произошло в 930/1524 г.

[69] Бахарз—один из древних городов Хорасана (ныне несуществующий), лежал к западу от г. Джама (современный Турбет-и Шейх-и Джам), расположенного юго-восточнее Нишапура (в двух переходах от него), вблизи персидско-афганской границы.

Между прочим, во всех прочих списках настоящего труда вместо слова Бахарз стоит: хргрд, hprh и т. п., что должно, повидимому, означать слово Хэргерд. В связи с последующим словом Джам это должно читаться как Хэргерд-и Джам, в районе которого, по словам султана Бабера, произошла битва между кызылбашами и узбеками в 935/1528—1529 г., по свидетельству же персидского историка, это событие имело место в районе Хосровджерд-и Джама (Baber-Nameh, Ed. N. Ilminski Casani, MDCCCLVII, p. 458; Искандер мунши, Тарих-и алемара-и Аббаси, стр. 39—42). Вамбери говорит, что это сражение произошло на большой равнине между Джамом и Зурабадом (Вамбери Г. А., История Бухары, пер. А. И. Павловского, СПб, 1873, стр. 39, прим. 9).

[70] Ханият, или ханлик,—«ханское достоинство» или «ханское звание»—у Шейбанидов присваивалось тому, кто облекался званием хана и правил страной из столичного города Мавераннахра, каковым был Самарканд (иногда и Бухара). Звание хана носил иногда и самый сильный, а поэтому независимый, владетель того или иного удела (таким, например, был Убайдулла-хан). Владетельные же князья носили титул султанов, что соответствовало званию мирзы эпохи Тимуридов (И тот и другой титулы следовали за собственными именами).

[71] Автор Тарихи-и касира (по ташк. лит. 1332 г., стр. 236—237), кажется, первым приводит сведения об этом замечательном каллиграфе эпохи Абдулазиз-хана (947/1540—957/1549), каким был Мир-Али. Он называется гератцем по происхождению, но долго жившим в Мешхеде. Искусство каллиграфии, увековечившее множество письменных памятников мусульманского Востока, в еще недавнем прошлом было в величайшем почете, его лучшие произведения ценились почти на вес золота, а замечательнейшие каллиграфы были столь же славны и чтимы, как и художники слова и кисти. Наш автор приводит имена ряда мастеров, от которых преем-

стьенно воспринял искусство каллиграфии бухарец Маулана Мир-Али, и тем самым показывает, что традиции так наз. «гератской школы» каллиграфического искусства были перенесены в Мавераннахр.

Султан Али-йи Мешхеди—знаменитейший гератский каллиграф эпохи Тимурида Султан Хусейн-мирзы. Султан Бабер говорит о нем так: «Из каллиграфов, хотя и много было людей, но самым замечательным в (письме) насхом и таликом был Султан Али-йи Мешхеди. Для (Султан Хусейн-) мирзы и для Алишер бека он выполнил много книг: ежедневно он переписывал для Мирзы 30 двустиший, а для Алишер-бека 20». (Baber-Nameh, p. 228). Султан Али-йи Мешхеди писал также стихи и составил в стихах трактат о каллиграфии, который был весьма известен едва ли не во всем мусульманском мире. Умер в Мешхеде, по одной версии в 902/1496—1497 гг., а по другой—в 919/1513—1514 гг. (Хондемир, Хабиб ас-сиар, т. III, ч. 3, стр. 303—304; M. Ghulam Muh. Dihlavi, The Tadhkira-i-Khushnavisan, Calcutta, 1910, pp. 48—49).

[72] Знаменитый каллиграф, современник Тимура, который считается основоположником почерка насталик в том смысле, что он выработал определенные правила для письма насталиком и сообщил ему особую тонкость. Родился в 731/1330—1331 гг., умер в 807/1404—1405 гг. Его продолжателями были два его ученика—вышеупомянутый Маулана Джа'фар-и Тебризи и Маулана Азхар (Нуруллах-и Шустери, Маджалис ал-му'минин, Тегеран, 1299, стр. 457; M. Ghulam Muh. Dihlavi, Op. cit., pp. 42—43).

[73] Это же стихотворение приводит и автор XVI в. с добавлением 6 двойных строчек (Нуруллах-и Шустери, Маджалис ал-му'минин, стр. 457).

[74] Этот стих пропущен в ркп. ФБ. Во всех прочих списках он есть.

[75] Мир Али Фаут намуда в числовом значении даст цифру 951.

[76] Шейх Сайфуддин-и Бахарзи был учеником известного хорезмийского шейха Наджмуддина Кубра, погибшего при взятии монголами Ургенча. Жил в г. Бухаре, где и умер в 658/1260 г. Пользовался громадным авторитетом в обществе и был известен под почетным прозванием «Шейх ал-алам», т. е. «шейх, наставник мира». Его мазар в Фатхабаде (километрах в трех к юго-востоку от г. Бухары) почитался одной из главных бухарских святынь, и бухарские эмиры после коронации первым долгом отправлялись туда на поклонение.

[77] Иршад—в обычном значении—наставление на истинный путь, руководительство в правом пути; в суфийском смысле—руководительство людьми, идущими мистическим путем. Обладающий правами иршада является учителем и наставником как самих суфиев, так и тех, которые подражают им.

[78] Ходжа Мухаммед-Ислам-и Джуйбари—один из столпов бухарского суфизма, родился около 900/1494—1495 гг. в Джуйбаре, местности, расположенной по бухарскому арыку Джуйбар, западнее г. Бухары. Происходил из старой бухарской суфийской семьи. Был учеником вышеупомянутого шейха Махдум-и а'зама. Пользовался большой популярностью и влиянием на политические дела Бухары, особенно при Абдулла-хане, вследствие этого имел большую недвижимость и много рабов из русских, персов и индийцев. Умер в 971/1563 г. От него, собственно, и ведет начало мате-

риальное благополучие и влияние так наз. «джуйбарских ходжей», игравших значительную роль даже в позднейшей истории Бухары вплоть до 1920 г. (Подробно о Ходжа Мухаммед-Ислам-и Джуйбари см. В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари, I, Ходжа Ислам, Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 3—19).

[79] Т. е. прибег к его могущественному авторитету.

[80] Ишан в среднеазиатских наречиях—нарицательное имя глав, или руководителей местных дервишских орденов. Происхождение этого названия, повидимому, древнее, потому что оно в X в. н. э. было известно в Хорасане, и знаменитый шейх Абу Са'ид Мейхенейский (X—XI вв.) объяснил его суфийский смысл (Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида Мейхенейского», Изд. проф. В. А. Жуковский, СПб, 1899, стр. 387).

[81] Фатиха—первая глава Корана, читаемая во многих случаях жизни..

[82] В оригинале в этой строке числовое значение 964, как год убийства Шах-Бурхан-хана, дает слово зульм (насилие) за вычетом из него 6, соответственно устранению буквы *в* в предыдущем слове вай (он). (См. Тарих-и касира, вышеупомянутая ташк. литогр., стр. 253).

[83] Ханака (по среднеазиатскому произношению хонако)—обитель, или общежитие дервишей с мечетью, большим помещением для радений, с кельями и большим двором.

[84] Сардоба (по среднеазиатскому произношению) — высокое куполообразное сооружение из жженого кирпича, строившееся над колодцем или бассейном воды, к которому спускались по ступеням. Сардоба хорошо проветривалась и потому в самые жаркие дни в ней было прохладно, как холодна была и самая вода. Эти сооружения строились обычно на караванных путях и были благодетельны как для путников, так и для животных.

[85] В 991/1583 г.

[86] Т. е. оба стали равноправными и независимыми друг от друга государями.

[87] Абдулла-хан при жизни своей позволил своему сыну, Абдулму'мину, как наследнику престола, носить титул хана, поэтому отца называли Улуг-хан (большой или великий хан), а сына—Кичик-хан (малый хан).

[88] По общепринятым в истории данным, Пир-Мухаммед-хан умер в 963/1556 г., и ему на престоле Мавераннахра наследовал его брат, Искандер-хан, отец Абдулла-хана, правивший по 991/1583 г., после чего повелителем всей страны стал Абдулла-хан. Наш автор дает другую преемственность престолонаследия.

[89] Он был одним из образованнейших людей своего времени и учителей суфизма. Умер в 1002/1593—1594 гг. (Тарих-и Ракими, ркп. б. д., л. 152 а. В вышеупом. ташк. литогр. «Тарих-и касира» эта дата и ряд смежных с ней пропущены).

[90] Сура XL, ст. 10.

[91] В ркп. ФБ—«в течение 26 дней» (ошибочно); во всех прочих списках—«в течение двадцати шести лет».

[92] Т. е. к турецкому султану Мураду III (982/1574 по 1003/1595 г.).

[93] Сура II, ст. 99.

[94] Сура III, ст. 67.

[95] Фаркад—см. примеч. 12.

[96] Сура III, ст. 66.

[97] Сура XIX, ст. 58.

[98] Сура II, ст. 124.

[99] Т. е. обладатель Европы и Азии (Европейской и Азиатской Турции) и Черного и Эгейского морей.

[100] Т. е. паломничества к священным местам Аравии со всеми относящимися к нему обрядами.

[101] Год мыши тогда соответствовал 997 г. х., который начался 20 ноября 1588 г. А так как годы звериного цикла—солнечные, начинающиеся с весны, то, следовательно, взятие Абдулму'мином Герата и Мешхеда имело место весной 1589 г.

[102] Здесь под именем аралыков, повидимому, разумеются не только тюркские племена аралыки, или аральцы, которые жили в Хивинском оазисе, в дельте Аму-Дарьи, но и примкнувшие к ним иные племена Хорезма и прилежащей части Дешт-и Кипчака.

[103] В ркп. ФБ прилагательное «китайский» отсутствует, во всех прочих списках оно есть.

[104] Хэким-Хумам—один из образованнейших людей своего времени, состоявший на службе у Великого могола Акбара (963/1556—1014/1605), от которого вместе с Сейид Садр-и Джеханом был послан в качестве посла к Абдулла-хану в 997/1589 г. Умер в 1004/1595 г. (Beal Th., An Oriental Biograph. Dictionary, 1894, p. 162).

[105] Т. е. нельзя было различить небо от земли вследствие необычайной пыли.

[106] Разумеется ров, окружавший со всех сторон крепостные стены и наполненный водой.

[107] Бык (или корова) земли — мифическое гигантское животное, на спине которого, по воззрениям мусульман, держится земля. Бык этот якобы стоит на спине огромной рыбы. Последняя фраза автора в метафорической форме говорит о большой глубине крепостного рва г. Мешхеда.

[108] Планета Сатурн, по средневековым мусульманским представлениям, помещается в седьмом, наиболее высоком небе.

[109] Текст, заключенный в квадратные скобки, отсутствует в рукописях: ФВ, АС (1), АС (2) и ГБ № 1691—и имеется в списках ГБ за №№ 809, 789, 1531 и 1738. Принимая во внимание, что не только стиль и дух данного текста аналогичны со стилем и выражениями всего письма, но что самый пропуск этого места нарушает общую идею последнего и делает непонятной следующую за этим пропуском фразу («а зелень глубины ее рва» и т. д.), я позволил себе вставить этот текст в настоящий перевод.

[110] Опять метафора: ров был так глубок, что бык, на котором покоится земля, мог щипать траву на его дне.

[111] Т. е. Мухаммеда.

[112] Восьмой шиитский имам, отравленный по распоряжению халифа ал-Ма'муна в 203/818 г. в г. Тусе и похороненный вблизи его, в местности, которая с тех пор стала называться Мешхед, т. е. место мученичества. Впоследствии здесь возник

большой город. Гробница имама Ризы считается главнейшей святыней в пределах Персии и привлекает массу паломников из разных мест. Имам Риза—богатейший святой, которому принадлежат не только целые базары и улицы города, но поля, сады и виноградники в разных местах Хорасана.

[113] Район Туршиза лежит к юго-западу от Мешхеда. Махаллят—район в провинции Кум.

[114] Долина Исфараина с ныне несуществующим городом того же имени лежит к северу от Себзевара, по дороге от Горгана через Джаджерм и Исфараин на Кучан. (Бартольд В., Историко-географический обзор Ирана, СПб, 1903, стр. 72).

[115] Сура V, ст. 1.

[116] Ишик-ака-баши—глава привратников, так сказать, камергер. Право на занятие этой должности принадлежало трем (узбекским) племенам—дурменам, кушчиям и найманам; если же между ними не оказывалось способного лица, то право переходило к кунгратам, буйракам, киятам и хитаям. В XVII в. в Балхе эта должность причислялась к низшим придворным должностям (В. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., Записки Императорского Российского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXXIV, стр. 304). В последние годы существования Бухарского ханства ишик-ака-баши—восьмой чин (из 12 в восходящем порядке) в местной служебной иерархии. Носитель этого звания, как лицо не только придворное, но и военное, имел титул муборазат панах (убежище войны).

[117] Ходжа Хафизуддин (Бурхануддин) Абу Наср Парса—сын и ученик известного бухарского ученого суфия, Мухаммеда Парса, автора нескольких трудов по суфизму. Умер в Балхе в 865/1460—1461 гг. (О нем см. Джами, Нафахат ал-унс, Калькутта, 1858, стр. 454—455).

[118] Биографических данных об этом лице в известной мне литературе не имеется.

[119] Чарсу—перекресток на базаре, где пересекаются четыре базарных ряда. Так как все базары на Востоке обычно крытые, то чарсу делалось сводчатым с купольным перекрытием.

[120] Т. е. четвертого халифа, Али. В действительности, Али никогда не был в г. Балхе и потому не мог быть там похоронен. Его предполагаемая гробница была «открыта» подле Балха, в селении Ходжа Хайран, в правление Тимурида Султан Хусейн-мирзы в 885/1480 г. по указанию одного балхского ученого. С течением времени на этом месте были воздвигнуты великолепные здания (теперь здесь город Мазар-и Шериф). Подробности «открытия» названной гробницы см. в Тарих-и касира, вышеупом. ташк. литогр., стр. 112—114 (Первоисточник—Хондемир, Хабиб ас-сиар, т. III, ч. 3, стр. 260—261).

[121] Смерть Абдулла-хана последовала 2 раджаба 1006 г. х., что соответствует 8 февраля 1598 г. Автор остается верным себе, говоря о 40-летнем, как бы самостоятельном, правлении Абдулла-хана. Все это в силу того строя шейбанидского государства, о котором упоминалось выше (см. примечание 67). Будучи весьма энергичным, честолюбивым и предприимчивым, Абдулла-хан проявил себя как настоящий

полновластный государь еще при жизни своего отца Искандера, соправителем которого он считался с 968/1560 г. Поэтому современные ему историки рассматривают правление его отца, как правление самого Абдулла-хана, хотя фактически повелителем всего Мавераннахра он был с 991/1583 г. по 1106/1598 г. Аналогия с правлением Убайдулла-хана.

[122] Дословно—стоящий во главе (государства) отправился на страшный суд.

[123] Бахадур—см. прим. 48. Здесь, повидимому, в значении ближайшего дружинника, так сказать, офицера ханского гвардейского полка.

[124] Речь идет о замысле убить Абдулму'мин-хана.

[125] В этих поэтических образах рисуется скорбь самой природы о непостоянстве и превратности этого мира.

[126] Под этим несколько необычном для русского языка эпитетом «двуханственная» вселенная (сипахр-и ду хани) разумеется мир материальный, чувственный, и мир духовный, сверхчувственный, из которых каждый уподобляется отдельному ханству, или государству.

[127] В ркп. ФБ ошибочно Хувак-хан.

[128] Во всех списках ошибочно Уруш-хан.

[129] Вся эта родословная переведена акад. В. В. Вельяминовым-Зерновым с следующими пояснительными вставками: «Джани-хан, сын Яр-Мухаммед-хана (Мухаммед-Султана Абул-газия), сына Бугишлау (очевидно, Манкышлак-султан Абул-газия; в татарском письме بغشلو может легко обратиться в منقشلاق и наоборот), сына Чувак-хана, сына Мухаммед-хана; (т. е. Кичик-Мухаммеда), сына Бахадур-хана (ошибка: чит. Тимур-хана), сына Кутлук-Тимур-хана, сына Кутлук-Буга-султана (ошибка, Тимур Кутлук был сын Тимура-мелика), сына Урус-хана, потомка Чучи-хана, сына Чингиз-хана». (Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 1, СПб., 1863, стр. 243—244).

[130] Известный золотоордынский хан Тохтамыш (1380 — 1385). О покровительстве, оказанном ему Тимуром, неблагодарности Тохтамыш-хана своему патрону и перипетиях борьбы Тимура с Тохтамышем подробно рассказывается в «Книге побед» (Зафар-намэ) Шарафуддина Ези.

[131] Слово «престол» в ркп. ФБ отсутствует, но имеется во всех прочих списках, почему и добавлено в переводе.

[132] Отца Абдулла-хана.

[133] Неса и Баверд, или Абиверд,—два древнейших города старого Хорасана с сильнейшими крепостями (ныне не существуют); Неса расположена подле современного туркменского аула Багир (в 18 *км* от Ашхабада, а Баверд — в районе станции Каахка (с селением того же названия) Среднеазиатской железной дороги. В ркп. ГБ № 1738: «... Абдулла-хан послал Дин-Мухаммед-хана править Нишапуром».

[134] Главные герои знаменитой поэмы Фердоуси Шах-намэ.

[135] В оригинале ширхарэ—грудной младенец; питающийся молоком, каковое значение сюда никак не подходит, почему я перевел это слово понятием «молочный брат».

[136] В оригинале хурджин—известный во всей Средней Азии род переметной сумы, изготовляемой из ковровой материи и употребляемой главным образом при верховой езде. В этом случае хурджин или кладется позади всадника или свешивается по сторонам седельной луки.

[137] Кундуз—довольно обширный район, с главным городом того же имени, в Афганском Туркестане; отличается теплым климатом и весьма благоприятными условиями для садоводства, скотоводства и земледелия. (См. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, Перевод с перс. под ред. А. А. Семенова, Ташкент, 1926, стр. 50—58).

[138] Карайи теперь не обитают в Кундузе. Повидимому в то время, в связи с борьбой узбеков и иранских тюрков из-за Хорасана, это племя переселилось или было переселено персидским правительством из Хорасана сюда в целях противодействия движению узбеков на запад. Эльфинстон (в начале XIX в.) говорит, что карайи «обитают около Турбет-и Хайдари, к югу от Мешхеда, и также называются аймаками» Elphinstone An Account of the Kingdom of Caboul, vol II, London, 1819, p. 245) Что касается тюркского слова аймак (вернее уймак), то оно означает род, племя, каковым термином в Афганистане и Иране поныне называют кочевые племена иранского и отчасти тюркского происхождения.

[139] Мухаммед-Ибрагим-хан—один из шейбанидских принцев, воспитанный в Персии, был вызван в Балх в 1009/1600—1601 гг. при содействии шаха Аббаса, который рассчитывал через него подчинить своему влиянию эту обширную узбекскую область. (См. Тарих-и аламара-и Аббаси, стр. 412 и след.).

[140] Махрамами до последних дней среднеазиатских ханств назывались дворцовые чины низшего ранга; носители их находились при особе хана или эмира и исполняли мелкие хозяйственные поручения. (Одни махрамы, например, подавали кальян, другие ведали гардеробом и т. п.).

[141] Теперь старый Кундуз представляет полуразрушенное укрепление; оно расположено на возвышенном месте и с трех сторон окружено рвом. Сохранились еще следы башен, крепостных стен, крепостные ворота и цитадель (Каттаган и Бадахшан, стр. 51), Новый Кундуз—небольшой город, расположенный вблизи старого Кундуза.

[142] Имеется в виду, вероятно, мазар Али в теперешнем Мазар-и Шерифе.

[143] Шах Аббас I, или «великий», сын шаха Мухаммед Худабенде, правил с 995/1587 по 1037/1628 г.

[144] Андхуд—современный Андхой, город в Северном Афганистане, лежит на запад от Мазар-и Шерифа на большом караванном пути от г. Керки на юг Афганистана. Шибирган — прежний Шапурган — находится между Мазар-и Шерифом и Андхоем (несколько к югу), на караванном пути от Аму-Дарьи (Келиф).

[145] Ахча—небольшой город к северу от Шибиргана на том же караванном пути.

[146] Эта фраза имеется в ркп. ГБ №№ 609, 1738 и 1531.

[147] Во всех рукописях букв.: «через это опасное море».

[148] По Вамбери (История Бухары, т. II, стр. 73), этот мазар находился «вблизи Балха».

[149] Название коранских сур; Та-Ха—сура XX, Я-Син—сура XXXVI, каковые названия, обозначающие только наименование букв арабской азбуки, вызвали, у суннитских комментаторов Корана много толкований. Наиболее распространенным является следующее объяснение этих названий; буквы Та-Ха есть сокращение слов т а х и р—чистый и х а д и—водитель по истинному пути (оба, как эпитеты Аллаха); буквы Я-Син являются сокращением выражения я, и н с а н—о человек (см. Hughes Th., A Dict. of Islam. London, 1895, pp. 517—518). Под людьми Т а- Х а-Я-С и н разумеются суфии, к которым в этом случае, прилагаются эпитеты «чистые», «руководители», ведущие людей истинным путем, и «совершенные люди».

[150] Шейх Мир Му'мин Азизан принадлежал к тому ответвлению дервишского среднеазиатского ордена ходжагон, которое называется д ж а х р и я-й и с у л т а н и й я и ведет свое начало от известного Ходжи Ахмеда Есеви (XII в.). Прозвание азизан (возлюбленные, т. е. дервиши) имела в этом ордене целая семья, которая на протяжении длинного ряда лет играла в нем руководящую роль (См. Ш е й х А л и м-и А з и з а н, Ламахат мин нафахат-ал-кудс, Ташкент, 1328, стр. 192 и след.).

[151] Т. е. сделали предложение провозгласить его государем. Для этого, по мусульманским воззрениям, необходимо было: чтобы имя избранного монархом лица поминалось на пятничной молитве, чтобы он осуществил чеканку монеты со своим именем и имел свое войско. Наличие этих трех атрибутов власти являлось необходимым условием для признания государя полновластным и независимым повелителем.

[152] Т. е. на троне, потому что в то время ханским троном служила подушка, богато вышитая золотом и украшенная драгоценными камнями. По бокам ее, чтобы было на что опереться, ставили вертикально такие же две хорошо набитые подушки (Ср., например, описание приема Тимуром кастильских послов у К л а в и х о, Жизнь и деяния великого Тамерлана, перев. под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 249).

[153] В ркп. ФБ—«сделал правителем области»; в ркп. ГБ за №№ 789, 1531, 1691 и 1738 и в ркп. АС (1) и АС (2) — «послал его правителем в Балх».

[154] В тексте а з к а у м-и ф у л а д ч и.

[155] Хаджжадж—известный полководец и наместник Ирака при омейядских халифах, отличавшийся крайней жестокостью. Умер в 95/714 г.

[156] Автор придал шаху Аббасу эпитет «маленький» (кучек) в смысле унизительном и, очевидно, в противоположность его настоящему эпитету, с которым он вошел в историю—«великий».

[157] Эта фраза имеется в списках ГБ за №№ 253, 789 и 1691 и АС(2).

[158] Шейх Ходжа Хашими, или Ходжа Хашим, внук вышеупомянутого Махдум-и а'зама, пользовался в Мавераннахре большим почетом и влиянием, имел многочисленных учеников в разных слоях общества. Умер в 1046/1636—1637 гг. (Тарих-и Сейид Раким, принадл. мне рукопись, повидимому, начала XVIII в., лл. 331б—333а. В ташк. литографии Тарих-и касира это пропущено).

[159] Все это двустишие суфийского характера; в нем под войском разумеется активность в суфийских подвигах , под любящими—адепты суфизма, страстно влюбленные в друга или подругу (т. е. высшую истину); виночерпий — шейх-наставник

суфийского ордена, опьяняющий ученика божественной любовью. Но здесь вместе с тем и игра слов, так как виночерпий в суфийской терминологии обозначается словом саки, халифу же нашего шейха звали Маулана Саки.

[160] Хырка—дервишское рубище (вретище), обычно передаваемое от одного шейха к другому. При жизни руководитель ордена передает свою хырка самому совершенному, в смысле мистического познания, из своих учеников и тот, таким образом, становится достойным своего учителя. На смертном одре шейх-руководитель может передать хырка своему преемнику. Символически такая передача означает передачу всей суфийской благодати носителя хырка другому достойнейшему суфию и потому эти одеяния, нередко насчитывавшие сотни лет существования, покрытые бесчисленными заплатами, бывали предметом жарких соревнований в мистических подвигах адептов суфизма, стремившихся приобрести или, вернее, заслужить этот, как бы высший диплом на совершенного суфия. Хырка играла в суфизме роль мйлоти библейских пророков.

[161] Народы ад и семуд, упоминаемые в Коране (Сура, VII, стихи 63—77), были, согласно легенде, нечестивыми народами. Аллах для обращения народа ад послал якобы пророка Худа, но люди не слушали его призывов к истинной вере и были истреблены с лица земли сильным ветром. На месте истребленного народа Аллах поселил народ семуд, также поклонявшийся идолам и нечестивый. Для обращения его в истинную веру был послан пророк Салих, проповеди которого не послушал народ семуд и был истреблен огнем. (См. также Н. П. Остроумов, Критический разбор мухамеднева учения о пророках, Казань, 1874, стр. 126—128).

[162] В ркп. ФБ, ГБ за №№ 789 и 1691, а также АС(2)—шахи Ирана; в ркп. ГБ № 609 и АС (1) —тамошние шахи, каковые слова относятся к последнему слову предыдущей фразы («... в Иране»).

[163] Это были крупные районы вблизи Герата. Убех—большое селение в Гератской провинции, откуда происшел ряд выдающихся лиц (см. Jacut's geogr. Wörterbuch, Leipzig, 1924, 397; Мир'ат ал-булдан-и Насири, сост. Мухаммед Хасан-хан, т. 1, Тегеран, 1294, стр. 14). Шафелян (ныне Шафлан) — обширный район у подножья гор, славившийся своими фруктами и целебными источниками (Раузат ал-джаннат фи аусафи мадинати Герат, сост. Исфизари. Ркп. Института востоковедения АН УзССР за инв. № 788, л. 31 а, б). Историк шаха Аббаса отмечает, что шах послал выражение соболезнования по случаю гибели Вели-Мухаммед-хана его сыну Рустем-Мухаммед-султану, бывшему в то время в Герате (Искандер мунши, Тарих-и аламара-и Аббаси, стр. 599). Кажется, Искандер мунши по ошибке соединил двух сыновей Вали-Мухаммед-хана—Рустем-султана и Мухаммед-Рахим-султана—в одного, упомянутого им Рустем-Мухаммед-султана.

[164] Искандер мунши (Цит. соч., стр. 585) указывает, что это событие произошло в 1020/1611 г. и, повидимому, на основании этого источника покойный В. В. Бартольд в своем переводе труда Лен-Пуля (Мусульманские династии, СПб., 1899), исправил английский оригинал, внеся в русский перевод (стр. 232) дату смерти Вели-Мухаммед-хана и вступления на престол Имам-кули-хана—1020/1611 г. Однако

позднейшие авторитеты по хронологии мусульманского мира безоговорочно принимают для этих событий дату нашего автора, 1017 г. х. (Zambaur E. de-, Manuel de Généalogie et de chronologie pour l' histoire de l Islam, Hanovre, 1927, p. 279).

[165] Имам-кули-хан правил в качестве самостоятельного государя Мавераннахра с 1017 по 1051 г. х., т. е. 34 лунных года.

[166] В Бухаре до последних дней эмирата при перевозке грузов, главным образом в восточных провинциях, пользовались лошадьми, а не верблюдами.

[167] Под именем «совершенных людей» (ахл-и камал) разумеются суфии, поэтому и стихотворения Имам-кули-хана, очевидно, были мистического содержания.

[168] Он происходил из сел. Карабаг, в иранском Ираке; обладая большими познаниями во всех тогдашних науках, Юсуф-и Карабаги был известен в Бухаре под именем великого ахунда. Оставил после себя много трудов на арабском и персидском языках. Умер в 1054/1644—1645 гг., а по другим сведениям в 1055/1645—1646 гг. (подробнее см. А. Семенов, Забытый среднеазиатский философ XVII в. и его «Трактат о сокрытом», Изв. для изучения Таджикистана, т. I, Ташкент, 1923, стр. 37—183).

[169] О нем нет никаких данных в известной мне литературе; не сохранилось также и образцов его поэтического творчества.

[170] Нахли—поэтический псевдоним известного историка Абдулла-хана, Хафиза Таныша (Танаша) Бухари.

[171] Старое тюркское слово курчи означало оруженосца (от кур — оружие). Тимур образовал корпус называвшихся этим именем солдат-хлебопашцев, которые оберегали засеянные поля (Будагов Л., Сравн. словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб, 1871, стр. 73). Радлов отмечает, что слово курчи означает также «смотритель магазина» (какого?)— ein Magazin Aufseher (Радлов В. В., Опыт слов. тюркских наречий, т. II, СПб., 1899, стр. 954—955). В позднейшей Бухаре термином курчи обозначались военные, охранявшие склады пороха, патронов и проч. принадлежностей «огневой» стрельбы.

[172] Султан Махмуд Газневидский (388/998—421/1030) основал империю, которая простиралась от Лахора до Гисара в Средней Азии и Исфахана в Иране.

[173] Диван-беги—сановник по финансовой части, ведавший приходо-расходными статьями. Должность эта соответствовала в старой Персии сахиб-дивану с теми же функциями. Должность и звание диван-беги существовали в Бухаре до последних дней эмирата, в иерархии которого диван-беги был тринадцатым чином (в восходящем порядке). См. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства в б. Бухарском ханстве, Ташкент, 1929, стр. 10, примеч. 22; его же, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 137—153.

[174] Миршаб (соб. мир-и шаб, начальник ночи)—полицмейстер города, вступавший в свои права с 6 часов вечера, когда закрывались все городские базары, а через час запирались городские ворота и город окончательно замирал. С этого

времени никто не мог выходить из домов и ходить по улицам: патрули миршаба всех, невзирая на лица, задерживали и препровождали в миршаб-хона (полицейское управление). Обходы города в ночное время сопровождались зычным барабанным боем, которому вторили серебристые металлические звуки треугольников. Для освещения служили факелы или фонари. Должность миршаба с указанными функциями в Бухаре существовала до 1920 г., т. е. до уничтожения бухарского эмирата.

175 Джарчи — герольд, глашатай, бирюч.

176 Ашпара, или Аспара,—река в 10 *км* восточнее Мерке.

177 Ривайат—постановление законоведов со ссылкой на Коран, составленное для определенного случая.

178 Эта глава до сего места была в свое время переведена по-русски Н. Г. Маллицким (Протоколы и сообщения Турк. Кружка любителей археологии, год пятый, Ташкент, 1900, стр. 140—145) в его статье «Разгром Ташкента Имам-Кули-ханом бухарским в 1613 году».

179 Нуруддин Джехангир—четвертый из Великих Моголов, правил с 1014/1605 по 1037/1627 г.

180 Хаким Хазик—врач и поэт, оставивший после себя Диван (т. е. собрание стихотворений) на персидском языке. Умер в 1068/1658 г. (Beale-Keene, An Orient. Biogr. Dictionary, p. 159; Sprenger A. A., Catalogue of the Arab., Pers. and Hindust. MSS of the Libr of the King of Oudh, vol. V, Calcutta, 1854, pp. 433—444).

181 Прототип этого стихотворения — четверостишие знаменитого таджикского поэта XII в. Омара Хайама:

Знаешь ли ты, на утренней заре предрассветный петух
Почему всегда так жалобно поет?
Оттого, что в зеркале утра показали (ему),
Как из жизни (твоей) прошла (целая) ночь, а ты (этого) не знаешь.

182 Сукурлат (как по огласовке в ркп. ГБ № 609), или сакирлат (по огласовке в персидских словарях восточных изданий), а равно—сикиллят, сиклята,—шерстяная ткань, ввозившаяся в Иран и Индию из Западной Европы и Византии, где она вырабатывалась. (См. Бурхан-и кати', т. 2, Лакнау, 1305/1888, стр. 43 и 600; Фархан-и Рашиди, принадл. мне рукопись 1065/1664—1665 г., л. 250 а).

183 Харадж—поземельная подать, взимавшаяся в определенной сумме с известного количества земли или состоявшая в уплате определенной доли урожая (обычно от 1/8 до 1/5 урожая).

184 Повидимому, прозвание этого сановника; тагай по-староузбекски означает дядю со стороны матери. (См. Будагов Л., цит. соч., стр. 334).

185 Бухарцы носили шашки на поясах, а не на портупеях, как хивинцы.

186 Здесь имеется в виду игра слов: Нахли, псевдоним поэта,—значит пальмовый (от арабского слова нахль—пальма), а Тураби,—псевдоним другого поэта,—значит земляной (от арабского слова тураб—земля).

187 Ханабад—ныне главный город Каттагано-Бадахшанской провинции Афганистана; лежит на восток от Кундуза на большой караванной дороге от Файзабада через Кундуз на Таш-Курган и дальше на запад.

188 Кимхаб, кимха (также—камхаб, камха, или по-бухарски камхо)—то же, что китайское «камфа»,—плотная и довольно толстая шелковая ткань с разноцветными узорами, протканная золотыми и серебряными нитями. Из нее шились наиболее богатые платья.

Тас—одноцветная шелковая материя вроде глазета.

Диба—тяжелая шелковая ткань из крученого разноцветного шелка.

Хара—плотная шелковая материя с волнистостью (муар).

189 Этот обычай стелить дорогие ткани, ковры и шелковые платки на пути следования почетного гостя был распространен по всей Средней Азии и обозначался специальным термином пойандоз.

190 О смысле этих слов Имам-кули-хана см. содержание нижеследующего отдела «О сейидском достоинстве высокославного Надир-Мухаммед-хана и о подтверждении (родства) его с домом святейшего имама Али Муса Ризы»...

191 Аталык (узбекское слово)—заступающий место отца. Самый высший чин в Бухаре, существовавший до последних дней эмирата: давался в редких случаях самому почетному и уважаемому лицу, которого «как отца» почитал хан или эмир.

192 Парваначи (по-бухарски—парвоначи)—один из высших сановников, особа двенадцатого класса (в восходящем порядке), в переводе означает носителя ханского приказа (парванэ). Дадха (по-бухарски дадхо), «радеющий о правосудии»,—чиновник десятого класса в бывшей бухарской служебной иерархии. Слово это, между прочим, в Персидско-русском словаре Гаффарова (т. II, под ред. Л. Жирковa, М., 1937, стр. 940) переводится, как «судья» (в Средней Азии), в каковом значении оно никогда здесь не употреблялось.

Эти и другие им подобные чины, просуществовавшие в Бухарском эмирате вплоть до 1920 г., были в обиходе и в эпоху Тимуридов. Хондемир, например, упоминает (в Хабиб ас-сиар, т. III, часть 3, Тегеран, 1271, стр. 213), что Шахрох отправил египетскому султану просимые им пять списков из своей библиотеки в сопровождении Хусамуддин-Мубарак-шаха парвоначи.

193 Преподносить подарок из девяти однородных вещей—обычай, перешедший к среднеазиатским ханам и эмирам от монголов, у которых число девять считалось священным (Об этом подробно см. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. 750; Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 166 и 169).

194 Есаул, или, правильнее, ясаул—в первоначальном значении исполнитель повелений, основанных на постановлениях яса, т. е. царского повеления (в частности Чингиз-хана). В описываемую эпоху и позже есаулом назывался своего рода младший чиновник особых поручений как при дворе хана или эмира, так и у провинциальных властей.

195 Т. е. автор хочет сказать, что за время правления Имам-кули-хана и его брата в их государстве царили полный покой и довольство, так что жизнь напоминала вечный праздник (Разумеется, с точки зрения правящей клики).

[196] «Праведными халифами» у суннитов называются первые четыре преемника пророка: Абу Бекр, Омар, Осман и Али.

[197] Ка'ба—величайшая святыня мусульман; почти кубическое здание; в углу северо-восточной стены его вделан знаменитый черный камень, повидимому, аэролит, которому мусульманские легенды приписывают чудесное происхождение. Ка'ба находится в центре двора так наз. Масджид ал-харам. (священного храма, или мечети) в Мекке.

[198] Хаджж—паломничество к святым местам Аравии.

[199] Сура L XXXIX, ст. 28 (говорится о душе, уповающей на Аллаха).

[200] Сура X, ст. 26.

[201] Арафат—гора в двенадцати милях от Мекки, где паломники останавливаются на девять дней во время хаджжа; они там в полдень и в предвечернее время повторяют молитвы и слушают проповедь. Число располагающихся здесь паломников обычно составляет десятки тысяч человек.

[202] Катар—цепь верблюдов, соединенных вместе и идущих друг за другом гуськом; число животных в одном катаре колеблется от 10 до 100.

[203] Серый, с синеватым отливом, каракуль считался всегда самым дорогим.

[204] Так в ркп. ГБ № 1531 (по кат. Каля № 39); в прочих списках это событие излагается не столь сложно.

В списке ФБ № 09/848 (л. 465): «после того, выставив в качестве бунтовщика (некоего) Баки юза, они (заговорщики-бухарцы) послали его в область Ходжента. Он же, войдя в крепость, громко забил в барабан противодействия (правительству). Бухарцы выдвинули для ликвидации Баки юза Абдулазиз-султана, старшего сына хана. Когда он прибыл в Ходжент, то (там) его провозгласили ханом и посадили на престол».

В других списках говорится то же самое, за исключением несущественных разночтений. Некоторое отступление от этого варианта дает ркп. ГБ № 609 (л. 42 б): «Под тем предлогом, что казахский народ овладел областью Ходжента, (бухарцы) выдвинули Абдулазиз-султана, старшего сына его (Надир Мухаммед-хана, в качестве начальника сил, действующих против казахов), а Баки юза, сделав исполнителем заговора, послали в названную крепость (т. е. в Ходжент). (Потом) ввели туда принца (Абдулазиза) и провозгласили ханом».

[205] Область Куляба с главным городом того же имени (б. Кулябское бекство Бухарского ханства) лежала на правом берегу Аму-Дарьи и занимала территорию по бассейну р. Ях-су (соб. Егысу), правому притоку Аму-Дарьи.

[206] В ркп. ГБ № 609: в Сал-у чехар-ек. Округ (или местность) с таким названием известен из истории Тимура (Сал-у сарай), где у него была ставка в годы его содружества с эмиром Хусейном, и из действий Субхан-кули-султана против его брата Кутлук-султана, сидевшего в Кундузе (см. следующий отдел). Сал-у чехар-ек лежал по левую сторону Аму-Дарьи, в теперешнем Северном Афганистане. Повидимому, к нему причислялась и местность на правом берегу с переправой. Вамбери отождествляет его с современной ему переправой через Аму-Дарью—Ходжа-Салу.

(История Бухары, т. II, стр. 85). Теперь в Афганистане эти районы, кажется, не составляют особой административной единицы и на картах не обозначаются.

[207] Мейменэ (город)—лежит в современном Афганистане в 200 *км* к югу от г. Керки, на большом торговом пути, соединявшем заамударьинские области с южноазиатскими. Андхуд—современный афганский г. Андхой—находится на том же пути, почти на половине его, между гг. Керки и Мейменэ. Таким образом, видно, что в данную эпоху принадлежавшая Бухаре Балхская область включала обширные районы как по правую сторону Аму-Дарьи, так и по левую—в особенности. Принимая во внимание современное административное деление Афганистана, следует отметить, что из округов последнего к Бухаре причислялся почти весь теперешний обширный Каттаганский округ с главным г. Ханабадом.

[208] Иначе говоря, Кутлук-султан, получив от своего брата, Абдулазиз-хана, утверждение в правах наместника областей Балха и Бадахшана вместо свергнутого отца, вернулся в свой удел Кундуз и там объявил себя полновластным наместником названных областей.

[209] Чем, очевидно, решил показать, что Субхан-кули отныне является его наследником. Между прочим, Вамбери в своей Истории Бухары (т. II, стр. 86) говорит, что «к Кутлуку был отправлен Субганкули с обещанием, получить от отца сан калахани (коменданта крепости) в награду, если ему удастся уговорить брата». Автор не ссылается на источник, откуда он это взял, но, вероятно, в данном случае он пользовался настоящим трудом Мухаммед-Юсуфа. Последний употребляет слово (по бухарскому произношению) кугуль-хани (قغلخانی), но не кяла-хани. Слово это, не находимое ни в одном из словарей, по объяснению, данному мне образованными бухарцами, означает наследника престола. Насколько мне известно, в местных тюркских наречиях этого слова нет.

[210] Здесь мы видим обычное для среднеазиатского административного обихода, особенно бухарского, соединение двух чинов при одном лице. В то время, как прежде в дореволюционной России в табеле о рангах произведенный в следующий чин именовался только этим последним чином, а предыдущий аннулировался, здесь до последних дней было наоборот: при производстве в следующий чин один из высших предшествующих чинов тоже сохранялся за чиновником или военным. В данном случае—бий (старое казахское слово, означавшее лицо благородное и власть имущее, а в обычном обиходе—народного судью, в бухарской служебной иерархии означал особу 9 класса (в восходящем порядке), а диван-беги, как выше упомянуто,—13 класса. Термин же утарчи (в ркп. ФБ, ошибочно,—у т а д ж и) означает узбекский род, к которому принадлежал названный эмир Суюнч.

[211] Шихабуддин Шах-Джехан правил с 1037/1628 по 1069/1659 г. Ауренг-зеб был его третьим сыном; его имя Мухйиддин, а Ауренг-зеб есть прозвание, означающее «украшение трона». После междоусобной борьбы со своими братьями Ауренг-зеб наследовал престол Великих Моголов; он правил с титулом Аламгир (миродержец) с 1069/1659 по 1119/1707 г. Мурад-бахш был самым младшим сыном Шах-Джехана; умерщвлен по приказанию Ауренг-зеба в 1662 г.

[212] Сын Надир-Мухаммед-хана, который управлял районом Гури, ныне входящим в состав Каттаганской провинции Афганистана.

[213] Т. е., потерпев поражение, бежал в Иран.

[214] Шах Аббас II, Сефевид, правивший с 1052/1642 по 1077/1667 г.

[215] Автор здесь употребляет название чагатайские войска в отношении армии Великих Моголов потому, что наследниками удела Джагатая, или Чагатая, сына Чингиз-хана, явились Тимур и его преемники. Когда кочевые узбеки вторглись в Среднюю Азию в начале XVI в. и завоевали ее, то Тимурид Бабер (Бабур) ушел от них на юг, в Афганистан, упрочился там и оттуда предпринял завоевание Индии, где стал основателем империи Великих Моголов. Последние, сохраняя преемственную связь (в династическом отношении) с империей Тимуридов, удержали за собой и термин «чагатай» в смысле прилагательного.

[216] На основании этого можно думать, что налоговое бремя при Надир Мухаммед-хане было весьма тяжелым. И если, как выше было сказано, он весьма щедро раздавал подарки и деньги, а народ все же был им весьма недоволен (в Бухаре особенно), то, повидимому, это недовольство в значительной степени вызывалось чрезмерным налоговым давлением, более тяжелым, чем при его предшественнике, Имамкули-хане.

[217] Здесь все построено на игре слов: з а г а н с двумя долгими гласными означает вороны, а слово з а г а н с двумя краткими гласными—коршуна, и составляющие его три буквы—з, г, н—в числовом отношении дают цифру 1057, что соответствует 1647 г.

[218] Слово г у л а м автор, кажется, употребил в том значении, в каком оно было в ходу в его эпоху в Индии, именно, в смысле раба мужского пола независимо от возраста. (В прямом смысле гулам—значит мальчик, юноша, а также—слуга). Повидимому, не только обозная и вообще войсковая прислуга в армии Великих Моголов, хозяйничавшей в Балхе, но целые войсковые части, были из индийцев-немусульман и потому все они рассматривались как «гуламы».

[219] Сура CI, ст. 4.

[220] Семиан—название места в пределах кочевки арабов Бену Темим, подле Йемама (Jacut's geogr. Wörterbuch, III, Leip., 1924, 140). Другой Семиан, расположенный между городами Реем и Дамеганом, на хорасанской дороге, славился своими фисташками и изобилием фруктов (L e S t r a n g e, The Lands of the Eastern Caliphate, Cambr., 1905, p. 366).

[221] Гисар (Хисар)—область в верховьях Кафирниган-Дарьи, правого притока Аму-Дарьи, бывшее Гиссарское бекство Бухарского ханства.

[222] Округ Хульм лежал по реке того же имени, стекающей со склонов Гиндукуша и не доходящей до Аму-Дарьи. Развалины главного города этого округа, тоже Хульма, лежат вблизи теперешнего Таш-Кургана, к западу от него.

[223] В ркп. ГБ № 609 и в ркп. АС (1) этой фразы нет. Вместо этого просто сказано: «эмиры выступили с мирными предложениями; от обеих сторон последовали посольства» и т. д.

[224] На полях рукописи ГБ № 789, л. 47 а, написана следующая хронограмма этого события و تاریخ شهادت اورا خاقان شهید یافته اند — „Дату мученичества его нашли (в словах) „государь-мученик". Последние два слова в числовом выражении дадут 1071, что соответствует нашему 1660—1661 г.

[225] Саиб Исфаханский (Саиб-и Исфахани)—поэтический псевдоним Мирзы Мухаммед-Али-йи Тебризи, знаменитого персидского поэта, который в конце правления Джехангира (1605 — 1628) прибыл в Индию как купец. Оставшись в Индии, пользовался там дружбой высокопоставленных лиц. Вернувшись потом в Персию, в г. Исфахан, был возведен в звание поэта-лауреата при шахе Аббасе II. Умер и похоронен в Исфахане в 1060/1669 г. Его Диван, или сборник стихов, содержит 80 тысяч стихов (Beale-Keene, An Orient. Biogr. Dict., p. 344 Browne E. G., Hist. of Persian Liter. in Modern Times, Cam., 1924, pp. 264—267). Таким образом, Саиб являлся современником злополучного принца Касим-султана и увлечение последнего музой Саиба служит иллюстрацией к большой популярности этого поэта в Средней Азии уже при его жизни и к тем культурным связям, которые существовали между южными областями Аштарханидов и Индией Великих Моголов.

[226] Это четверостишие Касим-султана—обычного суфийского содержания, в котором под соловьем разумеется адепт суфизма, страстно домогающийся воссоединения с предвечной истиной, олицетворяемой здесь розой. Поэт рекомендует такому суфию, страстно влюбленному в истину (или божество), как мотылек, сгореть порхая вокруг божественного пламени.

[227] Правил с 1053/1643 г. по 1074/1663 г. и оставил после себя знаменитый труд «Генеалогическое древо тюрков и моголов», законченное, впрочем, его сыном Ануша-ханом по смерти отца. Оно, ввиду важности его исторического значения, было переведено на русский, французский, немецкий языки и выдержало несколько изданий.

[228] Мухаммед-Ануша правил с 1074/1663 по 1098/1687 г.

[229] Богатая область с городом того же имени, лежавшая на северо-восток от г. Бухары.

[230] Внутренняя крепость, цитадель столицы, где имел местопребывание владетель всей страны, а в его отсутствие—его заместитель, не имевший права выезжать из стен арка никуда, даже в город. О происхождении этого слова и его употреблении см. В. В. Бартольд, Персидское арк «крепость, цитадель», Изв. Российской Академии истории материальной культуры, т. 1, П., 1921, стр. 29—32.

[231] Сура LXXIV, ст. 51.

[232] Келечи, а может быть, калачи (потому что слово написано без гласных), повидимому, название узбекского племени, из которого происходил первый сановник. Среди тюрко-монгольских племен было племя калачи. Аралат (арлат)—название отуреченного монгольского племени в Средней Азии, к каковому принадлежал этот парваначи; в позднейшее время племя аралат причисляло себя к узбекам. (См. Хорошхин А. П., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб, 1876, стр. 512).

[233] Ибрагим Эдхем, султан Балха, отрекся от власти и стал дервишем. Умер, по преданию, между 875 и 880 г. н. э. в возрасте 110 лунных лет.

[234] Шейх Фаридуддин Аттар—знаменитый суфий и поэт дервишеского миросозерцания. Был в молодости состоятельным аттаром, т. е. провизором, аптекарем. Под влиянием происшедшего с ним переворота покинул все свое состояние, чтобы стать дервишем. Погиб при взятии монголами его родного города Нишапура в 1231 г. (?—*А. С.*). В приводимом здесь рассказе допущен несомненный анахронизм, так как Ибрагим Эдхем и Аттар жили в разные эпохи.

[235] Ясриб—древнее название Медины, Бэтха—название местности подле Мекки.

[236] Земзем—название священного колодца подле меккской мечети.

[237] Это событие, по записи на полях ркп. ГБ № 789, л. 49 б, произошло в 1092/1681 г.

[238] Здесь подразумеваются не свита хана и его приближенные, а просто паломники всякого звания и положения, отправившиеся в хаджж со всего Мавераннахра, пользуясь благоприятным случаем совершить далекий путь с караваном хана, который, несомненно, был лучше оборудован и лучше, чем какой-либо другой, охранялся вооруженными людьми от степных разбойников. Какие огромные караваны шли в прежнее время в священные места Аравии, свидетельствуют старые европейские труды. Кроме того, мусульмане, совершая паломничество, обязаны были благотворить, в расчете на это в хаджж шла масса бедных в полной уверенности, что они пропитаются в пути за счет богатых.

[239] Ф е т в а—разрешение того или иного юридического вопроса в письменной форме, которая может быть выдаваема лишь юридически образованным специалистом, называемым муфтием. Таким образом, Абдулазиз-хан по своей юридической подготовке мог быть муфтием.

[240] Это двустишие приведено только в списках ГБ №№ 789 (л. 509, на полях) и 1691 (180б) и АС(2).

[241] Г у д у н г (گودنك)—большая, слегка округлая болванка, на которую ткачи шелковых и полушелковых материй набивали, с проклейкой, муар; т а б а н г (تبنك)—огромное деревянное блюдо, на котором выставлялись на базарах для продажи фрукты, разные снадобья и т. п.

[242] Д ж е р и б—мера земли для измерения площадей и длины, в разных местах различная. В Мавераннахре джериб не был во всеобщем употреблении и в актах он обычно употреблялся вместо термина т а н а б, обозначая равную ему площадь земли. В Бухаре танаб (а следовательно, и джериб) равны 600 кв. саженям [т. е. около 2400 *м*². — Ред.].

[243] В списках ФБ № 848, ГБ № 609, 739, 1531, 1738 и АС (1) — «в области Бухары», в списке ГБ № 1691 местонахождение этого медресе не указано. В городе же Бухаре медресе Абдулазиз-хана расположено именно против медресе Улуг-бека.

[244] С у л у с, или сулс,—род крупного насха (которым пишут Коран), почерк, состоящий из крупных, как бы заглавных букв; особенно часто употреблялся в настенной и надгробной эпиграфике. Для первой—художественно написанные сулусом

письмена набирались цветными изразцами или исполнялись заливкой разноцветной глазури, для надгробной эпиграфики—вырезались на камне.

[245] Термином кыт'а обозначаются художественно написанные на отдельных листах стихотворения, или, вернее, отрывки из стихотворений, строки в четыре или больше, имеющие законченный смысл. Листы, на которых писались такие кыт'а, были из толстой бумаги, которая лощилась агатовым зубом, поля окрашивались в какой-либо одинаковый цвет, а фон для письма оставался белым или отделывался под цветной мрамор, а затем все тонко усеивалось золотыми брызгами. Эти высокохудожественные образцы каллиграфического искусства часто, как панно, развешивались по стенам, заменяя наши картины, или хранились в особых папках, составляя своего рода альбомы. Нередко кыт'а заключали только художественно выполненные буквы арабской азбуки, взятые как в отдельном виде, так и в соединениях между собой.

[246] Известный бухарский каллиграф эпохи Шейбанида Абдулазиз-хана, сына Убайдулла-хана.

[247] Диван — собрание стихотворений. Особенностью диванов является расположение стихотворений по буквам арабской азбуки, на которые оканчивается каждый стих. Таким образом в начале каждого дивана помещаются все стихотворения данного поэта, оканчивающиеся на букву а (алеф), а в конце стихотворения с окончанием на последнюю букву алфавита—и (яй).

[248] Хафиз Ширази—лирический поэт, живший в XIV в.

[249] Двойным стихом, или бейтом, в арабской метрике называется то, что у нас принято обозначать словом двустишие, с той лишь разницей формального порядка, что у нас строки двустишия располагаются одна под другой, а на Востоке—в ряд, отделяясь звездочкой или вертикальными чертами (в диванах). Если подойти практически к объяснению данного места нашего автора, то это значит, что Хаджи Ядгар мог за день каллиграфически написать с напряжением десять строк текста, причем каждая строка имела длину, примерно, в 7,5 *см.*

[250] Шах Сулейман, из династии Сефевидов, правил с 1077/1667 по 1105/1694 г.

[251] По церемониалу на Востоке, государи при свидании между собой не обменивались подарками в этот момент; подарки посылались потом, обычно в тот же день, когда гость возвращался в отведенное ему помещение.

[252] На полях л. 52б ркп. ГБ № 789 имеется приписка, что Мулла Серфераз на смерть Абдулазиз-хана составил стих «Шах Абдулазиз скончался» (Шах Абдулазиз фаут шуд); числовое значение букв этого выражения дает 1093 г., т. е. 1682—1683 г. н. э.

[253] Т. е. Субхан-кули-хану, который стал ханом всего Мавераннахра в 1091/1680 г.

[254] Т. е. ведущий свой род от старшего сына Чингиза, Джучи-хана, умершего при жизни отца. Его улус простирался от Алтая до Волги.

[255] По представлениям восточных поэтов, планета Венера отождествляется с небесным музыкантом.

[256] По верованию мусульман, дыхание Иисуса было чудодейственным, так как оно оживляло мертвых. И поэт хочет сказать, что и воспеваемый им хан почти равен Иисусу, почему само солнце перед ним уподобляется ночной бабочке, порхающей вокруг светильника-хана.

[257] Т. е. все то, что противилось хану, что поднималось против него, он уничтожил.

[258] Все это аллегорически живописует царственное величие Субхан-кули, которого собираются возвести на престол Мавераннахра.

[259] Фарраш—букв, подстилающий ковер; здесь—в значении слуги, прислуги.

[260] Друг вечности—эпитет Аллаха.

[261] Мария, или, как в тексте,—Мариам,—мать Иисуса. Балкис—мудрая, прекрасная и богатая царица Савская, современница Соломона.

[262] См. примечание 188.

[263] Таким образом, этот ишан был прямым потомком известного шейха XVI в. Махдум-и а'зама.

[264] Сура XIV, ст. 42.

[265] Дело в том, что в приведенном выше коранском стихе понятие «постоянный» передается словом муким, отсюда и собственное имя Муким.

[266] Сура II, ст. 151.

[267] Сура LV, ст. 26 (по переводу Саблукова).

[268] Так—в ркп. ГБ № 609 (л. 58а, б) и № 1738 (л. 46б).

[269] Так—в ркп. ГБ №№ 609 (л., 58 б) и 1738 (л. 46б); в прочих списках—«слыша про его свойства».

[270] Кунграт—узбекское племя, из которого вышла династия последних хивинских ханов.

[271] Так—в ркп. ГБ №№ 609 (л. 57б) и 1738 (л. 47а).

[272] Канун и чанг—струнные музыкальные инструменты.

[273] Т. е. чтобы музыканты, положив пальцы на струны, исполнили ряд мелодий.

[274] Слово хафиз—собственно означает человека, знающего наизусть Коран и много песен. Можно полагать, что, упоминая о хафизах особо, наряду с певцами, автор имел в виду именно распевавших Коран или какие-либо благочестивые стихи, поскольку он указывает при этом, что эти мелодии должны были в местах веселья слушаться мистически настроенными людьми. В обычном же среднеазиатском значении слово хафиз означает певца-профессионала.

[275] Эта часть фразы имеется в ркп. ГБ №№ 609 (л. 59б) и 1738 (л. 47б). Так как арк стоял на высоком месте, как это надлежало быть цитадели в средневековом мусульманском городе-крепости, и, вероятно, сам Абу-л-Мансур-хан жил вне арка, где под охраной оставались прочие дети Субхан-кули-хана, то значение этой фразы приобретает свой смысл.

[276] Мираб—тот, кто следит за распределением воды из оросительных каналов на поля, сады и огороды.

[277] Туксаба (по-бухарски—туксоба)—седьмой чин в б. бухарском военном сословии с титулом «убежище войны». Минг—узбекское племя, из которого, между прочим, вышла династия кокандских ханов.

[278] Мирахур—конюший, шталмейстер,—шестой чин (в восходящем порядке).

[279] Так — в ркп. ГБ № 609 (л. 60а, б) и № 1738 (л. 48а). В прочих списках кратко сказано «по ложному предположению» (батасаввур-и батил).

[280] Джаухар—рисунок из сплетений стальной витой проволоки, употреблявшейся на Востоке при поковке клинков на хорошие шашки, который так красиво выступает на полировке клинка (так называемая «дамасская сталь»).

[281] Алчин—одно из казахских племен; такое же название носит и одно из узбекских племен.

[282] Речь идет о нападении на усадьбу, где была построена мечеть-мавзолей с мнимой гробницей четвертого халифа Али.

[283] Накиб—лицо духовного сословия, занимавшее второе место после шейх ал-ислама; накиб в отсутствии хана решал за него тяжбы между военными, превышавшие компетенцию кази-аскера, или военного судьи. (Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 190). В Бухаре XVII—XIX вв. накиб (обычно из сейидов) ведал снаряжением войска и его расположением перед боем, он же следил, чтобы достойных и способных лиц не допускали к неподходящим для них занятиям (см. А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях; Советское востоковедение, V, стр. 140).

[284] Прибавленные к этим сановникам слова юз, ябу, дурмен обозначают название тех узбекских племен, из которых происходили эти лица.

[285] Это выражение имеется в ркп. ГБ № 609 (л. 62а) и № 1738 (л. 50а). В ркп. № 1531 (л. 58б) вместо этого—«отвернувшись от его величества, степени халифского достоинства».

[286] Гиджду́ван—один из древнейших населенных пунктов Бухары, лежит в 18 с лишним километрах от ст. Кызыл-Тепе, Среднеазиатской железной дороги и километрах в 50 от г. Бухары.

[287] Так—в ркп. ГБ №№ 609 и 1738.

[288] Перевод сделан по суммарному тексту основного списка (ФБ) и списка ГБ № 609.

[289] Эта фраза имеется в ркп. ГБ №№ 609, 1531 и 1738.

[290] Хасан-ходжа, перед именем которого в ркп. ГБ № 609 стоит эпитет «убежище иршада», что указывает на его принадлежность к последователям суфизма, был отцом вышеупомянутого накиба Мухаммед-Са'ид-ходжи, которого Сиддик-Мухаммед послал с двумя сановниками и отрядом войск в Бухару. Повидимому, до него дошли слухи, что именно накиб ведет интриги против него и натравливает на него его отца, Субхан-кули-хана, поэтому он и предпринял эти меры против престарелого Хасан-ходжи

[291] Так—в ркп. ГБ за №№ 609, 1531 и 1738.

[292] Так—в ркп. ГБ за №№ 609, 1531 и 1738.

[293] Биографические данные об этом суфии мне не известны.

[294] Содержание письма комбинировано по спискам ГБ за №№ 609, 1531 и 1738, в которых встречаются отдельные слова, дополняющие и поясняющие общий текст.

[295] Т. е. после того, как Субхан-кули-хан вступил вслед за сыном в г. Балх.

[296] По представлению средневековых восточных медиков, человеческий организм состоит из четырех жидкостей, смешанных в известных пропорциях: из крови, мокроты, желтой желчи и черной желчи. Увеличение или уменьшение каждой из этих жидкостей вызывает опасные осложнения.

[297] Зубейда—жена арабского халифа Харун ар-Рашида (786—809 гг.), один из персонажей сказок «Тысячи и одной ночи».

[298] Заключенная в квадратные скобки часть фразы есть в ркп. № 09/848, ГБ №№ 789 и 1531.

[299] Фарран—имя знаменитого арабского грамматика.

[300] Сибавейх, Амр б. Осман,—перс, происходивший из окрестностей Шираза; прославился как замечательный арабский грамматик (ум. в 1161 г., а по другим данным—в 1194 г. н. э.).

[301] Ахфаш—арабский ученый VIII—IX вв., пытался заниматься преподавательской деятельностью, но за отсутствием слушателей ему приходилось приводить на свои лекции собственного козла.

[302] Этой метафорой автор хочет указать, как подвижны и разнообразны положения пальцев пишущего.

[303] Буква алеф—первая буква арабской азбуки—в виде прямой палочки с утолщением вверху; в поэтическом языке означает стройного красавца или красавицу, а также—копье.

[304] Т. е. в среде неустрашимых людей и искусных писателей.

[305] Тайласан—кусок дорогой ткани, носившейся на плечах, которым иногда покрывали голову, вместе с тем это слово означает также выпущенный и свешивающийся вниз конец тюрбана или чалмы. Здесь употреблено, повидимому, в последнем значении. Все это метафорическое выражение означает, что царевич Муким-султан своим пером, как хатиб в мечети (о слове хатиб см. прим.[34]) излагает хвалу Аллаху по-арабски и по-таджикски.

[306] Т. е. перо делает искусные завитки букв и мастерски ставит надстрочные и подстрочные к ним точки.

[307] Т. е. отлично пишет рядовой текст тушью и, когда нужно выделить главы и коранические стихи, употребляет киноварь.

[308] Т. е. он, легко попадая стрелой в кольцо стальной блестящей кольчуги, как будто пропускал через него мягкий локон красавицы.

[309] Палочкой особого вида вводят в глаза сурьму или коллирий для придания глазам блеска и выразительности.

[310] Т. е. она разит метко, в самый зрачок.

[311] Т. е. окутывает их смертью.

[312] Разумеются те перья, которые прикреплялись на концах стрел, чтобы сообщить им правильность полета; они были, по преимуществу, из крыльев коршуна.

[313] Крючком особого устройства с кольцом, надевавшимся на большой палец руки, захватывали тетиву при натягивании лука.

[314] Уподобление крючка для рыбной ловли крючку для стрельбы из лука.

[315] Эльбрус—цепь гор, отделяющая южные берега Каспийского моря от Иранского нагорья.

[316] Чоуган—палка, загнутая на одном конце в виде крюка, которой в игре в гуй-бози (поло) каждый из всадников подхватывает и гонит по лугу шар.

[317] Лучшие шашки на Востоке вырабатывались из так наз. дамасской стали разного вида (букетный дамаск, струйчатый и т. п.), здесь эта метафора относится к рисунку такого клинка.

[318] Здесь игра слов: жемчужина обозначается словом джаухар, которое вместе с тем означает и рисунок на блестящем клинке шашки, образуемый сплетением стальных проволок, из которых куется клинок. Смысл этой метафоры тот, что меч или шашка уносят человеческую жизнь одним взмахом клинка.

[319] Т. е. всякой дичи, попавшей под убийственные крылья сокола, суждено попасть в загробный мир.

[320] Лагман, повидимому, лежал ближе к теперешнему Файзабаду, чем к Кундузу.

[321] Это служило выражением полной покорности, когда являвшийся отдавал себя безоговорочно в руки победителя или своего сюзерена.

[322] Так в ркп. ГБ за №№ 609 и 1531. В прочих списках (видимо, ошибочно): «он провел дорогу в крепость тем, что построил деревянный мост над водой крепостного рва. и опять начал сопротивление».

[323] В ркп. №№ 609—«опора эмиров, лично подойдя к подножию крепости, соизволил побудить молодых людей захватить ее».

[324] Джузгун—современный город Файзабад, находящийся почти в центре Бадахшана. О происхождении его позднейшего названия—Файзабад—см. Бурхан-уд-Дин-хан Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, стр. 93—94, прим. 1.

[325] В тексте «войско из гарчей Кухистана», т. е. автор здесь употребляет этнический термин для обозначения населения горных областей (Кухистан) Бадахшана. Этим термином, в форме «гальча», население Мавераннахра называло обитателей горных областей, лежащих на восток, северо-восток и юго-восток от Самарканда и Бухары. Термин этот происходит от древнебактрийского гар—гора, отсюда между прочим, название Гарчистан, прилагавшееся средневековыми мусульманскими авторами к некоторым горным странам Средней Азии. (См. Бартольд В., Историко-географический обзор Ирана, СПб, 1903, стр. 27).

[326] Кишм—местность в Бадахшане, расположенная к востоку от Гульфагана. Описание ее см. у Бурхан-уд-Дин-хана Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, стр. 110—111).

[327] В ркп. ГБ № 609: «Аталык, услышав про это событие, отказался от намерения (ведения решительных действий против) Лагмана и направился против них».

[328] Имеется в виду местность в Талеканском округе Каттаганской провинции теперешнего Афганистана. На картах и в официальных афганских описаниях ее название передается в арабизированной форме—Верседж. (Описание ее см. в вышеназванном труде Бурхан-уд-Дин-хана Кушкеки, стр. 70—73).

[329] Эта фраза имеется в ркп. ГБ № 609 и в ркп. АС (1).

[330] Кеджек—палка с крючком на конце, которую держит в руках сидящий на слоне карнак, его вожатый, для понукания и направления животного.

[331] Т. е. этой, несколько необычной метафорой, автор хочет сказать, что в спасении таких необычных слонов от москитов принимала живейшее участие природа, ниспосылая для этого спасительное утро с меркнущими звездами, когда исчезали москиты.

[332] Часть фразы, заключенная в квадратные скобки, имеется в рукописи ГБ № 609.

[333] Т. е. до сведения самого Ауренг-зеба, который, как мы видим, в письме не называет нигде адресата по имени, а о себе говорит или во множественном числе (в глагольных формах), или в третьем лице (взамен местоимения первого лица), придавая себе более пышные эпитеты, чем бухарскому хану.

[334] Т. е. Субхан-кули-хана, главы дома Аштарханидов.

[335] Т. е. Бухары, пограничной областью которой с Индостаном была Балхская провинция.

[336] Т. е. в Бухарское ханство.

[337] Т. е. при дворе Ауренг-зеба.

[338] Т. е. для отправителя настоящего письма, Ауренг-зеба.

[339] Т. е. «о всем этом я надеюсь получить от вас письмо».

[340] Джизья—подушная подать, платимая в мусульманских странах подданными немусульманского вероисповедания. Слово джизья значит замена, ибо эта подать заменяла смерть, которой должны были подвергнуться неверующие за свое неверие.

[341] Т. е. Ауренг-зеба.

[342] Аджмир—область в Раджпутане с площадью около 5400 *км*² и с главным городом того же имени, который в свое время считался неприступным. В г. Аджмире находится знаменитый по своим скульптурам храм Джайна.

[343] В оригинале—баджгузар, что дословно значит—платящий дань, ленник.

[344] Балыш—монетная единица монгольской эпохи (из золота или серебра); данные восточных авторов о стоимости балыша довольно разноречивы (См. Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, СПб, 1911, стр. 17; он же, Balish, The Encycl. of Islam, I, Leyd.—Lond., 1913, p. 621).

[345] Сура XCIII, ст. 11.

[346] Имеются в виду юго-восточные Припамирские и Памирские области, куда, очевидно, простирались завоевательные устремления Ауренг-зеба.

[347] Область Джанда, или Чанда, мне не известна; возможно, что это или сокращение другого названия, или же его искажение автором или переписчиком.

[348] Это арабское выражение может быть переведено и повелительным наклонением 2 лица ед. ч., т. е. «И потому восхвали Аллаха» и т. д.

[349] В ркп. ГБ №№ 609 и 1531—Мухаммед-джан-хаджи.

[350] Т. е., переводя на обычный язык,—«когда наступила весна с ее зеленью и грозами...»

[351] См. прим. 155. В ркп. ГБ № 609—«зверства Заххака и Афрасиаба» (мифических царей-деспотов эпоса Шах-намэ)

[352] В ркп. ГБ № 609—«когда он был на средине пути», (очевидно, при обратном возвращении в Бухару).

[353] Шейх Бахауддин, шах-и накшбенд—известный бухарский суфий и патрон ханства; родился в 718/1318 г. в селении Каср-и Гиндуан, под г. Бухарой, по профессии—ткач узорчатой шелковой материи, называвшейся камха; исполнял также обязанности палача у эфемерного султана Халила. Много путешествовал по Ирану и Средней Азии; имел огромное количество учеников в самых разнообразных слоях общества и в разных областях и районах. Умер и похоронен в 791/1389 г. в родном селении (получившем его имя). Подробно см. Семенов А., Бухарский шейх Баха-уд-Дин; Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского, М., 1914, стр. 202—211.

[354] Слово джан, означающее понятие душа и жизнь, изображается тремя буквами: *дж* (джим), *а* (алеф) и *н* (нун); средняя буква — алеф—возвышается над двумя соседними с ней буквами.

[355] В тексте стоит слово мильь; этим термином обозначается особый раскаленный железный стержень, употребляемый для выжигания глаз с целью ослепления.

[356] Ирнак, или по чтению некоторых, Эренк, правил с 1098/1687 по 1099/1688 гг.

[357] Бахрам Гур—шах Ирана из династии Сасанидов (420—438); Бахрам—имя планеты Марс.

[358] Бала-и Мургаб лежит на северо-восток от Кушки.

[359] Одни из одиннадцати ворот стены, окружавшей город Бухару. В эпоху арабских географов эти ворота назывались воротами Ибрагима. В XII в. подле них было устроено место для праздничной молитвы в дни курбана и рамазана (Умняков И., К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары, Сб. Туркестанского Восточного института, Ташкент, 1923, стр. 153).

[360] Дословно: «что ты сказал бы: небо имеет меч в кулаке».

[361] Семь столов Рустама—выражение из Шах-намэ. Когда шах Кайкаус попал в плен в Мазандаране, то освободить его отправился Рустам. В пути он убил много дивов и разных чародеев и в семь дней добрался до Мазандарана; где и освободил Кайкауса. Этот эпизод называют семью столами Рустама, потому что на каждой остановке он устраивал пиры. Семь столов Асфендиара—тоже выражение из Шах-намэ. Когда царь Турана, Арджасп, захватил в плен сестер царевича Асфендиара, сына шаха Кештаспа, и поместил их в крепости Руйинэ-Деж, Асфендиар в это время находился в заточении у собственного отца. Как только он освободился, то через горный проход «Семь столов» отправился в Туран, преодолел на пути разные препятствия и разными способами и ухищрениями проник в крепость, где томились его сестры, обманом убил Джамаспа со всеми его людьми и освободил своих сестер.

Некоторые говорят, что между Ираном и Тураном существует опасный путь в семь переходов, называемых «Семь столов», и по этому пути никто не проходил, кроме Рустама и Асфендиара (Бурхан-и кати, сост. Мухаммед-Хусейн-и Тебризи, т. II, Лакнау, 1888, стр. 495).

[362] Этой фразы—«и судьба грохотом неба» и т. д. нет в списке ГПБ № 609.

[363] Т. е. провозгласили Субхан-кули-хана хивинском ханом.

[364] В рукописях جاوم بی —имя необычное, возможно, это Чавум-бий (от узбекского глагола جاومق —приобретать славу, репутацию или делать шум. См. Будагов, цит. соч., т. 1, 466). [Ред.]:

[365] Сура LV, ст. 26.

[366] Чаушем в султанской Турции описываемого времени называли придворного чина (дословно «привратник»), которому вверялись знатные пленники и которого султан посылал в качестве посла к чужестранным державам. В самой Турции появление чауша являлось плохим предзнаменованием, так как чауши посылались к сановникам с султанским повелением, требующим их казни.

[367] Султан Ахмед II правил с 1102/1691 по 1106/1695 г.

[368] Автор, повидимому, что-то напутал здесь, если понимать это место буквально так, как оно написано; но, может быть, следует читать не Крым, а иначе, допуская существование какого-либо китайского района с названием, похожим на Крым, и существовавшего где-нибудь недалеко от Ферганы и Семиречья.

[369] Сура II, ст. 77.

[370] Сура XIX, ст. 58.

[371] Сура XXVII, ст. 29.

[372] Сура V, ст. 59.

[373] Так в ркп. ГБ № 609; в ркп. АС(2)—в область Орхан; в ркп. ГБ №1531—в область Узджан; в прочих списках просто сказано: «придя в богохранимое государство Рума» (без упоминания области).

[374] Харвар—тяжесть, поднимаемая одним ослом, ослиный вьюк, равный в Хорасане, приблизительно, 18 пудам с лишним. [По общепринятому, но, повидимому, не вполне соответствующему действительности мнению, харвар приравнивается к 18 пудам (около 300 *кг*).

Однако, по определению W. Hinz'a (Lebensmittelpreise in mittelalterliche Vorderen Orient. Die Welt des Orients. Göttingen, 1954, S. 57. Tabrìz, Arran) в XIII в. в Табризе (харвар-векр) и Арране (харвар) равнялся 83,33 *кг*. Ред.].

[375] Танга (теньга) — бухарская серебряная монета. В XIX в. курс ее колебался. Например, в 1840—1841 гг. одна танга стоила на русские деньги 68⅓ коп. ассигнациями (19 коп. в золотой валюте); в 60—70-х годах прошлого столетия, т. е. вскоре после присоединения Средней Азии к Российской империи, танга равнялась 20 коп. В Кокандском ханстве эта монета носила название «кокан» и также расценивалась по 20 коп. за кружок. В 90-х годах прошлого столетия наблюдается падение курса танги: он доходит до 16 коп. за кружок; ее покупательная способность в восточных бекствах Бухары была гораздо выше, чем в гор. Бухаре и его округе.

Например, в Каратегине один батман (15 пудов) пшеницы осенью стоил 8 тенег, или 1 р. 28 коп., а весной 11 тенег (1 р. 76 коп.), тогда как в г. Бухаре цены были выше более чем в три раза. В 80-х же годах цены на хлеб стояли еще ниже, доходя в Каратегине до 3—4 тенег за батман пшеницы (См. Ханыков Н., Описание Бухарского ханства, стр. 114; Хорошхин А. П., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 299—300; Материалы для статистики Туркестанского края, вып. 11, СПб, 1873, стр. 569; Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 52). В 1901 г. фиксация танги распоряжением царского министра финансов была установлена в 15 коп. за кружок в целях объединения ее с русской 15-копеечной серебряной монетой (фактически, однако, кружок танги стоил дороже русского пятиалтынного). Сопоставляя приведенные сведения с данными нашего автора о покупной ценности танги в Балхской области в конце XVII в., нельзя не придти к заключению, что или в то время курс танги был очень низок, или, возможно, что за несколько лет до этого разоряемое и обираемое население Балха испытывало такую нужду в хлебе, что он стоил очень дорого. Во всяком случае, цена 20 тенег за батман пшеницы (при 8-пудовом батмане в Бухаре), или 4 рубля серебром, была довольно высокой ценой в середине прошлого столетия в Бухарском ханстве.

[376] В ркп. ГБ № 609 дословно: «Из героев и витязей сорок тысяч (человек)».

[377] Река Кокча—левый приток Пянджа—одна из главных водных артерий Бадахшана. На ней лежит теперешний главный город области Файзабад (прежний Джузгун). Река эта на всем своем протяжении золотоносная. В окружающих ее горных массивах много полезных ископаемых, вроде свинца и ляпис-лазури; разработка последней составляет теперь государственную регалию Афганистана (См. Рахнама-йи Катаган ва Бадахшан, сост. Мавлеви Бурхануддин-хан-и-Кушкеки, Кабул, 1302, стр. 184—185, 215—216 и 218. Рус. перевод Каттаган и Бадахшан, Ташкент, 1926, стр. 101—120 и 123).

Во времена Аштарханидов здесь, как видно, тоже разрабатывались какие-то копи, продукты которых составляли регалию бухарских ханов, и недопущение к рудникам правительственных чиновников местным правителем, Яр-беком, нарушало суверенные права этих ханов.

[378] Как и подобает историку-панегиристу, наш автор умалчивает при изложении этого эпизода о взаимоотношениях Мир-Яр-бека и бухарцев. По афганским источникам, в 1068/1657—1658 гг. в Бадахшане стали бесчинствовать и производить насилия над жителями узбеки, колонизовавшие соседнюю область Кундуз (Современный Каттаган). В целях создания против них сильной власти объединившиеся бадахшанские племена избрали своим правителем (миром) Яр-бек-хана, происходившего из самаркандских сейидов и принадлежавшего к дервишской семье. Мир-Яр-бек-хан отразил нападение узбеков и спокойно правил страной в течение двух лет, но происки некоторых представителей местной знати заставили его покинуть Бадахшан и удалиться в Индию. Этим воспользовались узбеки, и балхский наместник Махмуд-бий аталык овладел Бадахшаном. Бадахшанцы стали сожалеть о Яр-бек-хане, послали к нему своих старейшин, упросили его вернуться в Бадахшан и стать их главой. Бухарцы

покинули Бадахшан, где Яр-бек остался на положении, повидимому, полновластного правителя, сохранившего по отношению к Бухаре известные вассальные обязательства, которые он, как это видно из рассказа нашего автора, не всегда исправно соблюдал. Он правил Бадахшаном около пятидесяти лет; от него вела свое происхождение династия бадахшанских миров, правившая до начала 80-х годов прошлого столетия (см. Рахнама-йи Катаган ва Бадахшан. стр. 162—164. Русский перевод: Каттаган и Бадахшан, стр. 96—97).

[379] В оригинале стоит слово تورہ, по бухарскому произношению—тюря. Этим термином в Бухарском ханстве обозначались дети ханов или эмиров, принцы крови и, главным образом, наследники престола, поэтому я позволил себе перевести настоящий термин этим последним словом. (Потом титул тюря в Бухаре распространительно прилагался и к русским чиновным лицам). Если читать между строк настоящего повествования, то в данном случае мы имеем дело с широким общественным протестом и открытым возмущением народных масс против власти Махмуд-бай аталыка.

[380] Автор здесь и в последующем изложении вводит этническую группу курама, под каковым названием известен один из узбекских родов (по крайней мере со времени водворения в Средней Азии кочевых узбеков). В настоящее время, насколько известно, курама не встречается в Северном Афганистане, поэтому факт существования там многочисленной группы кураминцев в конце XVII в. очень интересен с точки зрения исследования расселений и миграций узбекских и других тюркских племен, вошедших потом в состав узбеков, но сохранивших свои племенные названия. Основное ядро курамы издавна жило в Ташкентском районе, и в первые годы существования Туркестанского генерал-губернаторства Ташкентский уезд назывался Кураминским. Так как слово курама по существу означает сброд, сборище (разных племен), то в этом племени одни исследователи видели потомков различных народностей, образовавших одну самостоятельную этническую группу, другие рассматривали кураминцев как самостоятельный узбекский народ, исходя из того, что они сами причисляют себя, в большинстве случаев, к узбекам. Однако в известном списке 92 узбекских родов курама не встречается. Кураминцы в данное время живут в разных местах Южного Казахстана и в Узбекистане. Ср. Решетов В., К вопросу о термине «курама» и кураминцах, Бюллетень АН УзССР, 1945, 5, стра. 18 и след.

[381] Последнее прилагательное—парсаи,—очевидно, указывает на то, что он происходил от знаменитого бухарского шейха XIV—XV вв.—Ходжи Мухаммеда Парса.

[382] Абу Бекр, первый «праведный» халиф, или наместник—преемник Мухаммеда, называется «другом по пещере», потому что скрывался в пещере с пророком во время бегства последнего из Мекки в Медину в 622 г. н. э.

[383] Таким образом, Салих-ходжа являлся племянником Субхан-кули-хана, тесно связанным с влиятельными суфийскими кругами Балха.

[384] Слово «собственноручно» добавлено в ркп. ГБ за № 609.

[385] В тексте дословно: «счастливых султанов». Поскольку в административном государственном обиходе узбекских ханств Средней Азии того времени слово «султан»

означало принца крови, а Балх являлся уделом старшего из них (наследника престола по преимуществу), то я позволил себе перевести слово султаны здесь понятием «принцев».

386 Слово юрт означает жилище, дом; местопребывание, лагерь. В ркп. ГБ за № 609 при этом слове стоит слово кадими—древний, старинный. Таким образом указывается, что Махмуд-бий был родом из Кундуза и имел там исконные родовые и семейные связи.

387 Ходжами в Средней Азии называли потомков первых арабских завоевателей; они встречались почти среди всех местных племен и искони пользовались привилегированным положением.

388 Т. е. управлять Балхской областью.

389 Этот царевич, вероятно, принадлежал к внучатым племянникам Субхан-кули-хана от его братьев, оставшихся в Балхе со времени наместничества там его отца, Надир-Мухаммед-хана. Выражением «ни за что, ни про что» я передал буквальный смысл текста—«без полезного привлечения и без вредной мысли».

390 Дивана—сумасшедший, дурачок, юродивый.

391 Сура LXXI, ст. 25.

392 Узбекская традиция насчитывает 92 узбекских племени; они перечислены в особом списке, который впервые стал достоянием науки благодаря Н. В. Ханыкову, опубликовавшему его в переводе в своем «Описании Бухарского ханства» (СПб, 1843, стр. 58—63).

393 Возможно, что он боялся, что армия Субхан-кули-хана в состоянии повернуть, разбить балхцев и на их плечах войти в город.

394 В тексте—шахзадэ-йи аламиан—царевич обитателей мира. Этот эпитет в текстах обычно относится к наследникам престола или к особо выдающимся по своему положению и личным качествам принцам крови. Здесь разумеется Мухаммед Муким-хан, внук Субхан-кули, посылки которого в Балх добился из Термеза Махмуд-бий. Об этом рассказывается в следующей главе.

395 В ркп. ГБ за № 609: «Что за сердце, что за выдержка у этого мужа! Он по уму и по мудрости единственный в своем роде, которого можно отнести к гениям; столь велики (у него) знание и проницательность! Никогда он ни мало, ни много не обдумывал (своих начинаний) и (тем не менее), несмотря на это, он всюду—победоносен. Жаль, что с таким человеком нам приходится быть в распре».

396 Т. е. с людьми, совершенными по своей безупречной жизни и благочестию. Эпитет этот относится нередко к суфиям.

397 В ркп. ГБ за № 609 и АС(1) после слов «и с ними устраивал собрания» следует: «на которых все время упоминались законоведение (фикх), изречения пророка (хадисы) и толкование Корана (тафсир). На (своих) интимных собраниях он входил в такое общение с собеседниками, что исчезало различие в (положении) сановного лица и (простых) служащих и совершенно не обнаруживалось (в нем) никакой надменности. На официальные заседания он появлялся с таким величием, что если бы туда пришел (даже) кто-либо вроде Рустама, сына Дастана, или Сама, сына Наримана (богатыри эпоса Шах-намэ.—*А. С.*), то пораженный его внушитель-

ным видом, уселся бы на наименее почетном месте в задних рядах. В осуществлении (его) притязаний и целей, когда он седлал коня своих желаний, от приложенных им усилий и стараний то искомое, (к чему он стремился, само) о-двуконь выезжало к нему навстречу. В великодушии он был таков, что на каждого смотрел благосклонно. Во всю свою жизнь он ни в чем не нуждался». Дальше—как выше изложено.

398 Саххаф (араб.)—переплетчик.

399 Таким образом, Махмуд-бий аталык являлся муридом, или последователем, духовным учеником, современного ему суфийского старца (ишана) Хаджи Али, который в получении суфийской благодати, через вышеуказанный ряд суфийских наследников, имел духовную преемственность от известного среднеазиатского ишана XVI в. Махдум-и а'зама.

400 Сарай—узбекское племя, в основной массе проживавшее в Бухарском оазисе, в Каршинском и Шахрисябзском районах; племя сарай встречается также в предгорьях Зарефшанских гор и подле современного Балха (Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану, т. II, СПб, 1883, стр. 231; Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1, ч. 1, Бухара, Ташкент, 1926, стр. 190—192).

401 Т. е. стали просить о посылке в Балх правителем Мухаммед-Муким-султана.

402 Китабдар—библиотекарь.

403 Т. е. был черный.

404 Т. е. в Чарджуе (Чарджоу по-туркменски), где в прежнее время существовала переправа через Аму-Дарью на судах.

405 Т. е. происходящий из калмыков или принадлежащий к племени калмаков, входящему в число узбекских племен.

406 В тексте это обозначено одним словом пойандоз. См. примечание[189].

407 Вакф—недвижимое имущество (как правило), отданное навечно в пользование того или иного конфессионального или общественного учреждения (т. е. в пользу мечетей, медресе, на поддержание общественного колодца, дорог и проч.), а равно и в пользу рода вакфодателя.

408 Довольно обычная метафора восточных авторов; ср., напр., надпись на двери в ханака в мавзолее Ходжи Ахмеда Есеви, работы тимуровского мастера: «рабом твоего порога да будет счастье» (Семенов А., Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане, Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 127).

409 Не следует смешивать с бадахшанским г. Файзабадом, или Джузгуном, как его раньше называли.

410 Т. е. подразумевается отец Мухаммед-Мукима, Искандер, и дед, Субхан-кули-хан; с ними как с представителями двух поколений судьба тесно связала Муким-хана и его владения, исконное достояние его отца и деда.

411 Сура XLVIII, ст. 1.

412 Так называется (буква «Нун», или «Перо») XVIII сура Корана.

413 Т. е. имеются в виду балхские сановники Адил-бий и Шах-Нияз-бий, посланные аталыком в Бухару, чтобы просить Субхан-кули-хана отпустить в Балх правите-

лем царевича Мухаммед-Муким-султана. Теперь эти два лица, очевидно, вошли в фавор, и власть в балхском наместничестве была в их руках; на это обстоятельство указывает добавленная в ркп. ГБ за № 609 фраза: «тем, которые были посланы мной, он вложил в руки бразды правления областью, а мои заслуги...» и т. д.

414 В ркп. ГБ за № 609 последние строки изложены так: «Окончание дела курамы получило ущерб. Махмуд-бий, услышав о его (Шах-Нияз диван-беги) смерти и нестроениях у них (кураминцев), благодаря своему мужеству, предусмотрел, что все это будет носить затяжной характер и на этом основании, подобрав поводья (своего) намерения, соизволил возвратиться в Кундуз» (л. 92а).

415 Дурман (или в современном произношении дюрмень) и кипчак—узбекские племена, доныне существующие в разных местах Средней Азии. До прихода кочевых узбеков в Среднюю Азию (в начале XVI в.) кипчаки представляли самостоятельную древнюю тюркскую народность, основная масса которой жила в Дешт-и Кипчаке (в позднейших «киргиз-кайсацких» степях); к кипчакам принадлежали между прочим, половцы русских летописей. Поскольку в описываемую эпоху кипчаки держались обособленно от узбеков, то трудно сказать, каковы были темпы их слияния с последними.

416 Можно думать, что это было одно из влиятельных лиц, состоявших при царевиче Муким-султане и оказывавших влияние на государственные дела.

417 Так как арк (цитадель города) обычно стоял на самом возвышенном месте, доминируя над окрестностью, то в отношении его горожане всегда употребляли слово «верх», «вверху» (бала, боло): пришел сверху, пошел наверх (в арк).

418 Дастурханчи—лицо, на обязанности которого лежала сервировка стола для угощения гостей и почетных лиц.

419 Сура IX, ст. 14.

420 Бакаул—лицо, отведывающее пищу прежде, чем подать ее хану. (О значении этого слова см. проф. Н. И. Веселовский, Мнимая должность бакаульского тамговщика в империи Чингиз-хана, Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества, т. XXIV, Птгр., 1917, стр. 201—204).

421 Вышеупомянутого правителя Мейменэ, которому Махмуд-бий передал свою должность и звание аталыка.

422 В тексте—«который был мужем, много видавшим на (своем) веку и разумевшим горячие и холодные судьбы».

423 Т. е. так как прежний наместник Балха, Махмуд-бий аталык, препоручил Яр-Мухаммед-бию свой титул аталыка перед удалением в Бадахшан, то теперь требовалась санкция на это верховной власти.

424 Куш-беги—высший чин в бухарской служебной иерархии (после него жалуется аталычество); при Мангытах куш-беги обычно был первым министром ханства, которому подчинялись все провинциальные правители, или беки, и который замещал эмира во время отсутствия его в столице; через него решались все государственные дела ханства.

425 Гури—значительный район в Северном Афганистане (на юго-запад от Ханабада), очень плодородный (почти все земли—поливные) и богатый земледель-

ческими продуктами. (Подробности см. у Бурхан-уд-Дин-хана Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, стр. 40—43).

[426] Т. е. надеть синие, траурные одежды.

[427] Т. е. в знак траура исцарапать до крови свое лицо, как это обычно делают на Востоке женщины.

[428] Сура XXVIII, стр. 88.

[429] Собственно, здесь в тексте игра слов, так как выражения «стал совершенным» и «окончился (скончался)» обозначаются одним глаголом—темам шудан.

[430] Сура XXXIX, ст. 54.

[431] Сура XXXIX, ст. 54.

[432] Сура X, ст. 107; сура XII, ст. 99; сура XXVIII, ст. 15; сура XXXIV, ст. 2; сура XXXIX, ст. 54; сура X LII, ст. 3; сура XLVI ст. 7.

[433] Сура LXVI, ст. 8.

[434] Сура XLII ст. 24.

[435] Такбир—произнесение слов — Аллах акбар! — Аллах велик!

[436] Палас—ковер без ворса. Палас или войлок черного цвета надевался на шею в знак глубокого траура или печали.

[437] Таухид—в суфийском значении—слияние суфия с божеством, в каковой стадии он якобы познает всюду существующее единство бога, частицей которого, очищенной от всего плотского, земного, является он сам. В данном случае оно означает исповедание единства Аллаха, как основного догмата ислама, словами: нет божества кроме Аллаха!

[438] Сура LXXXIX ст. 27—28.

[439] Сура II, ст. 151.

[440] Таким образом, смерть Субхан-кули-хана последовала, в переводе на европейское летосчисление, 14 сентября 1702 г.

[441] Чухра-баши—начальник придворных пажей, телохранителей.

[442] Феридун—один из героев эпоса Шах-нама, воцарившийся после тирана-чужеземца Заххака.

[443] Нуширван—персидский государь из династии Сасанидов, правивший с 531 г. по 579 г. и известный под эпитетом «справедливого».

[444] Числовое выражение этой фразы в тексте дает цифру 1114, т. е. год смерти Субхан-кули-хана по хиджре.

[445] То же самое.

[446] Упоминаемый здесь шейх Пайанда-йи Ахсы (собственно—Ахсави) ум. в 1010/1601—1602 гг. Подробности о нем см. в Тухфат аз-заирин, Насируддина ханафи ал-Бухари. Бухар. литограф., 1327, стр. 116—117.

[447] Тарикат—путь, совершаемый мусульманским мистиком, или суфием.

[448] Такое деление наук у мусульман имеет в виду следующее: науки, принимаемые на веру, так наз. улум-и хал, вроде богословия и мистицизма, основываются, главным образом, на вере и на отсутствии анализа их и критики у прозелита; к наукам же доказательного порядка (так наз. улум-и кал) относятся такие, где истины и выводы покоятся на доказательствах.

[449] Хакикат в суфизме означает последнюю (четвертую) степень мистического совершенства, в которой суфий будто бы чувствует себя слившимся с божеством.

[450] Шейх Мирза Хашим-и Азизан, повидимому, принадлежал к той семье керминейских «азизанов», из которой вышло много суфийских наставников, пользовавшихся большим духовным авторитетом и политическим влиянием в долине Мианкаля и в Бухаре с ее районом. Шейха Ходжу Хашима, как внука Махмуд-и азама, среди азизанов упоминает автор Тухфат аз-заирин (стр. 135). Этот шейх умер в 1046/1636—1637 гг.

[451] Мир Калан-и Азизан также, повидимому, принадлежал к только что упомянутому роду.

[452] Имеется в виду знаменитый еретик-мистик, поэт и философ эпохи Тимура и Шахроха (род. в 757/1356 г., ум. в 837/1433—1434 г.). По подозрению в соучастии в покушении на убийство Шахроха Касим-и Анвар был изгнан из Герата и нашел крайне радушный прием в Самарканде у Улуг-бека, который вскоре стал его учеником; у него же учился в Герате и известный Ходжа Ахрар.

[453] Т. е. смысл этого двустишия такой: я столь ненасытно стремлюсь к опьянению себя божественной любовью, что если бы даже на меня в течение сотни лет лился всемирный потоп, он не залил бы этого моего страстного чувства, хотя существо мое и распалось бы в прах.

[454] В суфийских орденах существуют две главнейших степени посвящения: одна возводит в степень послушничества или последования всякого почитателя и поклонника данного суфийского шейха; в этой степени последователь суфизма участвует в радениях, исполняет указания своего наставника и проч., но сохраняет полную связь с миром, живя его интересами и своей личной жизнью. Во второй степени посвящения, когда такой мурид «дает руку» старцу-наставнику, он оказывается всецело в его распоряжении; отныне он обязан делать только то, что ему прикажет его учитель. Из приведенного текста следует, что наставник Субхан-кули-хана, Мирза Хашим-и Азизан, считал уже своего царственного ученика опытным руководителем в созерцательной жизни, имеющим право быть суфийским шейхом-наставником.

[455] Слово ахунд в Средней Азии означало многоученого законоведа, главного муфтия и вместе с тем вообще ученого лица, учителя. Существует мнение, что слово это греческого происхождения — от слова архон — господин, муж благородного происхождения. (См. Смирнов В., Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes, Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества, т. XVIII, СПб, 1908, стр. 52—53).

[456] Возможно, что имеется в виду шейх Камал-и Ходженди—знаменитый таджикский лирический поэт, современник Хафиза; умер в 792/1390 г.

[457] Имеется в виду эпизод из мусульманской легенды об Иосифе; когда братья Иосифа продали его купцам, они сказали отцу, что Иосифа съел волк. Иаков действительно увидел волка с окровавленной пастью и спросил его, съел ли он Иосифа. Волк якобы ответил, что он не съел его и что его пасть выпачкали кровью братья Иосифа (См. Рабгузи, Кысас-ал-анбия, Казань, стр. 138).

[458] Здесь все построено на игре слов; в дословном переводе эти две строки будут читаться так: О, как хорошо было бы упасть на мои очи одному (хотя бы) знаку розы ее лица, хотя падение розы есть потеря для глаз».

[459] Здесь в первом стихе игра слов: «зрачок моего глаза» может обозначать также и «люди моего глаза», «народ моих очей».

[460] Касыда—стихотворение, состоящее не менее как из 15 стихов философско-дидактического содержания, нередко посвященное похвалам Аллаха, пророка или какого-либо высокопоставленного лица. Газаль—лирическое стихотворение не больше как в 12 строк, воспевающее обычно любовь с ее атрибутами: женщиной, вином, розой и т. п., но допускающее при этом и панегирические обращения или просительные выражения к тому или другому лицу.

[461] Т. е., очевидно, по современной манере среднеазиатского населения — воткнутым над ухом стебельком под тюбетейку или чалму.

[462] Здесь игра слов: слово нарцисс означает и цветок нарцисса и (метафорически) глаз.

[463] Ходжа Абу Наср Парса был сыном, ближайшим учеником и заместителем известного бухарского суфия XIV—XV вв. Ходжи Мухаммед Парса, умер и погребен в Балхе в 865/1460—1461 гг. (О нем см. Джами, Нафахат ал-унс, под ред. Nassau Lees, Calcutta, 1858, pp. 453—454).

[464] Абдулму'мин-хан—вышеупомянутый сын Шейбанида Абдулла-хана, наследовавший ему престол Мавераннахра в 1006/1598 г. и убитый своими приближенными в том же году.

[465] Газ (гяз)—мера длины, равная, приблизительно, 88—90 *см.*

[466] Т. е. «созданный, построенный безопасностью (или спокойствием)».

[467] Таким образом, слово чаман, обычно в словарях означающее просто луг и цветник, здесь употреблено, видимо, в значении травянистого пространства с цветниками и плодовыми деревьями, так что получился все же сад, который был назван Баг-и 'заган, т. е. Сад воронов.

[468] Регистаном в городах Средней Азии называлась центральная площадь, на которую часто выходили ворота арка (как в Бухаре) и которая замыкалась обступавшими ее важнейшими общественными зданиями (вроде соборной мечети, главного медресе и т. п.).

[469] Т. е. очевидно, разными микстурами и снадобьями в порошках, в мягком и твердом виде. К этому месту следует добавить, что в ркп. ГБ за № 78, на полях листа 97а, сделана приписка, что Субхан-кули-хан построил вторую соборную мечеть внутри арка г. Бухары, и Хафиз Беннаи по этому случаю написал стихотворение (оно приводится), в котором каждый стих заключает хронограмму постройки этого здания.

[470] Метафора, уподобляющая диск луны шару, а загибающиеся концы молодого месяца—палке с загибом на конце, каковые два предмета составляют принадлежности для игры в поло, обычно совершаемой на лошадях на большой площади.

[471] Разумеется общепринятая на мусульманском Востоке история Александра Македонского, который прошел разные страны мира до последних пределов земли, где в стране мрака, в недрах земли, его сподвижниками была якобы открыта «вода жизни»; выпив ее, человек становится бессмертным.

[472] Намек на легенду об Иосифе, брошенном братьями в колодец, проданном потом в Египет в качестве раба и там посаженном в тюрьму своим господином.

[473] Здесь, возможно, не гипербола, а в метафорической форме излагается какое-то космическое явление.

[474] Шебренг—конь Сиявуша, мифического героя Шан-намэ, сына Кей-Хосрова, царя Ирана. Сиявуш был убит Афрасиабом, царем Турана, что якобы послужило причиной непримиримой вражды Ирана с Тураном.

[475] По представлениям средневековых мусульманских ученых, существует три вида души, как разлитой в мире жизненной силы,—говорящая (человеческая), животная и растительная.

[476] Т. е. вода балхского водоема приятна на вкус, как вода райского источника, и в этом отношении она превосходит даже нильскую воду, которая, как известно, отличается необыкновенной приятностью.

[477] Н а у к—небольшая стрела, ее вкладывали в особого устройства самострел.

[478] 26 раджаба 1114 г. хиджры соответствует 15 декабря 1702 г.

[479] В последней строке оригинальный текст дает в числовом выражении цифру 1114.

[480] Повидимому, это был его литературный псевдоним. Слово «ельда» означает самую длинную ночь в году.

[481] Т. е. при соблазне красоты, сопутствуемой ласками и кокетством, я стремлюсь быть целомудренным и благочестивым.

[482] Бежен, или Бижан, — имя героя в иранском эпосе.

[483] Бахман—могущественный; эпитет Ардешира, внука царя Кештаспа (в Шах-намэ).

[484] Т. е. да будет известно Убайдулла-хану следующее.

[485] Т. е. адресата, Убайдулла-хана.

[486] Т. е. Махмуд-бий сложил фирман (высочайшую грамоту о пожаловании ему аталычества) и воткнул его за чалму в том месте, где кисея соприкасалась с шапочкой (тюбетейкой), покрывавшей темя и выступавшей из-под чалмы. Такого рода обычай в Бухаре существовал для жалуемых чинами лиц до самого последнего времени.

[487] Хульм входил в состав балхского владения в описываемую эпоху на правах булюка (района), так как в оригинале указывается, что эмиры и знатные люди выехали встречать Махмуд-бия до булюка Хульм (та булюк-и Хульм); Хульм расположен между Балхом и Кундузом.

[488] Слово с а з а в у л, или сазаул, считаемое некоторыми словарями за тюркское, означает сборщика доходов, помесячного собирателя податей, а также надсмотрщи-

ка. Здесь оно, повидимому, обозначало вербовщика. (См., напр., Мухаммед-Гийас ад-дин, Гийас ал-лугат, Каунпор, 1899, стр. 267).

[489] Т. е. из Карши вернулся в Бухару Убайдулла-хан со всеми войсками и эмирами.

[490] От тюркского слова аламан—вооруженный набег с грабежом и убийствами.

[491] Сура II, ст. 151.

[492] Равнина и гор. Кербела находятся в Месопотамии; здесь в 680 г. н. э. погибли в сражении с отрядом Омейядов имам Хусейн (сын четвертого халифа Али и внук пророка) и все близкие к нему лица.

[493] В числовом отношении эти слова в оригинале дают цифру 1115, т. е. год убийства Абдуллы дадхи.

[494] Район Хазрат-и имама прилегает к левому берегу Аму-Дарьи, находясь между нашими пограничными пунктами: Сарай-Камар и Термез. О его экономико-статистическом состоянии в первой четверти XX в. см. подробно в вышеназванной книге Бурхан-уд-Дин-хана Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, стр. 46—50.

[495] Следовательно, аталык со своим войском переправился на правый берег Аму-Дарьи и шел, держась северо-западного направления. Кубадиан стоит вблизи р. Кафирниган-Дарьи (на левом берегу), по дороге на Таш-Курган, в Северном Афганистане, через Кубадианскую переправу на Аму-Дарье. Это—один из древнейших городов Бухары, центр б. Кубадианского бекства.

[496] Эта фраза имеется в ркп. ГБ № 609.

[497] Эти стихи находятся, кроме ркп. ФБ, также в списках ГБ №№ 609 и 1531.

[498] В ркп. ГБ №№ 609 и 1738—Какаи (كاكائى).

[499] Т. е. догматы веры были установлены столь же ясно, определенно, как грамматические правила.

[500] Сура II, ст. 6.

[501] Т. е. первых его преемников: Абу Бекра, Омара, Османа и Али.

[502] Т. е. дома Аштарханидов вообще, к которому принадлежал и балхский правитель Муким-хан.

[503] Сура XVI, ст. 126.

[504] Сура LIII, ст. 3, 4.

[505] Люди сунны, или сунниты,—те, которые считают, что сунна, т. е. предписания и постановления Мухаммеда, его действия и слова, сохраненные преданием (хадисы), должны служить руководством для мусульман, наряду с Кораном.

[506] Мне не известно, кто был этот Амиди и когда он жил. Может быть, это был шейх Сулейман Амиди, живший в Турции и бывший духовным наставником султана Селима II (974/1566—982/1574) см. сами-бей Камус ал-А'лам, 1, Константинополь, 1306, стр. 365.

[507] Ал-Мавакиф фи 'Илм-ил-калам, т. е. «Станции путей в отношении (познания) богословия» — чрезвычайно известный труд богословского и философского содержания, принадлежащий перу Адуд ад-дин-Абдуррахмана б.

Ахмед ал-Иджи, ширазского казия (судьи) и профессора, который умер в 756/1355 г. Этот труд вызвал многочисленные толкования. Из них особенно известны Сиялкути и Хасан Челеби. Лучшее издание ал-Мавакифа с этими двумя комментариями — константинопольское (1292/1875 г.).

508 Сура V, ст. 48.

509 Т. е. руководство мусульманской общиной.

510 Т. е. суннитских богословов.

511 Муджтахид—тот, кто достиг «высшего знания в велениях божественного закона» и имеет неограниченное право делать выводы непосредственно из священных первоисточников; это право, по признанию суннитов, принадлежало только очень ограниченному числу виднейших ученых старых поколений; у шиитов же, наоборот, муджтахидами могут быть и современные ученые, высокоавторитетные в богословских и юридических вопросах. (См. Шмидт А. Э., Из истории суннитско-шиитских отношений, сборн. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 104, прим. 1).

512 Иджтихад—такая степень подготовленности в вопросах веры, которая дает обладающему ею право самостоятельно принимать то или иное решение религиозно-правового порядка.

513 Иджма' — единогласное решение общего собрания сподвижников пророка.

514 Мухаджиры—эмигранты, последовавшие за Мухаммедом при его бегстве из Мекки в Медину. Ансары—те жители Медины, которые приняли Мухаммеда и помогали ему в борьбе с корейшитами.

515 По распространенному, впрочем анахронистическому, преданию, Мерван был личным секретарем Мухаммеда, записывавшим вдохновенные слова пророка. Замеченный последним в преднамеренном искажении некоторых откровений Мерван был проклят и изгнан Мухаммедом из Медины и из среды мусульманской общины. Будучи родственником Османа, который его любил, Мерван был возвращен в Медину, когда Осман стал халифом, и оставался при нем до дня его гибели. Впоследствии Мерван стал халифом под именем Мервана I в династии Омейядов и был задушен в 685 г. н. э. С именем Мервана связано существование в афганских и индийских пределах секты мервaнитов, или езидийя, до сих пор не изученной и не обследованной (См. Семенов А. О мусульманских сектантах-мервaнитах, Мусульманский мир, 1917, стр. 3—7).

516 Сура IX, ст. 40.

517 Разумеется пятерица из пророка Мухаммеда и его четырех преемников: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али, сына Абу Талиба.

518 Сура XVIII, ст. 21. В тексте—«асхаб-и кахф» — товарищи по пещере, спящие отроки, упоминаемые в XVIII суре Корана, что соответствует христианской легенде о семи спящих строках эфесских. По легенде они заснули в пещере при гонителе христиан, римском императоре Декие (249—251), а проснулись в царствование императора Феодосия II (408—450). Легенда эта всегда пользовалась огромной популярностью среди всех мусульман и христиан и породила обширную литературу. (См. Крымский А. и Аттая М., Семь спящих отроков Эфесских, М., 1914).

[519] Сура XVIII, ст. 35.

[520] Т. е. неверующие и лицемеры могут быть спутниками Мухаммеда, как простой личности, как человека вообще, а не пророка, потому что сподвижничество с пророком включает и последование его учению.

[521] Т. е. Абу Бекру.

[522] Сура LXVIII, ст. 18. Полностью этот стих, который сунниты относят к трем ближайшим сподвижникам и преемникам Мухаммеда, читается так: «Аллах доволен теми правоверными, которые под деревом обещались быть тебе верными: он знал, что было в сердцах их, и за то низвел в них покой, вознаградил их близкой победой» (По переводу Саблукова).

[523] Вечерний намаз (молитва) совершается в сумерки, минут через 20 после захода солнца.

[524] Четвертая столица—четвертое небо, где, по верованию мусульман, находится солнце.

[525] Остров, расположенный на Аму-Дарье, против развалин старого Термеза; носит у местного населения название Арал-пайгамбар, т. е. Остров пророка. До 1926 г. он нигде не был подробно описан ввиду непосещения его кем-либо из ученых и исследователей, и потому в свое время покойный И. Т. Пославский в статье «О развалинах Термеза» (Средне-Азиатский Вестник за 1926 г., декабрь) и я в одной из своих работ с расспросных сведений писали о находившемся там медресе с ханакой (дервишским помещением для радений). В 1926 г. остров впервые посетила экспедиция Московского музея восточных культур и кратко описала его, причем большое старое здание на острове оказалось «довольно обширной мечетью из обожженного кирпича с высоким пештаком и куполом; с восточной стороны пристроен мазар святого с дахмой. Мечеть бухарского типа кажется постройкой не древней. Ни украшений, ни надписей в настоящее время нет». (Культура Востока, М., 1927, стр. 18). Что касается Зу-л-Кифля, то у мусульман этим именем обобщаются ветхозаветные пророки: Езекииль, Исаия и Авдей (Hughes Th., A Dictionary of Islam, London, 1895, pp. 114 и 475). Культ Зу-л-Кифля существовал во многих местах и, видимо, составляя наследие доисламской эпохи, приурочен к древним немусульманским местам поклонения. В частности, например, в IX—X вв. н. э. в г. Келифе, по обе стороны Аму-Дарьи существовали рабаты Зу-л-Кифля, в одном из них была мечеть. (Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 82; он же, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 31—32).

[526] Суфар—зарубок на том конце стрелы, где у нее имеется оперение. В этот зарубок вкладывается тетива при выпуске стрелы из лука.

[527] Талекан—обширный район с главным городом того же имени в современной афганской провинции Каттаган, расположен между реками Кокча и Фархар, левыми притоками Аму-Дарьи. Ишкамыш—район с отличными пастбищами и густыми зарослями арчи, фисташки, миндаля и проч.—лежит на юг от Талекана (См. Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, стр. 58—64 и 81—86).

[528] Сура XXVI, ст. 80.

[529] Сура XXVII, ст. 84.

[530] Султан Хусейн-мирза—последний Тимурид, правивший с 1469 по 1506 г., столицей его государства был г. Герат.

[531] Полный стих Корана, откуда заимствованы эти слова, читается так: «Проходило ли над человеком время, в которое он не был бы чем-либо вспомянут (достойным)?» (Сура LXXVI, ст. 1).

[532] Арабское изречение—«нет героя, кроме Али, и нет меча, кроме Зульфикара!» (название шашки Али).

[533] Сура LXXVI, ст. 8.

[534] Сура LXXVI, ст. 22.

[535] Сура LXXVI, ст. 21.

[536] Сура LXXVI, ст. 20.

[537] Сура LXXVI, ст. 7.

[538] Сура LXXVI, ст. 24.

[539] Сура XXVI, ст. 3.

[540] Сура LXXVI, ст. 22.

[541] См. вышеприведенный стих 20 из суры LXXVI.

[542] Т. е. равный Александру Македонскому, завоевавшему царство Дария Кодомана.

[543] Сура XXXIII, ст. 33.

[544] Сура IX, ст. 18.

[545] Т. е. солнце кажется ничтожной мухой в сфере видимости отстроенного купола мазара.

[546] Т. е. разумеется форма купола, напоминающая солнечный шар.

[547] Т. е. купол столь огромен, что закрывает солнце.

[548] Максура—место в мечети, отделенное решеткой вместе с михрабом, или нишей в стене, где султан, хан или имам совершают общественную молитву.

[549] Эпитет четвертого халифа Али.

[550] Шейх Я'куб-и Чархи принадлежал к суфийскому ордену «накшбендия» и происходил из сел. Чарх, в районе г. Газны (в Афганистане). Был современником и учеником известного шейха XIV в. Бахауддина накшбенда. Потом переселился в Бадахшан, откуда был вызван учеником и заместителем Бахауддина, ходжой Алауддин аттаром, у которого докончил курс суфийского совершенствования. Умер в начале XV в. в Гиссарской области. Его мазар находится подле современного Сталинабада, в Таджикской ССР. См. Джами, Нафахат ал-унс, (в издании N. Lees), Калькутта, 1858, стр. 455—457; Дара Шекух, Сафинат ал-Авлия, Каунпор, 1884, стр. 80.

[551] Отличительным признаком раба служило кольцо, продетое у него в ухе. Здесь, разумеется метафора.

[552] Т. е. Мухаммед-Муким-хан.

[553] Эти стихи имеются только в рукописях: ФБ № 09/848 и ГБ № 1531.

[554] Здесь обрывается рукопись ФБ № 09/848.

УКАЗАТЕЛИ

Аббас I, Сефевид, 60, 77, 78, 81.
Аббас II, Сефевид, 98, 99, 110.
Абдулазиз-хан, 10, 12, 55, 58, 91, 94—96, 100—111, 126.
Абдулвали Парсаи, 160, 161.
Абдулваси' курчи, 83—86.
Абдулгани-султан, 127.
Абдулгаффар б. Ходжа Салих... б. ...Махдум-и А'зам, 107.
Абдулкаюм-султан, 127.
Абдулла-бахадур-хан, 59—61, 69, 70, 73.
Абдулла дадха, 151, 174, 202, 203, 222.
Абдул-Му'мин Бухари, 27.
Абдул-Му'мин-хан, 7, 34, 35, 55, 61—63, 68—70, 73, 98, 184.
Абдурраззак дастурханчи, 171.
Абдуррахман диван-беги, 91.
Абдуррахман Ельда, 193.
Абдуррахман-султан, 91.
Абдуррахман Тали', 22.
Абдушшукур дадха, 124.
Абид диван-беги, кунграт, 119.
Абу Бекр, халиф, 33, 161, 211, 212, 215—219.
Абу-л-Гази-хан б. Асфендиар-хан б. Араб-хан, 103, 104, 123.
Абу-л-Мансур-хан, 48—50, 118—122, 163, 164.
Абу Наср Парса, 68.
Абу Са'ид-мирза, 49—51.
(Мирза) Абу Талиб, 99.
Абу-л-Файз-хан, 22.
Абу-л-Хайр-хан, 48—50.
Адил-бий, минг, 165, 166, 169—173.
Адина Мухаммед диван-беги, 122.
Азхар, каллиграф, 55.
Акбар, Великий Могол, 90.
(Ходжа) Аккашэ, 173.
Аланкува, 35, 37, 38, 41.
Александр Македонский, 33, 64, 114, 189, 192—194, 203, 204, 227.
Али, халиф, 33, 56, 77, 201, 217, 225, 226.
(Ходжа) Али, 164.
Али Муса Риза, 67, 98, 99.
Али Са'ид диван-беги, 172, 173.
Алла-берды-бий, юз, 229, 230.
Алла-кули, дурман, 205.
Алла-кули, султан, 91.
Амиди, 211, 213.
Ануша-хан, 18, 104, 124, 125, 145, 147, 148.
Аристотель, 189.
Ариф-дивана, 163.
Асфендиар, 74, 151.
Аурeнг-зеб, Великий Могол, 11, 97, 139, 140.
Афрасиаб, 77.
Ахмед II, султан, 27, 154, 155.
Ахфаш, 131.
Бабер-падишах, 54.
Багишлау-хан, 72.
Бади' аз-Заман-мирза, 51.
Бади' мирахур, 122.
Байсунгур-хан, 39, 41.
Баки-бий, юз, 94.
Баки-Мухаммед-хан, 73—78.
Баки-султан, 91.

Баки-Ходжа-ий Ахрари, 114.
Балкис, 117, 129.
Бартан-бахадур, 40, 41.
В. В. Бартольд, 6, 19—21.
Бахадур казак, 48.
Бахадур-хан, 72.
Бахауддин-Гази, 42, 43.
Бахауддин накшбенд, 146, 180.
Бахрам, 34, 148.
Бахрам-султан, 91, 95, 99.
Баят-кара туксаба, 12, 26, 123, 129, 136—139.
(Мулла) Беди, 183.
Бек-кули аталык, 147, 148.
Бек-Мухаммед дадха, 124, 125.
А. Бернс, 6.
Бижан, 77, 194.
Борак, 140.
Бузанджир-хан, 34, 35, 38, 41.
Бузкун-Кики, 38.
Бука-хан, 38, 41.
Бурхануддин-Клыч, 9.
Бусалджи, 38.
А. Вамбери, 6.
Вели-Мухаммед-хан, 7, 14, 73—82, 99, 184.
Венера, 40, 112.
Д. Г. Вороновский, 22.
Гази-бек, 138.
В. В. Григорьев, 6.
Давлат-калта, алчин, 163.
Давлат Шейх-султан, 48.
Дарий Кодоман, 194.
Дервиш куш-беги, 230.
Джавим-бий аталык, 145, 153.
Джагатай-хан, 46, 47.
Джамшид, 35, 50, 61, 64, 115, 169, 178, 189, 227.
Джани-бек-султан, 54—56, 73.
Джани-Мухаммед-хан, 35, 36.
Джани-хан, 72.
Джан-Кара-султан, 62.
Джахангир, Великий Могол, 88—91.
(Маулана) Джа'фар, 56.
Джучи-хан, 46, 48, 72.
Дибакуй-хан, 37.
Дин-Мухаммед-хан, 61, 62, 73—76, 99.
(Маулана) Дуст саххаф, 164, 181.
Есукай-бахадур, 40, 41.
Ефремов, 18.
Зайнуддин-Махмуд, 55.
Зебердест-хан, 139—141, 148.
Зубейда, 129.
Зу-л-Кифль, 222.
Зухра-ханум, 73
(Мулла) Ибадулла, 25.
Ибадулла-султан, 119, 120.
Ибни-султан, 48.
Ибрахим-хан. См. Мухаммед-Ибрахим-хан
Ибрахим Эдхем, 106.
Ильчи-хан, 37.
Имам-кули аталык, 105, 119.
Имам-кули-хан, 6, 9, 10, 14, 16, 74, 79—83, 86—94, 102, 105.
Ирнак (Эренк)-султан, 147—149, 153.
Искандер-хан, 55, 58, 60, 73, 87, 116, 118, 119.
(Мулла) Исмаил, 26.
Исмаил, Сефевид, 52, 54, 55.
Кабил-хан, 39—41.
Кайду-хан, 39, 41.
Кайкаус, 35, 154, 173.
Е. Каль, 26.
(Ходжа) Камал, 182.
Кара-хан, 37.
Кара Юсуф, туркмен, 48.
Касим-Мухаммед-султан, 18, 91, 95, 96, 98, 100—103, 117.
Качули-бахадур, 39.
Каюмерс, 47.
Кейхосров (Кей-Хосров), 77, 227.
(Ходжа) Кеш-Надир мираб, 120, 121.
Кистен-кара-султан, 55, 58, 62.
Клыч-кара-султан, 62.
Кубугай-султан, 48.
Кука, дурман, 205.

Кульбаба кукельташ, 60.
Кутлук-Буга-хан, 72.
Кутлук-Мухаммед-султан, 91 ,95, 96.
Кутлук-Тимур-хан, 73.
Кучкунджи-хан, 49.
Мавзун-Сурай, 118.
Н. Г. Маллицкий, 6.
Мансур Хаджи дадха, 91, 92.
Марс, 40, 63, 65, 66, 88, 100, 104, 124, 137, 142, 147, 148, 150.
Махдум-и А'зам. См. Ходжаги-йи Касани.
Махдум-и базарча. См. (Маулана) Мухаммед Захид.
Махмуд-бий аталык, катаган, 12, 19, 20, 124—126, 129, 136—138, 149, 150—154, 158—165, 169, 170, 173, 200—204, 221—225, 229, 230.
Махмуд б. Вали, 19.
Махмуд Газневид, 83.
Махмуд-и Саявушани (Устад), 57.
Махмуд-султан, 49, 50.
Ма'сум-бий диван-беги, 221.
Менучехр-мирза, 48.
Мерван, 216, 217.
Меркурий, 112.
Минг Тимур-султан, 48.
(Маулана) Мир-Али, 55, 57, 109.
(Ходжа) Мир-Али-йи Тебризи, 56—58.
Мирза-Ака, 58.
Мир-и Калан Азизан, 164, 181.
Могул-ханум, 54.
Моисей, сын Имрана, 140.
W. H. Morley (Морли), 5, 6.
Мурад, султан, 62, 63.
Мурад-Бахш, Великий Могол, 11.
Мустафа чауш, 154.
(Мулла) Муфид, 183.
Мухаммед-Акбар, 142.
Мухаммед-Али хаджи, 166.
(Маулана) Мухаммед-Амин, 109.
(Ходжа) Мухаммед-Амин, 81, 194, 195, 198.
(Мир) Мухаммед-Амин-и Бухари, 22.
Мухаммед-Амин, кашгарский, 154.
Мухаммед Бакир-ходжа-йи Джуйбари, 112.
Мухаммед Вафа-йи Керминеги, 22.
Мухаммед-Джан аталык, 130, 145.
Мухаммед Джуки-мирза, 48.
Мухаммед-Захид (Махдум-и базарча), 61.
Мухаммед Ибрахим-хан, 75.
(Ходжа) Мухаммед Ислам Джуйбари, 59.
Мухаммед-кули, 70.
Мухаммед-кули ишик-ака-баши, 68.
Мухаммед-кули куш-беги, 198, 200.
Мухаммед Муким-хан (султан), 5, 21, 34—36, 48, 118, 129—133, 135, 136, 160, 164, 165, 167—169, 171, 177, 185—187, 189—193, 195, 201, 202, 208, 222, 225, 227, 230, 231.
Мухаммед Мурад китабдар, 165.
Мухаммед Наки, 25.
(Маулана) Мухаммед Омар, ахунд, 206, 207, 221.
Мухаммед Парса, 14.
Мухаммед Рахим-бий, аталык, 22.
Мухаммед Рахим-султан, 58, 82.
Мухаммед Салах-и Балхи, 18.
Мухаммед Са'ид ходжа накиб, 124, 127.
Мухаммед Сиддик, 141.
Мухаммед-султан, 12, 102.
Мухаммед-хан, 72.
Мухаммед-хорезмшах, 42—44.
Мухаммед Шафи', 170, 171.
Мухаммед Шейбани-хан, 35, 49—51, 54.
Мухаммед Юсуф мунши б. Ходжа Бака, автор, 5, 7, 8, 12-15, 17, 19, 21, 22, 34.
Мухаммед Юсуф ходжа-йи накшбенди, 128.
Мухаммед-Яр-султан, 91.
Мухаммед Я'куб Бухари, 22.

(Мир) Му'мин Азизан, 78, 79.
Надир-диван-беги, 83, 85, 89, 161, 162, 164.
Надир-Мухаммед-хан, 9, 10, 18, 19, 74, 79, 80, 82, 87, 91—102, 110, 161.
(Маулана) Насируддин-и Бухари, 107.
Насрулла-хан, 19.
(Ходжа) Насрулла б. Ходжа Абдулгаффар... б. Махдум-и А'зам, 118, 194.
Нахли, 83, 90.
Наята Гул-султан, 48.
А. Ф. Негри, 6.
Нишани. См. Субхан-кули-хан.
Нияз ишик-ака-баши, 153.
Нух, 37.
Нуширван, 179.
Огуз-хан, 37.
Олун-Эке, 40.
Омар, халиф, 33, 211—214, 217.
Осман, 33, 216, 217.
А. И. Павловский, 6.
Пир-кули-бий, 173.
Пир-Мухаммед-хан, 55, 61
Платон, 150, 192, 203.
В. Ф. Поспелов, 18.
Г. Н. Потанин, 21.
Рана, раджа, 142.
Рахим-бек, 19.
Рахим-бий аталык, 221
Рахим парваначи, 90.
Рахима-бану-ханум, 117, 129.
В. В. Решетов, 17.
В. Розен, 5. v. Rosen
Рустам, 74, 123, 125, 134, 151, 169, 173, 194, 201, 222.
Рустам-султан, 82.
Сайфуддин Бахарзи, 58.
(Маулана) Саки, 81.
Саки парваначи, 91.
Салих-ходжа, 14, 19, 159—165, 201.
Са'иб Исфаханский, 103.
(Маулана) Сейли, 183.
А. А. Семенов, 6, 15, 25, 27.
И. И. Сенковский, 6.
Сибавейх, 131.
Сиддик-Мухаммед-хан, 12, 120, 122, 124, 126—129.
Синг, сын Сивы, 142.
Н. А. Смирнов, 13.
П. П. Смирнов, 27.
Соломон, 33, 114, 116, 179, 185, 192, 226, 227, 231.
Субхан-кули-хан (Нишани), 12, 15, 19, 27, 36, 91, 95—97, 101, 102, 104, 105, 111, 113, 114, 117, 119, 124, 125—127, 129, 139, 140, 141, 145, 146, 148, 149, 152, 153, 155, 160, 162, 165, 166, 174, 179, 182, 184, 194, 195, 201.
Сулейман, шах, 110.
(Маулана) Султан-Али-йи Мешхеди, 55, 56.
Султан Мурад-бахш, 97.
Султан Хусейн-мирза, 48, 51, 92, 225.
Суфи-султан, 91.
Суюнч-бий диван-беги, 97.
Суюнч-Мухаммед-султан, 49.
Тай, 35.
Тамгач, 42.
Тарамтай мираб, 171.
Тахмасп-шах, 55, 62, 63, 67
Теб-Тенгри, 40.
F. Teufel (Ф. Тейфель), 6.
Темучин, см. Чингиз-хан.
Тенгри-берди парваначи, 105, 106.
Тимур, 39, 48, 60, 72, 73.
Тимур-хан, 49, 51.
Тохтамыш-хан, 72.
Тугма парваначи, 124, 125.
Тули-хан, 46, 47.
Туминэ-хан, 39, 41.
(Маулана) Тураби, 83, 90.
Турсун-Мухаммед-султан, 91.
Абайдулла Накшабанд-и Самарканди, 9.
Убайдулла-хан, 22, 49, 50, 52, 54, 180, 194, 195, 198, 200, 201, 229.

Угетай-каан, 46—48.
Узбек-султан, 145.
Уз-Тимур парваначи, 152.
Улуг-бек гурган, 109.
Улуг Пулат-султан, 48.
Ураз бий, 91.
Урус-хан, 46, 72.
Уткан-бий дадха, 221, 223, 229, 230.
Фазил диван-беги, 124, 125.
(Ходжа) Факир диван-беги, 228.
Фаридуддин Аттар, 106.
Фаркад, 34, 63.
Фарран, 131.
Феникс, 34.
Феридун, 179.
Хаджжадж, 80, 145.
(Маулана), Хаджи Ядгар, 109, 110.
Хаит бакаул, 172.
Хаит-Мухаммед, 179.
Хайдар, эмир, 25.
Хаки есаул, 74.
Хаким Хазик, 88, 89.
Хали-бек мирахур, 229, 230.
Халифа Хальдар, 164, 181.
Н. Ханыков, 19.
Хасан-ходжа, 127.
(Шамсуддин) Хафиз Ширази, 109.
Хашика бий аталык, 145, 148.
(Мирза) Хашим-и Азизан, 180.
Ходжа Ахрар (Насируддин-ходжа Убайдулла), 53.
Ходжа-Буга-султан, 48.
(Маулана) Ходжаги-йи Касани (Мухдум-и А'зам), 14, 53, 81, 164, 181.
Ходжа-султан, 54.
(Ходжа) Хашими, 14, 81.
Ходжим-берди-бий, 171, 173, 200.
Хосров-султан, 91, 95, 98.
Хошхал куш-беги, 173.
Худ, 82.
(Хаджи) Худай-бахши ,121.
(Мирза) Худайдад, 25.
Хулагу-хан, 47.
Хумай, 132, 135.
Хуррем-шах, 49, 51.
Хусам, ахунд, 181.
(Мир) Хусейн, 109.
Хызр-хан, 48.
Хэким-Хумам, 65.
Чингиз-хан, 5, 6, 22, 34, 38—48, 72, 187, 195
Чубинэ-Юлдуз, 37.
Чувак-хан, 72.
Шамсия-бану-ханум, 120, 161.
Шараф аталык, 147.
(Мулла) Шариф, 25.
(Маулана) Шариф-и Бухари, 149.
Шах-бек кукельташ, 7, 79, 80.
Шах-Будак-султан, 49, 54.
Шах-Бурхан-султан, 58.
Шах-Джехан, 91, 92, 97, 100.
Шах Нияз-бий, 165, 166, 169, 170.
Шахр-бану-бегим, 99.
Шахриар-бий, 170, 171.
Шахрох-мирза, 48.
Шейбан, 48.
Шейбани-хан, 155.
А. Э. Шмидт, 27.
Шукур парваначи, 124.
Шухра-бану-бегим, 74.
Эвез-бий, 163.
Эвез-Мухаммед б. Хаят-и Мухаммеди, 27.
Юпитер, 34, 112, 129.
Юсуф, сын Надир диван-беги, 163.
(Маулана) Юсуф-и Карабаги, 83.
Ялангтуш-бий-аталык, 91.
(Мир) Яр-бек, 138, 158, 159.
Яр-бек-хан, 14.
Яр-Мухаммед-бий аталык, 161, 171—173.
Яр-Мухаммед токсаба, 122.
Яр-Мухаммед-хан, 72, 73.
Яфет, 37.
Я'куб мирахур, юз, 172.
Я'куб-и Чархи, 230.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдулла-хана, медресе, 80.
Абескун, 45.
Аджмир, 142.
Азербайджан, 46, 51.
Акча, 77.
Аминабад, сад, 184.
Англия, 6.
Андхуд, 77, 95, 98, 100, 103, 166, 167.
Аравия, 10.
Арал-пайгамбар, остров, 222.
Арафат, 93.
Астрахань, 73, — ханство, 73.
Ауджан, 156.
Афганистан, 8, 10.
Ашпара, река, 86, 87.
Баба-Абдал, мазар, 78.
Баба Джанбаз, 68.
Баверд, 73, 74.
Багдад, 110.
Баг-и Заган, 184.
Баг-и Мурад, 98, 168.
Бадахшан, 9, 10, 14, 18, 46, 51, 60—62, 70, 80, 87, 90, 91, 95, 103, 124, 125, 129, 138, 149, 151, 153, 154, 158, 161, 162, 165, 201, 202.
Баки, кладбище, 93, 102, 111.
Бала-йи Мургаб, 148.
Балх, 5, 7—12, 14, 16, 17, 19, 21, 33, 46, 51, 58, 60—62, 68—70, 75, 77, 80, 87, 91—106, 116, 117—121, 123, 124, 127—130, 138, 145, 151, 153, 154, 158—166, 168—173, 180, 182, 184, 185, 187, 190—192, 200—202, 204, 206; — область, 74—76, 79, 82, 97, 101.
Бахарз-и Джам, 55.
Биджапур, 142.
Булгар, 49.
Бухара, 5, 6, 8—10, 16, 18, 20—22, 25, 44, 54, 55, 58, 60, 61, 69, 73, 75, 78, 79, 84, 88, 90, 92, 95, 97, 101—105, 108, 109, 112, 119, 124, 127, 129, 130, 133, 142, 144—147, 153, 154, 159—162, 165, 170, 176, 184, 194, 195, 198, 200—202, 224, 229, 230; — ханство, 18.
Версег (Верседж), 138.
Герат, 10, 46, 52, 60, 64, 68.
Гидждуван, 125.
Гилян, 45.
Гиндукуш, 18.
Гисар, 9, 10, 102, 124, 125, 221—223, 229, 230.
Гури, область, 95, 98, 173, 200.
Давлатабад, 160.
Дара-йи джуз, 171.
Дарваз, 9.
Дар аш-шифа, 184.
Декан, 142—144.
Дербенд Китайский, 65.
Дешти-Кипчак, 11, 17, 48—50, 65, 70.
Джайхун, 54, 76, 77, 79, 96, 124, 127, 130, 160, 204, 222; — Аму-Дарья, 2,

9, 10, 16, 51, 69, 91, 95, 96, 99, 100, 161, 162, 165, 202.
Джанди (Чанда) область в Индии, 144.
Джузгун, 8, 138, 158, 159.
Джуйбар, 104.
Европа, 6.
Египет, 185.
Ер-купрюк, 60.
Замин, 69.
Земзем, 107, 184.
Индия, 7, 8, 18, 65, 88—90, 97—99.
Индостан, 92, 100, 101, 108, 120, 127, 139, 142, 143, 161, 163—165.
Ирак, 41, 47, 52, 60, 68, 81, 95, 100, 157,
Иран, 8, 16, 17, 46, 70, 77, 78, 81, 82 110, 183.
Истамбул, 155.
Исфараин, 68.
Ишкамыш, 224, 225.
Кабул, 54, 91, 92, 97.
Казахстан, 17.
Казвин, 45.
Какайи (Какан), 206.
Кандахар, 140.
Кара-кульские ворота (Бухара), 148, 150.
Кара-Тау, 87.
Карши, 81, 94, 105, 200.
Каттаган, 8.
Кашгар, 17, 51, 60, 65, 70, 144, 154.
Ка'ба, 64, 93, 101, 105, 106, 181, 196.
Келиф, 124.
Кербела, 203.
Кермине 54, 55, 59, 104.
Киргизская ССР, 17.
Китай, 41, 42, 47, 120, 154, 155.
Кишм, 138.
Кокча, 158.
Крым, 154, 155.
Кубадиан (Кабадиан), 9, 204, 205.
Куляб, 9, 95, 99.
Кундуз (Файзабад), 8, 17, 74, 76, 95, 96, 138, 161, 170, 174, 201, 224, 225, 229, 230.
Кухистан, 138.
Лагман, 17, 137.
Ларек, 172.
Мавераннахр, 14, 18, 22, 34, 35, 41, 44, 50, 51, 54, 59—61, 70, 72—75, 79, 82, 86, 93—95, 99, 102, 103, 106, 111, 113, 114, 139, 145, 147, 148, 155, 157, 161, 163, 180, 200, 202, 221.
Мазандеран, 45, 61.
Малая Азия, 41, 47.
Маулана Дуст саххафа, мазар, 203.
Маулана Пайанда-йи Ахсы, мазар, 180.
Махаллят, 68.
Медина, 63, 93, 101, 102, 107, 126, 216, 217.
Мейменэ, 18, 95, 98, 103, 122, 161, 171—173.
Мекка, 63, 101, 107, 110, 126.
Мерв, 9, 46, 52, 54, 77.
Мешхед, 62, 63, 65, 66, 98.
Мианкаль, 54.
Моголистан, 17.
Намазгах, 160.
Нау-бахар, 123.
Неса, 73.
Несеф, 113.
Нику-кунит, урочище, 123.
Нил, 147, 191.
Нишапур, 46.
Оманское море (залив), 66.
Отрар, 44.
Памир, 9.
Персия, 18.
Петербург, 6.
Пскент, 17.
Регистан, 184.
Россия, 49, 73.
Рум (Турция), 62, 63, 131, 134, 155, 156.
Сайрам, 9.
Сал-у чехар-ек, 95, 171.
Самарканд, 17, 18, 45, 54, 100, 124, 125.
Сар-и пуль, 96.

Сейидак, 128.
Семнан, 101.
Сирия, 131.
Сияхджирд, 75.
Средняя Азия, 5, 6, 8, 15, 16, 22, 25.
Сыгнак (Сугнак), 48.
Сыр-Дарья, 18.
Тавриз, 56, 68.
Талас, 9.
Талекан, 224, 225.
Ташкент, 17, 58, 87, 100.
Термез, 9, 17, 46, 122, 164, 165, 222.
Туран, 77, 82, 99, 100, 103, 129, 148, 151, 160, 166, 179.
Туркестан, город, 7, 9, 48, 60, 100; — край, 49, 51, 65, 87.
Туршиз, 67.
Убех, 82.
Узгенд, 9.
Улуг-Таг, 65.
Ура-Тюбе, 69.
Ургенч, 103, 104, 124, 125, 145, 147.
Файзабад, 167, 168.
Фергана, 9, 14, 25.
Ференгистан, 120.
Хазрат-и Имам, 204.
Хамадан, 46,
Ханабад, 91, 127, 202.
Хиджаз, 109.
Ходжа Абу Наср Парса, мазар, 184.
Ходжа Аккашэ, мазар, 68, 203.
Ходжа Зайд, перевал, 100.
Ходжа Султан-Ахмеда, ворота в Балхе, 98, 168.
Ходжент, 94, 95, 124, 135.
Хорасан, 41, 46, 47, 50, 51, 60, 62, 64, 65, 68, 73, 75, 81, 92, 98, 103, 120, 139, 148, 173, 206.
Хорезм, 48, 60, 68, 147, 151, 153.
Хотан, 42.
Хульм, 102, 201.
Чакыр Ходжа Парса, квартал, 120.
Чахар-джуй (Чарджуй, Чарджоу), 9, 166.
Чичекту, 171—173.
Шафелян, 82.
Шибирган, 8, 12, 77, 98, 122, 123, 167, 171, 172.
Ширабад, 27.
Ширван, 46.
Эльбрус, 134.
Ясриб, 107.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		стр.
	Предисловие	5
1 б	**Вступление**	31
3а	**Введение. История Аланкувы, дочери Чубинэ Юлдуза, которая была любимицей племени куралас.**	37
6б	Сон Качули-бахадура и истолкование (его) Туминэ-ханом	39
8а	История восхождения звезды Чингиз-хана, сына Есукай-бахадура, сына Бартан-бахадура, сына Кабил-хана, сына Туминэ-хана, сына Байсунгур-хана, сына Кайду-хана, сына Туминэ-хана, сына Бука-хана, сына Бузанджир-хана, сына Аланкувы	41
9б	Удивительные происшествия (которые рассказывает) сейид Бахауддин	42
10а	Прибытие посла (хорезмшаха) к Чингиз-хану	43
10б	Убиение (людей) и разграбление каравана Чингиз-хана султаном Мухаммед-хорезмшахом	43
11а	О походе Чингиз-хана в сторону Мавераннахра в отмщение за убитых и покорении его	44
12а	Убийства и грабежи в Термезе, Балхе, Бадахшане и в других городах	46
13а	Завещание Чингиз-хана и его смерть	47
15а	Исчисление высокородных детей и потомков Абу-л-хайр-хана	49
15а	**Глава первая. Появление Шейбани-хана и отторжение (им) Мавераннахра из-под (власти) потомков султана Абу Саид-мирзы**	50
16б	Конец жизни Шейбани-хана	51
17а	Характеристика отмеченного благочестием падишаха, султана людей познания, Абу-л-гази Убайдулла бахадур-хана	52
18а	Краткое изложение военных действий Убайдулла-хана против Бабер-падишаха, поражение Бабера и восшествие на бухарский престол Убайдулла-хана	54
18б	О Джани-бек-султане и его потомстве	54
19а	Переселение Джани-бек-султана из этого мира (в другой) и события, которые произошли после этого	55
21а	Восшествие на престол Шах-Бурхан-хана, сына Абдуррахим-султана, сына Убайдулла-хана, убиение его Мирзой-ака и правление Искандер-хана	58

23а О восшествии на престол Мавераннахра высокодостойнейшего Абдулла-хана, отправлении Абдулму'мин-хана в Балхскую область и покорении ее 61
24а Копия письма Абдулму'мин-хана к султану Мураду, кесарю Рума, после покорения области Мешхеда, сожжения костей шаха Тахмаспа, сына Исмаила, и поголовного избиения всех ложноверующих 63
28а Переселение Абдулла-хана в царство вечности, выступление (из Балха) Абдулму'мин-хана, восшествие его на престол в Бухаре и его убиение после шести месяцев (правления) 69
29б **Глава вторая. О восшествии на престол государей из (дома) Аштарханидов, к которым перешло государство Мавераннахра после Шейбанидов** 72
29б События из жизни Урус-хана 72
31б Правление Баки-Мухаммед-хана в Мавераннахре и отправление (им) своего брата Вели-Мухаммед-хана в Балхскую область 74
32б Изложение того, как услышал Баки-Мухаммед-хан об убиении своего брата Дин-Мухаммед-хана племенем карайи в области Кундуза, выступление его в поход вместе с Вели-Мухаммед-ханом против этого племени и избиение народа (карайи) 76
34б О переселении Баки-Мухаммед-хана из этого тленного мира в царство вечности 78
35а Восшествие на престол Мавераннахра Вели-Мухаммед-хана и отправление им Имам-кули-султана и Надир-Мухаммед-султана в область Купола ислама, Балх 79
36б Рассказ о войне Вели-Мухаммед-хана с Имам-кули-ханом, убиении Вели-Мухаммед-хана и избиении кызылбашей 81
37б Восшествие Имам-кули-хана на престол Турана с помощью благодетельного царя 82
40б Поход Имам-кули-хана против казахов и калмыков и приход его в Ашпару и Кара-Тау 86
42а О прибытии хакима Хазика, посла Джехангир-падишаха, из великой Индии к отцу побед Имам-кули бахадур-хану 88
45б Отъезд Имам-кули-хана (на поклонение) великой Ка'бе и восшествие на престол Мавераннахра сейида Надир-Мухаммед-хана. 93
47а Восшествие на престол Мавераннахра отмеченного добродетелями сейида Абдулазиз бахадур-хана 95
48б Отправление письма Надир-Мухаммед-ханом к Шах-Джехану, государю Индии, с просьбой о помощи. Обман (Надир-Мухаммеда) Шах-Джеханом и покорение им области Балха 97
49б О сейидском достоинстве высокославного Надир-Мухаммед-хана и о подтверждении (родства) его с домом святейшего имам Али Муса Ризы, —да будет им доволен Аллах!. 98
50б Прибытие сейида Абдулазиз-хана с войсками Турана для войны с царевичами Индостана. 100

51б О намерении сейида Надир-Мухаммед-хана отправиться к великой Ка'бе, восшествии на престол Балха сейида Субхан-кули-хана и мученической смерти высокоименитого царевича Касим-Мухаммед-хана. 101
53а О набеге на Мавераннахр ургенчского Абу-л-гази-хана и его возвращении (обратно). 103
58а Восшествие на свыкшийся со счастьем престол государства Мавераннахра высокославного государя сейида Субхан-кули бахадур-хана. . . . 111
61б Отправление высокостепенного царевича Искандер-бахадур-хана, как наследника престола, (правителем) в область Купола ислама, Балх. . . 116
63а О восшествии на престол высокодостойного царевича сейида Абу-л-Мансур-хана в области Балха и убиении его через четыре месяца. . . 119
64б О восшествии на престол правления Куполом ислама, Балхом, высокодостойного царевича Сиддик-Мухаммед-хана. 121
69а О походе высокодостойного государя сейида Субхан-кули бахадур-хана в Балхскую область, о неповиновении Сиддик-Мухаммед-хана, о взятии крепости (Балх) и его самого 127
70а О возвращении хана, местопребывания халифского достоинства, сейида Субхан-кули Мухаммед-хана из области Балха в царственную резиденцию г. Бухару, о взятии (им) с собой царевича мира, сейида Муким-Мухаммед-султана и о приказании (ему) приобрести ученость. 129
73б О войне убежища начальствования и опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка, с Баят-кара туксаба и убиении последнего рукой упомянутого (Махмуд-бий аталыка). 136
76а О посылке Ауренг-зебом, государем Индостана, Зебердест-хана в качестве посла к его величеству, божественной тени (Субхан-кули-хану) и отправлении его величеством войска Мавераннахра в поход на Хорасан. . . 139
76б Копия письма Ауренг-зеб-падишаха (к Субхан-кули бахадур-хану). . . 140
80а О распре эмиров Ургенча с Ануша-ханом, о его ослеплении, о возведении в ханское достоинство его сына Узбек-султана, о набеге его на Мавераннахр, о поражении его, о возвращении (в Ургенч), об отравлении (его) и провозглашении хутбы с славным именем его величества, божественной тени (Субхан-кули-хана) 145
85б О смерти Джавим-бий аталыка, о вторичном прибытии его величества, убежища халифского достоинства в Купол ислама Балх и о назначении правителем этой области опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка 153
86а О прибытии Мустафа чауша, посла султана Ахмеда (второго), кесаря Рума, к божественной тени в область столичного города Бухары. . . 154
86б Копия письма султана Ахмеда, кесаря Рума, на турецком языке.. . . 155
89а Неповиновение Мир-Яр-бека, правителя Джузгуна, овладение им рудниками Бадахшана, поход против него Махмуд-бий аталыка и его наказание 158
90а О неповиновении вышеупомянутому аталыку кураминских эмиров, об их отправлении в Бухару, о возвращении с пути аталыка и об избрании правителем (Балха) Салих-ходжи. 159

19а Бунт Салих-ходжи в области Балха, приход сейида Субхан-кули-хана с войском Турана, осада (им Балха) и возвращение обратно по достижении цели. 160
94а Устранение Салих-ходжи (от власти) и высылка его в Индостан, отправление Махмуд-бий аталыка в Термез и посылка в Бухару Адил-бий минга и Шах-Нияз-бий сарая с просьбой (прислать) царевича жителей мира Мухаммед-Муким-султана. 165
95а О прибытии счастливого царевича в столичный город Балхской области и о событиях, которые произошли после сего. 165
97а О враждебном выступлении Адил-бия и Шах-Нияз-бия против опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка, об объединении с ними курамы и о смерти Шах-бия. 169
97б О вражде народов дурман и кипчак к Адил-бию, о вступлении его в город (Балх), о закрытии городских ворот и о недопуске его, о вступлении его обманным путем (в город), об убиении Шахриар-бий дурмана и Мухаммед-Шафи кипчака, о восстании кипчакского народа и его мятеже 170
101а О переселении из тленного мира в царство вечности его величества, тени Аллаха, убежища правосудия, сейида Субхан-кули бахадур-хана,— да освятится его гробница и да будет он прощен!. 174
107б О получении царевичем людей (Мухаммед-Муким-ханом) горестного известия о переселении его величества, справедливого государя, из обители тления в пределы святости всевышнего господа и оплакивании его августейшим внуком. 185
103б **Глава третья. О счастливом восшествии высокодостойного и величественного падишаха, миродержавного государя, покорителя вселенной, квинтэссенции дома Чингиз-хана, Абу-л-Музаффар сейид Муким бахадур-хана,—да продлит на веки Аллах его царство и власть и да изольет он в обоих мирах на него свою любовь и милость!—на престол ханского достоинства и на трон царствования в области Купола ислама, в Балхе.** 187
113б О посылке убежища сейидского достоинства, сферы благородства, заключительного вывода святых чистых правил, Ходжи Мухаммед-Амина, сына святейшего ишана Ходжи Насруллы, с выражением сочувствия (по поводу смерти Субхан-кули-хана) к Убайдулла-хану (в Бухару). . . . 194
114а Письмо в память сожаления о его величестве, божественной тени (Субхан-кули-хане),—да озарится светом его гробница!. 195
116б Поздравительное письмо со вступлением на престол Убайдулла-хана, составленное автором сего (труда). 198
119б О появлении шайки бухарского сброда, явившейся с целью разбоев в Ханабад, и убиении Абдулла дадхи по божественному произволению. . 202
120б О походе опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка, против племени кунграт ради мести за убиение своего брата, о завоевании в этом походе Кубадиана и об избиении кунгратов 204

122а Послание ахунда Муллы Омара в ответ (на письмо) хорасанских еретиков. 207
131б Поход Бухарского войска под начальством Рахим-бий аталыка юза и Масум-бий диван-беги сарая против Гисарской области, блокада Уткан дадхи, выступление к нему на помощь опоры государства и убежища власти, Махмуд-бий аталыка и поражение бухарцев с помощью царя славы 221
133а О болезни опоры эмиров Махмуд-бий аталыка, о набеге отряда мятежников на районы Ишкамыша и Талекана, о выздоровлении упомянутого (аталыка) и о наказании им злодеев 224
133б О ханака светоносного мазара святейшего льва Аллаха, победоносного владыки правоверных Али, сына Абу Талиба,—да почтит Аллах лицо его!—которую построил в бозе почивающий султан Хусейн-мирза и которая обрушилась при землетрясении, и как приказал восстановить ее его величество, высокодостойный государь, сейид Мухаммед-Муким бахадур-хан, а также о просьбе его о помощи к исполненному милости божьей тому вождю святых (Али).. 225
135б О прибытии опоры эмиров, Махмуд-бий аталыка из области Кундуз к миродержавному государю и о покорении области Гисара с помощью господа-питателя. 229
136б Окончание (настоящей) счастливой книги и молитва о благополучии хакана, неограниченного монарха (Мухаммед-Муким-хана). 231
Примечания 235
Указатели. 287
Собственных имен 289
Географических названий. 295

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	5 сн.	Manuscripts	manuscrits
6	10 сн.	Geschichte Chanate	Geschichte des Chanate
28	2 сн	№ 606	№ 609
60	16 св.	охотничья птица	ловчая птица
84	3 сн.	крышку	крышу
110	11 св.	кречатов	кречетов
110	7 сн.	соединена	соединено
132	13 сн.	зефиру кольца,	зефиру, кольца
153	14 св.		(пропущен индикатор листа рукописи) 85б
240	17 сн.	ur. Manuel de Geneal. et de chronol. pour l'Histoire de l'Islam хани". Hanovre	ur. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam, Hanovre,
241	7 сн.	Абу-л Хайр-аии	Абу-л-Хайр-хани
247	15 сн.	разделения	разделении
252	16 св.	узбекских	узбецких
257	2 св.	Genealogie	genealogie
257	3 сн.	полицмейстер	полицеймейстер
269	6 св.	Эльбрус	Эльбурс
293	3 сн.	Абайдулла Накшабанд-и	Убайдулла Накшбанд-и
297	2 сн.	Эльбрус	Эльбурс

Заказ 28